

**СБОРНИК СТАТЕЙ ПЕРВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ЗИМНЯЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СНО: ТRENДЫ И ВЫЗОВЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ДИПЛОМАТИИ**

3-4 декабря 2021 г.

Издательство Скифия-принт, Санкт-Петербург, 2022

ББК 66.49
УДК 327
3-62

Организаторы: Студенческое научное общество Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Редакционная коллегия: Попов Д.И., Смирнов Е.В., Габриелян М.О., Альмуков Т.М., Зенков М.А., Матяшова Д.О., Барабанова Е.М. (Санкт-Петербургский государственный университет)

Рецензенты: Цветкова Н.А., Барышников Д.Н., Власов Н.А., Федоров Н.В. (Санкт-Петербургский государственный университет)

3-62 Зимняя конференция СНО: тренды и вызовы современной дипломатии: сборник статей Первой международной студенческой научной конференции 3–4 декабря 2021 г. / Д.И. Попов и др. [ред.]. — СПб.: Издательство Скифия-принт, 2022. — 292 с.

ISBN 978-5-00197-036-1

Настоящий сборник включает статьи, подготовленные участниками Первой международной студенческой научной конференции «Зимняя конференция СНО: тренды и вызовы современной дипломатии», прошедшей 3-4 декабря 2021 года на Факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Публикуемые исследования студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов из университетов Санкт-Петербурга и других городов России и мира основаны на докладах, представленных в рамках секций и круглых столов конференции, и посвящены широкому спектру вопросов, связанных с актуальными проблемами современной дипломатии, её региональным измерениям и отдельным аспектам.

ISBN 978-5-00197-036-1

© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

СЕКЦИЯ «ДИПЛОМАТИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Лындов-Фомин А.М.

Смертоносные автономные системы как вызов современной дипломатии 9

Узюмова А.В.

Проблемы и перспективы дипломатического урегулирования йеменского конфликта 17

Хлюбко Д.А.

Роль концепции «мягкой силы» Республики Корея в урегулировании корейского вопроса 24

Yakovleva E.S.

Black Sea region as part of the Euro-Atlantic security architecture 31

СЕКЦИЯ «ДИПЛОМАТИЯ: ОТ СТАРЫХ ПРАКТИК К НОВЫМ РЕШЕНИЯМ»

Ненашева А.Е.

Опыт А.М. Коллонтай: применимость в современной дипломатической практике 39

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОЛИАКТОРНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ»

Авдеева В.С.

Глобализация и региональная интеграция: генеральные тенденции и российский опыт 49

Ievleva O.V.

Science diplomacy: discourse analysis 58

Кузьмин И.А.

Публичная дипломатия как компонент баварской парадипломатии 67

СЕКЦИЯ «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЭПОХУ ТОРГОВЫХ ВОЙН»

Давронова С.Б.

Трансформация экономической дипломатии ЕС в условиях системного кризиса ВТО, американско-китайской торговой войны и пандемии COVID-19 77

Сокрюкин А.В.

Роль Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в контексте проблемы международного лидерства 87

СЕКЦИЯ «ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИНДО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ»

Ерофеева М.А.

Место и роль QUAD во внешней политике Индии 95

Мисан Е.М.

Двусторонняя экологическая дипломатия Российской Федерации и Японии 103

Приходько Д.В.

Сравнительные подходы дипломатии Китая и Индии в отношении Афганистана на современном этапе 111

Шохина Ю.О.

Мегапроект «Один пояс — один путь» — неотъемлемая часть современной дипломатии Китая 120

СЕКЦИЯ «ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОГО ПОЛУШАРИЯ»

Альмуков Т.М.

Social-power diplomacy: новый подход во внешней политике Боливарианской Республики Венесуэла 129

Богданов К.В.

Роль идеологии в дипломатии А.М. Лопеса Обрадора 137

Бородкин Е.Е.

Культурная дипломатия Королевства Нидерландов на примере ее применения в Соединенных Штатах Америки 147

<i>Габриелян М.О.</i> Влияние религиозной трансформации на эволюцию бразильской дипломатии (на примере администрации Ж. Болсонару)	155
<i>Гулакова А.А.</i> Роль веры Джо Байдена в дипломатии США	164
<i>Давыденко Р.Е.</i> «Стратегия вовлечения» или тактика «навязанного консенсуса» во внешней политике США в XXI в. на примере стран постсоветского пространства и Восточной Европы	174
<i>Демкин И.Л.</i> Эволюция дипломатических отношений США и Ливии в начале XXI в.	184
<i>Заикина В.М.</i> Современная политика США в отношении ООН и ее влияние на международные отношения.	191

СЕКЦИЯ «ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ»

<i>Агафонов Д.И.</i> «Стрессоустойчивость»: проблемы и становление во внешнеполитическом дискурсе Евросоюза	200
<i>Барбанова Е.М.</i> Права человека в международной политике: опыт дипломатии Европейского Союза	210
<i>Зотова А.А.</i> Культурная дипломатия Европейского Союза: амбивалентный феномен.	221
<i>Кинаш Е.И.</i> Green digital diplomacy: новый подход в экологической дипломатии ЕС	230
<i>Попов Д.И.</i> Сотрудничество Нижнесилезского воеводства Республики Польша и Ленинградской области: современное состояние и пути развития	238

<i>Сахимов С.С.</i>	
Внешнее измерение «Европейского Зеленого курса» как фактор трансформации энергетической и климатической дипломатии Европейского Союза	248
<i>Харин А.О.</i>	
«Вакцинная дипломатия» Германии в период пандемии COVID-19	257

КРУГЛЫЙ СТОЛ «PUBLIC DIPLOMACY: THE EFFECTIVENESS OF MODELS AND STRATEGIES»

<i>Bokserov N.I.</i>	
Sport Diplomacy as Public Diplomacy Element	266
<i>Smirnov E. V.</i>	
Public diplomacy in the Bosnian conflict: information, bargaining, and negotiations	275
<i>Schegolev E.A.</i>	
Public diplomacy or interference in the internal affairs of another state?	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник открывает блок статей, в которых рассматриваются наиболее значимые тенденции развития дипломатической деятельности по различным направлениям. В контексте взаимосвязанности дипломатии и проблем безопасности представлены работы, посвящённые разрешению современных конфликтов, таких как война в Йемене и урегулирование на Корейском полуострове, роли отдельных регионов и вооружений в архитектуре мировой безопасности. Вопросы, связанные с исторической памятью в сфере дипломатии, отражены в исследовании опыта известного советского дипломата А. М. Коллонтай, возможности его применения в современной практике. Непростой аспект, касающийся роста числа участников дипломатических процессов, иллюстрируется на примерах научной дипломатии, парадипломатии (случай публичной дипломатии Свободного государства Бавария в ФРГ) и интеграционных процессов (случай постсоветского пространства).

Итоги работы секции, посвящённой экономической дипломатии, становящейся всё более актуальной в эпоху торговых войн, нашли своё отражение в статьях о трансформации экономической дипломатии ЕС и современной роли Азиатского банка реконструкции и развития, тем самым в данном направлении были представлены примеры двух ключевых регионов мира. Наконец, результаты дискуссий в рамках англоязычного круглого стола о публичной дипломатии были оформлены в исследованиях феномена спортивной дипломатии, особенной роли публичной дипломатии в разрешении конфликта в Боснии в 1990-е гг., а также вопроса о соотношении публичной дипломатии и принципа невмешательства во внутренние дела другого государства.

Второй блок вошедших в сборник статей основан на докладах трёх региональных секций, посвящённых современным трендам дипломатии в Индо-Тихоокеанском регионе, Западном полушарии и Европе. В половине статей, относящихся к ключевым тенденциям азиатской дипломатии, рассматриваются направления дипломатии КНР, в отношении афганской проблемы и проекта «Один пояс – один путь», что подчёркивает значимую роль Пекина в дипломатических процессах региона. Однако, помимо этого, участники конференции обращались к примерам российско-японских дипломатических контактов в сфере экологии и роли QUAD в индийской внешней политике.

Наибольшую часть статей регионального блока, тем не менее, составили исследования о дипломатии стран Западного полушария, авторы которых

обращались к самым разным вопросам: актуальным аспектам дипломатии Венесуэлы и Мексики, месте Восточной Европы и постсоветского пространства, а также ООН и ливийской проблематики в современной внешнеполитической доктрине США, о месте самих США – в культурной дипломатии Нидерландов. Кроме того, среди значимых вопросов дипломатии государств Северной и Южной Америки участники конференции выделили религиозный аспект, проиллюстрировав его на примере роли веры президента Дж. Байдена в дипломатии Соединённых Штатов и влиянии религиозной трансформации на эволюцию бразильской дипломатии при президентстве Ж. Болсонару.

Наконец, не менее разнообразными и интересными оказались работы о дипломатии Старого Света. Среди них наибольшее внимание уделяется Европейскому Союзу как ключевому негосударственному наднациональному участнику дипломатических процессов региона. Дипломатия ЕС подробно разбирается на примере культурной дипломатии и концепции «стрессоустойчивости», экологических вопросов, которым посвящаются сразу две статьи, о цифровой «зелёной» дипломатии и внешнем измерении «Европейского зелёного курса», а также на использовании в дипломатической деятельности правозащитной проблематики, очень важной для образа современного Евросоюза как «нормативной супердержавы». С другой стороны, европейское направление блока представлено дипломатией как отдельных государств (на примере вакцинной дипломатии ФРГ), так и регионов (на примере сотрудничества Ленинградской области России и Нижнесилезского воеводства Польши).

СЕКЦИЯ «ДИПЛОМАТИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Лындов-Фомин Артем Михайлович

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, факультет международных отношений, бакалавриат

СМЕРТОНОСНЫЕ АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

LETHAL AUTONOMOUS WEAPONS SYSTEMS AS A CHALLENGE TO MODERN DIPLOMACY

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему регулирования смертоносных автономных систем вооружений (САС). Принимается во внимание отсутствие общепринятого определения САС. Автор разделяет угрозы САС на угрозы, вытекающие из технических особенностей САС, и угрозы военно-политического характера. Подчеркивается, что необходимость регулирования САС является вызовом для современной дипломатии ввиду гипотетического характера разработки данного вида вооружений, что требует от дипломатии перехода к принципу работы «на упреждение». Автор отмечает, что на данном этапе нет необходимости в создании новых органов для обсуждения вопросов, связанных с САС. Делается вывод о возможности трансформации гипотетической угрозы САС в реальную.

Ключевые слова: смертоносные автономные системы вооружений, искусственный интеллект, значимый человеческий контроль, контроль над вооружениями, дипломатия, безопасность, международное право.

Abstract. In this article, the author examines the problem of regulating lethal autonomous weapons systems (LAWS). The lack of a commonly accepted definition of LAWS is considered. The author divides LAWS threats into threats arising from technical features of LAWS, and threats of military and political nature. It is emphasized that the demand for LAWS regulation is a challenge to modern diplomacy due to the hypothetical nature of this type of weapons, which requires

diplomacy to shift to the principle of working “proactively”. The author notes that there is no need to create new bodies to discuss issues related to LAWS now. It is concluded that the hypothetical threat of LAWS can transform into a real threat.

Keywords: lethal autonomous weapons systems, artificial intelligence, meaningful human control, arms control, diplomacy, security, international law.

На сегодняшний день проблема ограничения и сокращения вооружений в международных отношениях не исчерпывается стратегическим ядерным оружием и другими видами ОМП. Ускорение научно-технического прогресса, внедрение новых технологий, а также использование искусственного интеллекта (ИИ) не могло обойти стороной военную сферу. Применение подобных достижений науки и техники в военной индустрии позволяет придавать традиционным вооружениям уникальные характеристики, что предоставляет новые возможности их использования. В особенности это касается развития технологий искусственного интеллекта. С движением науки вперед создание систем с использованием ИИ вызывает все больше опасений со стороны международного сообщества, что требует более детального рассмотрения проблемы с целью определить подходы к ней, а также возможные способы парирования вытекающих угроз.

Создание боевых роботов давно перестало быть уделом научных фантастов, сейчас передовые военные державы активно занимаются разработкой и принятием на вооружение новых видов оружия. Использование искусственного интеллекта предоставляет широкие возможности для создания автономных систем вооружения, и военные во многих странах делают ставку на подобные системы для достижения преимуществ в будущих военных конфликтах. Между тем гипотетическое использование данных систем ставит под угрозу всю существующую архитектуру международной безопасности, а дипломатия нуждается в выработке нового подхода к решению данной проблемы.

В своих исследованиях проблему регулирования САС поднимали А.Ю. Скуратова, Е.Е. Королькова, В.Б. Козюлин. Указывались основные подходы, существующие в этой области, а также сложности, препятствующие переговорному процессу относительно ограничения использования смертоносных автономных систем вооружений (САС). Тем не менее вопрос остается дискуссионным. Целью данной работы является определение возможностей современной дипломатии в рамках парирования угрозы разработки и применения САС.

Проблема определения

С 2014 г. в рамках выполнения Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут

считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбежное действие (далее — Конвенция по «негуманному» оружию) обсуждается перспектива регулирования использования смертоносных автономных систем. Термин «*lethal autonomous weapons systems*» (LAWS), или «смертоносные автономные системы вооружений» (САС), наиболее часто используется экспертами ООН при переговорах. Поэтому именно он и будет использоваться далее.

Искусственный интеллект, как уже было сказано выше, позволяет разрабатывать оружие со значительно улучшенными характеристиками. Уже сейчас различные алгоритмы позволяют автоматизировать многие процессы, например, корректировку траектории полета ракет. Все это происходит при минимальном вмешательстве оператора. Однако человек все равно находится в контуре управления системы (*man in the loop*) и при необходимости вносит корректировки в ее работу. Таким образом, подобные системы можно назвать автоматическими или полуавтономными, но не автономными.

Система становится автономной, когда человек извлекается из контура управления (*man out of the loop*). Разработчики мотивируют желание обособить системы от вмешательства человека повышением эффективности ее функционирования. Главная причина — ограниченные возможности оператора, которые серьезно зависят от качества и протяженности каналов связи с системой. «Смертоносной» (*lethal*) систему делает наличие летального оружия, которым она управляет.

Тем не менее проблема определения автономных систем не так проста, как может показаться на первый взгляд. Более того, позиции государств по данному вопросу расходятся, о чем А.Ю. Скуратова и Е.Е. Королькова подробно писали в статье «Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования» [1, с. 24–25]. Поэтому на текущем этапе можно выделить две основных характеристики САС — полная автономность работы, подразумевающая исключение человека (оператора) из контура управления, и наличие летального оружия, которым управляет система.

Угрозы

На настоящий момент в экспертной среде принято считать, что САС до сих пор не существуют [2]. Тем не менее можно выделить целый ряд угроз, который появится в случае создания и использования таких систем. В статье «Три группы угроз смертоносных автономных систем» В.Б. Козюлин предлагает разделить угрозы по следующим группам:

- 1) угрозы, связанные с исключением человека из цикла принятия решений на применение оружия;

- 2) угрозы, связанные с риском нарушения стратегической стабильности;
- 3) угрозы, связанные с радикальным сокращением времени на принятие стратегических решений [3].

Однако угрозы, в зависимости от характера их происхождения, также можно разделить на угрозы, вытекающие из технических особенностей САС, и угрозы военно-политического характера.

К угрозам технического характера в первую очередь необходимо отнести проблему соблюдения САС норм гуманитарного права, обычаев и законов ведения войны. Поскольку дискуссии о САС ведутся как о перспективном оружии, то на данном этапе нельзя понять, возможно ли технически научить систему различать гражданских лиц, комбатантов, сдающихся в плен, или же личный состав собственных войск; возможно ли перевести на язык программирования систем законы ведения войны, права человека и человеческого достоинства. Из этого вытекает проблема роли оператора и ответственности за действия САС (так называемая проблема значимого человеческого контроля). Поскольку сама суть САС подразумевает неучастие человека в принятии решения о применении оружия, возникает вопрос, кто должен нести ответственность за возможные нарушения гуманитарного права: оператор, запустивший систему; командир, отдавший приказ о применении системы; разработчики системы или военно-политическое руководство страны, допустившей создание и применение САС. В эту же группу следует отнести проблему нехватки времени на принятие взвешенного решения ввиду гораздо более высокой, чем у человеческого мозга, скорости работы системы. Здесь также необходимо указать, что система такого рода принимает решение на основе математических алгоритмов, а не человеческой логики, и это не всегда отвечает интересам человека.

Вторая группа угроз охватывает широкий круг проблем, связанных с международной безопасностью и стабильностью. САС ставит под прямой удар стратегическую стабильность. Если рассмотреть один из ее компонентов — стабильность гонки вооружений, — то использование технологий ИИ для автономизации работы систем вооружений безусловно ведет к наращиванию преимуществ одной из сторон. При условии, что одно из государств разработает и примет на вооружение САС, это неизбежно приведет к новому витку гонки вооружений, поскольку остальные страны окажутся в уязвимом положении и будут стремиться достичь паритета и даже получить преимущество. О проявлениях этой угрозы можно говорить уже сегодня. США ежегодно тратят 7,4 млрд долларов на незасекреченные разработки в области ИИ и смежных сферах, Китай же поставил цель инвестировать 150 млрд долларов в подобные исследования до 2030 г. Россия же, по раз-

личным оценкам, выделяет на это около 12,5 млн долларов в год, однако, согласно заявлениям президента Владимира Путина, Россия делает ставку на ИИ в качестве инструмента геополитического соперничества [4].

Также разработка и применение САС одним государством может снизить порог применения оружия массового поражения — в первую очередь ядерного — государствами, которые не обладают САС, но не желают терять преимущества в гипотетической войне [5]. При этом следует подчеркнуть, что те преимущества, которые может дать САС при ведении боевых действий, толкают государства, не обладающие ЯО, вести разработки в данной сфере. Это означает возможность наращивания как потенциала сдерживания, так и ударного потенциала. В связи с этим САС действительно можно поставить в один ряд с такими эпохальными изобретениями, как порох или ядерное оружие. Поэтому проблема разработки и применения САС серьезно влияет на всю систему стратегической стабильности.

Вызов современной дипломатии

Ряд столь серьезных угроз заставляет международное сообщество искать способы их парировать. Первоочередную роль в этом процессе должна занять дипломатия. Но сначала необходимо сказать о существующих инструментах, которые могут быть использованы в отношении САС. Отсутствие конкретной международной конвенции по САС не освобождает государства от соблюдения действующих норм и принципов международного права. В ситуации с САС могут применяться:

- оговорка Мартенса — принцип, согласно которому гуманность, человечность и здравый смысл должны играть главную роль при ведении войны, если то или иное положение прямо не предусмотрено статьями действующего права;
- «принципы гуманности», вытекающие из Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.;
- статья 36 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. о новых видах оружия, согласно которой сторона, ведущая разработку какого-либо нового вида оружия, должна определить, не нарушает ли она положения Протокола или других норм международного права.

Основываясь на принципах, изложенных в указанных выше документах, многие эксперты отмечают необходимость запрещения САС. Одна из основных причин кроется в отсутствии у машины чувств и эмоций, что не позволяет ей оценивать гуманность своих действий. Неспособность к избирательному и соразмерному применению оружия также показывает необ-

ходимость запрещения САС. Однако данный путь является далеко не единственным.

Регулирование САС является серьезным вызовом для дипломатии. Причина заключается не только в количестве и качестве угроз, которые несут данные системы, но еще и в том, что САС не являются данностью современной войны. Фактически это означает, что перед мировым сообществом стоит задача разработать режим регулирования того, чего еще не существует, то есть парировать гипотетическую угрозу, «сыграть на опережение». Здесь можно привести классическое сравнение с ядерным оружием. Дипломатия XX в. начала активную работу по созданию режима ядерного нераспространения уже после того, как ЯО было создано, испытано и применено в реальной войне. Традиционная дипломатия в области контроля над вооружениями (Arms Control Diplomacy) носит «догоняющий» характер, то есть она реагирует на уже создавшуюся угрозу. Это не позволяет в полной мере бороться с современными угрозами международной безопасности, поскольку научный прогресс с каждым годом ускоряется, и становится все сложнее представить, какие виды оружия этот прогресс может породить. Поэтому главной задачей для дипломатии в области контроля над вооружениями можно назвать переход к принципу работы «на упреждение».

Что касается САС, то мировому сообществу предстоит огромная работа. В первую очередь необходимо выработать единый подход к установлению контроля над САС; сейчас существует два основных: первичность узаконенного принципа значимого человеческого контроля и первичность установления терминов и определений.

В зависимости от выбранного подхода международное сообщество сможет разработать документы, налагающие на государства разную степень ответственности за разработку и использование САС. Среди них можно выделить политическую декларацию, руководящие принципы, политически обязывающее соглашение.

Наиболее вероятным вариантом для регулирования САС представляется разработка нового рамочного соглашения, в котором были бы изложены основные принципы, касающиеся САС. Также вероятным вариантом развития событий можно назвать дополнение существующих конвенций, например, дополнительным протоколом ограничительного характера к Конвенции 1980 г.

Институциональная база

На данном этапе нет необходимости в создании новых международных организаций или органов для выработки решений относительно САС, поскольку существующая институциональная база позволяет проводить переговоры по данному вопросу. В первую очередь здесь необходимо иметь

в виду ООН в лице Первого комитета Генеральной Ассамблеи, в котором обсуждаются вопросы разоружения и международной безопасности. Действует Группа правительственных экспертов по САС, которая в 2019 г. приняла 11 руководящих принципов в отношении САС.

Важно отметить, что конференции в рамках реализации Конвенции 1980 г. предоставляют достаточно возможностей для конструктивной работы, учитывая, что на данный момент САС относят к оружию, имеющему неизбирательное действие.

Трансформация угрозы

Как уже неоднократно было сказано выше, САС — гипотетическая угроза, однако существует возможность ее превращения в угрозу реальную. Уже на данный момент есть свидетельства, что человечество стоит на пороге новой вехи военной истории.

Согласно отчету экспертной группы СБ ООН по Ливии, в марте 2020 г. при столкновении правительственных сил Ливии с группировкой Халифа Хафтара дрон Kargu-2 турецкого производства уничтожил живую цель в полностью автономном режиме [6].

В мае 2021 г. прозвучало заявление министра обороны России Сергея Шойгу о начале серийного производства боевых роботов, которые «в состоянии самостоятельно воевать» [7].

Российская компания Lobaev (ее подразделение Lobaev Robotics) ведет разработки стационарных турелей, которые будут способны обнаруживать и сопровождать цель, высчитывая алгоритм для ведения прицельного огня. Система будет ожидать лишь решения оператора. В 2015 г. было запущено производство тактических роботов Minirex RS1A3 [8]. Также корпорация планирует серийный выпуск роботов-снайперов и контрснайперов. И Lobaev — не единственный разработчик боевых роботов в России. Множество компаний и предприятий по всему миру в данный момент занимаются разработкой перспективных видов оружия.

Также стоит учитывать, что государства могут не раскрывать информацию о своих разработках, поэтому можно предположить, что одно или несколько государств уже обладают такими системами.

Таким образом, сегодня дипломатия сталкивается с необходимостью парировать такую угрозу, как САС. Для успешного выполнения этой задачи она должна серьезно переработать свой подход в соответствии с характером новых вызовов и угроз. Однако в случае с САС мировое сообщество не должно испытывать иллюзий, поскольку такой перспективный вид вооружений обладает рядом преимуществ, от которых передовые военные державы не откажутся.

Библиография

1. *Скуратова А.Ю., Королькова Е.Е.* Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 22–30.
2. *Козюлин В.Б.* Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы современного международно-правового регулирования и перспективы их решения // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2152> — 21.02.22.
3. *Козюлин В.Б.* Три группы угроз смертоносных автономных систем // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/> — 21.02.22.
4. *Polyakova A.* Weapons of the weak: Russia and AI-driven asymmetric warfare, Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/research/weapons-of-the-weak-russia-and-ai-driven-asymmetric-warfare/#footnote-5/> — 21.02.22.
5. *Козюлин В.Б.* Три группы угроз смертоносных автономных систем // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-gruppy-ugroz-smertonosnykh-avtonomnykh-sistem/> — 21.02.22.
6. Drones may have attacked humans fully autonomously for the first time, NewScientist. URL: <https://www.newscientist.com/article/2278852-drones-may-have-attacked-humans-fully-autonomously-for-the-first-time/> — 21.02.22.
7. Шойгу сообщил о начале серийного производства боевых роботов, Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/05/21/shojgu-soobshchil-о-nachale-serijnogo-proizvodstva-boevyh-robotov.html> — 21.02.22.
8. Братья, деньги, два ствола: выгодно ли производить винтовки в России, РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2016/05/570fa16e9a794781cb616f9e> — 21.02.22.

Узюмова Александра Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, магистратура

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЙЕМЕНСКОГО КОНФЛИКТА

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF YEMEN'S CONFLICT DIPLOMATIC SETTLEMENT

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные инициативы по прекращению гражданской войны в Йеменской республике. Автором анализируются позиции по данной проблематике ключевых акторов международной системы, таких как США, РФ, КНР. По итогам исследования выдвигается гипотеза о формате дальнейших переговоров по урегулированию йеменского конфликта. В работе анализируются действия Организации Объединенных Наций и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как ключевых посредников в процессе урегулирования конфликта в Йеменской республике. Настоящее исследование опирается на работы научных специалистов, материалы СМИ, а также на документы Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: Йемен, гражданская война, конфликт, мирное урегулирование, ООН.

Abstract. This article studies the main incentives of Yemen Republic conflict settlement. The author analyzes the positions on this issue of the key actors in the international system, such as the USA, Russia, China. As results the author creates a hypothesis on a further negotiations processes. During the analysis the main features of factors that make the conflict settlement more difficult. Among them the author observes the history, religion, ethnic, economy and geographic location of Yemen Republic. The article analyses the actions on the United Nation Organization and the Gulf Council, as a main responsible on peaceful settlement of conflict in Yemen Republic. This study is based on papers of scholars, media reports and the UN documents.

Keywords: Yemen, civil war, conflict, conflict settlement, peacemaking, peace-enforcement, the United Nations.

В 2011 г. в Йеменской Республике начались антиправительственные выступления, которые к 2014 г. переросли в гражданскую войну. В настоящий момент гражданская война в Йемене представляет собой серьезный международный конфликт, который по-прежнему подлежит урегулированию.

Для того чтобы проанализировать предпринятые шаги в разрешении рассматриваемого конфликта и спрогнозировать вектор его дальнейшего развития, следует определить ключевые особенности исследуемого противостояния. В первую очередь следует упомянуть, что гражданская война в Йеменской Республике началась из-за событий «арабской весны». Тем не менее, согласно мнению эксперта международного дискуссионного клуба «Валдай» О. Озерова, изучаемый конфликт отличается от других кризисов, возникших в ходе «арабской весны». В частности, отмечается, что Сирия, Ливия, Тунис были стабильными государствами, в то время как Йемен с момента своего объединения в 1990 г. прошел через целую серию конфликтов и внутривнутриполитических кризисов, не раз перераставших в вооруженную фазу [1]. Необходимо также обратить внимание на тот факт, что Йемен является одним из беднейших государств в мире, что обусловлено рядом факторов, среди которых и географическое положение.

Следует особо упомянуть о комплексности внутренних проблем Йемена. Среди факторов, затрудняющих решение сложившегося конфликта, можно выделить историю возникновения Йеменской Республики, религиозный и этнический состав населения, экономическое состояние государства, а также географическое положение. Обозначенные факторы в значительной степени влияют на методы и стратегии, используемые при проведении переговоров.

Среди особенностей конфликта можно также выделить социальное устройство рассматриваемого государства. Так, А.А. Кузнецов в научной статье «Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене» отмечает, что отличительной чертой йеменского социума является его племенной характер [2, с. 18]. На территории современного Йемена на текущий момент проживает более 160 племен, что оказывает существенное влияние на развитие конфликта.

Сложность рассматриваемого конфликта проистекает как из внутривнутриполитических особенностей государства, так и из вопросов борьбы других государств за влияние в регионе. В частности, ряд экспертов рассматривает гражданскую войну в Йемене как площадку для противостояния Ирана и Саудовской Аравии, которые поддерживают разные стороны в данном конфликте [3]. Заявленный тезис позволяет предположить, что войну в Йеменской республике целесообразно изучать с точки зрения неореализма. Данная парадигма теории международных отношений позволит исследовать обозначенный конфликт как отражение противостояния двух крупных государств за влияние в регионе. В подтверждение предложенной гипотезы следует указать, что наращивание Ираном влияния в Йемене может угрожать свободному доступу Саудовской Аравии к Аравийскому морю и Индийскому океану [4, с. 101], что также скажется на геополитическом балансе сил.

Заявленный тезис кажется спорным на основании мнения эксперта международного дискуссионного клуба «Валдай» С. Сереброва о том, что роль Ирана в Йеменском конфликте достаточно преувеличена, поскольку прямых связей между хуситами и Ираном никогда не было, а в части военной поддержки, финансирования — таких фактов не установлено [5]. В то же время эксперт международного дискуссионного клуба «Валдай» отмечает в рамках статьи «О путях разрешения йеменского кризиса», что одной из важных особенностей конфликта в Йеменской Республике стало то, что Саудовская Аравия и ОАЭ, составляющие основу антихуситской коалиции, с одной стороны, жестко бомбят хуситов и их сторонников, организуют против них наземные военные компании, а с другой — оказывают масштабную гуманитарную помощь населению, которая составила в целом около 8 млрд долларов на 2018 г. [1]. Это заявление, впрочем, не опровергает заявленный тезис о пригодности Йеменского конфликта для борьбы двух крупных государств за влияние в регионе, однако подчеркивает то, что Саудовская Аравия заинтересована в стабилизации ситуации в Йемене.

В данном контексте следует отметить, что Саудовская Аравия является одной из сторон, непосредственно задействованных как в развитии конфликта, так и в дипломатических попытках его прекращения. В частности, необходимо обозначить, что основная ответственность за урегулирование конфликта была возложена на Саудовскую Аравию и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, хотя переговоры по урегулированию конфликта проходят под эгидой Организации Объединенных Наций. В частности, в 2016 г., согласно сообщению специального посланника Генерального секретаря ООН, по итогам консультаций с йеменским правительством, делегацией хуситов и сторонниками Али Абдаллы Салеха была достигнута договоренность о прекращении огня [3]. Необходимо также отметить, что за весь период развития вооруженного конфликта Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюцией 2140 (2014), принял 9 резолюций. Также Советом Безопасности ООН была единогласно принята резолюция по учреждению специальной политической миссии ООН в йеменской Ходейде [6]. Несмотря на активное посредничество данной международной организации, направленное на прекращение гражданской войны в Йемене, значительных успехов достигнуто не было. Об этом может свидетельствовать заявление помощника Генерального секретаря по политическим вопросам и миростроительству Халеда Хаири, сделанное в августе 2021 г. [7].

Тем не менее нельзя говорить о том, что посредничество ООН при решении рассматриваемого конфликта не дало никаких результатов и на протяжении всего периода переговоров не было прогресса. В частности, в ходе переговоров с 17 по 25 сентября 2020 г. сторонам удалось договориться об

обмене пленными, что позволило Генеральному секретарю ООН Антониу Гутерришу и его специальному посланнику по Йемену Мартину Гриффитсу обозначить эти договоренности в качестве важнейшего шага на пути к миру [8].

Такой переменный успех ООН может быть объяснен тем фактом, что основные попытки военного и дипломатического урегулирования конфликта предпринимались по линии Саудовской Аравии и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В то же время Л. Исаев в работе «Бесконечная война, или снова о Йемене» отмечает, что посредничество Саудовской Аравии оказало дестабилизирующее воздействие на ситуацию в Йеменской Республике в связи с тем, что данное государство, равно как и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, не обладает достаточным опытом в решении крупных международных конфликтов [9]. Отмечается также низкая степень вовлеченности крупных международных игроков, таких как Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, в решение данного конфликта. В свою очередь, в прекращении гражданской войны в Йеменской Республике заинтересована Китайская Народная Республика. Т.Л. Дейч в научной статье «Кризисные ситуации в арабском мире и позиция Китая» отмечает, что такой интерес обусловлен экономически. Китай получает половину нефтяного импорта из стран Персидского залива, а рост значения региона обусловлен его местом в китайской инициативе «Один пояс — один путь» [10, с. 4]. В свою очередь, А.С. Эль-Джабери считает, что Инициатива Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива могла бы быть успешной, если бы ей предшествовали экономические и инвестиционные стимулы для оживления экономики страны [11, с. 78–80].

Исследователи проблемы подчеркивают, что решение конфликта за счет военного вмешательства видится невозможным. В частности, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, эксперт РСМД С. Сербов в статье «Как закончить войну в Йемене в 2020 г.?» говорит о необходимости разработки принципиально новой формулы урегулирования конфликта в Йеменской Республике. Потенциальная формула решения конфликта должна предлагать решение существующих национальных проблем, а также подразумевать непосредственное участие йеменцев, принимая во внимание их волю [12].

Следует отметить также и то, что привлечение нейтрального медиатора могло бы стать первым шагом в решении данного конфликта. Также выработка принципиально новой стратегии переговоров и привлечение нейтральных сторон требуется уже на настоящий момент, в связи с тем, что

конфликт находится в состоянии эскалации. Так, по сообщению Организации Объединенных Наций, за первые два месяца 2022 г. уровень среднесуточных человеческих жертв достиг наивысшего показателя за последние три года [13]. Такие данные связаны во многом с тем, что воюющие стороны игнорируют свои обязательства по международному гуманитарному праву, а именно при нанесении десятков авиационных и артиллерийских ударов не были приняты меры по обеспечению безопасности мирных жителей [14]. По данным Управления ООН по правам человека, за начало года коалиция, возглавляемая Саудовской Аравией, нанесла не менее 839 авиаударов по сравнению с 1 074 за весь декабрь 2021 г. В свою очередь, силы «Ансар Аллаха» нанесли в декабре около 10 ударов беспилотниками по территории Саудовской Аравии, сообщает Организация Объединенных Наций в аналитическом материале «В ООН обеспокоены эскалацией насилия в Йемене» [14].

Из приведенных выше данных следует, что гражданская война в Йемене представляет собой угрозу стабильности в регионе, а также плодотворную почву для возникновения ячеек террористических группировок. Международный терроризм является глобальной проблемой, и возвращение мира в Йемен станет одним из этапов ее решения. Тем не менее, несмотря на то что на данный момент прекращение военных действий является первоочередной задачей, рядом экспертов отмечается также и то, что послевоенное восстановление Йеменской Республики потребует немалых денежных вливаний со стороны иностранных государств, прежде чем ситуация действительно стабилизируется.

В свою очередь, экспертами обращается внимание и на то, что современный йеменский конфликт далек от завершения. В частности, Григорий Лукьянов, научный сотрудник Института востоковедения РАН, полагает, что на настоящем этапе конфликт пребывает в процессе постоянной динамичной трансформации [15]. Ученый также полагает, что Международная коалиция продолжает преследовать исключительно саудовские национальные интересы, а Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива показал границы своих возможностей, несмотря на то что это по-прежнему самый успешный интеграционный опыт на Ближнем Востоке и Севере Африки [15].

В данном контексте следует особо подчеркнуть, что эскалация конфликта в Йемене лишь усугубляет гуманитарную катастрофу, в состоянии которой находится рассматриваемое государство. Согласно статистическим данным, более половины населения страны находится на грани голодания, а именно 16,2 миллиона человек. В свою очередь, с риском острого недоедания сталкивается половина детей в возрасте до пяти лет, а именно 2,3 миллиона человек. Несмотря на то что международные организации, такие как, в част-

ности, Организация Объединенных Наций, которые в рамках Всемирной продовольственной программы оказывают поддержку населению Йемена, ситуация остается критической. Тем не менее в конце декабря 2021 г. было опубликовано заявление Всемирной продовольственной программы ООН о сокращении объемов продовольственных пайков для восьми миллионов жителей Йемена, в связи с окончанием средств на обеспечение данной страны [16]. Данный аспект также мог стать одним из факторов, повлиявших на эскалацию конфликта в начале 2022 г.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что конфликт в Йеменской Республике базируется на различных внутривнутриполитических и внешнеполитических факторах. Иными словами, данный конфликт имеет сложную структуру, с множеством задействованных сторон, основными из которых являются правительство Хади, повстанцы-хуситы и коалиция, возглавляемая Саудовской Аравией. На настоящий момент конфликт далек от завершения и нуждается в иной дипломатической стратегии. В частности, переговорный процесс может получить благотворный стимул к развитию в случае привлечения к медиации крупных игроков международной арены, обладающих опытом разрешения конфликтов, или же нейтральных посредников. В качестве таких посредников могли бы выступить нейтральные государства, малые государства, не вовлеченные в данный конфликт, международные организации. Предыдущие этапы переговоров также выявили необходимость выработки нового плана дипломатического урегулирования, который будет включать в себя в том числе и приблизительные прогнозы послевоенного восстановления страны. Также для окончания затяжного кризиса и последующего обеспечения плодотворного переговорного процесса необходимо позаботиться о решении существующей гуманитарной катастрофы в стране, поскольку данная проблема является одной из тех, что наиболее отчетливо выражены в Йемене.

Подводя итоги, следует отметить, что разрешение йеменского конфликта возможно лишь при учете интересов сторон, разработке новой переговорной стратегии, решении существующей гуманитарной катастрофы, а также подготовке плана по последующему экономическому, в частности, восстановлению государства. Обозначенные шаги помогут прекратить существующий конфликт, однако первое, что должно быть сделано — это достигнут режим прекращения огня. В отсутствие такового последующее урегулирование невозможно.

Библиография

1. О путях разрешения йеменского кризиса // Валдай. 21.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/razresheniye-yemenskogo-krizisa/> — 19.02.22.
2. Кузнецов А.А. Конфессиональные и племенные предпосылки военно-политического конфликта в Йемене // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 1. С. 17–26.
3. Основные этапы конфликта в Йемене // ТАСС. 04.02.17 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2598135> — 20.02.22.
4. Иванов С.А., Савичева Е.М., Титов В.П. Столкновение интересов и геополитическое соперничество в регионе Красного моря // Сравнительная политика. 2021. № 12 (2). С. 94–110.
5. 32 месяца войны в Йемене: кому достанутся политические дивиденды после смерти Салеха? // Валдай. 04.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/32-mesyatsa-voynu-yemen/> — 18.02.22.
6. Совбез ООН единогласно принял резолюцию о создании спецмиссии для Йемена // РИА Новости. 16.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190116/1549452834.html> — 16.02.22.
7. ООН: переговоры по Йемену застопорились // Новости ООН. 23.08.21 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/08/1408692> — 13.02.22.
8. Стороны конфликта в Йемене договорились об обмене пленными // Новости ООН. 27.09.20 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1386882> — 14.02.22.
9. Исаев Л. Бесконечная война, или Снова о Йемене // Россия и мусульманский мир. 2017. № 5 (299). С. 80–91.
10. Дейч Т.Л. Кризисные ситуации в арабском мире и позиция Китая // Конфликтология / nota bene. 2018. № 2. С. 1–10.
11. Эль-Джабери А.С. Условия прочного мира в Йемене // Арабистика Евразии. 2021. № 13. С. 60–82.
12. Как закончить войну в Йемене в 2020 г.? // РСМД. 02.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-zakonchit-voynu-v-yemene-v-2020-g/> — 10.02.22.
13. ООН: ситуация в Йемене рискует окончательно выйти из-под контроля // Новости ООН. 15.02.22 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418332> — 22.02.22.
14. В ООН обеспокоены эскалацией насилия в Йемене // Новости ООН. 18.01.22 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/01/1417052> — 20.02.22.
15. Перспективы йеменского урегулирования // Международная жизнь. 28.03.2021 [Электронный ресурс]. URL: 28.01.22.
16. ВПП вынуждена сократить содержание продовольственных пайков для 8 млн йеменцев // Новости ООН. 22.12.21 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1416052> — 02.02.22.

Хлюбка Дмитрий Александрович

*Донецкий национальный университет, экономический факультет,
бакалавриат*

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА

REPUBLIC OF KOREA'S "SOFT POWER" CONCEPT ROLE IN THE SETTLEMENT OF THE KOREAN ISSUE

Аннотация. В данном исследовании проанализированы роль и перспективы концепции «мягкой силы» и публичной дипломатии Республики Корея в контексте урегулирования корейского вопроса, включающего в себя денуклеаризацию КНДР и объединение двух корейских государств. В ходе работы были сделаны выводы о том, что «мягкая сила» Республики Корея направлена на улучшение восприятия своими гражданами вопроса объединения двух корейских государств, продвижению собственных позиций в отношении урегулирования корейского вопроса и распространению собственного влияния на государства, в том числе и на КНДР.

Ключевые слова: корейский конфликт, межкорейские отношения, денуклеаризация, «мягкая сила», публичная дипломатия.

Abstract. The study analyzes the role and prospects of the concept of “soft power” and public diplomacy of the Republic of Korea in the context of the settlement of the Korean issue, which includes denuclearization of the DPRK and unification of the two Korean states. In the course of the work, it was concluded that the “soft power” of the Republic of Korea is aimed at improving the perception by its citizens of the issue of unification of the two Korean states, promoting their own positions regarding the settlement of the Korean issue and spreading Republic’s influence on other states, including the DPRK.

Keywords: Korean conflict, inter-Korean relations, denuclearization, soft power, public diplomacy.

Актуальность работы заключается в особой важности мирного урегулирования корейского вопроса для всего мирового сообщества. Свою роль в этом процессе играет южнокорейская публичная дипломатия и концепция «мягкой силы», которая является одним из наиболее эффективных инструментов внешней политики Республики Корея, основной целью которой является решение корейского вопроса, включающего в себя денуклеаризацию КНДР и продвижение повестки мирного сосуществования двух государств, а в дальнейшем — их объединение.

Цель исследования — проанализировать роль концепции «мягкой силы» и публичной дипломатии Республики Корея в урегулировании корейского вопроса, а также их перспективы по нормализации межкорейских отношений.

Результаты исследования. Одной из главных дипломатических задач Южной Кореи является продвижение национальных интересов при помощи публичной и партиципаторной дипломатии [1]. Главным инструментом публичной дипломатии является «мягкая сила», понятие которой было предложено Дж. Найем в 1990 г., согласно которому актер международных отношений достигает своих целей при помощи привлечения целевой аудитории и формирования благоприятной обстановки; способности получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [2].

Концепция «мягкой силы» противопоставляется «жесткой силе», которая предполагает использование разнообразных инструментов давления, включающих экономические и военные ресурсы актора международных отношений.

«Мягкая сила» является стратегией, политикой управления ресурсами, которая может быть успешна при коммуникативной интеграции своих структурных компонентов [3]. Важно отметить, что «мягкая сила» государства опирается на три базовых ресурса: его культуру, политические ценности и внешнюю политику [4]. Также следует выделить основные инструменты «мягкой силы» как внешнеполитической стратегии: политический пиар, информационные потоки, международный маркетинг, распространение национального языка, культурный обмен, научный обмен, публичную дипломатию и многие другие [5, 6].

Южная Корея внедрила концепцию «мягкой силы» в свою внешнеполитическую стратегию в 90-х гг. XX в., однако наибольшее свое развитие она нашла в начале XXI в., когда корейское правительство всерьез восприняло важность использования культурных технологий и публичной дипломатии как инструментов создания привлекательного имиджа на мировой арене, в том числе для влияния на урегулирование корейского вопроса. Республика Корея эффективно использовала концепцию «мягкой силы» в своей внешней политике на протяжении последних двух десятилетий, достигнув значительных результатов. Так, в связи с распространением «корейской волны», ставшей следствием активного продвижения своей культуры правительством страны, возросла популярность южнокорейской культуры по всему миру, а следовательно, и ее влияние на другие государства.

Одним из первостепенных направлений, на которое ориентируется публичная дипломатия Южной Кореи, является урегулирование корейского

вопроса. В данном случае для продвижения своих интересов южнокорейское правительство использует «мягкую силу» для влияния на ряд государств, способных принимать различные меры, направленные на денуклеаризацию КНДР. В ряд таких можно включить США, Китай, Россию, Японию, а также страны — участницы ЕС. В целом публичная дипломатия Республики Корея направлена на мобилизации международной поддержки ее инициатив по денуклеаризации КНДР и объединению двух Корей [7, 8]. Так, президент Корейского фонда Ли Си Хён подчеркнул, что обмен мнениями путем публичной дипломатии имеет первостепенное значение для рационализации дебатов и сокращения политических эксцессов [9].

В данной работе рассмотрим инструменты публичной дипломатии, направленные на США, так как данное государство является одним из ключевых в сфере переговоров по урегулированию корейского вопроса. В данном случае используется дипломатия полуторного трека, согласно которому происходит взаимодействие между официальными правительственными представителями и неправительственными организациями, и второго трека, предполагающего коммуникацию с негосударственными структурами [7].

В сфере взаимодействия с политическими элитами США Южная Корея в рамках публичной дипломатии проводила ряд действий. Среди основных можно выделить встречу с представителями научного сообщества и Конгресса США с целью выяснения направления политики новой администрации после инаугурации Дональда Трампа, а также разработки новой эффективной внешнеполитической стратегии. Также представители МИД Республики Корея провели мероприятия, в ходе которых были рассмотрены основные направления южнокорейской внешней политики [10]. Можно говорить о том, что публичная дипломатия дополняет классическую дипломатию. В качестве примера можно привести проведение действий по информированию и расположению Конгресса США к позициям Республики Корея накануне саммитов между лидерами трех государств: Ким Чен Ыном, Мун Чжэ Ина и Дональда Трампа.

Для продвижения своих позиций по урегулированию корейского конфликта Южная Корея активно использует научную сферу, в которую входит проведение различных семинаров и конференций в США при поддержке Корейского фонда, который в 2017 г. был назначен органом, ответственным за публичную дипломатию государства. Данный орган также создал Корейские отделы при исследовательских центрах, среди которых также есть и таковые, расположенные в США. Во главе Корейских отделов стоят американские исследователи, продвигающие актуальные вопросы корейских исследований. При поддержке данных отделов проводятся различные научные мероприятия, программы обмена и исследовательские проекты. Многие

из данных проектов непосредственно являются частью публичной дипломатии Южной Кореи, так как посвящены вопросам корейского полуострова и урегулированию существующих проблем.

Свою роль в публичной дипломатии также играют южнокорейские компании, инвестирующие в различные проекты, связанные с публичной дипломатией. Данные действия направлены на укрепление отношений между США и Республикой Корея, так как финансирование во многом направлено на неправительственные организации, занимающиеся вопросами налаживания связей между Южной Кореей и Америкой [11].

Не менее важным аспектом, включенным в публичную дипломатию Республики Корея, является консолидация корейской диаспоры за рубежом [12]. Вопросами по данному направлению занимается Фонд зарубежных корейцев, а также Корейский экономический институт, который непосредственно взаимодействует с корейской диаспорой в США [13]. Данное направление публичной дипломатии Республики Корея носит актуальный характер в свете того, что этнические корейцы, проживающие в США (около 1,9 млн человек [14]), являются политически активными, в связи с чем они могут в некоторой степени влиять на деятельность правительства Южной Кореи по решению корейского вопроса. Кроме того, также стоит отметить и то, что на данную группу корейцев направлена и американская «мягкая сила».

Также важно отметить, что распространение культурной «мягкой силы» позволяет правительству Южной Кореи все более активно привлекать внимание широкой аудитории к вопросам урегулирования корейского вопроса. Среди основных инструментов культурной «мягкой силы» Южной Кореи можно выделить продвижение медиапродукции, поп-культуры, языка, искусства, традиционной кухни, создание разнообразных образовательных программ и т. д. Все это способствует повышению интереса все более широких масс людей к Южной Корее, а также улучшению ее имиджа как передового регионального государства.

Важно также отметить ключевые моменты в концепции «мягкой силы» Южной Кореи, направленной на Северную Корею, предложенные Джи Кан Хуном [15].

Во-первых, это двусторонняя дипломатия, в рамках которой Республика Корея может использовать фактор того, что Северной Корее больше не удастся восстановить связи с мировым сообществом, а потому продвигает важность мирных переговоров и кооперации в решении корейского вопроса, в частности денуклеаризации.

Во-вторых, использование спорта и культуры в контексте взаимодействия государств в неполитических сферах, что впоследствии могло бы способствовать дальнейшим официальным переговорам. Результатом данного

направления «мягкой силы» стало создание сборной команды Южной и Северной Кореи на зимних Олимпийских играх — 2018 в Пхёнчхане и Азиатских играх — 2018, которые в дальнейшем привели к межкорейским переговорным процессам, послужившим почвой в дальнейшем и для переговоров между США и КНДР. В период нормализации межкорейских отношений были организованы различные культурные мероприятия, включающие в себя поездки южнокорейских артистов в КНДР, основной целью которых являлось налаживание дружественных связей для продолжения политических переговоров. В данный период разрядки также было организовано совместное бюро связей в Кэсоне, благодаря которому происходило сотрудничество двух корейских государств в социально-гуманитарной сфере [7, 16]. Также за данный период была произведена оценка состояния северо-корейских автомобильных и железных дорог для дальнейшей их модернизации и соединения с инфраструктурой Южной Кореи.

В-третьих, продвижение Республикой Корея своей повестки о нарушениях со стороны Северной Кореи как в военной сфере, так и в гуманитарной. Так, несмотря на общую изолированность КНДР от большей части мира, государство все же не сможет поддерживать торговые и иные отношения с государствами, если будут происходить регулярные нарушения в сфере прав человека и ядерного вооружения. Южная Корея использует «мягкую силу» с той целью, чтобы показать все негативные стороны сложившейся ситуации в Северной Кореи, тем самым побуждая государства проявлять большее внимание существующим проблемам на Корейском полуострове, а также способствуя пересмотру идеологических взглядов Северной Кореи на сложившуюся внутри- и внешнеполитическую ситуации.

В-четвертых, соперничество двух идеологических систем. Южная Корея способна противопоставлять тоталитарному режиму Северной Кореи свою демократическую модель общества. Важным элементом в данном направлении является «корейская волна», которая нашла свое проявление даже в таком закрытом государстве, как Северная Корея. Так, среди северо-корейского населения активно распространяются фильмы, музыка и другие виды массовой культуры южнокорейского производства [15, 17]. Кроме того, в данном направлении Республикой Корея разработано лояльное законодательство в сфере перебежчиков из КНДР.

Кроме того, в контексте публичной дипломатии в сфере урегулирования корейского вопроса можно выделить также религиозное направление, заключающееся во взаимодействии религиозных организаций двух корейских государств. На сегодняшний день подобное сотрудничество проявляется в ряде южнокорейских протестантских организаций, которые особое внимание уделяют культурному единству государств.

Необходимо отметить, что южнокорейское сообщество до недавнего времени крайне негативно относилось к вопросу объединения государств Корейского полуострова. Для решения данной проблемы в 2015 г. при поддержке Министерства объединения, Комитета по подготовке к объединению при президенте Республики Корея, а также Комитета по 70-летию освобождения Кореи была организована кампания по популяризации идеи объединения. Так, в итоге данных действий была написана песня «One Dream One Korea» и снят видеоклип с участием известных лиц массовой культуры и политических лидеров Южной Кореи, благодаря которым восприятие вопроса объединения двух корейских государств стало более позитивным со стороны южнокорейского населения.

Так, все представленные направления публичной дипломатии Южной Кореи направлены на решение корейского вопроса по причине нехватки дипломатических ресурсов [18]. Однако благодаря поддержке публичной дипломатии возможно решение некоторых ключевых вопросов благодаря продвижению выгодной для Республики Корея повестки среди ключевых стран, непосредственно связанных с урегулированием корейского вопроса, включающего как денуклеаризацию КНДР, так и объединение двух корейских государств. Политика продвижения собственных идей и целей посредством «мягкой силы» позволяет Южной Корее укреплять свою роль в глобальном управлении, а также усиливать свои позиции на региональном уровне.

Вывод. Проанализировав различные элементы «мягкой силы» в контексте публичной дипломатии Республики Корея, можно сделать вывод о том, что внешнеполитическая стратегия в отношении КНДР направлена на вовлечение ее в транснациональные отношения, а также продвижение собственных позиций среди государств, имеющих наибольшее влияние на разрешение корейского вопроса. Концепция «мягкой силы» может играть важную роль в организации диалога с государствами как в периоды снижения напряженности на Корейском полуострове, так и в периоды возобновления конфронтации.

Однако «мягкая сила» не является полноценным заменителем классических дипломатических переговоров, однако играет решающую роль в их проведении и принятии выгодных для Южной Кореи решений, а также помогает в динамическом процессе улучшения имиджа государства. Однако важно отметить, что «мягкая сила» как инструмент публичной дипломатии Республики Корея может быть использована наиболее эффективно лишь при условии использования экономических и военных методов ведения политики, т. е. «жесткой силы», что в итоге может стать решающим фактором в долгосрочной перспективе по решению корейского вопроса.

Библиография

1. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpage/m_5727/contents.do — 02.02.22.
2. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* // NY: PublicAffairs, 2004. 192 p.
3. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели «мягкой силы» стран восточноазиатского региона / О.Ф. Русакова, Д.М. Ковба // ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 2. С. 14–29.
4. Keck Z. *The Hard Side of Soft Power*, 2013. URL: <https://thedi diplomat.com/2013/07/the-hard-side-of-soft-power> — 03.02.22.
5. Кубышкин А.И., Цветков Н.А. *Публичная дипломатия США: учеб. пособие* / А.И. Кубышкин, Н.А. Цветков. М.: Аспект-пресс, 2013. 272 с.
6. Леонова О.Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства / О.Г. Леонова // *Обозреватель*. 2013. № 4. С. 29–32.
7. Пугачева О.С. Роль социально-гуманитарного фактора во внешней деятельности Южной Кореи в контексте корейского урегулирования // *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 13. 2020. № 1. С. 147–168.
8. *New Law Set to Take Force to Harness S. Korea's Public Diplomacy*, 2016. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20160803006200315> — 02.02.22.
9. Lee J. *Public diplomacy critical for peace in perilous times*, 2021. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20180409000750> — 02.02.22.
10. *Diplomatic White Paper*, 2018. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5684/list.do — 03.02.22.
11. *The Korea Society 2017 Annual Report*, 2017. URL: <https://www.koreasociety.org/about-us/publications/annual-reports/2017> — 03.02.22.
12. *Remarks by President Moon Jae-in on the 12th World Korean Day*, 2018. URL: <http://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/77> — 02.02.22.
13. *NetKAL Programs*. URL: <https://keia.org/programs> — 03.02.22.
14. O'Connor A., Batalova J. *Korean Immigrants in the United States*, 2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/korean-immigrants-united-states> — 03.02.22.
15. Kanghun J. *South Korea's Soft Power Strategies to Deal with North Korea's Threat*, 2018. URL: <https://www.unav.edu/web/global-affairs/detalle/-/blogs/south-korea-s-soft-power-strategies-to-deal-with-north-korea-s-threat> — 03.02.22.
16. *Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula*, 2018. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&%3BsrchTo=&%3BsrchWord=&%3BsrchTp=&%3Bmulti_itm_seq=0&%3Bitm_seq_1=0&%3Bitm_seq_2=0&%3Bcompany_cd=&%3Bcompany_nm=&page=1&titleNm — 03.02.22.
17. *Kyong-Ae North Korea in Transition: Politics, Economy and Society* // UK: Rowman & Littlefield Publishers. 2013. P.195-196.
18. *Keynote Speech from South Korea's Ambassador for Public Diplomacy*, 2017. URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/story/keynote-speech-south-koreas-ambassador-public-diplomacy> — 03.02.22.

Yakovleva Elena Sergeevna

Saint Petersburg State University, School of international relations, Master's

BLACK SEA REGION AS PART OF THE EURO-ATLANTIC SECURITY ARCHITECTURE

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН КАК ЧАСТЬ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОГО СУБРЕГИОНА

Abstract. The Black Sea region remains a strategically important buffer zone for the Russian Federation and at the same time a communication bridge between the East and the West. Serious security challenges may arise on the regional space, and Russia and NATO have always interfered into those conflicts and incidents. In addition, the problem of conventional arms control in the region is also topical. Today, the emergence of new types of conventional weapons, contributing to the phenomenon of contactless warfare, has become an irreversible trend. So in the future, the conventional arms control regime in Europe (CFE), in order to remain relevant to strengthening security, will inevitably have to extend to such types of weapons that are not enshrined in the CFE Treaty. In such circumstances, signing of a new agreement seems to be a top priority for the international society.

Keywords: Black Sea region, security, Russia, NATO, arms control.

Аннотация. Черноморский регион на сегодняшний день остается стратегически важной буферной зоной для Российской Федерации. На региональном пространстве могут возникать серьезные вызовы безопасности, а Россия и НАТО всегда вмешивались и продолжают вмешиваться в подобные инциденты. Кроме того, актуальна проблема контроля над обычными вооружениями. Сегодня необратимой тенденцией стало появление новых видов вооружений, способствующих феномену бесконтактной войны. В будущем режим контроля над обычными вооружениями в Европе (ДОВСЕ) неизбежно должен будет распространяться на такие виды вооружений, которые не закреплены в ДОВСЕ. В таких обстоятельствах подписание нового соглашения представляется главным приоритетом для международного сообщества.

Ключевые слова: Черноморский регион, безопасность, Россия, НАТО, контроль над вооружениями.

The events of recent years unfolding in the international arena clearly indicate imbalance and asymmetry in the current security system of the Euro-Atlantic region. A series of military interventions held in the 1990s and 2000s (in the Balkans, the Middle East and Black Sea regions) significantly reduced the effectiveness of the work of international institutions and changed the approach of some states to

the inviolability of international law. The multilateral security structures in Europe (the OSCE, the Council of Europe, the European Union and the North Atlantic Treaty Organization) have already shown the lack of effectiveness as a result of controversial outcomes of their military operations and democratization.

Despite the fact that in the 1990s the idea of transforming the OSCE was discussed, in the course of resolving conflicts in former Yugoslavia, a new practice of interaction developed and it is still working today. With the leading political role of the UN, the European Union assumed an economically key role, while the OSCE took over the formation of democratic institutions and the establishment of the rule of law and human rights [1]. The NATO was committed to addressing security challenges, which in theory was intended to strengthen peace and stability in the Euro-Atlantic region, but in practice, it led to an increase in tensions. A vivid example is the bombing of the former Yugoslavia in 1999. It should be emphasized that both the expansion of the alliance to the East in 2004 and the regularity of military exercises on the line of contact with Russia — in the Baltic and Black Sea regions — led to an increase in military potential near the Russian borders and, accordingly, an increase in conflict potential[2].

It should be noted that the Black Sea opens up access to many actors in the post-Soviet international political space, and this region is inextricably linked with the Central Asian and Middle East regions, which are traditionally considered the source of many threats to global stability and the national security of the Russian Federation.

Challenges such as drug trafficking, religious extremism, the unsettledness of the Afghan issue, political destabilization as a result of the change of the ruling elites, as well as threats to energetic security are becoming a priority area for the activities of inter-agency organizations (CIS, CSTO, NATO, EU and OSCE) in order to protect the entire world community [1]. For the Russian Federation, the Black Sea region in the long term remains a strategically important buffer zone and at the same time a communication bridge between the East and the West, therefore, the desire to strengthen multifaceted cooperation with all members of these organizations and with all actors of world politics comes to the fore.

At the same time, the North Atlantic Alliance is developing differentiated partnership relations with most of the CIS countries, which has a certain influence on the Russia-NATO line of relations. A significant gap in potential between these two entities is obvious. The difference in the structural features of a sovereign state and a military bloc is important from the point of view of interests and the decision-making process, in particular regarding arms control regimes [1]. The differences between NATO countries and their contribution to common security give rise to variability of approaches to their relations with Russia.

In addition, the future role of the EU is also significant — the implementation of the ambitious plans of the European bureaucrats to increase the political role of

the EU at the current stage is very doubtful, since individual European states pursue a policy of non-intervention and detachment from conflicts and problematic tasks that periodically arise on the periphery of the Euro-Atlantic region — in the Black Sea region [3].

This space can provoke serious aggravations and crises, as well as generating common threats for the European Union and the whole world. And if Russia and NATO have interfered, are interfering or will interfere into the conflicts on the periphery, then most EU states shy away from the prospect of being involved in such incidents. The Balkans, the Caucasus, Ukraine, Central Asia, Syria and the Middle East as a whole generate destabilizing impulses of varying intensity and power. Moreover, Russia, the United States and NATO often find themselves hostages of the different events there.

A vivid example is the incident in the Kerch Strait in November 2018, when Ukrainian naval ships violated the borders of the Russian Federation (established even before the events of 2014). Despite the fact that the principle of inviolability of borders is enshrined in the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, the actions of the Russian Federal Security Service to detain Ukrainian ships that violated the procedure for crossing the strait and performed dangerous manoeuvres caused a resonance in the world community. Some of the UN Security Council member states (France, Netherlands, Poland, Sweden and Great Britain), the European Union, NATO, the G7, as well as the Parliamentary Assembly of the Council of Europe condemned Russia's actions and called on it to release Ukrainian sailors and ensure freedom of navigation in the Kerch Strait. Moreover, US President Donald Trump, referring to the report on the incident, announced the cancellation of negotiations with Russian President Vladimir Putin, which were to take place during the G20 summit in Argentina. Along with this, the incident in the Kerch Strait entailed an increase in NATO's military presence in the Black Sea: in December 2018, it became known that the United States, in accordance with the Montreux Convention [4], sent a notification to Turkey about its plans to send a naval ship to the Black Sea in connection with this incident. As a result, the British Navy ship HMS Echo was sent there in order to ensure freedom of navigation. Thus the above mentioned events indicate an increase in geopolitical competition in the Black Sea region.

In addition, the problem of conventional arms control in the region is also topical. Since the unilateral Russian moratorium on the implementation of the CFE Treaty [5] came into force in December 2007, this meant the termination of mutual military inspections and the provision of information to the Treaty partners on the movement of military units and military equipment in the European part of the country, as well as Russia's refusal to consider itself bound by quantitative restrictions [6].

The document was suspended until the NATO countries ratified the Agreement on Adaptation (The Adapted Conventional Armed Forces in Europe Treaty, 1999, Istanbul) and began to faithfully implement the provisions of this document [5].

At the same time, almost immediately after the signing of the Agreement on Adaptation of the CFE Treaty, the NATO countries, under the influence of the United States, took a course towards delaying the process of putting this document into effect.

A modernized treaty that could have eliminated the imbalances that had arisen in Europe and mitigated the negative consequences of the first stage of NATO enlargement for Russia's security and European stability, never entered into force. The reason was the refusal of the United States and NATO to ratify it, and the implementation of the second and then the third "waves" of NATO enlargement further complicated the military-political alignment of forces in Europe, finally undermining the viability of the already adapted version of the CFE Treaty.

Furthermore, the build-up and modernization of the armed forces of the alliance in Europe did not stop. On the one hand, in terms of qualitative characteristics, the Russian Federation has an advantage over NATO. As the exercises West 2019 and the Caucasus 2020 confirmed, the armed forces of the Russian Federation are capable of rapid mobilization and deployment on any bridgehead, fully equipped with modernized armoured vehicles, artillery, covered with air defence systems and provided with aviation. On the other hand, the quantitative indicators do not show the best balance of power for Russia. Today, the NATO grouping in the European theatre of operations surpasses the Russian one in tanks — almost 9 times, in armoured combat vehicles — 6 times, artillery systems — more than 4.5 times and in aircraft — more than 5 times. Specifically, the military forces of NATO and Russia in the western theatre of military operations have, respectively, 13,000 and about 1,450 tanks, 15,000 and 2,600 armoured combat vehicles, 15,000 and almost 3,200 artillery systems, 3,800 and 750 combat aircraft, etc. [7]. A similar situation has developed on other strategic lines, where the combined forces of the United States and its allies are significantly superior to those of Russia.

For these reasons, Russia advocates the creation of a fundamentally new regime of control over conventional arms in Europe, corresponding with modern needs, excluding the possibility of a military solution to international problems and based on the principles of equal and indivisible security, a balance of rights and obligations of the parties [6].

Recent years have not been marked by practical results in overcoming the crisis of the conventional arms control regime in Europe. The efforts of the member states, primarily NATO countries, were focused on "homework" on the concept of a possible future agreement on the COVE. However, the prospects for its completion are very vague, given that at the Welsh NATO summit (September 2014), the alliance again

headed for “containment” of Russia and a military build-up on the “eastern flank”. Under the pretext of a “Russian military threat”, the transatlantic allies are increasing their forward-based forces in the Baltic states, Norway and Poland, deploying storage infrastructure for heavy military equipment, improving command and control structures, and increasing military activity in the Baltic and the Black Sea.

Over the past decade, the NATO paid special attention to the Black Sea region, which significantly affects the balance of power. Along with this, the Black Sea region is also an active element in the legislative framework of non-regional actors, mainly in the context of the actions of the Russian Federation that “threaten the national security” of some states, as well as in the context of the intensification of international cooperation and European integration, the spread of democratic values and human rights, strengthening the NATO presence to ensure regional and global security.

On the practical, military side, the Black Sea region has also become one of primer interest to non-regional actors of the international relations. Their presence is often associated with participation in military exercises. The Black Sea countries and their partners often use the Black Sea as a unique platform for the deployment of weapons. For the United States, for example, an important component of realizing their interests in the region is military-technical cooperation with regional actors.

Since the BLACKSEAFOR organization actually ceased to exist, cooperation between regional actors has also significantly decreased. As a result, precedents of joint exercises of regional states and NATO member states without Russia began to emerge more and more often. Official documents of the latter confirm the tendency towards rapprochement of the efforts of the Alliance and the regional states in the field of maintaining security in the region. In general, the NATO activities near the southern Russian borders are a direct threat to the national security of the Russian Federation and leads the power imbalance in the Black Sea region.

During their summit in Brussels on July 11-12, 2018, allies, while remaining committed to conventional arms control as a core element of Euro-Atlantic security, pledged to maintain, strengthen and modernize the adapted CFE treaty regime based on key principles such as reciprocity, transparency and harmony. At the same time, taking into account the difficult situation in the field of European security, they emphasized their readiness for further negotiations with the Russian Federation on this issue.

Overall, the prospects for conventional arms control in Europe remain dubious. Today, the emergence of new types of conventional weapons, contributing to the phenomenon of contactless warfare, has become an irreversible trend. So in the future, the conventional arms control regime in Europe (CFE), in order to remain relevant to strengthening security, will inevitably have to extend to such types of weapons that are not enshrined in the CFE Treaty. Various experts and diplomats

refer to new weapons as unmanned aerial vehicles, high-precision weapon systems and weapons based on new physical principles.

The desire of states to ensure their own security, along with the anarchy of international relations, leads to the “security dilemma” described by Kenneth Waltz in his 1979 book “Theory of International Politics” [8]. So taking into consideration the theory of international relations, we can find a few possible explanations to the current events on the space of the Black Sea region. According to neorealism, the anarchy of international politics (the lack of a central authority) forces states to act in order to ensure their security and develop offensive military capabilities for foreign interventionism as a means of increasing their relative power. Since states cannot be certain about the future intentions of other states, mistrust arises between them. This lack of confidence based on uncertainty is called the “security dilemma”: increasing the security of one power inevitably reduces the security of other powers. These principles are typical for the Black Sea region — for modern relations between the two leading regional players — Russia and Turkey. All members of the Euro-Atlantic security system face this dilemma, too — due to the anarchy (the actual lack of a central regulatory organization and the low efficiency of the existing ones).

Nevertheless, turning to neoliberalism, one can find ways to solve existing problems: through dialogue and finding common ground for further cooperation. Probably, in order to control certain categories of weapons, it makes sense to consider the possibility of concluding separate agreements, rather than integrating them into the negotiation process burdened with CFE problems. At the same time, reaching mutual understanding regarding the future of the adopted agreement is impossible without cooperation in the Russia-NATO format, since both sides have undertaken corresponding obligations.

There are different opinions as to what the negotiations should be aimed at: revitalizing the CFE Treaty and its subsequent adaptation to current realities or preparing a new document. Thus, according to the representatives of Germany, the CFE Treaty is outdated and it is necessary to focus on the preparation of a new document, while avoiding general declarations and focusing on smaller but more effective steps. The Russian side has repeatedly stated that the treaty is hopelessly obsolete and does not reflect the changed status quo for a long time.

Particular attention should be paid to cooperation on the Adapted Agreement at the sub-regional level. However, a common European agreement on some controversial issues within the framework of a multilateral dialogue might be difficult to achieve, so limiting the circle of participants could probably help to find a compromise.

The effectiveness of subregional mechanisms is evidenced by the Agreement on Subregional Arms Control [9], the implementation of which is recognized

as exemplary. An important role here is played by the voluntary actions of the participating States to further reduce armaments and conduct additional inspections. In general, the subregional approach implies a greater focus on specific issues. If successful, it will be able to give impetus to the entire negotiation process on the Adapted Agreement.

According to the theories put forward by some researchers, the following vectors of development can be distinguished:

1. The revival of traditional arms control in the form of legally binding multilateral agreements.
2. Thorough adaptation of the Vienna Document of 2011.
3. Expanding military cooperation.

Thus, the conventional arms control regime in Europe in all major areas is currently in a state of uncertainty and rather low efficiency.

Moreover, the question arises about the truthfulness of the intentions of some actors in international relations to maintain peace and comply with the norms of international law. Along with this, new factors that generate uncertainty are constantly emerging — crisis and poorly governed states, radical movements, the threat of hybrid war, the transformation of the cyber space into a space of vulnerability and competition [10]. Thus, the aforementioned factors lead to an increase in the risks of a military clash between Russia and NATO. And since Russia in all fundamental parameters — historical, socio-cultural, economic and civilizational — is an integral part of Europe and its security space, there is an urgent need for broader interaction, forging a constructive dialogue in the interests of strengthening European security. However, the actual absence of a constructive dialogue between Russia and NATO on the issues of maintaining the reliability and stability of the current situation in Europe, the lack of independence of the EU countries in decision-making reduces the likelihood of a quick and effective settlement of emerging contradictions.

Bibliography:

1. Euro-Atlantic Security Architecture / Edited by prof. Yurgens I.Yu., acad. Dynkina A.A., Corresponding Member Baranovsky V.G. — M.: Econ-Inform, 2009. — 124 p. — 06.06.21
2. *Morozova N.M., Yakovleva E.S.* Features of the modern balance of power in the Black Sea region: military-political and economic potential. Paradigms of history and social development [Text]: collection of articles. scientific. tr. / Ministry of Education and Science Ros. Federation, FGAOU VO "Sevastop. state un-t"; under total. ed. E.N. Maksimova; editorial board: V.S. Avdonin [and others]. — Sevastopol: SevGU, 2020. — 96 p. — ISSN 2500-4190
3. *Timofeev I.N.* The Euro-Atlantic Security Formula: Stable Deterrence and Its Alternatives. — Report of the Valdai International Discussion Club, August 2017. —

- [Electronic resource] — Access mode: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/formula-evroatlanticheskoy-bezopasnosti/> — 26.10.20
4. Montreux Convention 1936 — [Electronic resource] — Access mode: <https://www.globalsecurity.org/military/world/naval-arms-control-1936.htm> — 26.10.20
 5. Treaty on Conventional Armed Forces in Europe — [Electronic resource] — Access mode: <https://www.osce.org/library/14087> — 20.05.21
 6. Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (CFE) and conventional arms control in Europe. — Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // — [Electronic resource] — Access mode: https://www.mid.ru/obsie-voprosy-mezhdunarodnoj-bezopasnosti-i-kontrola-nad-vooruzheniami/-/asset_publisher/6sN03cZTYZOC/content/id/1137833#_ftnref1 — 04/10/2021
 7. The ratio of the combat capabilities of the armed forces of the Russian Federation and NATO in Europe. — RUSSTRAT: Institute of International Political and Economic Strategies // — [Electronic resource] — <https://russtrat.ru/analytics/9-fevralya-2021-0010-2930> — 10.04.21
 8. *Waltz K.* Theory of International Politics. — Addison-Wesley Pub. Co., USA, 1979. — P. 99 — 251 p.
 9. Lisbon Document 1996. // OSCE — [Electronic resource] — Access mode: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/4/39543.pdf> — 10.04.21
 10. Actual problems of international law and international relations. Russia and Turkey in the system of global and regional security: Collection of articles / Ed. T.V. Kashirina, V.A. Avatkov — M., 2017. ISBN 978-5-906367-39-6

СЕКЦИЯ «ДИПЛОМАТИЯ: ОТ СТАРЫХ ПРАКТИК К НОВЫМ РЕШЕНИЯМ»

Ненашева Анастасия Евгеньевна

*Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат*

ОПЫТ А.М. КОЛЛОНТАЙ: ПРИМЕНИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

THE A. KOLLONTAI'S EXPERIENCE: APPLICABILITY IN MODERN DIPLOMATIC PRACTICE

Аннотация. В мировой политике, где каждое государство стремится защитить свои интересы, одним из самых эффективных способов достижения целей является дипломатия. Современные проблемы России во многом аналогичны проблемам, которые были решены А.М. Коллонтай. Экстраполяция ее опыта и методов решения дипломатических задач может быть полезной для дипломатов современности. Проблема признания Крыма и выхода России из международной изоляции может быть решена с учетом опыта работы Коллонтай. Другой серьезной проблемой является очевидный гендерный дисбаланс в российской дипломатии. Цель данной статьи заключается в том, чтобы оценить роль и применимость опыта первой женщины-дипломата к современным реалиям международной политики.

Ключевые слова: дипломатия, женщины на дипломатической службе, проблема признания, международная изоляция, российские дипломаты, проблема безопасности.

Abstract. In world politics, where each state seeks to protect its interests, one of the most effective ways to achieve goals is diplomacy. Modern problems of Russia are in many respects similar to the problems that were solved by A. Kollontai. Extrapolation of her experience and methods of solving diplomatic problems can be useful for today's diplomats. The problem of recognition of Crimea and Russia's exit from international isolation can be solved taking into account Kollontai's work experience. Another serious problem is the obvious gender imbalance in Russian diplomacy. The purpose of this article is to assess the role and applicability of the first woman diplomat's experience to the current realities of international politics.

Key words: diplomacy, women in the diplomatic service, the problem of recognition, international isolation, Russian diplomats, security issue.

Россия на протяжении веков была и остается могущественной державой, которая играет ключевую роль в системе международных отношений. Начиная с XVIII в. ни одно сколько-нибудь важное событие мировой истории не обошлось без ее внимания и участия. Более того, зачастую Россия сама становилась ядром событий, которые меняли мировой порядок. К этим периодам могут быть отнесены две мировые войны, войны 1812 г., bipolarная конфронтация и ее преодоление. «Восточный вопрос», занимавший умы европейцев с середины XVIII в., также в значительной степени был вопросом, непосредственно связанным с международной позицией России. В становление и развитие Версальско-Вашингтонской системы наша страна вносила свой огромный вклад, будучи носителем новой и стремившейся к экспансии идеологии. Конечно, многие эти достижения, утверждающие величие и мощь России, были оплачены кровью русских солдат, а из казны огромные средства направлялись на поддержание боеспособности армии. Но для поддержания высокого авторитета и престижа Россия всегда нуждалась не только в оружии. У России была необходимость в талантливых, высокообразованных и профессиональных дипломатах. Наша страна воспитала целое созвездие выдающихся переговорщиков. В эпоху Российской империи лицами российской дипломатии стали Грибоедов, Горчаков, Нессельроде. После 1917 г. в стране был утвержден курс на отрицание любой преемственности с имперским прошлым. Но постепенно в Советском Союзе сложилась своя дипломатическая школа, которая представляла собой сочетание новой идеологии, новых целей, но и уважения к достижениям предшественников. Среди тех, кто стоял у истоков советской дипломатии, достойное место занимает первая в мире женщина-дипломат Александра Михайловна Коллонтай.

Со времени, когда Коллонтай начала свою дипломатическую службу, прошло уже сто лет. Политическая обстановка, цели России, сама страна — все это совершенно изменилось. Возникает вопрос о релевантности опыта Коллонтай и применимости его на дипломатической службе в современных условиях. Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить параллели между ее деятельностью в качестве дипломата и современными проблемами России и путями их решений.

Вероятно, дипломатия — это одна из тех сфер деятельности, где роль личности заметна и ощутима как нигде более. Мадам Коллонтай, как ее называли в разных частях мира, смогла своей деятельностью перевернуть представление мировой общественности о непонятной и пугающей новой социалистической стране. Всестороннее знание страны пребывания, ее

истории, экономики, культуры, психологического склада людей способствовало успешной деятельности Коллонтай в качестве дипломата. Прибыв в страну, она прежде всего заботилась об установлении с ней прочных экономических связей. В самом начале работы главной задачей Коллонтай было добиться официального признания нового советского государства в Норвегии. Это удалось ей благодаря тесным контактам с представителями политических кругов и крупными общественными деятелями, а также грамотной политике, направленной на интенсификацию экономического оборота между странами. За долгую дипломатическую службу в арсенале полпреда Коллонтай накопилось много успешных свершений. Заключение политических и экономических договоров, финансово-кредитных и торговых соглашений (по лесу, рыбе, нефти, машинному оборудованию и пр.), конвенций (о рыболовстве, судоходстве, бое тюленей и т. д.). К ее заслугам можно отнести возвращение Союзу российского золота из банков Норвегии и Швеции; налаживание авиационного сообщения между Швецией и СССР, разрешение территориальных споров (вопрос о Шпицбергене). Во время Второй мировой войны, будучи чрезвычайным и полномочным послом в нейтральной Швеции, она провела огромную работу, чтобы не допустить выступления этой страны на стороне гитлеровской Германии. Противодействие продвижения фашистской агрессии к границам Советского Союза было ее главной задачей. Наряду с работой в Лиге наций основным вкладом в защиту мира она считала свое участие в переговорах с Финляндией об окончании Зимней войны (1939–1940). Через три года, летом 1943-го, снова понадобилось вести переговоры о перемирии, и она начала готовить почву для такого соглашения между СССР и Финляндией. При ее посредничестве в 1944 г. Финляндия вышла из войны [1]. Спустя два года группы финских, шведских и норвежских политиков и ученых одновременно выдвинули кандидатуру Коллонтай на Нобелевскую премию мира за ее вклад в подготовку соглашения о перемирии [2]. В странах, где она работала, Коллонтай всегда оставляла о себе добрую память. Ее деятельность в качестве полпреда СССР находила самую высокую оценку. В 1946 г., уже приехав в Москву, Коллонтай была награждена норвежским Большим крестом Святого Олафа I степени с лентой. И в том же году мексиканский посол в Москве вручил ей высший мексиканский орден Авила Ацтека за заслуги перед его страной [1].

Методы, которыми Коллонтай достигала своих целей, просты и сложны одновременно. Она не была профессиональным дипломатом, но очень тонко чувствовала людей. У нее была очень ценная способность: она умела найти общий язык с совершенно разными людьми, с разными взглядами и убеждениями, и привлечь их на свою сторону. Возможно, ей в этом помог опыт участия в революции, когда она постоянно взаимодействовала с публикой и

посвящала много времени агитационной работе. Конечно, политиков с большим опытом трудно уговорить, но Коллонтай была тонким психологом. Она быстро заметила, что политики любят, когда им льстят, когда их слушают, и умело этим пользовалась во время переговоров. У Коллонтай было множество друзей. Это были и соратники со времен эмиграции, социалисты, представители левых партий, и деятели культуры и искусства, с которыми она быстро устанавливала контакты. Кстати, Коллонтай осознавала необходимость и важность культурного сотрудничества для укрепления отношений между странами, а потому часто организовывала культурные мероприятия с участием советских деятелей искусства и науки и старалась популяризировать советский кинематограф и литературу в странах, в которых работала. Шведский артист Карл Герхард писал: «Ее приезд в Швецию был сенсацией. Публика не сразу осознала, что одетая в меха дама, ехавшая в золотой карете, была одной из выдающихся личностей своего времени. Безусловно, это была удивительная женщина, и вокруг нее создавалась атмосфера салонов Парижа. Она обладала большим обаянием и тонким юмором. Она отличалась холодным умом, но умела очаровательно улыбаться. Она говорила на очаровательной смеси скандинавских языков. Ее отличали мудрость, дружелюбие и жизнеутверждающий характер» [1]. Она много сотрудничала с газетами, публиковала по возможности свои статьи для того, чтобы сформировать в обществе благоприятный образ СССР.

Что же из тех методов, которые использовала на дипломатической работе Коллонтай, можно применить сегодня? Насколько они будут действенны в современных условиях? Насколько вообще сопоставимы задачи, стоявшие перед Коллонтай в 1920–1930-е гг. с вызовами для России в XXI в.? Конечно, современная международная обстановка, несмотря на всю ее сложность, трудно сравнима с той, что сложилась в первой половине XX в. Сейчас Россия находится на сильных позициях, является авторитетной державой, с которой невозможно не считаться остальным участникам международных отношений. Однако в последнее время перед Россией возник ряд проблем, которые требуют разрешения. Ситуация особенно обострилась после присоединения Крыма к России в 2014 г. Глобальная стратегия ЕС, опубликованная в 2016 г., наряду с США и Китаем называет Россию, которая нарушила международное право и дестабилизировала ситуацию на Украине, вызовом для основ Европейской системы безопасности [3]. Интересно то, что негативное влияние от действия экономических санкций и российского продовольственного эмбарго признают все страны ЕС. Показатели внешнеторговой деятельности Европейского Союза с Россией свидетельствуют о том, что торговый оборот между ЕС и РФ значительно снизился, скатившись к показателям 2006 г. по уровню экспорта. Однако в той же Глобальной страте-

гии ЕС указывается, что поддержание отношений с нашей страной является одной из стратегических задач, так как Россия — самый большой экспортер энергоресурсов в Евросоюз, а также 4-й по объему импорта и 5-й по объему экспорта торговый партнер ЕС. Заявляется также о стремлении к продолжению взаимодействия по таким вопросам, как изменение климата, сотрудничество в Арктике, образование, приграничное сотрудничество и т. д. Также подчеркивается укрепление связей путем упрощения поездок для студентов, представителей бизнеса и гражданского общества [3]. В свою очередь, в Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. Европейский Союз также признается важным внешнеполитическим и торгово-экономическим партнером России [4]. Доля ЕС в январе — ноябре 2016 г. составляла 43% товарооборота России [5]. Абсолютно очевидно, что в нормализации отношений между Россией и ЕС в целом и странами Европы по отдельности заинтересованы обе стороны. Но, к сожалению, до сих пор потепления в отношениях не наступило. А между тем перед Россией стоят неразрешенные проблемы, которые с определенной периодичностью всплывают во внешнеполитической повестке.

В 2022 г. исполнилось 15 лет знаменитой речи Владимира Путина, которую он произнес на Мюнхенской конференции по безопасности. Тогда президент России заявил о том, что «процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия» [6]. То, что этот курс чреват провокациями и только снизит уровень безопасности в Европе, подтвердили последующие события. В 2008 г. президент Грузии Михаил Саакашвили решился на военную авантюру в Южной Осетии, а на бухарестском саммите альянса в том же году было принято политическое заявление, что со временем к НАТО смогут присоединиться Украина и Грузия [7]. В конце 2021 г. Россией были выдвинуты требования о предоставлении письменных гарантий безопасности к блоку НАТО. Основными требованиями стали невключение новых стран в состав альянса, сворачивание военной инфраструктуры НАТО до его границ на 1997 г., а также восстановление полноформатного диалога на равноправной основе [8]. В ответе НАТО содержались обвинения России в подрыве международной стабильности и подчеркивалась оборонительная функция альянса. При этом была обозначена готовность к дальнейшему диалогу, но конкретных ответов на требования российской стороны не было дано. В целом в российском МИДе реакцию Запада на предложения по гарантиям назвали разочарывающей [9]. Эти требования стали своеобразной чертой, подведенной под противостоянием России и стран НАТО, которое особенно обострилось после 2014 г. С тех пор у России накопился

ряд нерешенных проблем внешнеполитического характера, которые тормозят последовательное развитие страны.

Во-первых, Крым не признан мировым сообществом в качестве части территории Российской Федерации. Лишь восемь стран признали Крым российским, и в их числе на текущем этапе нет даже стран ОДКБ. Это печальный факт, который во многом определяет отношение большинства стран к России сегодня. Россия по-прежнему воспринимается мировым сообществом в качестве оккупанта и нарушителя международного права. Для великой державы, которой Россия, безусловно, является, наличие непризнанной территории представляет проблему. Введение санкций США и ЕС в отношении лиц и компаний, чья деятельность связана с Крымом, ощутимо повлияли на нашу страну и на ситуацию в самом Крыму. В частности, с декабря 2014 г. был установлен запрет на американские инвестиции в развитие полуострова, а также на экспорт и импорт товаров, услуг и технологий между США и крымским регионом. Мировые платежные системы Visa и Mastercard приостановили обслуживание карт российских банков, распространивших свою деятельность на Крым. Крупнейшая отечественная кредитная организация, Сбербанк, опасаясь санкционных последствий, воздерживается от открытия своих отделений на полуострове [10]. Продовольственное эмбарго и контрсанкции привели к сокращению взаимной торговли между Россией и западными партнерами. Помимо санкций, которые наносят вред как России в целом, так и населению и экономике Крыма в частности, неопределенный статус такой важной территории бросает тень на международную репутацию России.

Во-вторых, и это, возможно, имеет большее значение, Россия после крымских событий попала в международную изоляцию. Россия была исключена из формата G8, попала под удар международных санкций, значительно ухудшились отношения с большинством стран Запада. Россия вновь переориентировалась на Восток, и сегодня мы можем наблюдать активное взаимодействие по линии ШОС и БРИКС, вступление в силу договора о создании Евразийского экономического союза [11]. Конечно, в некоторых сферах устойчивость России повысилась, в частности, были созданы или усовершенствованы различные отрасли отечественной промышленности, что само по себе является положительным фактором. Однако влияние России в мире в условиях возрастающей многополярности растет, и налаживание конструктивного диалога на равных представляется важным и необходимым для позитивной динамики развития России.

Что же именно следует сделать и к каким средствам прибегнуть для решения обозначенных проблем? Во-первых, следует укреплять экономическое сотрудничество между Россией и странами Запада. Необходимо эконо-

мически заинтересовать наших западных партнеров и продемонстрировать им выгоду торговых отношений с Россией. Успешный пример — это реализация крупнейшего инфраструктурного проекта «Северный поток — 2», который во многом способствует позитивной динамике развития отношений между Россией и Германией, несмотря на существующие политические противоречия. Европа сегодня действительно зависима от российских энергоносителей, но было бы ошибкой строить торговое сотрудничество только на этой основе. Необходимо расширять сферы экономического сотрудничества в других отраслях, искать новые точки соприкосновения. Это может стать началом улучшения политических взаимоотношений.

Ситуация с признанием Крыма аналогична. Необходимо заинтересовать западных инвесторов во вложении капиталов в Крым. Это огромное поле деятельности, и от сотрудничества выиграют обе стороны. Сегодня иностранные инвестиции поступают в Крым через офшоры и из некоторых стран СНГ. Но этого очень мало. Российским дипломатам необходимо расширять свои связи среди западного бизнеса, проводить зондаж по этому вопросу, искать заинтересованных лиц, влияние которых может поспособствовать и правовому признанию Крыма. Необходимо глобально расширять личные контакты с представителями общественности, политической, культурной и научной элиты. Прочные дружеские отношения в стране пребывания часто перетекают в более плодотворное сотрудничество стран в целом. Наконец, нужно всячески продвигать русскую культуру за рубежом. Российским дипломатам сегодня следует создавать условия для действия русской «мягкой силы». Необходимо расширять деятельность Русских домов, чаще устраивать мероприятия для граждан страны пребывания для формирования среди населения привлекательного образа русской культуры. Наконец, стоит расширять гуманитарное сотрудничество. В этой связи было бы уместно упомянуть организацию помощи Италии в 2020 г. в рамках борьбы с пандемией COVID-19 [12].

Сам по себе «феномен» Александры Коллонтай представляет собой интерес для современности и по другой причине. Именно русская женщина стала первым дипломатом в истории. Тогда это произвело фурор и среди ее коллег-мужчин, и среди журналистов крупнейших мировых издательств. Однако сегодня Россию в иностранных государствах представляют в основном мужчины, за редким исключением. Дипломатия отличается своей консервативностью и традиционно считается мужской профессией, однако множество талантливых женщин могли бы с неменьшим успехом осуществлять представительство нашей страны за рубежом. В 2002 г. на совещании послов Владимир Путин отметил, что отсутствие женщин в российской дипломатии может стать слабым местом нашей внешней политики [13]. Замечание пре-

зидента было своевременным. Во многих странах участие женщин во внешней политике заметно расширилось. Тому есть много причин, связанных не только с обеспечением женского равноправия. Так, например, существует экспертное заключение: если при принятии важных политических решений голоса женщин составляют менее 30%, они обречены быть субъективными. Надо ли удивляться, что ныне в мире ведется скрупулезный учет назначения женщин на дипломатические посты [14]. Однако по состоянию на 2018 г. в России среди 131 дипломата в ранге чрезвычайного и полномочного посла не было ни одной женщины, также нет женщин — заместителей министра и только 2 департамента МИД из 40 (5%) возглавляют женщины: Департамент информации и печати (М.В. Захарова) и Историко-документальный департамент (Н.М. Барина) [15]. Для сравнения: в 2014 г. Швеция имела в составе МИД 40% женщин на посольских должностях, США — 30%, Израиль — 18%, Бразилия — 16%, Турция — 13%. Согласно данным МИД России, в 2016 г. среди 145 глав диппредставительств иностранных государств, аккредитованных в России, было 16 женщин (11%) [16].

Возможно, стоит пересмотреть сложившуюся традицию преимущественного назначения дипломатов-мужчин в качестве послов. Назначение на высшие дипломатические должности способствовало бы укреплению имиджа дипломатии России, в том числе аппарата МИД. Увеличение количества женщин-дипломатов на всех уровнях службы могло бы работать как инструмент «мягкой силы». Особенно актуально это представляется в связи с ростом популярности идей равноправия в большинстве западных стран. Вероятно, назначение женщин-послов в качестве дружественного жеста позволит улучшить отношения между странами. Если обратиться к опыту Швеции, то в 2021 г. там впервые пост премьер-министра заняла женщина, лидер Социал-демократической рабочей партии Магдалена Андерссон [17]. Вероятно, тенденция на увеличение количества женщин в правительствах европейских стран будет только усиливаться, и выстраивание эффективного диалога с ними представляется возможным, в частности, благодаря включению женщин в российскую дипломатию на высоком уровне.

Наконец, Коллонтай руководствовалась в своей работе принципами, которые заслуживают внимания и дипломатов XXI в. Она писала, что нужно быть искренне заинтересованным и даже любить страну, в которой работаешь, сохранять достоинство собственное и своей страны, уметь говорить правду своему правительству, даже если она не соответствует ожиданиям. Наконец, нужно быть психологом, чувствовать людей, интересоваться ими, улавливать и запоминать детали. Она была убеждена, что в дипломатии не должно быть места личным симпатиям и антипатиям. Единственное, чем необходимо руководствоваться, — это взвешенный учет всех факторов, всей

имеющейся информации, собранных сведений. Думается, что все эти качества стоят вне времени, а потому овладение ими не только возможно, но и крайне необходимо для дипломатов XXI в.

Мир сегодня стал совсем другим. Конечно, дипломатия современности значительно трансформировалась с тех пор. Сегодня перед Россией встали новые вызовы и угрозы, но это не означает, что старые методы потеряли свою эффективность. Сегодня перед российскими дипломатами стоят не менее сложные задачи. Но было бы справедливо отметить, что основные методы, которые применялись Коллонтай в прошлом веке, являются универсальными и подходят для решения современных проблем. По-прежнему необходимо решать вопросы экономического сотрудничества между Россией и другими странами. К сожалению, России приходится сегодня находить выход из международной изоляции. Снова стал актуальным вопрос сохранения мира. Все это так или иначе уже встречалось в разные периоды истории нашей страны, и способы решения современных проблем возможно найти в деятельности дипломатов прошлого, в том числе Александры Михайловны Коллонтай.

Библиография

1. Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Предисловие и примечания д-ра истор. наук, проф. М.М. Мухамеджанова. В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2001. 528 с. Ил.
2. The official website of the Nobel Prize. URL: <https://www.nobelprize.org/nomination/archive/list.php?prize=5&year=1946> — 04.02.22.
3. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf — 04.02.22.
4. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> — 05.02.22.
5. Утятин А.А., Семенова В.В. Внешняя политика Европейского Союза по отношению к России на современном этапе // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. Т. 3, № 2 (10).
6. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> — 11.02.22.
7. 15 лет мюнхенской речи. Что сбылось из предостережений Путина [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/13659105> — 11.02.22.
8. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств — членов Организации Североатлантического договора [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/ — 14.02.22.

9. В МИД назвали реакцию Запада на предложения по гарантиям разочаровывающей [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220214/bezopasnost-1772708617.html> — 14.02.22.
10. *Ермаков А.Р., Ромашова И.Б., Дмитриева Н.Ю.* Влияние «Крымских» санкций на экономику России и борьба за их отмену // Государственный советник. 2019.
11. *Белова Н.Е.* Россия в современной системе международных отношений // Приволжский научный вестник. № 12–2 (52). 2015.
12. «Мой дед их помнил». Почему итальянцев не удивила помощь России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200325/1569098686.html> — 09.02.22.
13. Выступление на расширенном совещании в Министерстве иностранных дел с участием глав дипломатических миссий за рубежом 12 июля 2002 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21674> — 09.02.22.
14. Сайт Представительства МИД России в г. Красноярске [Электронный ресурс]. URL: <https://krsk.mid.ru/zensiny-v-diplomatii> — 09.02.22.
15. Сайт Министерства иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/about/structure/central_office/ — 09.02.22.
16. *Воевода Е.В., Морозов В.М., Карпов В.В.* Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе // Женщина в российском обществе. 2018. № 4.
17. Что известно о Магдалене Андерссон — первой женщине, занявшей пост премьеры Швеции [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/13009537> — 09.02.22.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОЛИАКТОРНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ»

Авдеева Варвара Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
институт философии, бакалавриат

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

GLOBALIZATION AND REGIONAL INTEGRATION: GENERAL TRENDS AND RUSSIAN EXPERIENCE

Аннотация. В нашей статье мы обратились к актуальным международным тенденциям и проанализировали изменения, которые они претерпели в течение последнего десятилетия. В центре нашего внимания оказались такие феномены, как глобализация, противоположная ей деглобализация, интеграция и регионализация. На примере недавних принятых государствами политических и экономических решений мы оценили общую стратегию развития и отклонение от исключительно глобализационного вектора в пользу региональной интеграции. Обращение к российскому опыту в вопросах внешней политики, с характерной ориентированностью на развитие отношений на постсоветском пространстве, указало на актуализацию процессов локальной интеграции, основанной на более широком круге причин, чем экономические интересы.

Ключевые слова: глобализация, деглобализация, регионализация, региональная интеграция, ЕАЭС, ОДКБ.

Abstract. We focused on current international trends and analyzed the changes they have been experienced over the past decade. The focus of our attention turned out to be such phenomena as globalization, deglobalization, integration and regionalization. Using the example of recent political and economic decisions taken by States, we assessed the overall development strategy and the aberration from the exclusively globalizing vector in favor of regional integration. The appeal to the Russian experience in foreign policy issues, with a characteristic focus on the development of relations in the post-Soviet space, pointed to the actualization of

the processes of local integration based on a wider range of reasons than economic interests.

Key words: globalization, regionalization, regional integration, EAEU, CSTO.

Исследование политической повестки в последние 30 лет не может игнорировать анализ таких феноменов, как глобализация, интеграция, регионализация, во многом именно эти тенденции определяют политическую конъюнктуру и специфику международных отношений. Однако в последние несколько лет на страницах свежих исследований все чаще стал фигурировать и термин «деглобализация». Несмотря на широкое применение, говорить о четких дефинициях перечисленных понятий проблематично. Например, глобализация не имеет признанного определения, на экспертном уровне в это понятие вкладываются разные смыслы: узкое определение относится к процессам, прежде всего, международной экономической интеграции, а широкое толкование может включать описание изменений социальных процессов.

Однако мы можем очертить определенную исследовательскую рамку или систему координат, в масштабах которой эти понятия функционируют и определяются. Прежде всего ключевым моментом в отношении глобализации является взаимосвязанность элементов. Но эта взаимосвязанность многопланова: начавшись как интеграция экономических пространств, глобализация теперь затрагивает почти все сферы жизни социума.

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, увеличение масштабов глобализации и ее все более широкое распространение, ряд исследователей настаивает на том, что вместе с глобализацией становятся сильнее и отчетливее противоположные ей тенденции. Например, Э. Гидденс говорит об актуализации идей национализма и локальной идентичности, а Р. Робертсон сопоставляет унификацию различий с различием универсального [1]. Целый ряд исследователей сходятся на том, что сама глобализация стимулирует развитие антиномичных ей деглобализационных процессов.

Важно отметить соотношение процессов глобализации и либерального фундамента. В этом вопросе прослеживается определенная корреляция: усиление глобализационных тенденций осуществлялось на фоне реализации либерального порядка. Во-первых, либеральный дискурс тесно связан со свободной торговлей и последующей интеграцией экономик, что в конечном счете является основой также и глобализации.

Во-вторых, либеральный порядок заинтересован в демократизации: предполагается, что демократический режим налагает ограничения на применение силы. Демократический строй актуализируется в качестве гаран-

тии мирного сосуществования. Более того, в последнее время он становится обязательным условием вхождения государств в глобалистскую повестку дня как полноправных субъектов. Если еще в 1970-х гг. декларации ООН не затрагивали вопроса о политическом режиме, то сейчас демократия все чаще становится обязательным пунктом для государств, желающих быть полноценными субъектами мировой политики.

Так, например, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, ратифицированная ООН в 1970 г., в качестве одного из принципов утверждает в качестве неотъемлемого права любого государства право на определение политической, экономической, социальной и культурной системы, без вмешательства внешних элементов [2]. В современных резолюциях и декларациях ООН (эта тенденция характерна в общем для международных организаций, ООН не является исключением) апелляция к демократическим принципам не является редкостью: Политическая декларация об активизации сотрудничества между ООН и региональными и субрегиональными организациями содержит пункт, в котором субрегиональные и региональные организации призываются не только к поощрению свободы и уважению прав человека, но и к общей приверженности справедливому и демократическому обществу [3].

Все большее укрепление либерального международного порядка, осуществляемое действиями международных организаций, сопровождалось расширением сфер его влияния: в центре оказалась уже не столько общность экономики, сколько вопросы здравоохранения, безопасности, системы права. Однако, как мы уже отметили ранее, глобализация в своем диалектическом развитии вызвала к жизни силы, и оппозиционные ей. Экономический кризис 2007–2008 гг. активизировал нелиберальную ориентированность экономической политики: цифры указывают на сокращение трансграничного оборота капиталов и услуг по отношению к мировому ВВП после 2007 г. [4, с. 9].

Интересно обратиться и к экономической повестке дня в рамках эпидемии COVID-19. В докладе Всемирной торговой организации (далее ВТО) за 2020 г. тенденция на введение протекционистских мер только усилилась, вопреки поддерживаемой ВТО либеральной стратегии. Согласно ВТО, за период с 15 мая по 15 октября 2020 г. странами G20 были введены меры, 85% из которых «представлены мерами торговой защиты в то время, как меры, стимулирующие и ограничивающие торговлю, охватывают 15% всех мер, не связанных с пандемией» [5, с. 4].

Ряд исследователей настаивает на том, что подобное положение дел указывает скорее на смену содержания глобализации, но сама глобализа-

ционная форма остается неизменной. Согласно этой точке зрения, глобализация развивается, сопровождаясь волнами спада и подъема характерных экономических показателей и методов регулирования. Так, например, такие экономисты, как Кевин О'Рурк и Джефф Уильямсон опубликовали работы, рассматривающие глобализацию как тенденцию, появившуюся в первой четверти XIX в. [6] и периодически сменяющуюся деглобализационными настроениями.

Появившийся в начале XXI в. и активно развивающийся формат трансрегиональных соглашений, основывающихся на общности экономических интересов и довольно широкой возможности вступления в другие региональные альянсы, ставится в противовес уходящей на второй план структуре региональных организаций, ориентирующихся скорее на географический принцип и очень ограниченное поле для маневра государств-членов. Трансрегиональный формат отношений рассматривается как новый агент глобализации: возможность заключать широкий круг экономических соглашений, не ограниченных территориальными детерминантами, и вообще определенная свобода стран — участниц организаций в отношении сотрудничества с третьими странами стимулируют расширение экономических границ [4, с. 29].

Новый регионализм основывается на экономических выгодах стран — участниц соглашений и организаций, культурная общность и схожий исторический опыт перестают котироваться в качестве определяющих переменных [7]. В таком случае встает вопрос о нивелировании нематериальных факторов в отношении принятия политических и экономических решений. Однако здесь стоит обратиться к глобализации не только экономической, но и политической.

Политическая глобализация связывается с упрочением роли международных организаций и феномена глобального правительства [8, р. 112]. Существует несколько разновидностей международных организаций: первые из них — это межправительственные организации, которые осуществляют координацию действий и решений стран-участниц, вторые — это наднациональные международные организации. Так или иначе, оба типа образований предполагают передачу части суверенных прав государства в свою пользу. Однако степень их передачи значительно различается: первая модель, где принятие решений происходит консолидированно, фактически не затрагивает суверенитет стран, в отличие от организаций типа ЕС, существующих в качестве автономных единиц по отношению к государствам и налагающих на них большой перечень обязательств.

Как мы уже писали раньше, политическая глобализация также переживает кризис и деглобализационные процессы в этом поле едва ли менее акту-

альны. Влияние международных организаций в области реализации политических решений в последнее десятилетие уменьшается.

Такая концепция, как «responsibility to protect», закрепленная в итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. [9], например, встретила негативную реакцию, и дискуссии по поводу ее включения в устав ООН перестали быть актуальными в последнее десятилетие. «Обязанность защищать» сокращает суверенитет и компетенции государств и оправдывает с правовой точки зрения вмешательство третьих сторон во внутренние дела стран. Важно отметить и то, что концепция допускала вмешательство во внутренние дела не только при наличии свидетельств нарушения права, но и в превентивных мерах. Сохранение широкого круга компетенций в пользу суверенного государства также указывает на альтернативу глобализационным тенденциям.

Мы можем предположить, что геополитическая схема мировой политики так или иначе оказывается связана географическими и историческими детерминантами. Это не означает исключения общемировых процессов интеграции и сотрудничества, однако обращение к категориям неэкономического порядка также имеет место быть.

Регионализация, опирающаяся на более широкий круг общих интересов, чем только интересы экономические, может оказаться более долгосрочной перспективой, чем альянсы трансрегиональные. Здесь мы хотели бы обратиться к опыту России: формированию региональных международных организаций, ориентированных на страны бывшего Советского Союза.

Сразу после распада Советского Союза руководство Российской Федерации придерживалось линии сохранения отношений с бывшими союзными республиками. Тем не менее уже на последних этапах истории Советского государства взаимодействие с республиками Центральной Азии не соответствовало изначально заданному вектору: политический курс республиканских правительств приобрел национальный характер. В период нахождения у власти Л.И. Брежнева руководство страны закрывало глаза на проводимую национальную политику на местах в обмен на лояльность по отношению к центральному аппарату. Как указывается в пособии, посвященном международным отношениям в Центральной Азии: «Общественные настроения в регионе стали определяться идеями «экономического суверенитета», а затем и суверенитета вообще» [10, с. 224].

На смену дискредитированной советской идеологии в конце 80-х в союзных республиках пришел национализм. Интернационализм, характерный для советского прошлого, был перечеркнут этническими конфликтами, возникшими в том числе и на фоне экономической конкуренции. В национальных республиках Союза один за другим вспыхивают межэтнические столкновения. Это и Казахстан с национальными объединениями «Желтоксан»

и «Азат», не согласными с позициями казачества, занимаемыми в регионе; и конфликт в киргизском городе Ош между узбеками и киргизами; и Таджикистан, где получили развитие идеи исламского возрождения (Партия исламского возрождения Таджикистана).

К моменту распада Советского Союза во всех республиках Центральной Азии было утверждено превалирующее значение региональных законов перед общесоюзными. Следующим шагом к полному утверждению национального суверенитета и ухудшению отношения с РСФСР, а впоследствии и с РФ стало изменение состава государственных языков. Русский язык не получил статуса государственного ни в одном из центральноазиатских государств.

Таким образом, выстраивание отношений уже в постсоветский период со странами Центральной Азии осложнялось господствующими антирусскими настроениями, не менее напряженная общественно-политическая ситуация сложилась в Закавказье: три не признанных государственных образования (Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах) не раз становились причиной столкновения противоборствующих сил. Тем не менее сформировавшееся за годы существования Советского Союза общее экономическое, инфраструктурное и политическое пространство стимулировало развитие интеграционных объединений и образование военно-политического союза [11, с. 118–119].

На постсоветской территории становится актуальным такой механизм международного взаимодействия, как международная организация. Первым этапом работы в этом направлении стало создание СНГ. На момент образования Содружества термин «интеграция» ни в Беловежском соглашении, ни в Алма-Атинской декларации не содержался, акцент сделан на сотрудничестве, однако в качестве намерения было указано создание общего рынка и экономического пространства. Впервые мы встречаем «интеграцию» в тексте Устава Содружества Независимых Государств от 1993 г. [12], но и здесь оно сосуществует с формулировкой межгосударственной кооперации. Реализация экономической интеграции и учреждение Экономического союза не нашло поддержки среди руководства стран — участниц Содружества: подписанные соглашения, направленные на развитие интеграции, носили скорее декларативный, чем обязательный характер.

Неудачный опыт в области создания интеграционного объединения стимулировал развитие нового этапа интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Идея создания Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) стала причиной учреждения в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). К 2011 г. Россия, Белоруссия и Казахстан успешно завершили реализацию проекта Таможенного союза. Важно отметить, что в отличие от СНГ для управления Тамо-

женным союзом был создан наднациональный орган — Комиссия Таможенного союза. Именно наличие наднациональной структуры в международной организации указывает на актуализацию интеграционных процессов.

Следующим шагом должна была стать реализация проекта Единого экономического пространства. Декларация о Евразийской экономической интеграции, принятая в 2011 г., предполагала, например, создание нормативно-правовой базы ТС и ЕЭП [13]. В 2014 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета президенты России, Белоруссии и Казахстана подписали договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На сегодняшний день ЕАЭС можно считать состоявшимся интеграционным региональным проектом.

Принятая в 2018 г. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов предполагает окончательный переход к общему рынку и отсутствию внутренних барьеров, включены в Декларацию и стратегии по осуществлению совместной инвестиционной и инновационной деятельности. В планы было включено и создание единого финансового рынка [14]. Уже в 2019 г. началась работа переходной модели общего рынка электроэнергии. ОЭР предполагает свободное ценообразование, либерализацию внутренней торговли энергоносителями, унифицированные условия доступа к транспортной инфраструктуре, приведение к единому образцу правил и требований, касающихся производства и транспортировки [15].

Повышающийся уровень интеграции, в свою очередь, позволяет говорить о поддержании стабильности макроэкономических ситуаций государств-членов и недопущении снижения темпов экономического роста.

Еще одним важным пунктом актуализации взаимодействия на постсоветском пространстве оказывается ОДКБ. Организацию договора по коллективной безопасности нельзя назвать интеграционной структурой, но она является примером сотрудничества в области безопасности, проявившим себя в недавних событиях в Казахстане как функционирующее не только на бумаге объединение.

Началом ОДКБ стал Ташкентский договор о коллективной безопасности (ДКБ) от 1992 г., который отмечал «закрепление на новой политико-правовой основе российского военного присутствия в постсоветском ареале» [11].

Однако уже к концу 1990-х гг. по мере обретения странами все большего суверенитета среди участников ДКБ наметился кризис, следствием которого стало непродление участия в альянсе со стороны Азербайджана, Грузии и Узбекистана. Причинами стали и конфликт между Арменией и Азербайджаном по Нагорному Карабаху, и несогласие Грузии с политикой России в отношении Абхазии и Южной Осетии. После выхода указанных стран регион функционирования ДКБ ограничился фактически Центральной Азией.

Вообще необходимо отметить, что фактическая жизнедеятельность ДКБ не соответствовала его задокументированным целям и задачам. Речь шла не только о создании коалиционных военных формирований и совместной системы противовоздушной обороны, «в ДКБ не были созданы даже единые штабные структуры» [16, с. 342].

Вместе со сменой власти в Москве в 2000-х гг. происходит пересмотр условий, структуры и задач ДКБ. В 2002 г. ДКБ становится Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в этом же году модернизируются положения Ташкентского договора — они становятся положениями устава ОДКБ. Теперь в ОДКБ есть разветвленная структура, установленные принципы и нормы. Однако стоит отметить, что, несмотря на создание институциональной структуры, ОДКБ часто не включалась в конфликты на постсоветской территории (например, межэтнический конфликт в Киргизии в 2010 г.) [17]. В свою очередь, присутствие миротворцев в Казахстане и их помощь в разрешении кризисной ситуации в перспективе может повлиять на политические решения других стран — участниц объединения.

Сегодня мы наблюдаем на примере государств постсоветского пространства, несмотря на обостренную ситуацию после распада СССР, усиление развития интеграционных процессов на региональном уровне, заинтересованность в сотрудничестве в сферах экономики, политики и безопасности. Вместе с вводимыми на общемировом уровне защитными экономическими мерами и снижением темпов политической глобализации это может указывать на определенную деглобализационную тенденцию и актуализацию процессов региональной интеграции, основанную не только на экономических интересах, но и сходном историческом опыте.

Библиография

1. Kornprobst M., Paul T.V. Globalization, deglobalization and the liberal international order // *Global Affairs*. 2021. No. 97 (5). P. 1305–1316.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: принята резолюцией Генер. Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml — 19.02.2022.
3. Политическая декларация об активизации сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными и субрегиональными организациями: принята резолюцией Генер. Ассамблеи ООН от 5 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/277> — 19.02.2022.
4. Хейфец Б.А. *Метаморфоза экономической глобализации*. М.: Институт экономики РАН, 2018. 41 с.

5. Мониторинг торговых мер «стран двадцати». Обзор доклада ВТО. Период — май — октябрь 2020 г. Сайт Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/1927a6506a8270ad6b64c9c1310db8df/194411020.pdf> — 19.02.2022.
6. O'Rourke K.H., Williamson J.G. Globalization and history: the evolution of a nineteenth century Atlantic economy. Cambridge: MIT Press, 1999. 343 pp.
7. Бутенко В.А., Мохаммади Ш. Регионализация и «новый» регионализм // Право и политика. 2020. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizatsiya-i-novyy-regionalizm> — 14.02.2022.
8. Andreev A.I., Ilyin I.V., Zinkina J. Approaches and paradigms in defining the essence of globalization // Globalistics and Globalization Studies. 2015. P. 110–118.
9. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. П. 138: принят резолюцией Генер. Ассамблеи от 16 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml#t1 — 14.02.2022.
10. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы // Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект пресс, 2011. 560 с.
11. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. 688 с.
12. Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. Сайт исполнительного комитета СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/page/180> — 15.02.2022.
13. Декларация о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/Deklaracija.pdf> — 18.02.2022.
14. ЕАЭС — 2020: достижения, вызовы и перспективы. ИАЦ МГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/eaes-2020-dostizheniya-vyzovy-i-perspektivy/> — 17.02.2022.
15. Мигранян А. Тренды евразийской интеграции. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-eaeu> — 17.02.2022.
16. Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4.
17. Никогосян О. Предварительные политические уроки миротворчества ОДКБ в Казахстане. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/predvaritelnye-politicheskie-uroki-mirotvorchestva-odkb-v-kazakhstane/> — 17.02.2022.

Ievleva Olga Vitalievna

Saint Petersburg State University, School of international relations, Master's

SCIENCE DIPLOMACY: DISCOURSE ANALYSIS

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Abstract. The article represents a discourse analysis of literature presented about science diplomacy and overview of the main definitions necessary for articulating about the subject matter. In addition to terminology, the author draws examples of international scientific organizations related to shaping science diplomacy dimension, among those are the International Science Council, the AAAS and the Royal Society.

Keywords: science diplomacy, scientific research, international scientific cooperation, international scientific organizations, science in diplomacy.

Аннотация. Статья представляет дискурс анализ литературы о научной дипломатии и обзор ключевых определений необходимых для рассуждения о предмете исследования. В дополнение к терминологии, автор приводит примеры международных научных организаций причастных к формированию измерения научной дипломатии, среди которых Международный научный совет, AAAS и Королевское общество.

Ключевые слова: научная дипломатия, научно-исследовательская деятельность, международное научное сотрудничество, международные научные организации, наука в дипломатии.

Science diplomacy is a practice that has been exercised for many years. However it has got attention of researchers analysing the realm of international relation quite recently.

The review of literature devoted to the role of science in diplomacy is conducted with a goal to identify a state of the research object which is science diplomacy.

Relevance of studying science diplomacy is explained in a range of trends existing in contemporary fields of science and diplomacy in general, as well as global trends impacting on interstate relations. First of all, scientific researches have become highly internationalized that introduced scientists deep into realm of international relations and created dependence of science and diplomacy, especially if we are talking about scientific technical cooperation which is highly controlled by states. Here, we also need to mention that contemporary scientific technological developments are extremely expensive and demand cooperation of scientific specialists from different countries which meet state interests. Furthermore, a number of international scientific associations have emerged. Their activity plays

a key role in a creation and maintaining scientific network which unites not just international organizations but also national academies.

As for global trends, global challenges pose a significant threat for humanity and demand collective actions and comprehensive scientific assistance for coping with them. Thus, the challenges play a key role for inclusion of scientists into international relations process. It is worth to notice that climate change is one of the central pillar for science diplomacy development.

To begin with, it is essential to have clear understanding of all terminology in order to articulate about the subject successfully. As we are going to speak about science diplomacy we need to understand that 'diplomacy' is a field of state interaction. Russian 'Big legal dictionary' provides us with a following definition of diplomacy: "one of the ways to implement the foreign policy of the state. It is carried out in the form of official knowledge about the structure and behaviour of the natural and physical world, based on facts that you can prove, for example by experiments directly diplomats, contributing to the achievement of the goals and objectives of foreign policy and the protection of the interests of their state and their citizens abroad"(2003) [1]. On-line Oxford Dictionary offers a shorter definition of the term: "the activity of managing relations between different countries" [2].

Another key component of our study is science, which is defined by Ozhegov's Explanatory Dictionary as "a system of knowledge about the laws of nature, society and thinking development, as well as a separate branch of those knowledge" (1999) [3]. On-line Oxford Dictionary gives a lookalike definition: knowledge about the structure and behaviour of the natural and physical world, based on facts that you can prove, for example by experiments [4].

International scientific cooperation also plays an essential part in conducting our study. One of the definitions that can be found in Russian Sociological Encyclopaedia is a direction of foreign policy, the subject of which is cooperation between states in conducting joint research or development, as well as in regulating relations that spontaneously develop between different national scientific communities (personnel migration, information exchange) (1983) [5]. Here we need to mention also that international scientific cooperation is not only a direction of foreign policy but also can be developed by some organizations or individuals apart from a state.

One of scientific cooperation type is scientific technical cooperation. Big Encyclopaedic Dictionary defines it as a form of international economic cooperation (2000) [6]. However, this definition does not provide full picture of scientific technical cooperation complexity. "Concept of scientific technical cooperation of the Russian Federation" offers a more comprehensive definition: a set of joint activities, works, relationships and forms of interaction of the cooperating parties in various fields of science, technology and innovations in order to obtain new

knowledge, develop technologies, as well as create and improve new products as a result of intellectual activity for national needs or implementation on the world market [7].

The key unit of our study is a scientific research that is seen as an element of science diplomatic realm. In Russian language this unit can be referred as “научно-исследовательская работа” which can be translated literally as “scientific research” or “research” shortly. The word “работа” in this phrase can mean both an activity or a scientific paper, depends on the context. Besides, Russian documents also can contain such a lookalike term as “научно-исследовательская деятельность”, which also defines research but only as an activity, as well as “научная деятельность” that has the same meaning as all above mentioned ones. All above mentioned terms used for description of scientific research in Russian language can be equally used in a text with a slight difference that depends on the context.

As for defining scientific research, among Russian key documents Russian Federal law “About Science and Scientific Technical policy” can be referred to. It uses “научно-исследовательская деятельность” for scientific research activity and defines it as an activity aimed to gain and apply new knowledge. Furthermore, within the scientific research activity the law distinguishes fundamental, applied and exploratory scientific research [8].

If we refer to foreign dictionaries such as Oxford or Cambridge, here we do not find “scientific research” or “scientific research activity” but only “research” which is defined as a careful study of a subject, especially in order to discover new facts or information about it. However, we can see in the dictionary that “research” is more often used in collocation with an adjective “scientific” [9].

Finally, here we also should list “science diplomacy” which is often referred in speculation about science and diplomacy interaction. There is no consent about some universal definition for the concept among researchers and practitioners. However, many researchers define it as a dimension of diplomacy, as a way of setting interstate relations, where there are no official channels of interaction. This kind of definitions relate to an earlier stage of the conceptual framing. The later definitions offer to consider science diplomacy as a utilization of scientific cooperation in fight with common challenges of the XXI century.

Many authors distinguish science diplomacy as a part of public diplomacy of diplomacy of influence [10]. At the same time, these authors as a rule define science diplomacy in the context of liberalism. Pierre-Bruno Ruffini, former Italian diplomat, highlights that an overwhelming part of researchers about science diplomacy has been written by scientists, who are involved into the process of science diplomacy. This fact explains popularity of the idealistic approach to analysing science diplomacy. Furthermore, the author notices the shift to realism has been happening last years [11].

In 2015 V.Turekian, the USA state secretary former advisor on science and technologies, gave a following definition for science diplomacy: “is the process by which states represent themselves and their interests in the international arena when it comes to areas of knowledge (...) acquired by the scientific method”, which can be used to “leverage one country’s influence over another”, adding that “the central purpose of science diplomacy is often to use science to promote a state’s foreign policy goals or inter-state interests” [11].

Science diplomacy as a dimension of traditional diplomacy requires compulsory state participation. Ruffini states in his book devoted to science diplomacy that it is a responsibility of sovereign states and can not be considered aside from them. At the same book he refers to a Senior Fellow at the Canadian Global Affairs Institute Daryl Copeland’s quote: “by virtue of its direct relationship to government interests and objectives, science diplomacy differs from international scientific co-operation, which is sometimes commercially oriented and often without direct state participation” [10].

Summing the analysis of science diplomacy definitions, there are two major approaches, which are idealistic and realistic depending on the goal that are prioritised. However, for drawing a full picture of science diplomacy diplomacy it is also important to consider subdivision of the concept which we will pay close attention to in the literature review itself.

Moving to another part of our review, there is a number of organizations appeared in sphere of scientific cooperation which serve to promote cooperation among scientists. Among them we can name such global organization as the International Scientific Council (ISC). The ISC was launched in 2018 following a merger of the International Council for Science (ICSU), which was created in 1931, and the International Social Science Council (ISSC), created in 1952 . The Council is committed to supporting the development of all science, from discovery to application, and including the full range of disciplines, from the natural and social sciences to the behavioural, data and technological sciences [12].

Another scientific organization, that plays its part in development of science and studies about intersection of science and diplomacy, is The Royal Society located in the United Kingdom. The society has a long history that starts with ‘invisible college’ of natural philosophers and physicians back in 1660 and contains such widely known names as Benjamin Franklin, Albert Einstein and Stephen Hawking. The main purpose of the Royal Society is to recognise, promote, and support excellence in science and to encourage the development and use of science for the benefit of humanity [13].

In terms of our research, in 2010 the Society published a report devoted to science diplomacy which is considered as one of the central pillar for studying science and diplomacy interaction. The report is based on two days meeting “New

Frontiers in Science Diplomacy” held in 2009, London organized by the Royal Society and the American Association for Advancement of Science. As there was a range of representatives from Muslim and Western countries the subtext of using science for reducing tensions between parties appears [14]. During the conference scientists from twenty countries listened to a range of reports and discussed issues devoted to science diplomacy. Among those numerous topics we can highlight directions and perspectives of science diplomacy, as well as the role of science diplomacy in such issues as environmental security and international spaces [15]. Speakers from various countries were presented, some of them are Italy, India, Brazil, the UK, the USA.

The American Association for Advancement of Science or the AAAS which has been mentioned above is another scientific organization that seeks to promote scientific achievements among countries. As the web-site claims, it is the largest multidisciplinary scientific society and publishing organization that has its own family of journals. The AAAS counts members from more than 91 country around the world and has quite long history that starts in 1848 when the scientific community of America started to form [16].

In terms of our studies the AAAS is significant not only because it is related to the meeting “New Frontiers in Science and Diplomacy” but also because of the journal it publishes. The journal “Science&Diplomacy”, which is in open access for everyone, it gathers articles about nexus of science and diplomacy. As it is said on its official web-site the journal provides a forum for rigorous thought, analysis, and insight to serve stakeholders who develop, implement, or teach all aspects of science and diplomacy [17]. A quick look at recent publications allows us to make an inference that “Science&Diplomacy” is a platform for both practitioners and scientists. Besides, there is a variety of scientists from different fields, not only political sciences. In terms of Covid-19, there is a number of publications made by virologists and other specialists related to health.

Moving to literature review itself, science diplomacy is a relatively new dimension of contemporary diplomacy that has its manifestations back in history but finds its rapid rise in the XXI century.

There are number of studies devoted to the concept of science diplomacy. For selecting key works for our literature review we have set two basic criteria. The first one is a presence of primary original ideas in the work. As it has been mentioned there are plenty of papers about this dimension of diplomacy, however, many of them refer to earlier studies or primary sources. Thus, it is essential for us to find primary sources to recreate discourse available about science diplomacy. Another criterion is presence of terminology devoted to science diplomacy that includes such key words as “scientific research”, “scientific research activity”, “science diplomacy”, “scientific technological cooperation”, “scientific cooperation”.

General picture of studies on science in diplomacy, as a rule, is quite fragmented as works published on the subject matter are restricted with considering certain states or geographical area where science diplomacy implemented. Among those we can find numerous works about the USA, Europe and their science diplomacy strategies and scientific cooperation. Besides, there are a range of works that analyse the role of science in the context of a certain global issue like health challenge, climate or resource policy.

However, among those fragmented studies there are several key works within which an attempt to develop general knowledge about science diplomacy was taken and which are considered as central pillars on the subject. These researches provide theory of science diplomacy with a conceptual framework. Among those are the above mentioned report “New Frontiers in Science Diplomacy” of the Royal Society published in 2010 [15], an article by P.D. Gluckman, V. Turekian, R.W. Grimes, and T. Kishi “Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside” (2017) [14] which was published in a reviewed earlier “Science&Diplomacy”, a book by Pierre-Bruno Ruffini “Science and Diplomacy A New Dimension of International Relations” (2017) [10] and his critical review of the conceptual framework (2020) [11].

Looking closer at chosen studies, let us start with the one of earliest publications which is the Royal Society report “New Frontiers in Science Diplomacy”, 2010 [15]. As it has been mentioned earlier the Royal Society’s report is based on the materials of two days meeting in London. It represents a quite successful for that moment attempt to determine the role of science in diplomacy and science diplomacy as a dimension. The main achievement of the paper is distinguishing of three science diplomacy dimensions: science in diplomacy, diplomacy for science and science for diplomacy. Those three dimensions became popular among researches and are often referred to nowadays although more than ten years passed after the publication of the report. It considers those dimensions in details with further examples and case studies on popular issues placed on the intersection of science and diplomacy, which are governing international space and fight with global challenges.

Another key work is “Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside” by Peter D. Gluckman, Vaughan C. Turekian, Robin W. Grimes, and Teruo Kishi which was published in the journal “Science&Diplomacy” in 2017 [14]. The authors are practitioners from the sphere of science diplomacy and current or former science or science and technology advisers in different states. The article claims that although the Royal Society’s report taxonomy is useful, it is not comprehensive and in some sense outdated already. So, it offers alternative framing with new categories for science diplomacy based on the attempt to answer the question why countries might invest efforts and resources in science diplomacy

and international cooperation. These categories are actions designed to directly advance a country's national needs, actions designed to address cross-border interests, actions primarily designed to meet global needs and challenges. The work has practical value as the authors attempt to distinguish factors or advises for successful science chief advisers in foreign ministries. Among those, such essential factors as well established communication of the process parties and experience of the advisor can be highlighted.

Our next author is Pierre-Bruno Ruffini who is also related to science diplomacy practice as he has been serving as a science adviser for six years. He published a book "Science Diplomacy: A New Dimension of International Relations" in 2017 [10]. The author provides us with a profound consideration of science diplomacy from different perspectives. The book offers historical retrospective on the dimension's development where our attention is drawn to the example of the Cold war relations between the Soviet Union and the USA when science played the role of a bridge. In general, the book seeks to find a definition that can perfectly suit science diplomacy phenomena. For better understanding, we are given a range of examples how science diplomacy is exercised by various states and what institutions are created for implementation of science diplomacy. The list of states the author analysed includes major European states among which are Switzerland, France, the UK, Italy and Germany, developed non-European states including Japan, Canada and the USA, and, finally, specifically distinguished but not characterized as previous ones, China, India and Russia, which the author presumes as developing non-European states. The author pays special attention to the dimension of multilateral science diplomacy and considers it as one that has a perspective and necessity to develop. The idea is based on the argument of fighting global challenges where climate change has the prominent example of institutional framework — Intergovernmental Panel on Climate Change. All in all, the work presents a substantial analysis with a good illustrations from practice.

Another work by Pierre-Bruno Ruffini that represents a certain value for our research is "Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: a critical review" 2020 [11]. The work contains an impressive massive of literature and sources useful for beginners who start discovering science and diplomacy intersection and science diplomacy as a phenomena. After revising the work one question arises which we suppose the author wants us to think of: where does science diplomacy end and politicization of science starts?

Summing up, the review of the conceptual framework, institutions operating in the intersection of science and diplomacy and works devoted to the topic allows us to make following inference. First of all, most of the publications on the subject of science diplomacy are created by practitioners who mainly represent scientific society rather than current or former diplomats who represent state interest on the

global arena. Due to this, papers contain an optimistic and in some sense idealistic view on the subject where science plays a role of a bridge in interstate relations or the role of a saviour that can help governments to save the world and fight the global challenges. However, the reality is not as utopian as scientists would like it to be, so science more often plays a role of instruments in achieving state interests which are rather lucrative.

The second inference is that states should pay more attention to the role of science in diplomatic realm and facilitate further institutionalization of science diplomacy in order to create an effective mechanism of communication between diplomacy and science, as well as between global scientific community and local bodies responsible for science diplomacy.

Finally, science diplomacy is a concept that appeared in the beginning of the century and was introduced by representatives of social sciences, but have already tightly entered the realm of international relations studies. Numerous works considered for our review use the concept of science diplomacy for speculating about scientific interactions with an element of state diplomacy and diplomatic interactions with an element of science.

Bibliography

1. О науке и государственной научно-технической политике. Федеральный закон No 127. 1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/ — 21.10.2021.
2. Definition of diplomacy noun from the Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/diplomacy?q=diplomacy> — 21.10.2021.
3. Наука — определение, Толковый словарь Ожегова. Ожегов, С. И., Шведова, С.И. N. 1949-1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/120534> — 21.10.2021.
4. Definition of science noun from the Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/science?q=science> — 21.10.2021.
5. Международное научное сотрудничество — определение, Российская социологическая энциклопедия. — Осипов, Г. В. 1999. URL: https://sociologicheskaya.academic.ru/1057/СОТРУДНИЧЕСТВО_МЕЖДУНАРОДНОЕ_НАУЧНОЕ — 21.10.2021.
6. Научно-техническое сотрудничество — определение, Большой Энциклопедический словарь. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/209246> — 21.10.2021.
7. Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. 2019. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/07/kontseptsiya_MNTS_Rossiyskoj_Federatsii.pdf — 21.10.2021.
8. Дипломатия — определение, Большой юридический словарь. Сухарев, А., Круцих, А., и Сухарева, А. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14406> — 21.10.2021.

9. Definition of research noun from the Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/research_1?q=research — 21.10.2021.
10. *Ruffini, P.B.* Science and Diplomacy A New Dimension of International Relations. Springer International Publishing. 2017.
11. *Ruffini, P.B.* Conceptualizing science diplomacy in the practitioner-driven literature: a critical review. *Humanit Soc Sci Commun* 7, 124 (2020). <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00609-5> — 24.10.2021.
12. ISC Brochure-2019. URL: <https://council.science/wp-content/uploads/2019/04/ISC-Brochure-2019.pdf> — 21.10.2021.
13. Mission and history, the AAAS web-site. URL: <https://www.aaas.org/mission> — 21.10.2021.
14. *Gluckman, P.D. Turekian, V. Grimes, R.W. and Kishi, T.* Science Diplomacy: A Pragmatic Perspective from the Inside // *Science & Diplomacy*, Vol. 6, No. 4. 2017. <http://www.sciencediplomacy.org/article/2018/pragmatic-perspective> — 24.10.2021.
15. New frontiers in science diplomacy, the Royal Society&the AAAS report. January 2010. URL: https://royalsociety.org/~media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf — 21.10.2021.
16. Mission and priorities, the Royal Society web-site. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2822/about-us/mission-priorities/> — 21.10.2021.
17. About the journal, Science&Diplomacy. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/about> — 21.10.2021.

Кузьмин Иван Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК КОМПОНЕНТ БАВАРСКОЙ ПАРАДИПЛОМАТИИ

PUBLIC DIPLOMACY AS A COMPONENT OF BAVARIAN PARADIPLMACY

Аннотация. В статье исследуется такая компонента парадипломатии федеральной земли Бавария, как публичная дипломатия. В начале исследования автор исследует законодательство Германии, связанное с реализацией внешних связей субъектами, а также анализирует структуру органов власти земли, задействованных в реализации данных связей. В качестве инструментов реализации баварской парадипломатии автор выделяет несколько агентств и дает их краткую характеристику. В конце исследования делается вывод о том, что каждое из упомянутых агентств сосредоточено на реализации функций публичной дипломатии. Автором подводится итог, что публичная дипломатия в Баварии стала частью парадипломатии земли, а также дается попытка объяснить, почему она стала таковой.

Ключевые слова: федеральная земля Бавария, ФРГ, парадипломатия, публичная дипломатия, субъект, внешние связи.

Abstract. The article explores such a component of the paradiplomacy of the federal state of Bavaria as public diplomacy. At the beginning of the study, the author examines the German legislation related to the implementation of external relations by subjects, and also analyzes the structure of the state authorities involved in the implementation of these relations. As tools for the implementation of Bavarian paradiplomacy, the author identifies several agencies and gives a brief description of them. At the end of the study, it is concluded that each of the mentioned agencies is focused on the implementation of the functions of public diplomacy. The author concludes that public diplomacy in Bavaria has become part of the state's paradiplomacy, and also attempts to explain why it has become such.

Keywords: Federal State of Bavaria, Germany, paradiplomacy, public diplomacy, subject, external relations.

Бавария является крупнейшей немецкой землей по площади, а также одним из богатейших регионов Европы. Благодаря своему превосходному расположению в центре Европейского Союза она является центром многих отраслей промышленности, в котором размещается множество междуна-

родных и местных компаний. Бавария стала не только центром высоких технологий Германии с компаниями в области информационных технологий, электротехники и электроники, но также является местом развития различных отраслей промышленности, таких как машиностроение, строительство, автомобилестроение и др. Благодаря первоклассному доступу к передовым исследованиям и современной инфраструктуре эти компании зарекомендовали себя как отличные деловые партнеры.

Хотя баварцы часто делают упор на отдельную идентичность и считают себя «баварцами» в первую очередь, а «немцами» — во вторую, внешняя политика земли не провозгласила программу независимости и в организационном плане полностью оформлена в рамках федерации и ее законов. Тем не менее Бавария активно действует в сфере парадипломатии наравне с такими регионами, как Квебек, Каталония, Фландрия и др.

В данном контексте предлагается проанализировать Основной закон Федеративной Республики Германии, для того чтобы понять, в какой степени ограничены полномочия Баварии в области внешних сношений. Далее автор анализирует инструменты, с помощью которых федеральная земля Бавария реализует свою парадипломатическую деятельность (в данном случае в их роли преимущественно выступают агентства, ответственные за создание позитивного имиджа земли, и, как следствие, привлечение новых предпринимателей и прямых инвестиций). В заключение автор дает оценку тому, насколько публичная дипломатия влияет на парадипломатическую деятельность Баварии. Также делается попытка охарактеризовать публичную дипломатию как часть парадипломатической деятельности земли, а не отдельное направление деятельности.

Актуальность работы обусловлена тем фактом, что парадипломатия — это явление, относительно недавно появившееся в сфере исследований международных отношений. Если среди иностранных авторов можно найти определенное количество публикаций по теме, то в среде отечественных исследователей вопросам парадипломатии уделяется куда меньший интерес. Следовательно, исследование вопросов парадипломатии одного из регионов, активно действующих в международной сфере, будет полезно для развития сферы отечественных исследований по проблематике парадипломатии.

Юридическая сторона вопроса

В Федеративной Республике Германия полномочия федерации и земель разделены, чтобы в смежных сферах ведения не появлялись противоречия между разными субъектами. Основной закон ФРГ 1949 г. в ст. 30 устанавливает, что осуществление государственных полномочий и выполнение государственных задач находится в руках земель, если Конституция страны не

устанавливает обратного, что означает, что в тех случаях, когда Основной закон не предусматривает компетенцию Федерации, она относится к земельному уровню.

В соответствии с Конституцией ФРГ (п. 1 ст. 32), поддержание отношений с иностранными государствами является исключительной прерогативой федерации. Земли ФРГ не правосубъектны. В составе правительств земель нет поста министра, отвечающего за внешние связи. Ландтаги также не наделены компетенциями во внешних делах. Они не могут рассматривать на своих заседаниях внешнеполитические вопросы и выступать с заявлениями, связанными с ними.

Тем не менее, согласно п. 3 ст. 32 Основного закона, земли имеют право от своего имени заключать договоры с иностранными государствами по вопросам, входящим в их компетенцию. Условием для этого является предварительное согласие федерального правительства, чем обеспечивается соответствие договоров субъектов общей линии ФРГ в отношениях с данной страной, и, соответственно, проведение единой внешней политики.

Количество международных договоров земель, следовательно, невелико. Гораздо большее распространение получила практика заключения соглашений с регионами зарубежных государств о партнерских связях либо о сотрудничестве в определенных областях (коммунальное хозяйство, инфраструктура, транспорт, экология, образование, культурные и молодежные связи, борьба с трансграничной преступностью и др.). Такие соглашения не считаются международными и поэтому не нуждаются в одобрении со стороны федерального центра.

В силу Закона «О сотрудничестве» земли ФРГ имеют свои информационные бюро при органах Евросоюза в г. Брюсселе. Эти учреждения не имеют статуса официальных представительств и не пользуются дипломатическим иммунитетом. Их деятельность регулируется нормами международного частного права. В их задачи включены распространение информации об экономических, о научных и об иных возможностях своих земель в плане европейской интеграции, анализ ситуации в ЕС и происходящих в нем процессов применительно к интеграционным потребностям земель, оказание консультативного содействия немецким предпринимателям из своих регионов в установлении необходимых контактов, организация поездок представителей земельных правительств и ландтагов, работа с общественностью и СМИ.

Институциональная сторона баварской парадипломатии

Внешняя деятельность Баварии проводится главным образом двумя административными органами: Государственной канцелярией Баварии

(Bayerische Staatskanzlei) и Государственным министерством экономики, регионального развития и энергетики (Bayerisches Staatsministerium für Wirtschaft, Landsentwicklung und Energie). Министр европейских дел и международных отношений (с 1 января 2021 г. этот пост занимает Мелани Хумль [1]) имеет определенную свободу действий в отношении двусторонних отношений с иностранными партнерами Баварии и решении вопросов, связанных с ЕС. Канцелярия также имеет три ключевых офиса за рубежом: в Брюсселе (с 1987 г.), Квебеке (с 1999 г.) и Праге (с 2014 г.) [2, p. 153–157].

В Государственном министерстве экономики, регионального развития и энергетики имеется отдел, отвечающий за интернационализацию, политику размещения иностранных компаний и взаимодействие с Invest in Bavaria (Abteilung 6. Internationalisierung, Standortpolitik, Invest in Bavaria). В него, в свою очередь, входят пять секторов, отвечающих за взаимодействие с тем или иным регионом (среди них: отделы взаимодействия с Америкой, Европой. Вопросы связей с Азией и Африкой регулируются в рамках одного сектора. Также есть сектор взаимодействия с Китаем, Ближним Востоком и Турцией, а также отдельный сектор, ответственный за взаимодействие с агентством Invest in Bavaria и вопросы территориального маркетинга (Standortmarketing) и поддержки инвесторов) [3].

Инструменты баварской публичной дипломатии

Один из секторов упомянутого выше Министерства экономики, регионального развития и энергетики осуществляет связь с агентством по содействию развитию бизнеса *Invest in Bavaria*, которое отвечает за привлечение прямых инвестиций. Созданное в 1999 г., оно оказывает поддержку немецким и зарубежным компаниям, а также содействует расширению инвестиционной деятельности на территории земли.

Министерство экономики через агентство Invest in Bavaria также координирует баварскую представительскую сеть за рубежом (Bayerische Repräsentanzen). Задачей сети является открытие рынков и поощрение иностранных фирм к открытию филиалов в Мюнхене. Представительства расположены на традиционных европейских рынках, а также в развивающихся странах, таких как Китай, Бразилия, Япония, Индия, Россия, Чили и Объединенные Арабские Эмираты [4].

Еще один инструмент, при помощи которого правительство земли действует в сфере публичной дипломатии, — это Баварская международная организация (*Bayern International*), созданная в 1996 г. Цель данного агентства — содействие экспорту для малых и средних баварских компаний, а также позиционирование Баварии на мировых рынках в качестве привлекательного места для ведения бизнеса.

Как один из инструментов баварской публичной дипломатии можно расценивать и Баварский исследовательский альянс (*Bavarian Research Alliance*), являющийся частной некоммерческой организацией, основанной в 2006 г. Его задача состоит в поощрении международной научно-исследовательской и технологической деятельности исследователей из университетов, а также малых и средних предприятий Баварии. Баварский исследовательский альянс имеет следующие цели: 1) расширение возможностей для участия в программах финансирования ЕС; 2) стимулирование межсекторального сотрудничества между академическими кругами и промышленностью; (3) продвижение Баварии в качестве центрального региона науки и инноваций.

Invest in Bavaria

Invest in Bavaria является агентством по содействию развитию бизнеса в федеральной земле Бавария и подотчетно Министерству экономики Баварии. Invest in Bavaria занимается территориальным маркетингом земли, формирует ее позитивный имидж привлекательного для открытия и ведения бизнеса региона. Агентство также заботится о международных компаниях, заинтересованных в открытии филиалов в Баварии или инвестировании в расширение своей представленности. В зависимости от требований агентства предлагает подходящие локации для аренды потенциальными инвесторами, организует индивидуальные поездки и предлагает экономические данные и информацию о Баварии. Invest in Bavaria помогает компаниям наладить первоначальный контакт с властями и торговыми ассоциациями, устанавливает контакты с кластерами и сетями компаний и сопровождает весь процесс расчетов. Также организация предоставляет консультации и по многим другим вопросам: возможные юридические формы для создания компании, информацию о налогообложении, субсидиям, рынку труда, образованию и многом другом [5].

Агентство Invest in Bavaria реализует программу Ois Easy для международных стартапов, которые хотят закрепиться на немецком или европейском рынке в Баварии. Стартапы из-за рубежа могут подать заявку на участие в программе, и если они будут приняты, то получат поддержку в виде обучения, бесплатного сотрудничества, помощи в создании компании, урегулировании официальных формальностей, а также доступ к сетям финансирования и баварскому сообществу стартапов. Программа Ois Easy предлагается в сотрудничестве с BayStartUp и 27 центрами цифровых стартапов, финансируемых Свободным государством Бавария и координируемых в рамках инициативы Gründerland Bayern [6].

Invest in Bavaria совместно с баварскими торгово-промышленными палатами реализует проект Информационной системы Баварии (Standort-

Informations-System Bayern или SISBY) [7]. Баварские муниципалитеты и районы помещают доступные коммерческие площади в данную онлайн-базу данных. После ввода критериев поиска инвесторы могут найти в ней данные о доступных в конкретный момент коммерческих площадях. SISBY также представляет информацию и о региональных данных, а также о технологических центрах и предлагает интерактивные карты с информацией об их местоположении.

Деятельность Invest in Bavaria можно охарактеризовать как успешную. Если обратиться к статистике [8], можно заметить, что с момента основания агентства начался заметный приток прямых иностранных инвестиций в экономику Баварии. В сегодняшних реалиях рост замедлился, но тем не менее продолжает оставаться на высоких уровнях. Агентство Invest in Bavaria посредством множества программ, направленных на формирование позитивного имиджа земли и осведомление инвесторов, успешно справляется с задачей формирования образа региона, в который стоит инвестировать и в котором стоит развивать бизнес.

Bayern International

Bayern International — это агентство, целью которого является продвижение баварского экспорта. Наблюдательный совет Bayern International состоит из членов государственных министерств Баварии, а также представителей различных экономических палат и ассоциаций земли. Агентство финансируется из бюджета федеральной земли Бавария посредством программ, реализуемых Министерством экономики, регионального развития и энергетики.

Программы Bayern International включают организацию баварских совместных стендов на зарубежных торговых ярмарках в рамках программы содействия участию в торговых ярмарках. Данная программа дает малым и средним предприятиям Баварии возможность представить себя в рамках баварского совместного стенда на торговых ярмарках по всему миру. Ежегодно на выбор предлагается около 50 торговых ярмарок в 30 странах мира [9]. Агентство реализует и график мероприятий Extra.net, доступный только для организаций, задействованных во внешней торговле Баварии: компании могут отслеживать даты событий мероприятий, а компании-исполнители могут найти документы, относящиеся к тем или иным событиям [10].

Bayern International также реализует программу «Ключ к Баварии», представляющую собой базу данных баварских компаний. Данная база данных предлагает информацию о баварских экспортно-ориентированных компаниях, которые работают в 22 секторах Баварии, а также об исследовательских учреждениях и учреждениях по передаче технологических ноу-хау, а также о правительственных учреждениях и ассоциациях [11].

Также Bayern International представляет информацию о представительствах Баварии в разных странах. Так, на сайте агентства имеются данные о 28 представительствах в различных странах. В некоторых странах Бавария имеет несколько представительств. Например, в Соединенных Штатах она имеет два представительства, в Нью-Йорке и Сан-Франциско, а в Китае три — в Гуандуне, Шаньдуне и Сычуане. Также стоит отметить, что в некоторых регионах представительство Баварии в одной стране может отвечать за связи сразу с несколькими государствами. Например, представительство Баварии в Чили отвечает также за связи с Аргентиной, Колумбией и Перу.

Исходя из широкой представленности федеральной земли Баварии в мире (чему способствует деятельность агентства Bayern International), можно говорить об успешном развитии представленности Баварии за рубежом. Также можно обратиться к статистическим данным [12], которые демонстрируют, что баварский экспорт уверенно рос до 2019 г., что демонстрирует, что агентство вполне справляется с задачей по продвижению экспорта земли на мировых рынках.

Bavarian Research Alliance

«Баварский исследовательский альянс» — это частная некоммерческая организация, целью которой является развитие НИОКР на территории Баварии, развитие научного сотрудничества Баварии с другими регионами и странами мира, способствование созданию имиджа Баварии в качестве центра инноваций. В компетенции данной организации входят: комплексные консультационные услуги по финансированию исследований и инноваций в ЕС; помощь в оформлении заявки на исследование и в поиске партнеров; помощь в подготовке международных проектов, а также в установке и расширении научных партнерских отношений с международными исследовательскими институтами. Также в составе организации действует научно-координационное бюро *BaUfor*, которое сосредоточено на инициировании и проведении совместных исследовательских и инновационных проектов с заинтересованными сторонами из Баварии и Квебека, Альберты, Израиля, Африки и на поддержке мероприятий саммита региональных лидеров [13]. «Баварский исследовательский альянс» также поддерживает «Баварские исследовательские ассоциации» в их сетевой деятельности и работе по связи с общественностью.

«Баварский исследовательский альянс», как было упомянуто выше, имеет значительную роль в развитии отношений федеральной земли Бавария с различными регионами и государствами мира. Так, например, именно сотрудничество в сфере развития инноваций является центральной частью отношений Баварии с Израилем. Правительство земли стремится к укрепле-

нию сотрудничества между баварскими и израильскими университетами и исследовательскими институтами. На этом фоне в рамках деятельности «Баварского исследовательского альянса» было создано научно-координационное бюро «Бавария-Израиль», которое начало работу 1 марта 2018 г. [14].

В контексте сотрудничества Баварии с Квебеком «Баварский исследовательский альянс» каждые два года организует конференции совместных рабочих групп, в рамках которых производится координация и мониторинг проектов. Обе стороны имеют в своем распоряжении федеральные субсидии для финансовой поддержки совместных инициатив в соответствии с принципом взаимности [15].

Также «Баварский исследовательский альянс» занимается представительством баварских исследовательских интересов на саммите региональных лидеров (Regional Leaders Summit, RLS), в котором принимают участие Квебек, Джорджия, Сан-Паулу, Шаньдун, Верхняя Австрия, Западный Кейп и непосредственно Бавария. Регионы взаимодействуют в четырех приоритетных отраслях: цифровизация, аэрокосмическая промышленность, малые спутники и возобновляемая энергетика. Так, например, в мае 2018 г. в Квебеке состоялся 9-й саммит региональных лидеров, темой которого стал «Энергетический переход: к низкоуглеродной экономике». В рамках конференции проходили мероприятия RLS-Sciences по всем четырем темам исследований: цифровизация, аэрокосмическая промышленность, малые спутники и возобновляемая энергетика.

Исходя из широкой представленности научно-исследовательских интересов Баварии в мире, можно сделать вывод об успешности деятельности «Баварского исследовательского альянса». Описанные выше инициативы и мероприятия, проводимые при поддержке и с участием «Альянса», являются лишь малой частью того, чем занимается данная организация. «Баварский исследовательский альянс» оказывает значительное влияние на создание образа Баварии как одного из мировых центров развития НИОКР, что формирует позитивный имидж земли в глазах мировой общественности.

Заключение

Баварская парадипломатическая деятельность активно развивается. Одним из ярких индикаторов этого процесса является тот факт, что структура министерства экономики, регионального развития и энергетики, наиболее сильно связанного с внешней деятельностью земли, постоянно меняется. Так, например, в 2016 г. выделялось всего 2 сектора, отвечавших за внешние отношения, которые отвечали за интернационализацию, а также за отношения с инвесторами [16, р. 154]. Сегодня же число секторов, ответственных за внешние связи, значительно увеличилось, и они отвечают не

только за связи с тем или иным регионом (география которых расширилась), но и за вопросы территориального маркетинга и непосредственно связи с Invest in Bavaria и другими агентствами, задействованными в осуществлении публичной дипломатии Баварии.

Публичная дипломатия Баварии, в свою очередь, органично вписывается в контекст стремления земли осуществлять парадипломатическую деятельность. Создание позитивного имиджа позволяет выделить Баварию на фоне остальных федеральных земель Германии, обозначить ее как выгодного партнера как для регионов, самих осуществляющих парадипломатическую деятельность (например, Квебек и Каталония), так и для независимых государств (например, Израиль, Америка).

Можно предположить, что баварская публичная дипломатия развивается как придаток парадипломатии в силу юридических оснований, ведь в сфере заключения полноценных международных договоров, как было указано в начале работы, земля значительно ограничена Основным законом страны. Можно говорить о том, что публичная дипломатия не получила развития как отдельное направление деятельности федеральной земли Бавария, но стала органичным компонентом парадипломатии данного региона.

Библиография

1. Сайт правительства Баварии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayern.de/staatskanzlei/staatsministerin-melanie-huml/> — 09.02.2022.
2. *Tavares R.* Paradiplomacy: Cities and states as global players. New York: Oxford University Press, 2016, p. 153–157.
3. Организационный план министерства экономики, развития страны и энергетики Баварии [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20211229005011/https://www.stmwi.bayern.de/fileadmin/user_upload/stmwi/Ministerium/Organisation/2021-12-07_StMWi_Organisationsplan_1.12.2021.pdf — 09.02.2022.
4. Баварские представительства за границей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bavariaworldwide.de/> — 09.02.2022.
5. Сайт агентства Invest in Bavaria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.invest-in-bavaria.com/en/our-services/good-to-know> — 09.02.2022.
6. Сайт Gründerland Bayern [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gruenderland.bayern/en/> — 09.02.2022.
7. Информационная система Баварии [Электронный ресурс]. URL: <https://standortportal.bayern.de/wir-ueber-uns/index.jsp> — 09.02.2022.
8. Сайт Германия в цифрах. Прямые иностранные инвестиции внутри страны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutschlandinzahlen.de/tab/bundeslaender/aussen-wirtschaft/direktinvestitionen/auslaendische-direktinvestitionen-im-inland> — 09.02.2022.
9. Сайт Bayern International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayern-international.de/en/bavarian-pavilion> — 09.02.2022.

10. Сайт Bayern International. Проект Extranet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayern-international.de/extranet> — 09.02.2022.
11. Сайт Bayern International. Проект Key to Bavaria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayern-international.de/en/company-database> — 09.02.2022.
12. Министерство статистики Баварии. Таблица внешней торговли: страна, экспорт и импорт, месяцы, годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statistikdaten.bayern.de/genesis/online?operation=abruftabelleBearbeiten&levelindex=1&levelid=1644431542863&auswahloperation=abruftabelleAuspraegungAuswaehlen&auswahlverzeichnis=ordnungsstruktur&auswahlziel=werteabruf&code=51000-002z&auswahltext=&werteabruf=Werteabruf#abreadcrumb> — 09.02.2022.
13. Сайт Баварского исследовательского альянса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayfor.org/en/about-us/mission.html> — 09.02.2022.
14. Сайт Баварского исследовательского альянса. Сотрудничество Баварии и Израиля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayfor.org/en/bavarian-expertise/scientific-coordination-office/scope/bavaria-israel/background.html> — 09.02.2022.
15. Сайт Баварского исследовательского альянса. Сотрудничество Баварии и Квебека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayfor.org/en/bavarian-expertise/scientific-coordination-office/scope/bavaria-quebec/background.html> — 09.02.2022.
16. *Tavares R.* Paradiplomacy: Cities and states as global players. New York: Oxford University Press, 2016, p. 154.

СЕКЦИЯ «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЭПОХУ ТОРГОВЫХ ВОЙН»

Давронова Сабина Бобировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
факультет мировой экономики и мировой политики, магистратура

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕС В УСЛОВИЯХ СИСТЕМОГО КРИЗИСА ВТО, АМЕРИКАНО- КИТАЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ И ПАНДЕМИИ COVID-19

TRANSFORMATION OF EU ECONOMIC DIPLOMACY UNDER THE SYSTEMIC WTO CRISIS, THE U.S.-CHINA TRADE WAR AND THE COVID-19 PANDEMIC

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу изменений, которые претерпевает экономическая дипломатия ЕС в условиях кризиса системы глобального регулирования мировой экономики. Результаты исследования показывают, что, хотя цели, задачи и инструментарий экономической дипломатии ЕС остаются прежними, их значимость стала еще более vitalной для ЕС, поскольку ставки на мировой экономической арене стали еще выше. От того, насколько успешно сможет европейская экономическая дипломатия выстроить стратегическую автономию ЕС и безопасную, устойчивую политико-экономическую среду вокруг себя, зависит дальнейшее выживание и процветание интеграционной группировки.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, стратегическая автономия, кризис ВТО, американо-китайская торговая война, кризис пандемии, глобальная акторность ЕС.

Abstract. This paper analyzes the changes that EU economic diplomacy is undergoing under the systemic crisis of global economic governance. The results show that while the goals, objectives, and toolkit of EU economic diplomacy remain pretty much the same, their importance has become even more vital for the EU, as the stakes in the global economic arena have become even higher. Future prosperity of the integration group is contingent on the success of European

economic diplomacy in achieving the EU's strategic autonomy and in securitization of sustainable political-economic environment around it.

Keywords: economic diplomacy, strategic autonomy, WTO crisis, US-China trade war, pandemic crisis, EU global actorness.

Введение

Торговая война между двумя крупнейшими экономиками мира — США и КНР — погрузила систему глобального регулирования экономики в дестабилизирующую неопределенность. О ней стали говорить как о прелюдии к деглобализации [1, с. 7]. Это соперничество ставит под угрозу рецессии не только ее непосредственных участников, но и всю мировую экономику. Во-первых, в экономически взаимозависимом мире урон от повышения таможенных пошлин понесли и третьи страны, в том числе ЕС, Россия, Турция, Южная Корея и Япония [2, с. 200–201]. Во-вторых, многосторонняя система регулирования торговли, пребывавшая в стагнации с провала дохийского раунда ВТО, скатывается в очевидный кризис. В-третьих, пандемия COVID-19 усугубила эти негативные тенденции, обострив геополитическую напряженность.

Все эти события застали врасплох усилия экономической дипломатии (далее: ЭД) третьих стран. В первую очередь это касается ЕС — внушительного глобального актора, фактически зажатого в ловушке противостояния между своими двумя крупнейшими торгово-экономическими партнерами. В связи с этим возникает следующий вопрос: каким образом крупные экзогенные шоки влияют на цели и практику ЭД в ЕС?

Структура работы устроена следующим образом. В первой части представлены различные подходы к определению экономической дипломатии. Во второй — теоретические подходы к осмыслению роли ЕС как глобального актора в системе мировой экономики. В третьей части, опираясь на заданную аналитическую рамку, мы анализируем трансформации экономической дипломатии ЕС на современном этапе.

Концептуальные подходы к определению экономической дипломатии

Экономические интересы всегда были неотъемлемым элементом международно-политического взаимодействия государств и народов. Следовательно, как элемент внешней политики государств ЭД существовала всегда, хотя в исследованиях международных отношений (далее: МО) долгое время занимала периферийное место [3, с. 48; 4, р. 24]. В академической литературе существует несколько подходов к концептуализации понятия «экономическая дипломатия».

Традиционные трактовки разнятся в зависимости от того, что принято считать ее целью и методами. Например, Г. Берридж, один из крупнейших теоретиков дипломатии, предлагает следующие два определения. С одной стороны, это может быть традиционная дипломатия с присущими ей политическими инструментами, поставленная на службу экономическим интересам государства [5, р. 91]. С другой, ее можно трактовать как эксплуатацию экономических ресурсов для достижения некоммерческих внешнеполитических целей. На уровне ЕС такой подход к ЭД был кодифицирован в ходе последней лиссабонской ревизии учредительных договоров, перенесшей регулирование торговой политики в раздел «Внешнеполитическая деятельность Союза» [6, р. 94]. Отечественная академия также понимает ЭД как совокупность экономических мероприятий, а также форм, средств и методов, используемых для осуществления внешней политики страны [7, с. 623]. Особенность традиционных трактовок ЭД состоит в том, что в духе неореалистической и реалистической парадигмы МО они рассматривают государство как единственного актора экономической дипломатии.

Неконвенциональные трактовки определяют ЭД как влияние экономических субъектов и других негосударственных акторов на экономические интересы в дипломатической практике [8, р. 1220], хотя и признают, что государству принадлежит преобладающая роль в этой области [9, р. 3].

Одно из наиболее полных определений ЭД было дано российским ученым А.Е. Лихачевым, который определяет ее как «совместную деятельность государства, общественных и деловых кругов по реализации национальных экономических интересов в системе мирового хозяйства, использующую инструментарий традиционной и современной дипломатии, комплекс отечественных внешнеэкономических институтов, региональных и многосторонних структур и ставящую своей целью повышение международной конкурентоспособности страны» [10, с. 4]. Это определение охватывает одновременно конвенциональный и неконвенциональный подходы к изучению ЭД.

На протяжении мировой истории ЭД преимущественно сводилась к торговой дипломатии, поскольку товарообмен долгое время был единственной составляющей международного экономического взаимодействия [11, с. 17]. По мере развития и усложнения структуры международных экономических отношений (далее: МЭО) это понятие все больше обогащалось с содержательной точки зрения. В рамках современной ЭД выделяют коммерческую, или микроэкономическую (корпоративную), дипломатию, которая фокусируется на индивидуальных действиях экономических агентов [11, с. 171]; макроэкономическую дипломатию, которая занимается вопросами выработки и отстаивания общенационального интереса при решении проблем, связанных с внешнеэкономическим контекстом [12, с. 608]; торговую

дипломатию, объектом регулирования которой являются исключительно вопросы торговли товарами и услугами [13, с. 225–228]; а также предметно более узкие энергетическую, экологическую дипломатию и дипломатию социального развития.

С точки зрения поставленного исследовательского вопроса в настоящем докладе особое внимание уделено тому, что принято называть макроэкономической дипломатией, с той лишь разницей, что в контексте ЕС речь идет об общеевропейском, а не общенациональном консенсусе.

Европейский Союз как глобальный экономический актор на мировой арене

Одна из наиболее известных концепций роли ЕС в мировой экономике — «Европа — нормативная сила» (Normative Power Europe) — во многом созвучна традиционному определению ЭД. Ее суть состоит в том, что свою внушительную рыночную мощь ЕС использует не только для того, чтобы преследовать свои коммерческие интересы, но и для того, чтобы форматировать «нормы» международной политики [14, р. 235–258]. Иными словами, драйвером внешнеэкономической деятельности считаются не только экономические интересы, но и нормативные предпочтения элит и гражданской общественности. В этой связи часто говорят о дуалистической природе ЕС, который является одновременно «силой в торговле» (power in trade) и «силой через торговлю» (power through trade) [15, р. 906–925]. Однако этот «ценностно-ориентированный» [16, р. 889–895] подход не должен вводить в заблуждение: «этичность» и «моральная обусловленность» экономической дипломатии ЕС — не самоцель, а средство самолегитимации, поскольку с помощью нормативной компоненты ЕС пытается изменить «правила игры» в соответствии со своими предпочтениями.

Тем не менее этот либерально-конструктивистский подход оставляет ряд белых пятен в понимании глобальной роли ЕС. Неясно, каким образом проявляет себя «нормативная сила» ЕС, если она вступает в противоречие с объективными, материальными интересами. Для разрешения этого противоречия итальянские социологи А. Полетти и Д. Сикурелли провели эмпирический анализ ряда соглашений ЕС о свободной торговле [17, р. 131]. Их анализ показал, что внешнеэкономическая политика ЕС является «селективно нормативной». Иными словами, «нормативность» присутствует лишь тогда, когда она совместима с интересами бизнеса либо если у бизнеса нет высоких ставок в регионе, как в случае со странами Карибского бассейна. Поскольку этот подход не передает всей полноты картины внешнеэкономической деятельности Союза, и потому его использование для анализа трансформации ЭД ограничено.

Противоположный подход выполнен в духе (нео-)реалистической теории МО. На наш взгляд, принципиальных противоречий между ними нет, хотя долгое время попытки осмыслить ЕС как типично реалистическую державу занимали периферийное место в исследованиях внешнеэкономической политики ЕС. Не случайно профессор Мельбурнского университета Е. Постников утверждает, что долгие годы изучение торговой политики ЕС «страдало от т. н. либерального уклона» [16, р. 891]. Непопулярность этого подхода объясняется следующим образом. С точки зрения структурного реализма государство — это «черный ящик» или «бильярдный шар», поведение которого задано структурой системы МО. Такой подход трудно экстраполировать на ЕС, который не является государством в привычном веберовском понимании и обладает сложной и многоуровневой системой принятия решений.

Тем не менее одним из первых, кто назвал ЕС «реалистической державой», был немецкий политолог Х. Циммерман, анализирувавший поведение ЕС в международных переговорах по вступлению Китая и России в ВТО [18, р. 813–832]. Проблему несоответствия концепций «черного ящика» и многоуровневой системы принятия решений Циммерман решает достаточно просто: он доказывает, что кузницей внешней политики является исполнительная власть и ее агенты, а ролью прочих акторов, в том числе законодательных ассамблей, зачастую пренебрегают.

Наиболее крупным в плеяде работ реалистического толка является исследование К. Мейсснер о «коммерческом реализме» в торговой политике ЕС [19, р. 226]. Она утверждает, что внешняя торговая политика ЕС объясняется логикой экономического соперничества с другими крупными державами, а не ролью группы интересов и принципал-агентской динамики, как утверждает либеральный институционализм. Иными словами, внешнеэкономическая деятельность ЕС развивается не в вакууме. В контексте ЭД это означает, что рамки ее функционирования во многом зафреймляются внешней средой. Для К. Мейсснер и Х. Циммермана драйвером внешней политики являются не группы интересов, а элиты, которые изолированы от общественного давления в рамках Европейской службы внешних связей.

В завершение обзора реалистических подходов к осмыслению глобальной роли ЕС следует отметить, что их непопулярность в академическом сообществе никоим образом их не обесценивает. Более того, в последнее время в академии серьезно возрос спрос на исследования, выполненные в рамках (около-)реалистических парадигм. В частности, по мере усиливающейся реконфигурации международного порядка с акцентом на его силовых компонентах и великодержавном соперничестве исследователи коммерческой политики ЕС все больше акцентируют внимание на ее (гео-)полити-

зации [20, р. 103–113] и призывают к более тщательному изучению того, как соображения безопасности и политического престижа встраиваются в логику внешнеэкономического поведения [21, р. 1836–1846]. Этот тренд не обошел стороной мировые исследования экономической дипломатии. Например, новаторский подход в этом смысле предлагает нидерландская исследовательница М. Окано-Хейманс, для которой ЭД — это инструмент достижения экономической безопасности (которая подразумевает экономическое процветание и политическую стабильность) в анархичной системе [4, р. 27–28]. Фигурально выражаясь, ЭД — это «палка с двумя остриями», одно из которых служит для продвижения экономических интересов, а другое — для политических, под которыми, в первую очередь, имеются в виду соображения безопасности и выживания государства.

Оба подхода, представленных выше, рассматриваются в настоящей работе как равноценные. Учитывая нормативные характеристики ЭД ЕС, мы попытаемся рассмотреть, как она адаптируется к агрессивной и высококонкурентной внешней среде.

Трансформация экономической дипломатии ЕС

Череда крупных международных кризисов прошлого десятилетия (Брекзит, миграционный кризис, электоральный подъем правого популизма, американо-китайская торговая война, пандемия) знаменательна тем, что все они последовательно встраиваются в дискурс о деглобализации. Если не считать кризис пандемии, который мультипликационным эффектом усиливает негативные последствия прошлых кризисов, то наиболее дестабилизирующим для глобального регулирования МЭО стала торговая война США и Китая.

Для ЕС такая ситуация не только нежелательна (потому, что подрываются его экономические интересы), но и опасна, поскольку она вызывает постепенную эрозию сложившегося внутри ЕС консенсуса между разнонаправленными интересами государств-членов. Долгое время основанный на правилах либеральный торговый порядок был базисом того консенсуса, который с большим трудом поддерживается между экспортно-ориентированными странами вроде Германии, ВВП которой почти на 50% составляет экспорт товаров и услуг [22], и более протекционистски настроенными государствами вроде Франции, которая в лице ее министра финансов Б. Ле Мэра в настоящее время активно отстаивает идеи «легитимной защиты» и «европейского индустриального суверенитета» [23].

Соответственно, приоритетной задачей Брюсселя сейчас является недопущение окончательного разрушения мирового экономического порядка. Из конкретных действий, предпринятых с этой целью, можно назвать создание по инициативе ЕС Многостороннего временного соглашения об арбитраже

ВТО (далее: МРІА) [24]. Экстренная необходимость в МРІА понадобилась в связи с блокированием США назначения судей в Апелляционный орган (далее: АО) ВТО, что ставит под угрозу само существование организации. Тем не менее есть примеры деструктивных действий ЕС, обесценивающих усилия на этом поприще. В частности, речь идет о китайском векторе экономической дипломатии ЕС.

Китай был одним из государств, поддержавших ЕС с МРІА, так как по мере усиления своего экономического и технологического лидерства в мире он становится более заинтересованным в функционировании четко скоординированной системы МЭО. Считается, что реанимация глобальной системы институтов и борьба с изменением климата могут быть потенциальными точками соприкосновения в европейско-китайских отношениях и заложить фундамент для конструктивного диалога [25]. В контексте американо-китайского геополитического соперничества для экономической дипломатии ЕС чрезвычайно важно выстроить конструктивный диалог с обеими сторонами, учитывая, что ЕС претендует на роль медиатора конфликта. Однако дисфункциональная риторика евробюрократии в отношении Китая только способствует деградации этого диалога. Под дисфункциональной риторикой мы подразумеваем провозглашение его «системным соперником», заморозку Европарламентом Всеобъемлющего соглашения по инвестициям, демонстративную спекуляцию по тайваньскому вопросу.

Характеризуя эти действия как дисфункциональные, мы не хотим умалять глубины проблем, которые присущи отношениям ЕС и Китая и причиняют огромный дискомфорт обеим сторонам, особенно ЕС, поскольку они диспропорциональны по масштабу [26, р. 57–89]. Также, на наш взгляд, не следует питать иллюзий относительно этих отношений: они в любом случае будут характеризоваться в большей степени конкуренцией, чем сотрудничеством. Но без кропотливой экономической дипломатии эта конкуренция рискует деградировать до еще более проигрышной ситуации. ЕС недостает жесткого прагматичного подхода, сопровождаемого как минимум эмоционально-нейтральной риторикой.

Для того чтобы ЭД смогла претерпеть такую трансформацию, европейскому политическому истеблишменту необходимо больше амбиций, мужества и силы воли, чтобы ЕС мог стать менее зависимым от США и укрепить свою стратегическую автономию (далее: СА). Словосочетание «стратегическая автономия» стало в последнее время особенно популярно в европейских внешнеполитических кругах. Однако то, что, на первый взгляд, должно объединять государств-членов как общая цель, требующая коллективных усилий, наоборот, их разъединяет, поскольку они по-разному понимают «стратегическую автономию» ЕС.

Во-первых, дискуссия о СА провоцирует извечные дебаты между европейцами (страны Западной и Южной Европы) и атлантистами (страны Центральной и Восточной Европы). Страны ЦВЕ ассоциируют СА с подрывом роли НАТО и потому считают, что она противоречит их национальным интересам. Поэтому ЕК аккуратно старается увести дискуссию из вопросов обороны в экономическое русло. В дискуссию вводятся стратегической автономии через внешнюю «проекцию» и «провизию», в результате чего происходит инфляция концепта [27].

Внешняя проекция СА — есть не что иное, как нормативная трансформация внешнеэкономической среды в форме, наиболее желательной для ЕС. Для экономической дипломатии ЕС эта цель не нова, но теперь перед ЕС стоит задача отстаивать ее еще более настойчиво. Только отныне, в условиях реконфигурации системы МО, нормативная компонента должна затрагивать не только регулятивные стандарты или политизированные вопросы, типа прав человека, устойчивого развития, но и формирование безопасной геополитической среды вокруг ЕС.

Под «провизией» подразумевается укрепление экономического и политического фундамента ЕС, достижение большей солидарности и единогласия во взаимоотношениях национальных государств-членов. Соответственно, это ставит перед внешнеэкономическими кругами ЕС еще более трудную задачу: осуществлять экономическую дипломатию таким образом, чтобы она сглаживала острые углы, а не, наоборот, сеяла еще больше раздора между государствами-членами.

Второй крупный водораздел, который создает дискуссия о СА, — дебаты между протекционистами и фритрейдерами, которые все больше актуализируются по мере крушения либерального миропорядка. Для решения этой проблемы Еврокомиссия приняла новую торговую стратегию ЕС, которая была названа «открытой стратегической автономией» [28]. Это название звучит как оксюморон, потому что таким образом экономическая дипломатия ЕС пытается сбалансировать открытость и доступность своего рынка, но не подрывая при этом неолиберальный дискурс, лежащий в ее основе.

Заключение

Все эти примеры демонстрируют следующее. Задачи ЭД остаются прежними: внешняя проекция стандартов внутреннего рынка, формирование благоприятной политико-экономической среды вокруг ЕС. Но теперь эти задачи стали еще более значимыми, поскольку от успехов ЭД зависит не только его приспособление к высококонкурентной среде, но и сохранение внутреннего консенсуса. Иными словами, на карту поставлена задача выживания ЕС как консолидированной группировки. Эти задачи определяют

содержание и инструментарий экономической дипломатии ЕС на современном этапе.

Тем не менее можно сказать, что усилия ЭД пока еще являются половинчатыми и недостаточно эффективны. В частности, ее проводникам еще предстоит выработать более жесткий прагматичный подход без дисфункциональных элементов, добиться большей независимости от своих партнеров и союзников, не подрывая при этом взаимное доверие, а также сглаживать острые углы в общеевропейском консенсусе.

Библиография

1. *Kanungo P.B.* Trade War: Is it a prelude to deglobalisation? // *RBI Bulletin*. 2019. URL: https://rbidocs.rbi.org.in/rdocs/Bulletin/PDFs/01SP120919_027343E4EED2CB4440B06659CFFA626F91.PDF. — 05.11.21
2. *Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И.* США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № XXIV. С. 187–206.
3. *Исаченко Т.М.* Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2015. № 3. С. 48.
4. *Okano-Heijmans M.* Economic Diplomacy: Japan and the Balance of National Interests. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. P. 24.
5. *Berridge G.R., James A.* A Dictionary of Diplomacy. Second Edition. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 91.
6. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Лиссабон, 13 декабря 2007 г.) (2007/С 306/01) [Электронный ресурс]. URL: <https://eulaw.ru/treaties/lisbon/>. — 05.11.21.
7. Экономическая дипломатия в условиях глобализации: Учебное пособие / под общей ред. Л.М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2010. 623 с.
8. *Lee D., Hocking B.* Economic Diplomacy // *The International Studies Encyclopedia*. Vol. II / ed. R.A. Denemark. Hoboken, New Jersey: Wiley-Balckwell, 2010. P. 1216–1227.
9. *Woolcock S., Bayne N.* The New Economic Diplomacy: Decision-making and Negotiation in International Economic Relations. Third edition. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2011. P. 3.
10. *Лихачев А.Е.* Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. М.: Экономика, 2006. С. 4.
11. *Каррон де Ла Каррьер Г.* Экономическая дипломатия: дипломат и рынок. М.: РОС-СПЭН, 2003. 295 с.
12. *Карро Д., Жюйар П.* Международное экономическое право: Учебник. М.: Международные отношения, 2001. 608 с.
13. *Детерев Д.А.* Микро- и макроэкономическая дипломатия. Теория и практика // Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2007 года. СПб.: СПбГУЭФ, 2008. С. 225–228.

14. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.
15. *Meunier S., Nicolaidis K.* The European Union as a conflicted trade power // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13, № 6. P. 906–925.
16. *Postnikov E.* Normative power meets realism: EU trade policy scholarship at the turn of the decade // *Journal of European Integration*. 2020. Vol. 42, № 6. P. 889–895.
17. *Poletti A., Sicurelli D.* The Political Economy of Normative Trade Power Europe. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 131 p.
18. *Zimmermann H.* Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45, № 4. P. 813–832.
19. *Meissner K.L.* Commercial Realism and EU Trade Policy. Competing for Economic Power in Asia and the Americas. London: Routledge, 2018. 226 p.
20. *Meunier S., Nicolaidis K.* The Geopoliticization of European Trade and Investment Policy // *Journal of Common Market Studies*. 2019. Vol. 57, № 51. P. 103–113.
21. *Leblond P., Viju-Miljusevic C.* EU trade policy in the twenty-first century: change, continuity and challenges // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26, № 12. P. 1836–1846.
22. Germany trade statistics: Exports, Imports, Products, Tariffs, GDP and related Development Indicator. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/DEU>. — 05.11.21.
23. European industrial independence. Minister Bruno Le Maire's speech — International press conference. URL: <https://www.gouvernement.fr/en/european-industrial-independence>. — 05.11.21.
24. The WTO multi-party interim appeal arrangement gets operational. European Commission. URL: <https://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=2176>. — 05.11.21.
25. EU-China trade and investment relations in challenging times. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the Union. 2020. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f09af01f-aac0-11ea-bb7a-01aa75ed71a1/language-en>. — 05.11.21.
26. *Ferenczy Z.A.* A “Geopolitical” EU in the US-China Rivalry — a Player or a Playing Field? // *Tamkang Journal of International Affairs / 淡江國際研究*. 2021. Vol. 25, № 1. P. 57–89.
27. Strategic autonomy and the transformation of the EU. New agendas for security, diplomacy, trade and technology. Finnish Institute of International Affairs. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2021/04/fiaa-report-67_niklas-helwig-et-al_strategic-autonomy-and-the-transformation-of-the-eu.pdf. — 05.11.21.
28. Trade Policy Review — An Open, Sustainable and Assertive Trade Policy. European Commission. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2021/february/tradoc_159438.pdf. — 05.11.21.

Сокрюкин Алексей Викторович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет политологии, магистратура

РОЛЬ АЗИАТСКОГО БАНКА ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИДЕРСТВА

THE ROLE OF THE ASIAN INFRASTRUCTURE INVESTMENT BANK IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF INTERNATIONAL LEADERSHIP

Аннотация. На примере Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в работе раскрывается проблема ревизии международного лидерства в современном миропорядке. Исследование китайского глобализма позволяет выделить не только следствия кризиса западоцентричности многосторонних институтов, но и предпосылки формирования на мировой арене политического лидерства Китая. Нарратив о эволюционной модификации международных отношений через внедрение многостороннего и более инклюзивного подхода к проблеме международного развития избавляет КНР от стигмы «безответственного стейкхолдера» и обеспечивает лучшей «почвой» для будущей акцепции политического лидерства Чжунго.

Ключевые слова: Китай, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, международное лидерство, международные отношения, дипломатия.

Abstract. On the example of the Asian Infrastructure Investment Bank, the paper reveals the problem of revising international leadership in the modern world order. The study of Chinese globalism makes it possible to identify not only the consequences of the crisis of the West-centricity of multilateral institutions, but also the prerequisites for the formation of China's political leadership on the world stage. The narrative of the evolutionary modification of international relations through the introduction of a multilateral and more inclusive approach to the problem of international development relieves the PRC of the stigma of an "irresponsible stakeholder" and provides a better "ground" for the future acceptance of Zhongguo's political leadership.

Keywords: China, Asian Infrastructure Investment Bank, international leadership, international relations, diplomacy.

В основе американской поддержки присоединения Китая к ВТО лежала идея о том, что, будучи частью высоко институционализованного международного порядка, который в значительной степени создали США, китай-

ские элиты будут «социализированы» в соответствии с нормами капиталистического мира [20, р. xvi]. Выиграв холодную войну и устранив своего главного идеологического конкурента, США оставалось только превратить КНР в еще одну послушную и продуктивную часть мировой экономики.

Хотя лидеры Китая сильно отличаются от подлинно марксистского революционного поколения, которое доминировало в стране до 1990-х гг. [29, с. 141], в КНР сохраняются различные, в том числе и «левого» толка, представления о том, как должны вестись внутренние дела и международные отношения (здесь и далее — МО) [35, с. 78]. Но точно так же, как есть проблемы с тем, насколько широко в действительности были распространены и влиятельными американские ценности в Китае, имеют место фундаментальные вопросы к способности Пекина обеспечить альтернативное видение или мировой порядок, которые могли бы быть с энтузиазмом поддержаны другими «обиженными» западоцентричной глобализацией государствами [13, с. 2].

Определяя международное лидерство, можно согласиться с дефиницией Дж. Айкенберри, который предлагает рассматривать его как способность проецировать набор политических идей или принципов, касающихся «правильного или эффективного упорядочивания политики», что предполагает «возможность производить конкретные или совместные действия нескольких государств или других акторов» [19, с. 388].

С одной стороны, международное сотрудничество действительно зависит от поощрения сотрудничества; у более могущественных государств на самом деле имеется больше возможностей для поощрения или принуждения других акторов к определенным действиям. С другой стороны, узкое внимание к действиям отдельных политиков или государств приуменшает более широкую международную институциональную среду, в которой разыгрываются МО [2, с. 6; 7, с. 570]. Одна из основных причин того, что американское «лидерство» оказалось столь устойчивым, заключается в том, что оно активно поддерживалось другими государствами и было инкорпорировано в систему влиятельных международных финансовых институтов. Независимо от воздействия и политического обоснования Вашингтонского консенсуса, он представляет собой последовательный пакет идей, который легко понять, даже если проблема успешности реализации оставляла желать лучшего [5, с. 270]. По этой причине за последнее десятилетие Пекин добился лишь ограниченного успеха в своих попытках использовать транснациональную публичную дипломатию для обогащения своей «мягкой силы». Проблема также заключалась в восприятии западными и другими государствами не китайской культуры политического дискурса Пекина [26, с. 16; 8, с. 492].

В совокупности эти проблемы побудили КНР сделать ключевыми платформами своей наступательной внешней политики международные форумы. Выбор пал на международные форумы, поскольку они, используемые прежде всего как инструменты информирования о китайских внешнеполитических целях, способны «деполитизировать отношения между странами» [24].

Институты глобального управления, такие как ООН, G7, ВБ и МВФ, стали для Пекина механизмами артикуляции своих внешнеполитических стратегических нарративов. Наиболее доминирующие темы, передаваемые через эти институты, включают мирные намерения Китая, экономическую мощь страны, потребности внутреннего развития, а также его региональные интересы. Свое развитие это направление получило с идеи создания КНР альтернативного многостороннего института развития, который, согласно замыслу, должен был достичь каждой из этих целей [12, с. 124].

Выступая в марте 2015 г. на Боаоском азиатском форуме, Си Цзиньпин дал понять, что Китай намерен изменить экономический порядок глобального управления. Председатель КНР утверждал, что «мы должны видеть полную картину, следовать тенденциям нашего времени и строить новый региональный порядок, более благоприятный для Азии и мира» [34]. Кроме того, китайский лидер, подчеркнув богатый экономический потенциал азиатского региона, отметил важность создания альтернативного многостороннего банка развития, поскольку нынешние институты подвергались критике за непоследовательную кредитную политику.

Так, под руководством США МВФ щедро помог Мексике во время «текилового кризиса» в 1994 г. Его экстраординарная поддержка некоторых европейских стран во время Европейского долгового кризиса в 2009–2010 гг. была еще более впечатляющей. Однако в отношении Таиланда и других стран Юго-Восточной Азии во время Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., прежде чем спасти их экономики, МВФ вводил строгие требования ужесточения денежно-кредитной политики [15]. Отсюда нововведением международной дипломатии Китая — той, что дополняет ОПОП, — стало создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (здесь и далее — АБИИ) [10, с. 346].

Особенностью АБИИ стал его альтернативный подход к финансированию развития через предложение прямых ссуд на инфраструктурные проекты, что позволяет избегать политических разногласий внутри организации, часто возникающих со стороны ВБ и МВФ. Хотя Китай является ведущим архитектором и апологетом АБИИ, Банк остается многосторонней организацией, коллегиально управляемой ее членами [22, с. 5]. Значимость этого события объясняется двумя причинами.

Во-первых, это попытка создания параллельной сети институтов, способной создать альтернативу бреттон-вудским институтам, находящимся под большим влиянием США. На текущем этапе объемы капитала, доступного через АБИИ, не столь значительны, но Банк уже успел стать весомым компонентом экономической экспансии Китая за рубежом.

Во-вторых, другие государства серьезно воспринимают АБИИ. Свидетельством укрепления легитимности лидерства Китая и его растущего геоэкономического влияния стала «дипломатическая революция», в результате которой Великобритания стала первой крупной западной державой, подавшей 12 марта 2015 г. заявку на получение статуса члена-соучредителя проекта, несмотря на явное недовольство своего ключевого союзника — США [3].

За Великобританией быстро последовали другие крупные европейские игроки, включая Германию, Францию и Италию. Южная Корея и Австралия также решили присоединиться к АБИИ в апреле 2015 г. Таким образом, следует подчеркнуть, что даже для некоторых из самых лояльных и надежных союзников США геоэкономические вопросы временами могут быть важнее геополитических [11].

Правительство США продолжало лоббировать своих союзников «подумать дважды», прежде чем подписаться на получение статуса члена-соучредителя, якобы на том основании, что Белый дом был обеспокоен неадекватными стандартами управления, транспарентности, закупок, трудовых и экологических гарантий по сравнению с теми, что обеспечивают ВБ и Азиатский банк развития (здесь и далее — АБР) [33]. Однако важно отметить, что включение таких мощных развитых экономик, как Великобритания, Германия, Франция и Австралия, означало их способность подтолкнуть китайских переговорщиков к принятию сопоставимых на международном уровне «передовых практик» в том, что касается режима внутреннего управления будущего АБИИ, и тем самым повысить уровень доверия и легитимности к китайскому проекту [28]. Поэтому, по мнению некоторых видных наблюдателей, Вашингтон действительно беспокоила возможность как подрыва влияния ВБ, в котором доминируют США и контролируемый Японией АБР, со стороны АБИИ, так и создания альтернативного институционального порядка [36].

Многие соседи Китая одновременно находятся между желанием воспользоваться преимуществами экономического подъема Китая и беспокойством о его стратегическом и разведывательном потенциале, а также общей способности экспортировать пагубное влияние на внутреннюю политику и безопасность неудобных государств [30].

Австралия является типичным примером государства, которое стало в экономическом отношении сильно зависеть от Китая и одновременно поощряет США сохранять свое стратегическое присутствие и приверженность реги-

ону [9, с. 140]. Такие противоречия проявляются во все более ожесточенных внутренних дебатах о том, как реагировать на китайское влияние [16, с. 223].

По мнению Т. Ренарда, ведущая роль Китая в создании АБИИ подтверждает место Пекина в качестве «нового донора». Поэтому АБИИ следует рассматривать как наиболее успешную китайскую инициативу «мягкой силы», которая бросает вызов восприятию Китая как «безответственного стейкхолдера» на международной арене. Отсюда, считает исследователь, Китай можно рассматривать даже как «ревизиониста мягкой силы» [23, с. 4].

Л. Генри соглашается с этим мнением и утверждает, что создание АБИИ означает одно из самых важных событий для международного развития. Более того, АБИИ представляет собой те усилия Китая по увеличению собственного влияния в рамках традиционного режима банковского развития, с которым в свое время боролся Вашингтон. Хотя США и Япония все еще не являются членами АБИИ, в аспекте проблемы развития между значительной частью государств (особенно развивающимися) имеет место консенсус в отношении того, что возглавляемый Китаем банк является долгожданным дополнением и не представляет угрозы для существующего либерального порядка [17, р. 23]. Однако, как отмечает А. Абденур, в странах-бенефициарах Бреттон-Вудской системы — особенно в США — свою популярность сохраняют споры о том, является ли Банк попыткой Пекина «расширить свое влияние в международном развитии и геополитике под тонким слоем многосторонности» [1, с. 3].

Одновременно с этим исследователь замечает, что роль АБИИ как многостороннего института, опирающегося на интересы развивающихся стран, будет еще долго сохранять свою актуальность, поскольку в СМО наблюдается стремительный сдвиг в сторону многополярности, когда традиционные державы больше не монополизируют дискурс в области путей развития [1, с. 3].

АБИИ подразумевает новую возможность для увеличения глобальных ресурсов развития и намеревается утвердиться в качестве комплементарного института существующей финансовой системе, при условии, что та в конечном счете решится следовать тренду и реформироваться в сторону большей инклюзивности [1, с. 3]. С. Гриффит-Джонс и др. также подчеркивают, что АБИИ является уникальным многосторонним банком развития, так как он ориентирован на кредитование инфраструктуры в рамках кооперации «Юг-Юг», тем самым внедряя альтернативные стратегии развития, выходящие за рамки традиционной модели. АБИИ, таким образом, предлагает эволюционную ревизию теории финансирования развития, поскольку он сигнализирует о новой возможности для обмена знаниями и опытом между странами с развитой и развивающейся экономикой [14, с. 4].

Наконец, несмотря на основания озабоченности Вашингтона, стоит подчеркнуть, что Китай уже является крупнейшим источником международного

кредитования, с учетом АБИИ или без. Фактически Китай сейчас предоставляет больше «международного финансирования развития, чем все шесть крупнейших многосторонних финансовых институтов мира вместе взятые» [21].

В то же время неясно, окажется ли этого достаточно для удовлетворения обширных инвестиционных потребностей азиатского региона, для полной модернизации которого требуется примерно \$8 трлн [4, с. 3]. Действительно, кредитный потенциал АБИИ под руководством Китая не может полностью восполнить такой огромный дефицит финансирования в краткосрочной или среднесрочной перспективе, даже с учетом оптимистичного сценария, при котором кредитный портфель АБИИ к 2025 г. составит \$90–127 млрд [18, с. 15]. Некоторые исследователи также утверждают, что АБИИ вряд ли решит проблему дефицита инфраструктуры даже в долгосрочной перспективе.

Тем не менее, согласно Дж. Стиглицу, его создание стало ярким материальным и символическим показателем серьезного изменения в международном экономическом порядке, которое должно стать «поводом для всеобщего празднования». Ученый утверждает, что нынешняя система стала приговором американскому лидерству, потому что проблема заключается не «в избытке сбережений или недостатке хороших инвестиционных возможностей», но в самой финансовой системе, потерпевшей неудачу в своей основной задаче: «посредничестве между сбережениями и инвестициями в глобальном масштабе». При этом ожидается, что АБИИ может дать «крайне необходимый импульс глобальному совокупному спросу». Одной же из ключевых причин «кризиса англо-американского капитализма» исследователь называет Великую рецессию [27].

Кроме того, лидеры Китая сами признают, что 2008 г. предоставил Китаю историческую возможность заявить о своей роли в управлении международной финансово-экономической системой, которая слишком медленно реформируется и в которой Пекин наблюдает недостаток собственной инклюзивности [31, pp. 262–254]. В этом контексте АБИИ предлагает потенциально важный инструмент усиления международного влияния Китая, при этом без необходимости деконструкции существующего порядка, одним из главных бенефициаров которого является сам Пекин [25, с. 58; с. 560], поскольку, как показывает история, в условиях капиталистической системы международное лидерство в финансово-экономической сфере влечет за собой лидерство в политической [6, с. 240].

Библиография

1. *Abdenur A. The New Multilateral Development Banks and the Future of Development: What Role for the UN? // United Nations University Centre for Policy Research / Ed. by Chandran R., Cooper H. Tokyo: United Nations University Press, 2015, 8 p. URL: <https://clck.ru/UjnTC> — 19.02.22.*

2. *Ahlquist J., Levi M.* Leadership: What It Means, What It Does, and What We Want to Know About It // Annual Review of Political Science. 2011. Vol. 14, № 1, pp. 1–24. URL: <https://clck.ru/bmJ29> — 19.02.22.
3. *Anderlini J.* UK Move to Join China-Led Bank a Surprise Even to Beijing // Financial Times. Mapr 2015. URL: <https://clck.ru/UjoD3> — 19.02.22.
4. Asian Development Bank. Infrastructure for Supporting Inclusive Growth and Poverty Reduction in Asia. Manila: Asian Development Bank, 2012, 87 p. URL: <https://clck.ru/Ujobd> — 19.02.22.
5. *Babb S.* The Washington Consensus as Transnational Policy Paradigm: Its Origins, Trajectory and Likely Successor // Review of International Political Economy. 2012. Vol. 20, № 2, pp. 268–297. URL: <https://clck.ru/bmWsr> — 19.02.22.
6. *Beeson M.* Can China lead? // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34, № 2, pp. 235–252. URL: <https://clck.ru/Ujomp> — 19.02.22.
7. *Beeson M.* Why Has Leadership in the Asia-Pacific Proved So Elusive? // Chinese Political Science Review. 2017. Vol. 2, № 4, pp. 567–58. URL: <https://clck.ru/bmHz8> — 19.02.22.
8. *Beeson M., Li F.* China's Place in Regional and Global Governance: A New World Comes into View // Global Policy. 2016. Vol. 7, № 4, pp. 491–499. URL: <https://clck.ru/bmHY8> — 19.02.22.
9. *Beeson M., Li F.* China's Regional Relations: Evolving Foreign Policy Dynamics. CO: Lynne Rienner, 2014. 254 p.
10. *Beeson M., Xu S.* China's Evolving Role in Global Governance: The AIIB and the Limits of an Alternative International Order // Handbook of the international political economy of China / Ed. by Ka Z. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019, pp. 345–360. URL: <https://clck.ru/UjmC2> — 19.02.22.
11. *Branigan T.* Support for China-led Development Bank Grows Despite US Opposition // The Guardian. Mapr 2015. URL: <https://clck.ru/UjoE4> — 19.02.22.
12. *Callaghan M., Hubbard P.* The Asian Infrastructure Investment Bank: Multilateralism on the Silk Road // China Economic Journal. 2016. Vol. 9, № 2, pp. 116–139. URL: <https://clck.ru/bmHxG> — 19.02.22.
13. *Gries P., Sanders M.* How Socialization Shapes Chinese Views of America and the World // Japanese Journal of Political Science. 2016. Vol. 17, № 1, pp. 1–21. URL: <https://clck.ru/bmHuS> — 19.02.22.
14. *Griffith-Jones S.* et al. The Asian Infrastructure Investment Bank: What can it Learn from, and Perhaps Teach to, the Multilateral Development Banks? // IDS Evidence Report. 2016. № 179, pp. 34. URL: <https://clck.ru/UjnWB> — 19.02.22.
15. *Gu B.* China-led Asian Infrastructure Investment Bank Echoes the World's Desire for a New Order // South China Morning Post. Июль 2015. URL: <https://clck.ru/Ujn6K> — 19.02.22.
16. *Hamilton C.* Silent Invasion: China's Influence in Australia. Richmond: Hardie Grant Books, 2018. 356 p.
17. *Henry L.* Ensuring Accountability for Environmental and Social Policies in the Asian Infrastructure Investment Bank: Lessons from the IBRD and ABD // Korea University Law Review. 2015. Vol. 37, pp. 18–37. URL: <https://clck.ru/UjnKS> — 19.02.22.

18. *Humphrey C.* Developmental Revolution or Bretton Woods Revisited? // Overseas Development Institute. Апрель 2015. 35 p. URL: <https://clck.ru/bmHsq> — 19.02.22.
19. *Ikenberry J.* The Future of International Leadership // Political Science Quarterly. 1996. Vol. 111, № 3, pp. 385–402. URL: <https://clck.ru/bmHrg> — 19.02.22.
20. *Johnston A.* Social States: China in International Institutions, 1980–2000. NJ: Princeton University Press, 2008. 251 p.
21. *Kynge J.* China Becomes Global Leader in Development Finance // Financial Times. Май 2016. URL: <https://clck.ru/bmHpC> — 19.02.22.
22. *Ren X.* China as an Institution-Builder: The Case of the AIIB // The Pacific Review. 2016. Vol. 29, № 3, pp. 435–442. URL: <https://clck.ru/bmHmH> — 19.02.22.
23. *Renard T.* The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): China's New Multilateralism and the Erosion of the West // Egmont Security Policy Brief. 2015. № 63, pp. 1–7. URL: <https://clck.ru/UjnHa> — 19.02.22.
24. *Rodrik D.* Why is There Multilateral Lending? // National Bureau of Economic Research. Июнь 1995. URL: <https://clck.ru/bmHfw> — 19.02.2022.
25. *Schweller R., Pu X.* After Unipolarity: China's Vision of International Order in an Era of U.S. Decline // International Security. 2011. Vol. 36, № 1, pp. 41–72. URL: <https://clck.ru/UvAVf> — 19.02.22.
26. *Shambaugh D.* China Goes Global: The Partial Power. NY: Oxford University Press, 2013. 409 p.
27. *Stiglitz J.* In Defence of the Asian Infrastructure Investment Bank // The Guardian. Апрель 2015. URL: <https://clck.ru/UjofM> — 19.02.22.
28. *Taylor R., Howard R.* Fears Subside Over China's Asia Bank Plans // Wall Street Journal. Апрель 2015. URL: <https://clck.ru/UjoMs> — 19.02.22.
29. *Van Ness P.* Revolution and Chinese Foreign Policy: Peking's Support for Wars of National Liberation. CA: University of California Press, 1970. 266 p.
30. *Walker C., Ludwig J.* The Meaning of Sharp Power // Foreign Affairs. Ноябрь 2017. URL: <https://clck.ru/UjmMy> — 19.02.22.
31. *Wang H., French E.* China in Global Economic Governance // Asian Economic Policy Review. 2014. Vol. 9, № 2, pp. 254–271. URL: <https://clck.ru/bmHUp> — 19.02.22.
32. *Wang Y.* China's Response to the Unipolar World: The Strategic Logic of Peaceful Development // Journal of Asian and African Studies. 2010. Vol. 45, № 5, pp. 554–567. URL: <https://clck.ru/UjojQ> — 19.02.22.
33. Washington Rebukes Britain's Decision to Join China-Backed Asian Infrastructure Bank // The Standard. Март 2015. URL: https://web.archive.org/web/20150316182317/http://thestandard.com.hk/breaking_news_detail.asp?id=58463&icid=2&d_str=20150313 — 19.02.22.
34. *Xi J.* Full Text of Chinese President's Speech at Boao Forum for Asia // Xinhua. Март 2015. URL: <https://clck.ru/Ujo4Q> — 19.02.22.
35. *Yang X.* The Anachronism of a China Socialized: Why Engagement Is Not All It's Cracked up to Be // The Chinese Journal of International Politics. 2017. Vol. 10, № 1, pp. 67–94. URL: <https://clck.ru/bmHTq> — 19.02.22.
36. *Zakaria F.* China's Growing Clout // The Washington Post. Ноябрь 2014. URL: <https://clck.ru/UjoR5> — 19.02.22.

СЕКЦИЯ «ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ»

Ерофеева Мария Андреевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки, бакалавриат

МЕСТО И РОЛЬ QUAD ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДИИ

PLACE AND FUNCTION OF QUAD IN INDIAN FOREIGN POLICY

Аннотация. QUAD — обновленный формат сотрудничества США, Индии, Японии и Австралии. Ранее существование четырехстороннего диалога по безопасности было обусловлено растущим влиянием Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, однако сейчас не все страны готовы вступить в конфронтацию с Пекином. Индия продолжает придерживаться нейтральной позиции касательно Китая и воздерживается от вступления в торговую войну. С другой стороны, для Индии сотрудничество с остальными странами-участницами является стратегически важным. QUAD воспринимается западными странами как элемент «мягкой силы», но не все страны — участницы диалога готовы придерживаться дипломатических путей взаимодействия.

Ключевые слова: ИТР, QUAD, Китай, Индия, США, диалог по безопасности.

Abstract. QUAD is a renewed form of cooperation between USA, India, Japan and Australia. Early existence of Quadrilateral security dialogue reflects to China's growing influence in Indo-Pacific region but now not all members are ready for confrontation with Beijing. For example, India continues to keep neutral policy towards China and refrains from trade war. On the other side, for India cooperation with dialogue's members is strategically important. QUAD for western countries is a point of soft power, however not every country in the dialogue is ready to keep diplomatic ways of cooperation.

Key words: Indo-Pacific region, QUAD, China, India, USA, security dialogue.

В данной работе рассматривается позиция Индии в QUAD, современное отношение правительства Индии к организации, роль и место данного формата сотрудничества во внешней политике Индии.

Становление QUAD

QUAD — четырехсторонний диалог по безопасности, созданный США, Японией, Индией и Австралией [1]. Появление QUAD принято связывать с коллективной реакцией на цунами, которое обрушилось на территорию государств Индийского океана в декабре 2004 г. [1]. В гуманитарных операциях, нацеленных на снижение издержек от последствий стихийного бедствия, приняли участия все страны — участницы диалога. Формально целью организации является работа по обеспечению «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» [2]. При этом все страны-участницы имеют напряженные отношения с Пекином, а в случае с США даже «торговую войну». Организация окончательно оформилась в 2007 г., однако формат быстро утерял свою актуальность, в первую очередь для США, в связи с надвигавшимся экономическим кризисом, а также неспособностью Индии удовлетворять интересы партнеров: в стратегическом плане и экономическом — был создан трехсторонний диалог, без участия Индии. Однако позднее страны вновь вернулись к первоначальному формату, так как влияние Индии в регионе продолжает расти, также стоит отметить рост экономики Индии и привлекательность страны для крупных инвесторов и компаний — в Индии дешевая рабочая сила, и при этом сохраняются быстрые темпы развития технологий.

Изменение курса QUAD

Необходимо упомянуть об общем смещении повестки диалога с конфронтации с Пекином. В 2021 г. актуальными повестками организации стали не обеспечение безопасности в регионе и противостояние Китаю, а вакцинация, климат и развитие технологий в Индо-Тихоокеанском пространстве [3], таким образом организация приобретает более гуманитарный характер, но в то же время сохраняется общий антикитайский настрой. Основная причина этого — президентские выборы в США и избрание Джо Байдена, который предпочитает не открытое противостояние с Китаем, в отличие от своего предшественника Дональда Трампа, а системную работу в сфере ослабления влияния Китая. Первоочередная причина таких изменений — невозможность полноценного постоянного диалога стран-участниц, а также отсутствие прямого предложения о замещении китайского рынка. В 2018 г. страны QUAD проводили дискуссию о создании экономической альтернативы, которая могла бы соперничать с торговыми инициативами Пекина [1]. Пока эти усилия ничем не увенчались. Возможно, в будущем QUAD сможет предложить другое решение или создать актуальную альтернативу.

Положение QUAD во внешней политике Индии

На данный момент QUAD занимает одну из ведущих позиций во внешнеполитическом курсе правительства Индии. Однако если изначальная позиция правительства Индии в рамках QUAD была направлена против развития и гегемонии Китая в регионе, в том числе на внутренних рынках стран, то сейчас основное направление сводится к безопасности киберпространства, взаимодействию в сфере студенческой мобильности и развитию космической индустрии [4]. Также рассматриваются вопросы, касающиеся сотрудничества в поле развития инфраструктуры. Индия придерживается нейтральной позиции по отношению к Китаю, и одной из причин можно назвать поражение Индии в войне с Китаем в 1960-х гг. [5]. Данное мрачное событие в истории Индии и сейчас крайне болезненно вспоминается индийцами. В то же время столкновения в приграничных районах между Индией и Китаем продолжают — в основном вооруженные конфликты происходят в Кашмире (территория союзного подчинения на северо-западе Индии, спорная территория между Индией, Пакистаном и Китаем) и в штате Синд. Можно сказать, что правительство Моди опасается открытой военной конфронтации с Пекином и пытается избежать этого. Но это не всегда удовлетворяет партнеров по QUAD.

18 февраля 2021 г. прошла встреча министров иностранных дел стран — участниц QUAD [3]. Повесткой встречи стала свободная зона торговли Индо-Пацифика, но вновь участникам не удалось прийти к общему мнению и курс обсуждения переменялся на организацию общего доступа к вакцинам [6].

В 2021 г. также прошел первый саммит после возобновления деятельности QUAD в очном формате с участием глав государств. По результатам саммита главы стран — участниц диалога сделали совместное заявление, в котором подчеркнули важность сотрудничества в сфере сдерживания Китая [7], а также вновь затронули вопрос развития технологий. Однако участникам вновь не удалось достичь договоренности по самым острым региональным вопросам — морской безопасности в целом и экспансии Китая в частности, а ведь именно на этих вопросах должен фокусироваться QUAD.

По итогам саммита были приняты следующие решения [8]:

- Произвести к концу 2022 г. 1 млрд доз вакцин от COVID-19.
- Индия обязывается возобновить экспорт вакцин.
- Япония и Австралия профинансируют закупки индийской вакцины странами Юго-Восточной Азии и Океании.
- В рамках QUAD будет создана рабочая группа по инфраструктурным проектам в Индо-Пацифике.

- Ожидается начало сотрудничества в строительстве «зеленой» морской инфраструктуры в рамках борьбы с изменением климата.
- QUAD запустит стипендиальную программу для обучения в американских вузах.
- В рамках QUAD будет создана экспертная группа по киберпространству.
- Страны QUAD начнут дискуссии о возможности обмена информацией, собранной спутниками, для оценки рисков, связанных с изменением климата.
- Будут созданы контактные группы по высоким технологиям и искусственному интеллекту.
- Будет запущена совместная инициатива по обеспечению безопасности цепочек поставок полупроводников.
- Ожидается публикация заявления о принципах стран QUAD в области технологий.

Из данного списка становится ясно, что курс организации смещается с противостояния Пекину на совместное развитие экономики, развитие сотрудничества в разных областях [8]. Во многом такой поворот обусловлен политикой Индии в рамках диалога, которая нацелена использовать данный формат в большей степени для усиления своего влияния дипломатическим путем.

Скорее всего, Индия и дальше будет уклоняться от активных действий против Пекина в рамках организации и будет придерживаться нейтральной позиции с возможностью дальнейшего построения диалога с Пекином [9].

Конфронтация с Пекином в рамках диалога

В целом специфика данного формата межгосударственного взаимодействия заключается в общем «противнике» стран-участниц — им является Китай, однако в то же время участники QUAD не могут синхронизировать или согласовать свои действия относительно Китая. На самом деле стоит рассматривать QUAD как фактор «мягкой силы» в адрес Пекина, так как военный потенциал QUAD по ряду причин не может быть реализован [1]. Стоит отметить, что через QUAD страны-участницы могут не только сдерживать Китай в экономическом плане, но также продолжать сотрудничать с Пекином в других сферах. Именно подобный формат позволяет без открытого конфликта оказывать влияние на растущие амбиции Пекина, демонстрируя партнерские отношения с США. Также QUAD можно рассматривать как ответ на «долговую дипломатию» Китая [2], например, для соседней Индии, Шри-Ланки в свое время было бы выгоднее подключиться к подобному формату, нежели начать сотрудничество с Китаем и застрять

в долговых обязательствах без практической возможности самостоятельного развития экономики. То же самое можно сказать и про другого соседа Индии — Пакистан, внешний долг Пакистана на данный момент составляет 116 309 млн долларов США, из которых более 20% процентов составляет долг перед Китаем [10]. Из данной статистики ставится ясно, что экономические инициативы Пекина в основном выгоды лишь Пекину, а не государствам-партнерам.

Индия и Китай

Для Индии чрезвычайно важно сохранить свои позиции в диалоге: укрепить отношения с Соединенными Штатами Америки, а также закрепить свои позиции на международной арене. Уже не первый год Индия активно испытывает колоссальное давление со стороны Китая в энергетическом, технологическом и других сегментах. Хотя ранее и говорилось об отсутствии и попытках сдерживания актов открытой агрессии между Китаем и Индией, все же такие события имеют место быть — за последние несколько лет в СМИ многократно появлялись сообщения о кибератаках со стороны Китая, в том числе на сайты государственных учреждений Индии. В свою очередь правительство Индии запрещает использование приложений, разработанных в Китае. Все вышперечисленное подтверждает факт растущей напряженности между Китаем и Индией, а также, несмотря на заявления Пекина и Дели, неготовность сторон к конструктивным переговорам касательно влияния в Индо-Тихоокеанском регионе.

Еще одна причина напряженности между Индией и Китаем — китайско-пакистанский экономический коридор (далее — КПЭК), который проходит через спорную территорию Кашмира, однако в данной инициативе это не первостепенный фактор беспокойства для Индии. Важнее для правительства Моди то, что, используя данный коридор, часть которого уже введена в эксплуатацию, Китай усиливает свое экономическое влияние как в Индо-Тихоокеанском регионе, так и за его пределами. Для Пекина инициатива «Один пояс — один путь», составной частью которой является КПЭК, является одной из приоритетных, ведь используя, как минимум, КПЭК Пекин может вести торговлю с Европой и странами Персидского залива с наименьшими логистическими затратами.

Индия в QUAD: реальность и перспективы

После саммита премьер-министр Индии Нарендра Моди вновь подчеркнул значимость данного формата сотрудничества для Индии [11], что в очередной раз демонстрирует приверженность правительства Индии формату широкого сотрудничества.

Однако устойчивость организации на данный момент стоит под вопросом, так как с появлением AUKUS (альянса, образованного Австралией, Великобританией и США) [12] фокус западных стран переменился и QUAD уделяется меньше внимания. В сложившейся ситуации в Восточной Европе западные лидеры надеялись найти поддержку в лице азиатских партнеров, однако в рамках QUAD получить эту поддержку не представляется возможным. Отношения Индии и России скреплены различными соглашениями, а визит российского президента Владимира Путина в декабре 2021 г. в Индию закрепил дружеские и партнерские отношения между государствами [13]. Индия закупает у России оружие. Исходя из этих положений можно сделать вывод, что в украинском вопросе для Индии чрезвычайно важно сохранить нейтралитет, чтобы сохранить дружественные отношения и с Россией, и с США. Для США более приемлемым исходом было бы признание позиции Запада по украинскому вопросу, однако этого не произошло. Таким образом становится явным, что разногласия по ключевым вопросам безопасности между странами — участницами диалога приобретают критический характер, по той причине, что Индия не желает рисковать своими позициями в игре между США, Китаем и Россией [14].

В то же время Китай заявляет о стратегии сдерживания развития со стороны США [15].

Перспективы дальнейшего развития QUAD

Дальнейшее существование организации и ее развитие в современном быстро изменяющемся мире будет в меньшей степени зависеть от динамики американо-китайского противостояния и в большей степени от вектора развития отношений между Россией и США. Также ключевую роль за собой оставили и другие западные партнеры США.

Реакция мирового сообщества на решения четверки остается довольно сдержанной, так как, видимо, от диалога не ждут активных действий, что может быть достаточно опрочетливо.

Многие эксперты отмечают, что по потенциалу QUAD способен перерастать в «азиатский НАТО», что и являлось одной из целей США, и составить конкуренцию ШОС не только в Индо-Пацифике, но и в целом в Азии.

На самом деле и возобновление активной деятельности QUAD, и образование AUKUS является тревожным сигналом поляризации мирового сообщества. Обе организации имеют схожие цели, работают над укреплением влияния в ИТР. В свою очередь, многие эксперты отмечают, что эти события являются предвестником новой холодной войны и западные лидеры начали с региона, который в годы холодной войны в основном предпочел движение «неприсоединения» объединению с тем или иным блоком.

Но, несмотря на все вышеперечисленные факторы, реальное влияние четверки действительно скудное, так как не все страны-участницы готовы к созданию военного блока совместно с США, в первую очередь это касается именно Индии — ключевой державы в регионе.

Но на данный момент становится определено, что Индия будет участвовать во всех возможных форматах, связанных с ИТР, поскольку правительство Моди ставит лидерство в ИТР в приоритетную позицию во внешней политике страны. Однако, возможно, для правительства Моди будет выгоднее продолжить работу над установлением лидерства в регионе в ШОС, так как именно в этой организации присутствуют страны — соседи Республики Индия [16].

Подводя итог, можно сделать вывод, что правительство Моди самостоятельно навряд ли откажется от QUAD, но также и четверка пока не располагает достаточной слаженностью для принятия значимых стратегических решений. Прогнозировать дальнейшее развитие формата в современной политической обстановке достаточно трудно, но, с другой стороны, вероятно, что для США формат QUAD вскоре утратит свою актуальность, так как сам формат в основном был рассчитан на тесное и плодотворное сотрудничество с Индией для закрепления позиций США в Индо-Пацифике, а также для недопущения усиления влияния ШОС, но этого не произошло.

Библиография

1. Информационное агентство России ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10116857> — 03.02.22.
2. Макаревич Г.Г. Индия в QUAD: прагматичная игра на завышенных ожиданиях [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-QUAD-pragmatichnaya-igra-na-zavyshennykh-ozhidaniyakh/>
3. Government of India, Ministry of External Affairs. URL: <https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/33540/3rd+indiaaustraliajapanusa+QUAD+ministerial+meeting> — 25.01.22.
4. Government of India, Ministry of External Affairs. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/33621/QUAD+summit+fact+sheet> — 01.02.22.
5. Алаев Л.Б. История Индии. М.: ГАУГН-Пресс, 2018. С. 450–470.
6. Government of India, Ministry of External Affairs. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/34222/external+affairs+ministers+remarks+at+jg+crowford+oration+2021> — 02.02.22.
7. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-QUAD-leaders-summit/> — 02.02.22.
8. Government of India, Ministry of External Affairs. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34318/joint+statement+from+QUAD+leaders> — 10.02.2022.

9. Al Jazeera. <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/25/what-is-the-QUAD-can-us-india-japan-and-australia-deter-china> — 11.02.22.
10. Trade Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/pakistan/external-debt> — 19.02.2022.
11. *Modi Narendra*. Prime Minister's opening remarks at QUAD. 24 September 2021. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/34317/prime+ministers+openin+remarks+at+QUAD> — 12.02.22.
12. RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/911278-aukus-ssha-evropa> — 19.02.22.
13. RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/935860-putin-modi-peregovory> — 17.02.22.
14. *Шавлай Э.П.* Китайский фактор в индийско-американских отношениях [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-faktor-v-indiysko-amerikanskih-otnosheniyah/viewer> — 20.02.22.
15. РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20220222/kitay-1774239606.html> — 20.02.22.
16. *Лебедева Н.Б.* Станет ли QUAD 2.0 форматом QUINT? [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanet-li-quad-2-0-formatom-quint/viewer> — 18.02.22.

Мисан Елизавета Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

ДВУСТОРОННЯЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЯПОНИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL DIPLOMACY OF RUSSIAN FEDERATION AND JAPAN

Аннотация. В данной статье рассматривается взаимодействие России и Японии в сфере охраны окружающей среды. Автор исследует разработанность экологической политики в странах и место государств в мировом экологическом дискурсе. Далее выделяются основные этапы в истории развития двусторонней экологической дипломатии. Обращается внимание как на соглашения, встречи на высшем уровне, так и на инициативы между субъектами, неправительственными акторами. Выявляются современные тенденции развития отношений в этой области. Автор приходит к выводу, что такое сотрудничество не только оказывает положительное влияние на решение глобальной проблемы, но и улучшает общий фон российско-японских отношений. В то же время можно заметить некоторую неравноценность сотрудничества.

Ключевые слова: экологическая дипломатия, Россия, Япония, сотрудничество.

Abstract. This article discusses the interaction between Russia and Japan in the field of environmental protection. The author explores the development of environmental policy in countries and the place of states in the global environmental discourse. The main stages in the history of the development of bilateral environmental diplomacy are highlighted. Attention is drawn to both agreements, high-level meetings, and initiatives between subjects, nongovernmental actors of states. The current trends in the development of relations in this area are revealed. The author concludes that such cooperation not only has a positive impact on solving a global problem, but also improves the overall background of Russian-Japanese relations. At the same time, it is possible to notice some disparity of cooperation.

Keywords: environmental diplomacy, Russia, Japan, cooperation.

Введение

Актуальность. На повестке дня одним из самых острых вопросов остается защита окружающей среды, формирование сознательного, ответственного отношения к ней. Одним из наиболее важных событий, заложивших основы сотрудничества стран в данной области, является Стокгольмская

конференция (1972), в которой участвовали представители из 106 стран. В том числе она привела к созданию ведущей всемирной природоохранной организации, являющейся программой ООН по окружающей среде — ЮНЕП, объединяющей все страны — члены ООН в рамках своей структуры. Данные примеры демонстрируют глобальный характер экологического вопроса. В настоящее время он набирает популярность и требует расширения сотрудничества между государствами.

Япония является одним из активных участников международного курса по вопросам экологии. В 2019 г. группа Urban 20 обратилась к Синдзо Абэ с просьбой «возглавить на предстоящем в Осаке саммите G-20 дебаты по актуальным глобальным вопросам, таким как изменение климата», что свидетельствует о признании успешности выбранной Японией стратегии в области защиты окружающей среды.

Российская Федерация принимает активное участие в ряде проектов ООН, в международных форумах и конференциях, а также проводит мероприятия, например, Международный фестиваль экологического кино «Эко-чашка». Однако все еще существуют проблемы в реализации экологической политики в России.

Первое соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды между СССР и Японией было заключено в 1988 г. С тех пор взаимодействие двух стран продолжается. Двусторонняя экологическая дипломатия становится тем более актуальна, что новый министр иностранных дел Японии, Ёсимаса Хаяси, заявил о намерении продолжать развивать отношения между нашими странами в различных сферах. Экологическая область представляется для этого перспективным направлением.

Степень разработанности темы. Тема экологической дипломатии привлекает внимание многих специалистов (С. Али [1], Дж. Джейнс [2], Л. Саскинд [3]). В основном она изучается как многосторонняя дипломатия без особого внимания к двусторонним контактам отдельных стран, какое место такой вид сотрудничества занимает в их отношениях (Р.А. Алиев [4], Е.А. Близначкая [5], Ван Гуаньцзюнь [6]). По мнению Е.А. Близначкой, экологическую дипломатию следует определять как «комплекс различных способов по смягчению или преодолению негативного воздействия человека на окружающую среду, предпринимаемых международным сообществом посредством многосторонних институтов» [7, с. 1].

Экологическая дипломатия Японии и России в XX в.

История экологической дипломатии между Россией и Японией начинается с подписания Конвенции между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Японии об охране перелет-

ных птиц и птиц, находящихся под угрозой исчезновения, и среды их обитания (1988) и Соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды между Правительством СССР и Правительством Японии (1991). Двусторонние отношения между странами в 1990-е гг. испытывали турбулентность в связи с инцидентами по загрязнению окружающей среды и особой позицией России в данной области. Основной проблемой был сброс в море ядерных отходов СССР, который нес угрозу для стран Восточной Азии. Особенно эта проблема взволновала Японию, поскольку многие из происшествий произошли в непосредственной близости от ее берегов. Например, до 1993 г. произошло 7 столкновений, затоплений атомных подводных лодок. Поэтому после распада СССР, опубликования данных о загрязнении вод радиоактивными отходами в 1959–1992 гг. в 1993 г. Япония активизировала деятельность по решению данной проблемы путем двустороннего сотрудничества. Несмотря на многие усилия, Россия не подписала «Резолюцию о полном запрещении сброса в море низкорadioактивных отходов и других вредных веществ», а значит, не исключила возможность последующего загрязнения вод. На сегодняшний день помощь Японии в утилизации отходов продолжается. В 2017 г. Россия и Япония в рамках Восточного экономического форума подписали меморандум о совместных работах в области технологий, направленных на уменьшение опасности радиоактивных отходов [8]. В следующем году представители «Росатома» и Агентства по атомной энергии Японии провели консультации, в результате которых согласовали шаги по осуществлению обмена результатами экспериментов по трансмутации минорных актинидов в быстрых реакторах и на критических стендах. То есть вопрос утилизации опасных отходов все еще остается одним из главных в экологическом дискурсе двух стран.

Другие экологические вопросы между СССР и Японией в 1990-е гг. в основном обсуждались в рамках многосторонних переговоров. В 1992 г. состоялось совещание по экологическому сотрудничеству в регионе с участием России, Кореи, Японии и Монголии, а в 1993 г. встреча по экологии с участием представителей из Японии, России, Республики Корея, КНДР и Монголии. На ней были обозначены «болевые» точки региона и декларировалась координация совместных действий в сфере защиты окружающей среды.

В то же время было положено начало двустороннему сотрудничеству. В 1993 г. был подписан Меморандум о российско-японских межправительственных консультациях, в котором стороны выражали намерение расширять консультации, в том числе по вопросам защиты окружающей среды [9]. Также была создана российско-японская смешанная комиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, занимающаяся мониторингом

ситуации, управлением информацией, реагированием на чрезвычайные ситуации, разработкой, принятием планов сотрудничества и так далее.

Таким образом, в XX в. было положено начало российско-японской экологической дипломатии, которая продолжила интенсивно развиваться в следующем столетии.

Экологическая дипломатия двух стран на современном этапе

С начала XXI в. российско-японские отношения получили новый виток развития. В 2000–2003 гг. были проведены пять встреч на высшем уровне [10], определены ключевые направления по углублению доверия и взаимопонимания, построению созидательного партнерства. Отдельное внимание уделялось сотрудничеству в области охраны окружающей среды. В рамках российско-японского плана действий стороны договорились:

- обмениваться мнениями по данной тематике с учетом совместных экологических исследований в районе островов, осуществляемых на основе безвизовых обменов;
- активизировать работу российско-японского комитета по вопросам охраны окружающей среды и реализовывать проекты двустороннего сотрудничества;
- признавая важность проблемы глобального потепления, изменения климата, прилагать усилия к выработке единых для всех государств норм в этой области;
- сотрудничать в области устойчивого лесопользования, предотвращения незаконных лесозаготовок;
- продолжать сотрудничать в целях укрепления системы предотвращения загрязнения Японского и Охотского морей, а также северо-западной части Тихого океана.

Данные соглашения положили начало расширению двустороннего диалога по решению проблем окружающей среды. Был проведен российско-японский форум по вопросам энергетики и экологии (2009), на котором обсуждались планы разработки не только месторождений энергоресурсов, но и транспортной инфраструктуры [11].

В то же время продолжается интенсивное взаимодействие в рамках ранее созданных форматов. Например, на заседании японо-российской смешанной комиссии по охране окружающей среды в 2006 г. страны заявили о намерении расширять сотрудничество [12]. В частности, стороны договорились обмениваться информацией о последствиях загрязнения реки Амур и Охотского моря в результате аварии на химкомбинате в Китае. Япония подтвердила желание реализовать в России проекты, связанные с предотвращением глобального потепления.

Однако в XXI в. развивается не только экологическая дипломатия на высшем уровне, но и парадипломатия. Самым крупным событием на данном уровне стало проведение японо-российской межрегиональной экологической конференции «Чистое море» в Санкт-Петербурге (2021) [13]. Благодаря данному мероприятию удалось привлечь внимание общественности к проблеме пластика в Мировом океане, а также углубить сотрудничество между Санкт-Петербургом и японскими муниципальными органами. Япония сотрудничает и с другими городами Российской Федерации, однако чаще всего взаимодействие связано со знакомством, популяризацией российской, японской культуры.

Другим значимым видом взаимодействия является народная дипломатия — контакты между гражданами, общественными организациями. В основном она реализуется в рамках двух крупных проектов. Первым является комитет по экологии общероссийской общественной организации «Деловая Россия». Тут примером регулярного сотрудничества являются проекты в области мусороперерабатывающей отрасли. Например, в 2014 г. проходили переговоры с представителями японской компании Toyota Tsusho Corporation на тему решения проблемы, связанной с твердыми бытовыми отходами в Московской области [14]. По итогам встречи стороны договорились о том, что консультации по внедрению технологий в данной сфере будут продолжаться и японские компании будут участвовать в конкурсе на реализацию программы модернизации системы обращения с твердыми бытовыми отходами. По отзывам представителей Московской области, в 2019 г. японская сторона применила комплексный подход, т. е. не только продавала, помогала внедрять технологии, но и занималась образовательной деятельностью — показывала документальные фильмы, проводила встречи, где делилась своим опытом [15]. Следующим шагом будет строительство мусоросжигательного завода с дальнейшим контролем японцами работы предприятия для обеспечения экологической безопасности.

Вторым проектом, который способствует реализации народной экологической дипломатии, является Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов, созданная в 2017 г. для внедрения разработок и идей, накопленных в результате японо-российского межвузовского сотрудничества, для подготовки кадров по определенным направлениям. В 2020 г. секция «Развитие энергетики» была реорганизована в секцию «SDGs: экология, природопользование и мультикультурное образование» [16]. В рамках этого направления было проведено 6 мероприятий, в которых поучаствовало более 500 человек. Несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку в мире в 2021 г., стороны продолжают активно взаимодействовать. Последними инициативами

были онлайн-семинары на темы «Российско-японское сотрудничество в сфере мониторинга экосистем» и «Устойчивое региональное развитие, международное сотрудничество и охрана окружающей среды в Арктике». Данный пример иллюстрирует признание сторонами важности российско-японского сотрудничества по вопросам экологии и достижения ЦУР.

Примечательным примером также является эколого-просветительское сотрудничество между японским Университетом Каназавы и Катунским биосферным заповедником в Республике Алтай [17]. С 2018 г. проведено несколько мероприятий с участием российских и японских студентов, а в 2021 г. прошел онлайн-тренинг, включивший и групповое обсуждение деятельности резерватов ЮНЕСКО, инициатив по достижению ЦУР, и изучение природоохранных подходов в России и Японии.

В 2020 г. прошел 12-й раунд совместных консультаций, а также встреча директора департамента международного сотрудничества Минприроды России и представителя посольства Японии в России, в ходе которой стороны выразили удовлетворение достигнутым уровнем сотрудничества по различным направлениям [18]. В то же время была подчеркнута значимость взаимодействия на многостороннем уровне в составе «Группы двадцати». В следующем году посол Японии в Москве так же выразил надежду на развитие двустороннего сотрудничества в области зеленой энергетики [19]. Это продиктовано тем, что у каждой из стран есть преимущества, благодаря объединению которых откроется больше возможностей. Это говорит о стремлении сторон развивать отношения, выводить их на новый уровень. Перспективной сферой для этого является экология.

Заключение

Еще премьер-министр Японии С. Абэ заявлял о готовности налаживания отношений с Россией, объединения сил для построения нового уровня сотрудничества, основанного на российской фундаментальной науке и японском инновационном и рыночном потенциале. Нынешние власти Российской Федерации и Японии продолжают линию на сближение, развитие двусторонних отношений по многим направлениям.

Относительно недолгую, но все же интенсивную историю имеет экологическая дипломатия двух стран. В XXI в. сотрудничество на этом направлении становится все интенсивнее, расширяется направленность проектов, появляются новые участники. При изучении данной темы может показаться, что имеет место неравноценность, нецелесообразность сотрудничества из-за того, что Япония имеет обширный опыт, и успешность ее стратегии в области защиты окружающей среды признается на международном уровне. В то время как в России все еще существуют пробелы в реализации экологиче-

ской политики. По этой причине во многих случаях Япония помогает в налаживании процессов и внедрении новых технологий. Однако во многом это приносит преимущества как одной, так и другой стороне. Японии это позволяет повысить престиж и получить денежные средства, России — обеспечить технологический, инновационный прорыв, улучшить экологическую обстановку, и в целом это положительно влияет на отношения между странами.

Для еще большего сближения и повышения эффективности взаимодействия могут быть предприняты следующие шаги:

- расширение межвузовского сотрудничества. В частности, реализация программ обмена по экологическим направлениям;
- увеличение количества городов-партнеров. В основном взаимодействие по вопросам защиты окружающей среды осуществляется с центральными городами России. Однако установление такого сотрудничества с другими субъектами РФ, например, через экоцентры в Перми, Воронеже, Краснодаре, также может вывести партнерство на новый уровень.

Итак, стороны высоко оценивают партнерский характер отношений и готовность оказывать взаимное содействие в сложных ситуациях. Это стремление подчеркивается проделанной работой и планами на будущее взаимодействие. Таким образом, экологическая дипломатия является перспективным направлением в качестве дальнейшего взаимодействия Японии и России, сближения позиций двух стран.

Библиография

1. *Ali S.H.* Environmental planning and cooperative behavior catalyzing sustainable consensus / S.H. Ali // *Journal of Planning Education and Research*. 2003. № 23 (2). P. 165–176; *Ali S.H., Pincus R.* Diplomacy on Ice: Energy and the Environment in the Arctic and Antarctic / S.H. Ali, R. Pincus. Yale University Press, 2015. 304 p.
2. *Janes J.* Conference Report: Environmental Diplomacy (Washington, D.C., 18 November 1998). American Institute for Contemporary German Studies. The Johns Hopkins University / J. Janes. Washington, D.C.: American Institute for Contemporary German Studies, 1999. 78 p.
3. *Susskind L., Ali S.H.* Environmental Diplomacy: Negotiating More Effective Global Agreements / L. Susskind, S.H. Ali. Oxford University Press, 2014. 392 p.
4. *Алиев Р.А., Близнацкая Е.А.* Многосторонняя экологическая дипломатия / Р.А. Алиев, Е.А. Близнацкая. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 7–8.
5. *Близнацкая Е.А.* Глобальное экологическое управление и многосторонняя экологическая дипломатия. Состояние предметных областей. Международные процессы, Том 18, № 3 (62). С. 126–153.
6. *Гуаньцзюнь В.* Экологическая дипломатия Китая: история развития и современные проблемы // *Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена*. 2011. № 131.

7. *Близнецкая Е.А.* Опыт изучения преподавания многосторонней экологической дипломатии / Е.А. Близнецкая // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2015».
8. Россия и Япония наметили шаги по обезвреживанию радиоактивных отходов — РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180312/1516188769.html> — 16.11.21.
9. Меморандум о российско-японских межправительственных консультациях URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203003651&page=1&dk=0&link_id=3#I0 — 16.11.21.
10. Японо-российский план действий | Посольство Японии в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/plan.html — 17.11.21.
11. Российско-японский форум по вопросам энергетики и экологии начал работу в городе Ниигата — новости экологии на ECoportal [Электронный ресурс]. URL: <https://ecoportal.su/news/view/40708.html> — 17.11.21.
12. Правительства России и Японии договорились в Токио расширять сотрудничество в решении экологических проблем / Экологические новости / Экология производства — научно-практический портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/7986.html> — 17.11.21.
13. Санкт-Петербург и регионы Японии развивают сотрудничество в сфере экологии — Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/209942/ — 18.11.21.
14. ДР: Российско-японские переговоры о сотрудничестве в сфере переработки ТБО [Электронный ресурс]. URL: <https://deloros.ru/rossijsko-yaaponskie-peregovori-otrudnichestve-v-sfere-pererabotki-tbo.html> — 18.11.21.
15. В Подмосковье оценили помощь Японии в борьбе с мусором — RT на русском [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/665388-region-yaponiya-ekologiya> — 18.11.21.
16. Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. Годовой отчет 2020 (апрель 2020 г. — март 2021 г.). С. 73.
17. Российские и японские студенты узнали о Катунском заповеднике в рамках двухстороннего культурного обмена — Минприроды России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiyskie_i_yaponskie_studenty_uznali_o_katunskom_zapovednike_v_ramkakh_dvukhstoronnego_kulturnogo_/?sphrase_id=404309 — 19.11.21.
18. Россия и Япония намерены развивать сотрудничество в природоохранной сфере — Минприроды России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_yaponiya_namereny_razvivat_sotrudnichestvo_v_prirodookhrannoy_sfere_/?sphrase_id=404309 — 20.11.21.
19. Япония рассчитывает расширить сотрудничество с Россией в зеленой энергетике — Международная панорама — ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12615825> — 20.11.21.

Приходько Дарья Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, магистратура

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ И ИНДИИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

COMPARATIVE APPROACHES OF CHINESE AND INDIAN DIPLOMACY TOWARDS AFGHANISTAN AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Цель этой статьи — провести сравнительный анализ внешней политики КНР и Индии в Афганистане в связи с выходом США из Кабула в 2021 г. В статье приводится краткое описание траектории развития событий в стране с 2001 по 2021 г. Автор анализирует основные интересы КНР и Индии в Афганистане, проводит сравнительный анализ осуществляемой ими политики до и после событий 2021 г. В заключение автор приходит к выводу, что на текущий момент КНР заняла проактивную позицию, в то время как Индия — выжидательную. Несмотря на различающиеся взгляды на сложившуюся ситуацию и разные подходы к реализации внешней политики, главные интересы двух стран совпадают: предотвращение распространения терроризма и экстремизма; достижение стабильной ситуации в регионе.

Ключевые слова: Афганистан, Китай, Индия, вакуум власти, национальные интересы, безопасность.

Abstract. The purpose of this article is to conduct a comparative analysis of the foreign policy of China and India in Afghanistan due to the US withdrawal in 2021. The article provides a brief description of the situation development in the country from 2001 to 2021. The author analyzes the main interests of China and India in Afghanistan, conducts a comparative analysis of their policies before and after the US withdrawal from Kabul. In conclusion, the author states that the PRC has taken a proactive position, while India has taken a wait-and-see attitude at the moment. Despite differing views on the current situation and different approaches in methods of foreign policy, the main interests of the two countries coincide: to prevent the spread of terrorism and extremism and to achieve a stable situation in the region.

Keywords: Afghanistan, China, India, power vacuum, national interests, security.

Динамика событий в Афганистане в период 2001–2021 гг.

Афганистан — государство, находящееся в центре Средней Азии на пересечении торговых путей, через которое когда-то давно проходил легендарный Шелковый путь, — и сейчас остается узловым регионом, от которого

зависят многие региональные и глобальные проблемы. В 2001 г. началась согласованная Советом Безопасности ООН интервенция Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане. В 2014 г. операция «Несокрушимая свобода» была завершена и присутствующие войска начали значительно сокращаться, уступив место небоевым подразделениям в рамках операции «Решительная поддержка» НАТО. Новая миссия заключалась в подготовке, консультировании и предоставлении техники афганской армии. В указанный период боевики «Талибана»* вели активную террористическую деятельность на 70% территории Афганистана и уже в 2018 г. полностью контролировали до 4% территории страны [1]. Постепенно под контроль «Талибана»* переходила все большая часть территории ИРА на фоне сокращения военных сил НАТО. В 2020 г. на встрече в Дохе представители США и группировки* подписали совместную декларацию о мире, согласно которой контингент НАТО будет выведен в течение 14 месяцев в обмен на приверженность группировки мирному процессу и прекращение осуществления акций террористического толка [2]. В 2021 г., согласно указанному соглашению, военные свернули свое присутствие и покинули Афганистан. Процесс вывода вызвал большое внимание в международной среде своим экстренным и спешным характером. Результатом стало образование определенного вакуума сил, дестабилизация ситуации в стране и регионе, а также приход «Талибана»* к власти в Кабуле. Прямым следствием можно назвать внутреннюю разобщенность страны, укрепление присутствия других группировок террористического толка (ИГИЛ*, «Аль-Каида»*), большое количество жертв среди местного населения, теракты, несоблюдение прав человека. Создававшаяся ситуация в первую очередь становится вызовом для региональных держав: России, Китая, Ирана, Индии, Пакистана. Особый интерес представляет политика КНР и Индии и их внешнеполитические подходы.

Позиция Китая

Внешняя политика КНР по отношению к Афганистану осуществляется в рамках стратегий «добрососедская дипломатия» и «выход вовне». В период 2001–2010 гг. Афганистан не играл значительной роли в структуре внешней политики Китая. КНР не участвовала в интервенции, но активно поддерживала в своей внешнеполитической риторике. В этот период Пекин устанавливает связи с правительством Афганистана, подписывает ряд соглашений, регламентирующих торговлю, в 2010 г. подписывает Всестороннее совмест-

* Здесь и далее — Организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

ное партнерство, выделяет суммарно экономическую помощь в размере около \$200 млн и \$19,5 млн кредитом [3, р. 3]. Выделенные средства и экономическая помощь помогли китайской стороне выиграть тендеры на разработку двух крупных экономических проектов на территории Афганистана:

1. Соглашение на разработку медного рудника Мес-Айнак в провинции Логар было заключено в 2007 г., однако было приостановлено ввиду ухудшения политической обстановки в стране, активности террористических группировок в районе, препятствия местных жителей и властей, большой коррупционной составляющей, а также археологических раскопок древнего буддистского города над рудником. Проект предполагает строительство ГОК, ТЭС, инфраструктуры, а также значительные инвестиции в регион, суммарная стоимость проекта составляет около \$3 млрд. Мес-Айнак представляет собой значительный интерес, так как является одним из крупнейших неразрабатываемых месторождений в мире (около 11 млн т меди). Рудник официально заморожен в 2016 г., однако месторождение принадлежит китайской компании МСС до 2037 г., а переговоры о возобновлении возникают на высоком уровне, что предполагает разморозку рудника в дальнейшем.
2. Второй проект — разработка нефтяных месторождений р. Амударья в северных провинциях Фарьяб и Сари-Пуль. Китайская компания China National Petroleum Corporation (CNPC) выиграла тендер в 2011 г., начала разработку в 2012 г., однако в этом же году контракт был расторгнут ввиду большого количества издержек для CNPC: коррупция, нападения местных жителей, неурегулированная договоренность о переработке добытой нефти с Туркменистаном. На текущий момент месторождение разрабатывается местной афганской компанией.

В период после 2014 г. КНР увеличила уровень своей вовлеченности в Афганистан. Связано это с двумя факторами: решением США и союзников сократить свое присутствие в регионе и началом активного строительства китайско-пакистанского экономического коридора, который проходит вблизи Афганистана. Здесь стоит отметить, что, реализуя свою внешнюю политику, КНР преследует следующие национальные интересы:

- предотвращение распространения трех зол — терроризма, экстремизма и сепаратизма;
- развитие транзитного потенциала Афганистана;
- развитие торгово-экономических связей, в том числе разведки и добычи природных ресурсов;
- сдерживание влияния США и Индии в регионе [4, р. 166].

КНР значительно активизировала свою политику после 2014 г., включилась в процесс мирного урегулирования, увеличила торговое и инвестиционное сотрудничество, инициировала стипендиальные программы. Отдельно стоит отметить контакты не только с официальным Кабулом, но и неофициальные с «Талибаном»* за исследуемый период. В 2018–2019 гг. представители МИД КНР вели консультации с делегациями группировки [5].

Отдельно стоит отметить экономическое взаимодействие: Пекин не только значительно увеличил экономическую помощь (в 2014 г. КНР предоставила \$80 млн и в течение 2014–2017 гг. предоставила еще \$240 млн [6]) и инвестировал в социальные объекты на территории Афганистана (строительство больниц и жилых домов в Кабуле, небольшие заводы, здания для Кабульского университета [7], ж/д от Хайратана до границы с Узбекистаном [8], шоссе, линии электропередач, линии оптоволокну), но и спланировал включение страны в КПАК, предоставляя тем самым не имеющему выхода к морю Афганистану возможность использовать порт Гвадар. Планируется, что поставки будут идти через пограничный пункт Чаман между Пакистаном и Афганистаном (между странами подписано соглашение о транзитной торговле), и в январе 2020 г. уже была осуществлена первая поставка: из Гвадара в Афганистан отправилась партия химических удобрений [9]. Однако с учетом текущих афганских проблем данные планы, очевидно, не будут реализованы в ближнесрочной и среднесрочной перспективе.

В 2021 г. в связи с полноценным выводом войск США и союзников КНР на официальном уровне встретила с представителями «Талибана»*. Стоит отметить, что количество встреч на высоком уровне между двумя странами находится на пике, в частности, министр иностранных дел КНР Ван И встретился с представителями группировки несколько раз. При всем этом Пекин занимает сдержанную позицию и не планирует публичного прямого активного взаимодействия с «Талибаном»* до международного признания режима.

КНР активно использует сложившуюся ситуацию в своих интересах, повышает свой международный статус в качестве государства-миротворца, предоставляет экономическую помощь в большом объеме и поставляет гуманитарные грузы.

Одним из спорных моментов для КНР остается возможная террористическая, экстремистская и сепаратистская деятельность на территории СУАР. Одно из условий Пекина для дальнейшего развития дипломатических взаимоотношений с «Талибаном»* — это отсутствие угроз со стороны уйгурских боевиков, запрет деятельности «Исламского движения Восточного Туркестана» на территории Афганистана.

Суммируя вышеперечисленные факты: Китай активно включился в формирование новой геополитической ситуации в Афганистане после событий

2021 г. Политика КНР предполагает использование экономической силы страны, осуществляется на принципе невмешательства во внутреннюю политику государства, Пекин не планирует вмешиваться или менять государственный строй и идеологическую ориентацию Афганистана, в отличие от вмешательства СССР и США в эту страну. Китай повышает свой авторитет среди афганцев посредством экономической помощи, инвестиций в развитие инфраструктуры и социальных объектов, а также заморозив разработку медного рудника Мес-Айнак, так как тот является историческим памятником. Реализуя свою внешнюю политику, Пекин преследует свои национальные интересы, речь идет в первую очередь о безопасности своей территории и инфраструктуры в рамках «поояса и пути» от террористов, экстремистов и сепаратистов.

КНР стала страной, которая наиболее активно включилась во взаимодействие с новым Афганистаном, свободным от иностранных войск. Китай уже признан основным партнером с точки зрения «Талибана»* [10]. На текущий момент Пекин становится, по разным оценкам экспертов, наиболее влиятельным игроком в стране и регионе.

Позиция Индии

Индия всегда принимала участие в афганском театре событий, поддерживала практически все режимы власти в Кабуле, включая Демократическую Республику Афганистан до прихода к власти радикально настроенных талибов в 1992 г. В 2001 г. активно на дипломатическом уровне поддерживала интервенцию сил США и союзников.

В период с 2001 по 2010 г. Индия считается одной из региональных держав, внесших значительный вклад в восстановление страны: Нью-Дели предоставил порядка \$3 млн помощи, широкий список гуманитарной помощи (детское питание, пшеница, лекарства, поставки транспортных общественных и военных средств передвижения). Нью-Дели построил или финансировал следующие объекты: Институт детского здоровья им. Индиры Ганди, Школа Хабиби в Кабуле; 218 км дороги от Заранджа до Деларама, линии электропередач, ГЭС «Салма» в провинции Герат, расширение телекоммуникационной инфраструктуры. Широко инвестировал в образование — порядка 15 тыс. афганских студентов ежегодно обучаются в Индии. В рамках Индийского технического и экономического сотрудничества (ИТЕС) осуществляется поддержка медицины [11]. Отдельно стоит упомянуть подписание Соглашения о стратегическом партнерстве в 2011 г.

Среди индийских экономических проектов стоит выделить следующие:

1. Строительство ГЭС «Салма» в провинции Герат. Проект был запланирован еще в 1978 г., но его реализация постоянно откладывалась

ввиду проблем с безопасностью и сложностями в поставке материалов. Проект был окончательно завершён в 2016 г., вырабатывает порядка 42 МВт энергии и орошает до 75 тыс. гектаров земель.

2. Строительство инфраструктуры в рамках торгового коридора Афганистан — Иран — Индия через порт Чабахар в Иране. Нью-Дели построил дорогу между афганскими городами Зарандж и Делар, соединив шоссе с дорогами, ведущими в Иран. Этот проект создает альтернативу китайскому проекту присоединения Афганистана к КПЭК. Помимо традиционного опасения террористических угроз инфраструктуре, реализация проекта идет крайне медленно ввиду опасений Индии сотрудничать с Ираном, который находится под санкциями США. Стоит отметить, что порт Чабахар намеренно не включен в пакет антииранских санкций, однако крайне осторожная позиция Нью-Дели не позволила успеть реализовать проект. В условиях прихода «Талибана»* к власти предполагается, что проект не будет разморожен в краткосрочном и долгосрочном периоде.

К важным инфраструктурным объектам также можно отнести строительство инфраструктурной ветки в рамках газопровода из Туркмении через Афганистан, Пакистан и Индию (ТАПИ), которое позволит Индии получить до 38 млн м³/сутки. Проект находится в стадии строительства с 2015 г. и основным препятствием для его реализации остается нестабильная обстановка в Афганистане. Для Индии данный проект, с одной стороны, выгоден, но, с другой стороны, он дает Исламабаду дополнительные рычаги влияния [12, с. 524]. Впрочем, реализация проекта позволит Афганистану получить значительную выгоду, «Талибан»* уже пообещал гарантию безопасности.

Отдельно стоит отметить определенную неприязнь между Индией и «Талибаном»*. На индийское посольство в Кабуле были дважды совершены масштабные террористические атаки, ответственность за которые взяла на себя группировка. За период 2014–2020 гг. нет сообщений об официальных или неофициальных контактах Нью-Дели с талибами*. И после событий лета 2021 г. Индия негативно отреагировала на произошедшую смену власти, закрыла свои консульства в Кандагаре, Мазари-Шарифе и Кабуле и долгое время воздерживалась от официальных контактов с талибами. Также была создана специальная группа по Афганистану, в которую вошли советник по национальной безопасности А. Доваль и министр иностранных дел С. Джайшанкар.

Нью-Дели полагает «Талибан»* группировкой, тесно связанной с его геополитическим региональным соперником — Пакистаном. Индия рассматривает события, произошедшие в 2021 г., как осуществление пакистанского

геополитического проекта, который несет ей прямую угрозу [13, с. 35–36]. Нью-Дели поддерживает силы национального таджикского меньшинства на севере страны («Северный альянс»). В целом внешнюю политику Индии можно охарактеризовать как выжидательную.

Однако для реализации своих национальных интересов в Афганистане Нью-Дели придется пойти на официальные и частые контакты с талибами* в сложившихся условиях. Следует отметить, что к национальным интересам Индии в Афганистане можно отнести следующее:

- предотвращение распространения терроризма и экстремизма;
- обеспечение нейтрального статуса Афганистана и сдерживание влияния Пакистана и Китая;
- развитие транзитного потенциала Афганистана;
- снижение напряженности в индо-афганских, индо-пакистанских и индо-китайских отношениях [14, р. 63].

Анализируя инструменты внешней политики Индии, приходится признавать их ограниченный характер, впечатление о котором создается непоследовательностью внешнеполитических шагов, как то: периодическое прекращение деятельности консульств, промедление в реализации экономических проектов. Отдельно стоит отметить сотрудничество исключительно с высшим эшелоном власти Афганистана, широкую поддержку позиций Хамида Карзая (2004–2014 гг.) и Ашрафа Гани (2014–2021 гг.).

Другим сдерживающим фактором можно назвать отказ в сотрудничестве, избегание официальных и неофициальных контактов с «Талибаном»*. Впрочем, под влиянием сложившейся ситуации контакт на официальном уровне был установлен, в частности, в Дохе ранее упомянутый министр иностранных дел С. Джайшанкар встретился с представителями группировки. Представляется, что Нью-Дели пошел на этот шаг, чтобы не дать Пакистану далее распространить свое влияние.

Отдельно стоит отметить, что в исследуемый период Индия поддерживала позиции США в регионе и, вполне вероятно, в дальнейшем будет работать в одном векторе с США. Ситуацию осложняет возможность сотрудничества Вашингтона с Пакистаном, тем более что попытки разместить антитеррористические базы США на территории Пакистана уже предпринимались.

Экономическое и политическое сотрудничество Индии и Афганистана нельзя назвать значительным, однако оно было важным с точки зрения баланса сил в регионе. С приходом к власти «Талибана»* этот баланс сил оказался разрушен. К Индии достаточно положительно относится население, что дает Дели небольшой маневр и возможность использования своей «мягкой силы» [14, с. 34].

С выходом США Нью-Дели придется формировать новую афганскую политику в условиях меньшего количества рычагов давления у США, тактического взаимодействия США и Пакистана по вопросам Афганистана, активного взаимодействия Китая и Пакистана, расширения влияния Китая в регионе. Нью-Дели оказался в трудных условиях, требующих значительного дипломатического маневра.

Таким образом, КНР на текущий момент осуществляет проактивную политику, идет на сотрудничество как с высшими эшелонами власти, так и с «Талибаном»*, хотя и не спешит его признавать. В своей внешней политике Пекин следует своим внешнеполитическим принципам невмешательства во внутренние дела государства, предпринимал неудачные попытки реализации крупных экономических проектов на территории Афганистана. Его позиции разделяет Пакистан.

Индия же до кризиса 2021 г. предпочитала не иметь контактов с «Талибаном»*, активно занималась гуманитарной помощью в сферах здравоохранения и образования. Нью-Дели опасается усиления Пакистана, осторожен в своих шагах и не спешит к активизации контактов с талибами* в текущих условиях.

И Китай, и Индия используют экономические инструменты внешней политики для достижения своих внешнеполитических целей, активно пользуются гуманитарной помощью, занимаются социальными объектами, предоставляют продовольствие, медикаменты.

В целом интересы двух стран во многом сходятся: необходимость предотвращения террористической и экстремистской деятельности, достижение стабильной ситуации в регионе, установление устойчивой и стабильной государственности в Афганистане с стабильной экономикой для развития экономических связей, а также реализация транзитного потенциала Афганистана. Схожесть данных целей позволяет странам активизировать свои контакты в рамках ШОС и БРИКС.

Библиография

1. Исследование Би-би-си: влияние «Талибана» растет, BBC news [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-428855> — 11.01.18.
2. Талибы и США подписали мирное соглашение в Катаре, Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/697226> — 29.02.20.
3. *Tahiri N.R.* Afghanistan and China Trade Relationship. Kabul: Oruj University, 2017. 30 p.
4. *Akhter M.N.* China's Changing Policy towards Afghanistan (2009–2019) Dokt. Diss. Shandong, 2021. 197 p.
5. *Рожин Б.* Большая игра: какие перспективы открыл для Китая уход США из Афганистана, ФАН [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/1515698-bolshaya-igra-kakie-perspektivy-otkryl-dlya-kitaya-ukhod-ssha-iz-afganistana> — 04.09.21.

6. *Zhao Huasheng* What Is Behind China's Growing Attention to Afghanistan? Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2015/03/08/what-is-behind-china-s-growing-attention-to-afghanistan-pub-59286> — 08.03.15.
7. *Pantucci R.* The myth of Chinese investment in Afghanistan, Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/The-myth-of-Chinese-investment-in-Afghanistan> — 16.08.2021.
8. *Amini M.* China's 'Silk Road' railway hits a snag in Afghanistan, CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2016/10/13/chinas-silk-road-railway-disrupted-by-uzbekistan-security.html> — 13.10.16.
9. *Шапок Л.А.* О намерениях Китая и Пакистана усилить взаимодействие с Афганистаном в рамках КПЭК, Институт Ближнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=69598> — 10.09.20.
10. «Талибан» назвал Китай основным партнером Афганистана, Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/788319> — 3.09.21.
11. *India and Afghanistan A Development Partnership.* External Publicity Division Ministry of External Affairs Government of India. URL: https://mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/176_india-and-afghanistan-a-development-partnership.pdf
12. *Сагайдак Е.А.* Проекты трубопроводов ИПИ и ТАПИ как попытка ослабления экономической зависимости Индии. М.: МГУ, Мировая политика, 2014. № 3. С. 523–529.
13. *Кортунов А.В.* Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам № 76/2021 / А.В. Кортунов; Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2021. 47 с.
14. *An Yu.* The Indian Modi Government's Adjustment of Afghan Policies: Motivations, Contents and Challenges / Academic Exploration, CAJ Electronic Publishing House, 2021, № 3. С. 61–68.

Шохина Юлия Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

МЕГАПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ

THE “ONE BELT — ONE ROAD” MEGAPROJECT AS AN INTEGRAL PART OF CHINA’S MODERN DIPLOMACY

Аннотация. Статья посвящена теме реализации инициативы «Один пояс — один путь» в рамках современной дипломатии Китая и глобализации 3.0: ее характерным особенностям и специфике. В данном контексте анализируются основные векторы развития внешнеполитического курса Си Цзиньпина, среди которых на первом месте стоит принцип создания общества «единой судьбы» и новой системы международных отношений с КНР во главе; а также мегапроекты, например, «Один пояс — один путь». Также в рамках предложенной проблематики затрагиваются мирополитические сюжеты, связанные с преодолением последствий глобальной пандемии COVID-19 странами, входящими в инициативу «Один пояс — один путь».

Ключевые слова: современная дипломатия Китая, «Один пояс — один путь», внешнеполитический курс Си Цзиньпина, глобализация 3.0, «мягкая сила».

Abstract. The article is devoted to the implementation of the «One Belt — One Road» Initiative within the framework of modern Chinese diplomacy and globalization 3.0: its characteristic features and specifics. In this context, the main vectors of the development of Xi Jinping’s foreign policy are analyzed, among which the principle of creating a society of “common destiny”, a new system of international relations with China at the head and the developing of megaprojects, for example, the «One Belt — One Road» megaproject, are in the first place. Also world political issues, related to overcoming the consequences of the global COVID-19 pandemic by countries, included in the «One Belt — One Road» Initiative, are considered within the framework of the proposed topic.

Keywords: China’s modern diplomacy, “One Belt — One Road” Initiative, Xi Jinping’s foreign policy, globalization 3.0, “soft power”.

В XXI в., веке увеличения масштабов транснациональных взаимодействий существует беспрецедентный масштаб глобализации, проявляющейся во взаимозависимости различных акторов международных отношений. Глобализация, ранее отождествляемая с модернизацией, или, еще точнее, с

вестернизацией, приобретает абсолютно новые черты в современной китайской интерпретации. Она не насаждает насильственным методом определенные стандарты, проводя их на территорию государств всего мира, а в целом предлагает их, продвигая свои ориентиры с помощью «мягкой силы», например, в сфере культуры, использования публичной дипломатии.

Обращаясь к процессу становления современных международных отношений, хочется отметить, что в 90-е гг. XX в. после окончания холодной войны и, соответственно, противоборства двух сверхдержав — СССР и США — наступает период доминирования одного государства — США. Мир становится однополюсным, ведь основным центром силы, вокруг которого концентрируется все политическое и экономическое могущество, становится только одна страна.

В XXI в. на смену однополярной модели доминирования США приходит иная модель, которая получает распространение в последнее время и была указана выше, — китайская глобализация [1]. Именно Китай завоевывает доминирующие позиции в мире, постепенно становясь как экономическим, так и политическим лидером. Еще недавно эта страна считалась лишь производителем дешевых товаров плохого качества, крупнейшим импортером технологий, из-за чего ее международный престиж оставался на довольно низком уровне. Но с начала 1980-х гг. (реформ Дэн Сяопина), а в особенности с первого десятилетия XXI в., которое было ознаменовано приходом к власти в Китае Си Цзиньпина, происходит «возрождение китайской нации», недаром в «китайской мечте» заявляется о стремлении «вернуть былое величие Китая». Благодаря грамотно сформулированным целям и задачам внешней политики Китай имеет четкую ориентацию на международной арене, выстраивая собственную политическую линию и ясно определяя свои отношения с союзниками, партнерами и другими странами.

Китайская глобализация непосредственно связана с моделями становления современной китайской внешней политики и дипломатией КНР.

Можно говорить о различных проявлениях китайской глобализации в данном контексте.

Во-первых, это тесная связь между внутренними реформами и открытостью иностранным государствам КНР. Китай готов лишь до определенной степени раскрывать свои идеалы, представления, иначе говоря, это государство сейчас пытается сочетать принципы, с одной стороны, открытости, а с другой — стремления сохранять свою специфику и идентичность.

Во-вторых, принцип постепенности преобразований также является основополагающим в китайской глобализации. Китай не проводил «резких» реформ, которые кардинально поменяли бы устройство общества и госу-

дарства, напротив, проводил и проводит реформы размеренно, что соответствует стратегии национального развития.

И, наконец, еще одной характерной чертой китайской глобализации является приоритетность развития сначала внутренней политики и только затем — внешней.

В целом внешняя политика Китая, безусловно, выходит на абсолютно новый уровень своего развития. Это ознаменовано приходом к власти в Китае Си Цзиньпина и его энергичными действиями на международной арене.

Си Цзиньпин часто проводит встречи с руководителями государств, что характеризует его как инициативного политического лидера и в целом политику Китая как нацеленную на налаживание контактов с другими странами дипломатическим путем, путем привлекательности своей внешней политики и в особенности многих экономических проектов, выгодных для разных международных акторов. Всего за первые 5 лет руководства КНР Си Цзиньпина (2013–2018 гг.) в Китае были проведены следующие крупнейшие межгосударственные мероприятия: четвертый саммит совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (май 2014 г.), саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (ноябрь 2014 г.), саммит «Большой двадцатки» в Ханчжоу (сентябрь 2016 г.), форум международного сотрудничества «Один пояс — один путь» (май 2017 г.) и девятый саммит БРИКС (сентябрь 2017 г.) [2].

Интересно подметить и особую направленность китайской дипломатии. Как уже отмечалось выше в связи с китайской глобализацией, Китай чрезвычайно осторожно относится к проникновению чужеродных идей, взглядов внутрь государства, поэтому стремится проводить двухгранную политику: с одной стороны, «приветствовать у себя», с другой — «идти вовне», причем понятно, что вторая сфера в данном случае рассматривается как более приоритетная. Как пример можно говорить о многочисленных проявлениях дипломатии «мягкой силы»: распространение Институтов Конфуция по миру, проведение конкурсов, связанных с Китаем, его языком и культурой (например, «Китайский мост», конкурс живописи и т. д.), перекрестных Годов сотрудничества с другими странами. Также сюда можно отнести многочисленные дипломатические встречи на высоком уровне: сам Си Цзиньпин за первые 5 лет нахождения у власти в КНР посетил 56 стран, встретившись с большинством лидеров государств современного мира [3].

Также Си Цзиньпин внес свой личный вклад и в формирование концепции внешней политики КНР, выделив 4 ее основополагающих принципа, среди которых наиболее актуальными, на наш взгляд, в рамках данной статьи являются превращение дипломатии Китая в дипломатию великой державы с

китайской спецификой, а также построение «глобального общества единой судьбы» (новая китайская глобализация 3.0) и как знамение этого — появление нового типа взаимосвязей между государствами на международной арене [4]. Ни одна из стран — лидеров предыдущих эпох в отличие от Китая не представляла на всеобщее обозрение такой тщательно проработанной концепции с национальной спецификой, что опять-таки свидетельствует о выходе КНР (благодаря своему лидеру в том числе) на качественно новый этап развития и в экономическом, и в политическом, и в других планах.

Часто в последнее время звучит мнение о том, что в основном только внутренняя политика КНР претерпевает кардинальные изменения, но на самом деле это не так. Китай, безусловно, проводит свою внутреннюю политику, исходя из цели «великого возрождения китайской нации», но также транслирует уже названные принципы единства человечества на весь мир. Звучит это довольно парадоксально, так как планета еще никогда не сталкивалась с таким продвижением ценностей.

И актуальным остается вопрос: сможет ли Китай в ближайшее время стать глобальным лидером, отстояв данную нишу за собой, используя дипломатию нового типа? Или все-таки преграда на пути КНР в качестве США даст о себе знать и помешает одержать победу в условном противостоянии? Кому хватит сил, ресурсов и, главное, множества дипломатических средств для победы? На все эти вопросы пока нет однозначного ответа, лишь предположения.

В контексте китайской глобализации и дипломатии нового образца XXI в. можно рассмотреть еще и несколько мегапроектов, которые продвигаются в рамках внешней политики этого государства.

Одним из основных направлений внешней политики КНР, реализуемых в том числе и с помощью «мягкой силы», на данный момент является инициатива «Один пояс — один путь».

Впервые о мегапроекте «Один пояс — один путь» как об одном из направлений китайской дипломатии заговорили еще в 2010-е гг. [5]. В 2013 г., во время визита Си Цзиньпина в Казахстан и Индонезию, говорилось уже о реальных предложениях относительно объединения двух проектов — «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» в один мегапроект — «Организацию международного сотрудничества Шёлковый путь» («一帶一路») [6].

Этот мегапроект имеет под собой основу древнего Шелкового пути и предполагает развитие различных механизмов взаимодействия между Китаем и странами Азиатского региона, Евразии.

Стоит упомянуть об отношениях России и Китая в рамках данного мегапроекта. Действительно, наши страны заинтересованы в сотрудничестве

по развитию взаимодействия между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и китайским проектом «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Недаром в 2019 г. было подписано взаимовыгодное «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем» в 8 наиболее приоритетных направлениях, среди которых можно выделить торговое сотрудничество — к примеру, обеспечение взаимного признания общих правил его осуществления [7]. Кроме этого, создание дополнительных возможностей для развития предпринимательской деятельности, поиск новых факторов обеспечения экономического роста, создание благоприятных условий для ведения бизнеса на территориях обеих стран и т. д. Обращаясь к данным статистики, можно отметить, что за первые 3 квартала 2020 г. российский экспорт с/х продукции в Китай возрос на 15,8%, прямые инвестиции Китая в нефинансовый сектор России возросли на 7,4% [8]. Заметим, что такие значительные показатели достигаются, несмотря на тяжелую экономическую обстановку в период пандемии.

В целом можно сказать, что инициатива «Один пояс — один путь» открывает возможности для улучшения инфраструктуры и расширения международного сотрудничества [9]. Но при этом встречаются и некоторые трудности — к примеру, расширение глобализации по китайскому образцу, что подчас вызывает недовольство не только у государств, претендующих на статус гегемонов в своем регионе, но и у тех стран, которые являются реципиентами китайских инвестиций, так как взамен Китай требует от них лояльности и благосклонности к расширению своей мирной экспансии. Но КНР при этом определяет свою инициативу как исключительно имеющую своей целью улучшить бизнес-климат, логистическую инфраструктуру в регионе, затрагиваемом мегапроектом, подчеркивая его взаимовыгодный характер для всех участников.

В рамках мегапроекта было проведено множество переговоров с лидерами различных стран по внедрению его нововведений в жизнь, что подняло на новый уровень развитие современной китайской дипломатии. На декабрь 2021 г. 140 стран и 31 международная организация подписали 205 документов о сотрудничестве с Китаем в рамках проекта «Один пояс — один путь» [10].

Можно отметить многосторонние соглашения, подписанные с Россией, Белоруссией, Узбекистаном, Таджикистаном, Азербайджаном, Казахстаном. Некоторые из этих стран пытаются имплементировать стратегию «Одного пояса — одного пути» в свои собственные стратегии развития. Например, в 2015 г. Китай и Азербайджан подписали Меморандум о взаимопонимании по совместному поощрению создания Экономического пояса Шелкового пути, в 2017 г. Китай и Беларусь подписали Соглашение о развитии меж-

дународных грузовых перевозок и сотрудничестве в реализации концепции строительства ЭПШП [11].

Ярким примером является Казахстан, который выражает готовность связать Национальную стратегию развития с китайским мегапроектом, при этом Китай готов инвестировать в Казахстан почти 30 млрд долларов для создания дополнительных рабочих мест в стране, но при этом требуя лояльности к своей внешней политике и выдвинутой инициативе [11].

В первую очередь мегапроект «Один пояс — один путь», как уже было отмечено выше, безусловно, рассматривается как экономический проект, реализуемый главным образом усилиями китайской дипломатии. При этом Китай подчеркивает, что инициатива открыта для включения новых участников. Он стремится увеличить экспорт своих товаров в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Нужно отметить и тот факт, что качество товаров, вывозимых из Китая, также постепенно улучшается в последнее время. Это происходит на фоне увеличения размера минимальной заработной платы на душу населения и, как следствие, повышения благосостояния населения Китая в целом, что позволило лидеру КНР Си Цзиньпину в 2020 г. объявить об окончательной победе над бедностью в стране.

Помимо этого, можно отметить особую роль созданного в рамках инициативы «Один пояс — один путь» Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание этого банка имело своей целью расширение программы финансирования различных проектов во многих странах мира. По статистике на начало марта 2019 г. в проектный портфель банка входило 35 проектов (из них 31 заем и 4 вложения в инвестиционные фонды) общим объемом 7,5 млрд долларов. На сегодняшний день акционерами банка являются более 90 стран. КНР, РФ и Индия являются крупнейшими региональными акционерами АБИИ [12].

Китай старается привлечь и частный бизнес для создания взаимовыгодной среды инвестиций в инфраструктуру разных стран, в особенности близлежащих стран-партнеров.

Но нельзя не сказать о политических и стратегических выгодах, которые получает Китай, активно проводя в жизнь инициативу «Один пояс — один путь», иначе навряд ли это государство позиционировало бы данный мегапроект как один из стратегически важных приоритетов дипломатии КНР начала XXI в. Китай заявляет, что он призван оказывать помощь развивающимся странам в реализации их потенциала, ускорять интеграцию Евразийского и Азиатского регионов, но де-факто мы видим, что Китай увеличивает свое господство в морском пространстве, получает доступ к различным ресурсам, в том числе и энергетическим, в обход уже известных путей транзита, где главным источником силы являются США.

Вместо лидирующих США на мировую арену приходит Китай с широкомасштабными инвестициями, что позволяет говорить о складывающейся новой системе в международных отношениях, о возможном «возрождении китайской нации» по следам Срединного государства Средневековья.

В 2020–2022 гг., в период массового инфекционного заболевания COVID-19, Китай гораздо более успешно справляется с ним по сравнению с европейцами. Это достигается важнейшими факторами: сочетанием целеустремленности людей, имеющих общую цель, и технологичностью данной страны. К примеру, в 2020 г. были введены в эксплуатацию специальные qr-коды, только используя которые можно было проходить в заведения общественного пользования; роботы, которые, передвигаясь по определенным общественным местам, напоминали людям о необходимости носить маски.

Кроме этого, китайцы, отличающиеся огромным запасом терпения и трудолюбия, готовностью пожертвовать ради благой цели общества своим комфортом, смогли всего за месяц построить госпиталь для больных коронавирусом, что помогло снизить уровень заболеваемости в г. Ухань. Это событие потрясло весь мир, и многие иностранные державы, видя успешность борьбы Китая с эпидемией, стали следовать его примеру. Теперь и для других стран характерно введение qr-кодов, проведение массовой вакцинации населения. В данном случае опять же проявляется китайская глобализация, как следствие, повышается авторитет Китая на международной арене. Это, в свою очередь, способствует и увеличению веса китайских дипломатов во время переговоров. К примеру, можно вспомнить недавнюю ситуацию на переговорах с таким крупнейшим игроком, как США: китайские дипломаты настояли на том, чтобы представители Госдепартамента США не говорили с ними с позиции силы, а относились к своим партнерам с уважительной риторикой, как к равноправным международным игрокам.

Страны, располагающиеся по маршруту «Одного пояса — одного пути», столкнувшись с проблемами ковидного характера, подчас не справляются с ними, из-за чего им приходится обращаться к более сильному игроку — Китаю, что еще больше расширяет могущество этого государства. Несмотря на глобальную пандемию, темпы товарооборота между Китаем и его партнерами по мегапроекту «Один пояс — один путь» увеличились на 1,5%, что показывает значимость инициативы и в ковидный период. За 9 месяцев 2020 г. нефинансовые прямые инвестиции китайских предприятий в страны-партнеры по инициативе «Один пояс — один путь» составили более 13 млрд долларов, увеличившись на 30% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Китай спонсировал своих партнеров жизненно важ-

ными медикаментами, медицинским оборудованием, что помогло им успешно справиться с пандемией [13].

Предполагается, что с течением времени мегапроект «Один пояс — один путь» сможет охватить и медицинскую сферу. Недаром уже сейчас слышны голоса ученых, говорящих о «Шелковом пути здоровья», что особенно актуально в связи с современными событиями, а также о «Зеленом Шелковом пути» и «Цифровом Шелковом пути». Эти проекты, будучи совмещенными с экономическими, торговыми и гуманитарными инициативами Китая, позволят еще больше укрепить сотрудничество стран, пролегающих по маршруту «Одного пояса — одного пути», поднять на новый уровень развитие технологий в этих странах и помочь укрепить дипломатический потенциал Китая в рамках практики переговорного процесса.

Таким образом, в современном мире можно говорить о быстром развитии Китая в абсолютно разных, но при этом так или иначе взаимосвязанных направлениях: не только в экономической сфере (первые позиции в мире по показателям ВВП), но и в рамках развития дипломатии и выхода ее на новый уровень, что достигается в том числе путем переговоров со странами-партнерами о реализации крупномасштабных проектов, таких как инициатива «Один пояс — один путь».

Библиография

1. 观察 | 新中国全球化战略70年：从独立自主到人类命运共同体 Исследование «Новая китайская стратегия глобализации на 70 лет: от самостоятельности до построения сообщества единой судьбы» [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1645017819505233491&wfr=spider&for=pc&searchword=新中国全球化> — 18.01.22.
2. Мокрецкий А. // Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2163> — 18.01.22.
3. Синьхуа Новости / Си Цзиньпин — человек, который ведет КПК в новом походе [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2021-11/06/c_1310294156.htm — 18.01.22.
4. Кузнецов С. Внешнеполитические идеи Си Цзиньпина как концептуальная основа внешней политики Китая на современном этапе и влияние пандемии коронавируса на ее трансформацию [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/amp/s/russiangouncil.ru/amp/blogs/s_kuznecov/vneshnepoliticheskije-idei-si-tsinpinina-kak-kontseptualnaya-osnova-vneshn-politiki-kajta-na-sovremennom-etape-i-vlijanie-pandemii-korona-virusa-na-ee-transformaciu — 18.01.22.
5. 习近平提出“一带一路”建设
6. Выдвижение концепции «Один пояс — один путь» Си Цзиньпином в 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/习近平提出“一带一路”建设/56668001> — 18.01.22.
7. ТАСС-ДОСЬЕ // «Проект «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/amp/s/tass.ru/info/4383152/amp> — 18.01.22.

8. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages.aspx> — 18.01.22.
9. Посольство КНР в РФ / Интервью посла КНР в РФ Чжан Ханьхуэя российскому новостному агентству «Спутник» МИА «Россия Сегодня» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/dssghd/t1842946.htm> — 18.01.22.
10. 《携手推进“一带一路”建设——在“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲》
11. Речь Си Цзиньпина на Форуме Международного сотрудничества «Один пояс — один путь» в 2019 г. о достижениях мегапроекта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wenmi.com/article/puam0b04eygm.html> — 18.01.22.
12. *Ми Шэн* // «Один пояс — один путь» получил зеленый цвет [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1181665/mi-shen/odin-poias-odin-put-poluchil-zelenyi-tsvet> — 18.01.22.
13. *Сунь Чжуанчжи* // Сотрудничество по сопряжению между Китаем и странами Евразии в контексте построения Инициативы «Пояса и Пути» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/amp/s/russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/analytics/sotrudnichestvo-po-sopryazheniyu-mezhdu-kitaem-i-stranami-evrazii-v-kontekste-postroeniya-initsiativ/> — 18.01.22.
14. Министерство экономического развития РФ / Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/vzaimodeystvie_s_mezhdunarodnymi_bankami_razvitiya/aziatskiy_bank_infrastrukturnyh_investiciy_abii/ — 18.01.22.
15. *Чжун Нань* // Партнеры всегда рядом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/amp/s/rg.ru/amp/2020/11/19/iniciativa-odin-poias-odin-put-pomozhet-procvetaniiu-regionov-kitaia.html> — 18.01.22.

СЕКЦИЯ «ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В СТРАНАХ ЗАПАДНОГО ПОЛУШАРИЯ»

Альмуков Тимур Маратович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

SOCIAL-POWER DIPLOMACY: НОВЫЙ ПОДХОД ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛА

SOCIAL-POWER DIPLOMACY AS A NEW APPROACH IN THE FOREIGN POLICY OF BOLIVARIAN REPUBLIC OF VENEZUELA

Аннотация. В данной работе предпринята попытка проанализировать концепцию *social-power diplomacy* в качестве одного из главных подходов внешней политики Венесуэлы. Раскрывается концептуальное значение понятия *social-power diplomacy*, основные направления и инструменты его реализации. Подчеркивается, что такая дипломатия требует значительных капиталовложений и наиболее активно применялась в условиях получения больших доходов от нефтяной отрасли. Сделан вывод, что смена власти в 2013 г. не предполагала отказа от использования данной модели дипломатии. Однако в условиях нарастания структурного кризиса и ухудшения социально-экономической ситуации государство было вынуждено переориентироваться на решение проблем внутри страны и отказаться от проведения динамичной внешней политики.

Ключевые слова: social-power diplomacy, Венесуэла, внешняя политика, Уго Чавес, Николас Мадуро, дипломатия.

Abstract. This paper attempts to analyze the concept of “social-power diplomacy” as one of the main approaches in the foreign policy of the Bolivarian Republic of Venezuela. It reveals the conceptual meaning of “social-power diplomacy”, the main tools of its implementation and its main objectives. It is emphasized that the model of “social-power diplomacy” requires significant investments and was most actively used in the conditions of obtaining large revenues from the oil industry. However, with the growing structural crisis and worsening socio-economic situation, the

country's leadership was forced to refocus on solving domestic political issues. The author concludes that the change of power in 2013 did not imply the abandonment of this model of diplomacy. problems and abandon large-scale foreign policy projects. The combination of these factors makes it impossible to apply this model of diplomacy today.

Keywords: social-power diplomacy, Venezuela, foreign policy, Hugo Chavez, Nicolas Maduro, diplomacy.

Первоначальный период нахождения у власти революционера У. Чавеса ознаменовался для Венесуэлы целым рядом особенностей, среди которых можно выделить растущие цены на энергоносители, глобальный сдвиг в сторону более многополярного мирового порядка, а также региональный отход от неolibеральной модели развития, укоренившейся в конце XX в. Внешнеполитические амбиции Венесуэлы всегда были зависимы от колебаний на рынке энергоносителей. Уровень цен на нефть в совокупности со способностью государства напрямую получать доходы от нефтяной отрасли создают благоприятные условия для проведения активной внешней политики. Эти три переменные в сочетании с внутренними факторами — личной харизмой президента У. Чавеса и доминированием находящейся у власти Единой социалистической партии Венесуэлы (ЕСПВ) — значительно способствовали проведению активной внешней политики.

Проводимый лидером Венесуэлы политический курс привлек внимание официальных лиц Соединенных Штатов Америки. Во время своего президентства У. Чавес вернул в Западное полушарие забытые после времен холодной войны проблемы региональной безопасности. Обеспечивая финансовую поддержку различным фундаменталистским движениям, сохраняя постоянное напряжение с соседствующей Колумбией и поддерживая военно-техническое сотрудничество с Российской Федерацией, венесуэльский президент вернул в региональную повестку те вопросы, которых в ней не существовало более десятилетия. На этом фоне многими исследователями игнорируется не менее важное направление венесуэльской дипломатии, которое также имело свою эффективность в борьбе за региональное лидерство. Речь идет о масштабных капиталовложениях в социальные проекты соседних государств, а также включение наиболее бедных слоев населения в свою политическую повестку. Для описания этой формы дипломатии американский политолог, профессор Амхерстского Колледжа Х. Корралес ввел термин *social-power diplomacy* [1, p. 98]. Автор отмечает, что данный термин имеет общие черты с известной концепцией «мягкой силы», введенной в оборот Дж. Наем [2]. Равно как и «мягкая сила», концепция *social-power diplomacy* предполагает продвижение нематериальных ценностей. В случае

Венесуэлы такими ценностями являются боливарианская идеология, антиамериканизм, антиимпериализм, а также различные инициативы в интересах малоимущего населения. Однако в отличие от «мягкой силы» данная концепция предполагает вложение значительных материальных активов, прежде всего в различные социальные проекты иностранных государств в качестве инструмента внешней политики. Приоритетным направлением данного вида дипломатии является привлечение союзников и продвижение определенной политической повестки. Вкладывая колоссальные ресурсы в развитие социальных проектов, появляется возможность избежать критики, которая могла бы возникнуть в случае более прямого воздействия на политику других государств.

Реализация social-power diplomacy во внешней политике У. Чавеса

Безусловно, можно считать, что реализация данной модели дипломатии при У. Чавесе была направлена на снижение влияния Соединенных Штатов Америки на политические и экономические процессы в латиноамериканском регионе. Целый ряд исследователей считает, что такая форма дипломатии является инструментом «мягкого балансирования» Венесуэлы против США [3; 4]. «Мягкое балансирование» является сравнительно новой концепцией в международных отношениях, которая была разработана Р. Пэйпом [5] и Т. Полом [6]. К этой концепции относятся попытки государств помешать реализации внешнеполитических целей других, более могущественных государств, не прибегая при этом к военным действиям [5, р. 17]. В то время как «жесткое» балансирование обычно направлено на достижение более масштабных целей (например, изменение структуры международной системы), цели «мягкого балансирования» менее амбициозны (например, повышение издержек по сохранению лидерства для более сильной державы). Учитывая меньшие масштабы, «мягкое» балансирование является приоритетным выбором для средних и малых держав. Начиная с 2004 г. многие действия Венесуэлы на международной арене могут быть вписаны в эту концепцию. Во многом именно активная позиция Каракаса помешала реализации масштабного проекта США по созданию Зоны свободной торговли (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA), охватывающей все Западное полушарие. В качестве альтернативы проекту США по инициативе Венесуэлы в 2006 г. был создан Боливарианский альянс для народов «нашей» Америки (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA), впоследствии ставший одним из главных инструментов реализации «социально ориентированной» дипломатии. В соглашении о создании Альянса, подписанном Венесуэлой, Кубой и Боливией, содержится целый ряд инициатив, которые касаются венесуэльских инвестиций в социальную сферу других

стран [7]. Так, в своих отношениях с Боливией в рамках АЛБА Венесуэла обязалась предоставить 5 000 стипендий для обучения в различных сферах, представляющих интерес для производственного и социального развития (п. 2.3), создать специальный фонд размером до 100 млн долларов в пользу Боливии для финансирования производственных проектов и сопровождающих их инфраструктур (п. 2.4), пожертвовать 30 млн долларов на удовлетворение потребностей социального и производственного характера боливийского народа в соответствии с решением его правительства (п. 2.5). В связи с отсутствием каких-либо механизмов по обеспечению контроля транспарентности и целевого расходования этих средств Венесуэла получала возможность влиять на политические процессы внутри страны, поддерживая идеологически близкий режим Э. Моралеса.

Что касается Кубы, то объемы венесуэльско-кубинского партнерства при Чавесе увеличились во всех направлениях. В 2000 г. между странами было подписано специальное соглашение о сотрудничестве [8]. В рамках соглашения Венесуэла обязалась поставлять Кубе 53 тыс. баррелей в день по льготным ценам (ст. 3). Взамен на нефть Куба отправляла от 30 до 50 тыс. социальных работников, врачей, учителей и т. д. Кроме того, объемы поставок нефти были увеличены в 2005 г., и по новому соглашению Венесуэла обязалась поставлять 90 тыс. баррелей в день. Однако Куба не имела возможности выплачивать полную стоимость получаемой нефти. По этой причине около 20 тыс. баррелей отправлялись на Остров Свободы бесплатно [9, р. 4].

Достойны упоминания и другие важные направления дипломатии боливарианцев. Среди них выделяется Аргентина, руководимая идеологически близкими правительствами сначала Нестора, а затем и Кристины Киршнер. Чавес помог Аргентине погасить долг перед МВФ, вложив 5 млрд долларов в аргентинские государственные облигации [10]. Помимо этого, были подписаны соглашения о сотрудничестве в сельскохозяйственной и энергетической отраслях [11].

Другим заметным инструментом венесуэльской дипломатии являлась программа «Петрокарибе» (*Petrocaribe*), основанная в 2005 г. Программа была создана для поставок венесуэльской нефти на условиях платежных преференций ряду стран Карибского бассейна в Центральной Америке. По условиям поставок страны — импортеры венесуэльского топлива оплачивают «живыми» деньгами лишь 48% поставленного товара [12, с. 2]. Остаток должен быть погашен в течение 25 лет, с годовой ставкой в один процент. Согласно условиям программы, договоры заключаются только с государственными компаниями, это исключает любое привлечение посредников. Это означает, что ни одно частное предприятие не может принять участие в данной программе [12, с. 2]. Эти условия делают данную программу при-

влекательной для развивающихся стран региона, выигрывая конкуренцию у других международных организаций по оказанию помощи, которые предлагают выплаты на более строгих условиях. Примечательным является кейс Гондураса, который присоединился к программе 30 января 2008 г. [13]. Хосе Мануэль Селайя, президент Республики Гондурас на тот момент, изначально ориентировался на США во внешней политике и имел либеральные взгляды. Однако его правление ознаменовалось резкой сменой курса влево и сближением с Венесуэлой. Будучи президентом, Х.М. Селайя начал увеличивать государственные расходы и столкнулся с серьезной инфляцией и дефицитом баланса текущих операций. В естественных обстоятельствах это означало бы переговоры с Международным валютным фондом (МВФ) о предоставлении помощи с соблюдением строгих условий. Но после присоединения к «Петрокариме» у Х.М. Селайи больше не было необходимости заключать соглашения с МВФ.

Анализ партнерства с соседними государствами показывает, что заключенные договоры включают в себя крупные суммы, направленные именно на проекты развития. Помимо этого, все перечисленные выше государства являлись для Венесуэлы близкими идеологически и разделяли ценности, которые продвигались У. Чавесом. Можно прийти к выводу, что целью такой дипломатии была попытка претендовать на лидерство в регионе, объединение континента в рамках боливарианской идеологии, снижая возможности Соединенных Штатов влиять на политические процессы в государствах Латинской Америки. Кроме того, выбор такой модели дипломатии был направлен на улучшение международного имиджа Венесуэлы и создание образа «защитника» интересов малоимущего населения для самого Уго Чавеса.

Место social-power diplomacy во внешней политике Н. Мадуро: преемственность или смена курса?

Как отмечают исследователи В. Михарес и К. Ромеро, за всю историю независимой Венесуэлы только для трех президентов была характерна динамичная внешняя политика. К ним относятся Ромуло Бетанкур (1959–1964), Карлос Андрес Перес (1974–1979; 1989–1993) и Уго Чавес (1999–2013) [14, р. 166]. В связи с упомянутыми в начале исследования условиями для проведения активной внешней политики динамичность внешней политики была существенно понижена при каждом из их преемников (Рауль Леони (1964–1969); Рафаэль Кальдера (1969–1974); Луис Эррера Кампинс (1979–1984) и Николас Мадуро (2013 — н. в.)). Несмотря на то что на уровне риторики и заявлений Н. Мадуро полностью поддерживает инициативы бывшего президента, вопрос о преемственности во внешней политике оставался открытым.

Продолжение Николасом Мадуро дипломатического курса У. Чавеса являлось логичным развитием событий, так как оба принадлежали к одной партии. Помимо этого, Мадуро дольше всех занимал пост министра иностранных дел при Чавесе. О намерении продолжить курс своего предшественника свидетельствуют и первые после выборов инициативы Мадуро на международной арене. Был принят «План Родины», документ, разработанный еще самим У. Чавесом и включавший в себя основные направления развития страны в период 2013–2019 гг. [15]. В документе содержалось положение о дальнейшем развитии Венесуэлы внутри «союза латиноамериканских держав», что предполагало дальнейшее участие Каракаса в различных интеграционных проектах, прежде всего на идеологической почве. Местом первой зарубежной поездки новоизбранного президента, как и ожидалось, стала Куба. Во время визита были подписаны соглашения о сотрудничестве в социально-экономической области. Затем состоялся саммит Petrocaribe, на котором президент Венесуэлы заверил членов программы о готовности выполнять обязательства по снабжению нефтью на льготных условиях [16, с. 75]. Кроме того, Николас Мадуро посетил первый после кончины У. Чавеса саммит АЛБА, состоявшийся в 2013 г. в Эквадоре. Главной темой саммита стала перспектива создания единой экономической зоны взаимодополняемости, которая могла бы объединить экономики государств, входящих в АЛБА, Петрокарибе и МЕРКОСУР (*Mercado Común del Sur*). Во время закрытия встречи Н. Мадуро заявил, что текущий саммит служит основой для нового цикла развития и объединения региона [17, с. 29].

Тем не менее изменился целый ряд факторов, которые ранее играли ключевую роль в способности Венесуэлы проводить активную внешнюю политику. Одним из них является резкое падение цен на нефть. Достигнув отметки в 100 долларов за баррель в январе 2014 г., цены начали снижаться и в январе 2015 г. составили 44 доллара за баррель [18]. Поскольку инвестиции в энергетическую отрасль также снизились, добыча нефти сократилась с 3,48 млн баррелей в сутки до 2,62 млн баррелей в сутки [19, р. 76]. В период с 2013 по 2021 г. Боливарианская республика теряет 127% в темпах роста реального внутреннего валового продукта (ВВП) [20]. Помимо этого, изменилась и политическая обстановка внутри самой Венесуэлы. На протяжении всего пребывания на посту президента боливарианцам удавалось сохранять контроль над Национальной ассамблеей и большинством штатов Венесуэлы. Такой расклад сил позволял Чавесу мобилизовывать все необходимые ресурсы для реализации внешнеполитических задач. В этом смысле меньшая популярность самого Мадуро и рост популярности оппозиции стали сдерживающим фактором для реализации внешнеполитических инициатив. В этот же период происходит значительный откат политического

режима к авторитаризму. Действия властей по отстранению от выборов наиболее известных оппозиционных лидеров подорвали доверие населения к выборам, а также привели к сильнейшей поляризации общества [20, с. 23]. Данная поляризация перешла в острую фазу конфликта с момента избрания председателем Национальной ассамблеи оппозиционного политика Хуана Гуайдо, а впоследствии и его провозглашением себя временно исполняющим обязанности президента. Впоследствии массовые антиправительственные действия со стороны оппозиции поставили под сомнение способность режима Мадуро осуществлять прежнюю модель дипломатии. В условиях усугубляющейся экономической ситуации и нарастающего внешнего давления со стороны США и других стран «коллективного Запада» правительству Мадуро была необходима как экономическая помощь, так и политическая поддержка извне. Однако традиционные латиноамериканские партнеры Мадуро в лице Кубы и Боливии были не в состоянии оказать Каракасу значительную финансовую помощь.

Это дает основание утверждать о формировании нового внешнеполитического подхода и определении новых приоритетов. При У. Чавесе венесуэльская дипломатия была направлена на установление регионального единства в рамках боливарианской идеологии и лидерства Венесуэлы. Можно наблюдать преемственность этой политики в первые годы президентства Н. Мадуро. В условиях глубокого структурного кризиса все усилия руководства страны, в том числе и на дипломатическом поприще, были переориентированы на решение внутренних проблем, что делает невозможным реализацию концепции *social-power diplomacy* в сегодняшней внешней политике Венесуэлы.

Библиография

1. *Corrales J.* Using social power to balance soft power: Venezuela's foreign policy // *The Washington Quarterly*. Vol. 32, № 4, p. 97–114, 2009.
2. *Nye Jr J.S.* Soft power: The means to success in world politics // *Public affairs*, 2004.
3. *Williams M.E.* The New Balancing Act: International Relations Theory and Venezuela's Foreign Policy // *The Revolution in Venezuela: Social and Political Change under Chávez*, p. 259–280, 2011.
4. *Ponniah T., Eastwood J.* The revolution in Venezuela: social and political change under Chávez // *NACLA Report on the Americas*. 2011. Vol. 44, № 5, p. 45–46.
5. *Pape R.A.* Soft balancing against the United States // *International security*. Vol. 30, № 1, p. 7–45, 2005.
6. *Paul T.V.* Soft balancing in the age of US primacy // *International security*. 2005. Vol. 30, № 1, p. 46–71.
7. Соглашение о применении Боливарианской альтернативы для народов нашей Америки и договора о торговле между народами [Электронный ресурс]. URL:

- <http://www.fidelcastro.cu/ru/documentos/soglashenie-o-primenenii-bolivarianskoj-alternativy-dlya-narodov-nashey-ameriki-i> — 17.02.2022.
8. Convenio Integral de Cooperación entre la República d Cuba y la República Bolivariana de Venezuela. URL: <https://docs.venezuela.justia.com/federales/leyes-internacionales/convenio-integral-de-cooperacion-entre-la-republica-d-cuba-y-la-republica-bolivariana-de-venezuela.pdf> — 18.02.2022.
 9. *Corrales J.* The Logic of Extremism: How Chávez Gains by Giving Cuba So Much // *Inter-American Dialogue*, p. 2–6, 2005.
 10. *Obiko N., James I.* Venezuela Offers Billions to Countries in Latin America // *Venezuela Analysis*. 28.08.2007. URL: <https://venezuelanalysis.com/news/257> — 19.02.2022.
 11. Chavez and Cristina sign a billion USD trade agreement // *Merco Press*. 12.08.2009. URL: <https://en.mercopress.com/2009/08/12/chavez-and-cristina-sign-a-billion-usd-trade-agreement> — 19.02.2022.
 12. *Дроздова К.Н.* Влияние участия Венесуэлы в программе «ПЕТРОКАРИБЕ» на развитие ее национальной экономики // *Вестник евразийской науки*. № 5 (24), 2014. С. 1–8.
 13. Honduras se convierte en miembro oficial de Petrocaribe y reconoce la contribución de Chávez al desarrollo // *Notimérica*. 22.12.2007. URL: <https://www.notimerica.com/politica/noticia-petrocaribe-honduras-convierte-miembro-oficial-petrocaribe-reconoce-contribucion-chavez-desarrollo-20071222040315.html> — 20.02.2022.
 14. *Romero C.A., Mijares V.M.* From Chávez to Maduro: Continuity and change in Venezuelan foreign policy // *Contexto internacional*. Vol. 38, p. 165–201, 2016.
 15. Plan de la Patria 2013–2019 de Venezuela. Plan de Gobierno. URL: <https://observatorioplanificacion.cepal.org/es/planes/plan-de-la-patria-2013-2019-de-venezuela> — 20.02.2022.
 16. *Дабагян Э.С.* Венесуэла после Уго Чавеса // *Мировая экономика и международные отношения*. № 7, 2014. С. 67–77.
 17. *Пятаков А.Н.* Боливарианский и Тихоокеанский альянсы // *Латинская Америка*. № 9, 2014. С. 25–41.
 18. The 2014 plunge in import petroleum prices: What happened? URL: <https://www.bls.gov/opub/btn/volume-4/pdf/the-2014-plunge-in-import-petroleum-prices-what-happened.pdf> — 20.02.2022.
 19. *Mijares V.M.* Venezuela's Post-Chávez Foreign Policy // *Americas Quarterly*. Vol. 9, № 1, p. 74–81, 2015.
 20. *Розенталь Д.М.* Анатомия политического кризиса в Венесуэле // *Пути к миру и безопасности*, 2019, № 56. С. 22–33.
 21. *Rozental D.M., Jeifets V.L.* Política exterior de Venezuela en el ambiente de inestabilidad // *Iberoamérica*. № 4, p. 53–76, 2018.

Богданов Кирилл Вадимович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, аспирант

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ДИПЛОМАТИИ А.М. ЛОПЕСА ОБРАДОРА

ROLE OF IDEOLOGY IN THE A.M. LOPEZ OBRADOR'S DIPLOMACY

Аннотация. В статье автор рассматривает роль идеологического фактора во внешней политике Мексики в период президентства А.М. Лопеса Обрадора. Для достижения поставленной цели автор прибегает к оценке эволюции взаимоотношений Мексики с Венесуэлой, Боливией, Никарагуа и Аргентиной и делает вывод о причинах смены курса страны в отношении вышеназванных государств. В статье не оставлено без внимания исследование роли Мексики в региональных институтах и потенциального влияния внутrigосударственного «левого поворота» на них.

Ключевые слова: АМЛО, дипломатия, «левый поворот», венесуэльский кризис, идеология.

Abstract. In the article the author examines the role of the ideological factor in the foreign policy of Mexico during the presidency of A.M. Lopez Obrador. To achieve this goal, the author estimates the evolution of Mexico's relations with Venezuela, Bolivia, Nicaragua and Argentina and draws a conclusion about the reasons for the change of the state course in relation to the above-mentioned states. The article includes the study of the role of Mexico in regional institutions and the potential impact of the "left turn" on them.

Keywords: AMLO, diplomacy, "left turn", Venezuelan crisis, ideology.

В 2018 г. в Мексике происходит перегруппировка политических сил. Это стало следствием глубокого политического кризиса, черты которого стали заметны еще начиная с 2016 г. [1, с. 49]. Триумфальную победу на выборах одерживает коалиция левых сил «Вместе сделаем историю». Безусловно, это событие породило множество вопросов, связанных с тем, как будет меняться положение Мексики в регионе, и в особенности, как будут выстраиваться отношения со странами левого режима [2, с. 79].

Еще во время своей предвыборной кампании А.М. Лопес Обрадор заявлял о приоритетности для него решения проблем внутри государства: он не раз отмечал, что «лучшая внешняя политика — это политика внутренняя», подчеркивая, что только разобравшись с внутренней политикой, можно рас-

считывать на уважение и признание мирового сообщества [3]. Новый президент также неоднократно выражал приверженность базовым постулатам внешней политики, которым всегда следовала Мексика, выделяя в первую очередь доктрину Эстрады [4].

Уже вскоре после прихода к власти А.М. Лопеса Обрадора стали происходить заметные изменения в подходах, в первую очередь к венесуэльскому кризису. О смене позиции по данной проблеме уже мог сказать тот факт, что Николас Мадуро посетил церемонию вступления в должность А.М. Лопеса Обрадора. Практически сразу после инаугурации в январе 2019 г. Мексика единственная косвенно высказалась в поддержку режима Николаса Мадуро в формате Группы Лимы, созданной для стабилизации кризиса в Венесуэле, что существенно отличалось от позиции предыдущего правительства. Позиция А.М. Лопеса Обрадора была основана на традиционной для Мексики доктрине Эстрады и закрепленных в статье 89 Конституции принципов. На своей пресс-конференции президент заявлял о неизменности позиции по Венесуэле и приверженности права на самоопределение народов и мирных разрешений споров [5].

Такая позиция вызвала негативную реакцию оппозиции. Институционно-революционная партия опубликовала коммюнике, в котором выступила с обвинениями в адрес Н. Мадуро. Позицию А.М. Лопеса Обрадора также подвергли критике и представители Партии национального действия, в частности: Висенте Фокс и Хорхе Кастаньеда [6]. Руководитель фракции ПНД в Палате депутатов Конгресса Хуан Карлос Ромеро Хикс назвал такой подход «позицией музея политической археологии, которая не отражает мнение мексиканского народа» [7].

Подход Мексики к венесуэльскому кризису невольно вызвал сравнение его с политикой предшественника. Известный мексиканский исследователь Ана Коваррубас особо отмечала разницу в действиях президентов. По ее словам, правительство Э. Пеньи Ньето стремилось сделать Мексику «глобальным игроком» с существенным влиянием на международной арене, а Лопес Обрадор, напротив, стремится изолироваться от конфликта и не влиять на международную систему [8].

Однако, несмотря на критику оппозиции, позиция президента единогласно поддерживалась членами партии MORENA. Лидер фракции партии в Палате депутатов Марио Делгадо заявлял: «Отношение мексиканского правительства к венесуэльскому кризису ценно, потому что, в отличие от принятия той или иной стороны, как это делает международное сообщество, Мексика решила занять ответственную, разумную позицию, потому что мы думаем о возможном пути выхода через диалог, переговоры, уважении независимости народов и защите прав человека» [9].

Политика такого рода неизбежно вызывает полемику в обществе относительно истинных причин смены курса. С прагматической точки зрения отсылка администрации Лопеса Обрадора к нормам международного права означала определенный расчет на время. Ряд латиноамериканских политологов, в частности Сальвадор Гарсия Сото, отмечал, что Мексика заняла «конъюнктурную позицию», чтобы выиграть время, ожидая развития ситуации в Венесуэле. «Если кризис усилится, такая позиция будет неприемлемой. Если Мадуро ответит насилием, Мексика пересмотрит свою позицию и заявит о нарушениях прав человека, чтобы в дальнейшем принять чью-то сторону», — сказал политолог [10].

Другая точка зрения основывается на идеологическом подходе, который заключается в том, что после прихода к власти Лопеса Обрадора Мексика стала идеологически близка авторитарным левым режимам Латинской Америки. Данный подход соотносится с представлениями о мексиканском президенте как о безответственном популисте, который приведет страну к экономической и политической катастрофе. В разгар венесуэльского кризиса противники мексиканского президента вновь стали проводить кампанию по его дискредитации, что должно было повлиять на восприятие А.М. Лопеса Обрадора мексиканским населением. Подобного рода действия являются частью механизма, направленного на дискредитацию демократических левых в регионе, в частности, как это было на выборах в Аргентине и Бразилии.

За три года президентства позиция А.М. Лопеса Обрадора по отношению к Венесуэле не претерпела изменений. Это подтверждается результатами голосования в ОАГ по выборам в Венесуэле в декабре 2020 г. Мексика и Боливия оказались единственными странами, которые проголосовали против резолюции ОАГ о непризнании результатов выборов [11].

Однако необходимо подчеркнуть, что такая позиция по венесуэльскому кризису оказала неоднозначное влияние на имидж государства в регионе. Существует мнение о том, что, несмотря на ставку министерства иностранных дел Мексики на то, что венесуэльская проблема — это возможность вернуть былое значение мексиканской дипломатии 1960–1970-х гг., международная действительность претерпела значительные изменения, что придает позиции Мексики определенную архаичность [12, с. 39].

В продолжение венесуэльского кризиса необходимо остановиться и на событиях в Никарагуа, где начиная с 2018 г. идут массовые протесты против правительства Даниеля Ортеги. Причинами волнений стали социальные реформы президента, коррупционные скандалы, репрессии и полицейская жестокость. Первоначально реакция региональных и международных организаций на события в Никарагуа была медленной, однако по прошествии

времени они стали играть более активную роль. С заявлением, осуждающим насилие в Никарагуа, выступал Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Антониу Гутерриш, а также Организация американских государств (ОАГ) одобрила резолюцию, осуждающую действия правительства Ортеги, и призвала к «свободным, справедливым и своевременным президентским выборам в стране». Специальная группа латиноамериканских стран, включая Аргентину, Бразилию и Мексику, осудила ситуацию в Манагуа [13].

Несмотря на это, режим Д. Ортеги сохраняет свою относительную стабильность, на что влияет постоянная поддержка режима Д. Ортеги значительной части латиноамериканских левых. Так, на одном из форумов Сан-Паулу — ежегодном саммите политических сил из Латинской Америки и Карибского бассейна, придерживающихся левых взглядов, более 430 участников выразили свою солидарность с Д. Ортегой и осудили попытки государственного переворота, осуществляемого при поддержке американского империализма [14]. По мнению экс-министра иностранных дел Мексики Х. Кастаньеды, «поддержка левых очень важна для Никарагуа, несмотря на то что они уже не те, что были в начале 2000-х гг., они продолжают оставаться хорошо организованным сообществом, обладающим политической силой» [15].

В ситуации 2018 г. министр иностранных дел Марсело Эбрард заявлял, что простое обсуждение положения дел в Никарагуа и Венесуэле в ОАГ равносильно вмешательству во внутренние дела этих стран [16]. С приходом к власти А.М. Лопеса Обрадора и провозглашением возврата к Доктрине Эстрада Мексика изменила свою позицию по отношению к региональным кризисам, и кейс Никарагуа наряду с ситуацией в Венесуэле это демонстрирует.

Х. Кастаньеда в 2018 г. так оценивал позицию администрации А.М. Лопеса Обрадора: «В лучшем случае, с точки зрения прав человека и защиты демократии, Мексика будет дистанцироваться от любых региональных проблем. В худшем случае А.М. Лопес Обрадор присоединится к таким режимам, как никарагуанский и венесуэльский, ссылаясь на принцип невмешательства, но на самом деле симпатизируя им политически и идеологически» [17].

Другой не менее серьезной ситуацией, с которой столкнулось правительство Лопеса Обрадора, можно считать государственный переворот в Боливии, в результате которого Эво Моралес потерял власть. Сразу после его отставки Мексика предложила политическое убежище бывшему боливийскому лидеру. В этой связи можно наблюдать четкую параллель с «политикой убежищ» Ласаро Карденаса, который возглавлял Мексику с 1934 по 1940 г., поскольку нынешний лидер регулярно отмечал, что его политика

будет реализовываться по принципам политики Л. Карденаса [18]. Сложная внутривластная ситуация в Боливии и предоставление убежища Э. Моралесу стали причинами дипломатического скандала между Испанией, Боливией и Мексикой в декабре 2019 г., который привел к объявлению мексиканского посла персоной нон грата.

В ноябре 2020 г. «Движение к социализму» вернулось к власти в Боливии в лице Луиса Арсе. Избрание последователя идей Э. Моралеса на президентский пост с воодушевлением было воспринято левым крылом региона. Примечательно, что А.М. Лопес Обрадор направил поздравление своему боливийскому коллеге сразу после победы Л. Арсе, при этом долго воздерживаясь от поздравлений Джо Байдену, избранному президенту США.

Как уже отмечалось ранее, такая политика А.М. Лопеса Обрадора логично часто критикуется, в особенности бывшими членами администрации В. Фокса. В одном из своих выступлений Х. Кастаньеда отмечал, что Мексика, осуществляющая роль защитника демократии, не должна таким образом портить свой имидж на международной арене, и рекомендовал правительству выступать решительнее против «авторитарных режимов» [19].

Особо стоит остановиться на складывании левой оси между Аргентиной и Мексикой. В октябре 2019 г. на президентских выборах в Аргентине побеждает кандидат от левых сил Альберто Фернандес. Такая перегруппировка в регионе вызвала эмоции воодушевления у левых стран региона. Уже через некоторое время А. Фернандес выберет Мексику в качестве первой страны для совершения официального визита [20].

На аргентино-мексиканское сближение оказывает влияние ряд факторов. Практически сразу после победы А. Фернандеса президент Венесуэлы Н. Мадуро отметил, что как раз А.М. Лопес Обрадор и А. Фернандес призваны возглавить прогрессивное антинеолиберальное движение в регионе [21]. Вторая особенность связана с тем, что как А. Фернандес, так и А.М. Лопес Обрадор не претендуют на то, чтобы предстать как оппозиция кому бы то ни было, а наоборот — выражают общий интерес к совместной политической координации в Латинской Америке. Подтверждением этого является заявление заместителя министра иностранных дел Мексики Максимилиано Суньиги: «Союз между двумя правительствами — это ставка на диалог в регионе, только лишь с помощью которого странам удастся найти решения из стоящих перед ними проблем» [22].

За прошедшее время с момента избрания А. Фернандеса Аргентина поддерживает все мексиканские инициативы, включая поддержку режима Э. Моралеса в Боливии и инициативу Мексики в ООН о необходимости распределения вакцин. Как справедливо отмечает руководитель Управления по делам Латинской Америки Министерства иностранных дел Мексики

Боррето Льюренте: «Между лидерами гармония позиций, что и ведет их к диалогу» [23]. Современный политический спектр региона дает право заявить, что союз Аргентины и Мексики служит определенного рода балансом правой его части.

Очевидно, что президенты пришли к власти в условиях сложной политической и экономической ситуации в межамериканских отношениях. СЕЛАК, главный многосторонний механизм региона, оказался неэффективным. Хотя правительства Аргентины и Мексики и являются его членами, правительство Бразилии приостановило свое участие в январе 2020 г., что еще больше ограничило роль организации в региональной политике и в отношениях с внешними партнерами, например с Китаем и Европейским Союзом.

Хотя А. Фернандес более открыто выражает приверженность прогрессивной внешней политике, проблемы, которые стоят перед страной, накладывают ограничения на внешние инициативы. С другой стороны, А.М. Лопес Обрадор проявляет также осторожность, когда речь идет о возможности разработки двусторонней и региональной повестки для получения большей автономии. В первую очередь это связано с сильной зависимостью Мексики от США.

Формирование мексиканско-аргентинской оси оказывает определенное влияние на развитие интеграционных процессов в регионе. В 2020 г. Мексика приняла председательство в СЕЛАК. С приходом к власти А.М. Лопеса Обрадора и его концентрации на внутривнутриполитических аспектах Мексика долго не выступала с серьезными внешнеполитическими инициативами, поэтому председательство в организации и стремление придать ей новую жизнь вызывало интерес. Более того, после избрания А. Фернандеса у А.М. Лопеса Обрадора появился своего рода союзник в совместной работе в рамках СЕЛАК.

Объективно, что Мексика обладает необходимым потенциалом, который способен реактивировать СЕЛАК. В этой связи председательство Мексики в данном объединении было с энтузиазмом воспринято лидерами стран региона. Например, президент Кубы Мигель Диас-Канель отметил, что с приходом Мексики начинается период, полный надежд для формирования латиноамериканского единства [24]. Интерес, с которым была воспринята инициатива, свидетельствует о необходимости иметь объединяющий политический форум, который бы позволял эффективно разрешать региональные кризисы.

Однако, по мнению Карлоса Маламуда, для будущего СЕЛАК не очень уместно формировать ось Буэнос-Айрес — Мехико с целью стать противовесом Бразилии Ж. Болсонару. С его точки зрения, чтобы возродить СЕЛАК в разгар непростой ситуации в регионе, необходимо сделать ставку на формирование круга политических единомышленников [25].

Не менее важно рассмотреть и другой региональный институт, который стремительно набирает свою популярность. Речь идет о группе «Пуэбла», новой политической площадке, основанной 12 июля 2019 г. в мексиканском городе Пуэбла. Данный политический блок является платформой, которая объединяет левоцентристских представителей ибероамериканского мира. По мнению одного из его основателей, чилийского политического и общественного деятеля Марко Энрикеса-Оминами: «Это группа для диалога между представителями левых движений, однако это не означает, что все представители придерживаются одинаковых позиций по международным вопросам» [26].

Приход к власти А. Фернандеса открыл новый этап в развитии региональных объединений. Бывший президент Колумбии Эрнесто Сампер на втором саммите группы «Пуэбла», проходившем в Буэнос-Айресе, отметил, что А. Фернандес получил «факел латиноамериканского прогрессизма». В данном ключе интересна компоновка объединения. Речь идет о том, что харизматичные левые, которые доминировали на региональной политической арене в период «левого поворота», снова стали выходить на ведущие роли. В частности, экс-президенты Бразилии и Парагвая, Дилма Руссефф и Фернандо Луго, соответственно. А. Фернандес с оптимизмом отмечает о начале идеологического поворота в регионе, который как раз и начался после прихода А.М. Лопеса Обрадора к власти [27]. Несмотря на прогрессивность двусторонних контактов, развитие оси прогрессивных левых в регионе представляет собой лишь словесное утверждение, которое пока не подкрепляется эффективно действующими инициативами.

Таким образом, можно прийти к выводу, что с приходом А.М. Лопеса Обрадора к власти начался новый этап во внешней политике страны. На этапе предвыборной кампании становилось понятно, что страну ожидают перемены как во внутриполитической сфере, так и в регионе. Очевидно, что «левый поворот», произошедший в стране, отразился на позиции Мексики по происходящим кризисам, которые как раз имели место быть в странах левого режима. Вместе с тем необходимо учитывать и тот факт, что не только идеологический фактор играет роль в выстраивании отношений с регионом, но и возврат руководства страны к постулатам международного права, закрепленным к тому же в Конституции государства.

За двухлетнее пребывание у власти администрации А.М. Лопеса Обрадора внешняя политика демонстрирует тенденцию к диверсификации своих связей, в котором определенную роль играет идеологический фактор. Сближение Мексики с Аргентиной и Боливией является тому подтверждением. Однако, несмотря на это, Мексика, ввиду своего геополитического положения, вынуждена при выстраивании своего внешнеполитического курса учитывать сохранение баланса между «севером» и «югом».

Библиография

1. *Косевич Е.Ю.* Кризис президентского срока Энрике Пеньи Ньето / Е.Ю. Косевич // Латинская Америка. 2017. № 4. С. 49.
2. *Velazquez Flores R.* Mexico en el mundo: hacia un nuevo proyecto de nacion / R. Velazquez Flores // Politica exterior. 2018. № 32 (184), p. 79.
3. Cuatro principios de AMLO para politica exterior... URL: <https://www.unotv.com/noticias/portal/nacional/detalle/los-tres-principios-de-amlo-para-politica-exterior-384472/> — 26.04.2021.
4. La mejor política exterior es la política interior: AMLO... URL: <https://www.aztecanoticias.com.mx/la-mejor-politica-exterior-es-la-politica-interior-amlo/> 3283922. — 26.04.2021.
5. Versión estenográfica de la conferencia de prensa matutina del presidente Andrés Manuel López Obrador. — 28 de enero de 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://lopezobrador.org.mx/2019/01/28/version-estenografica-de-la-conferencia-de-prensa-matutina-del-presidente-andres-manuel-lopez-obrador-32/>.
6. *Vicente Fox Quesada.* Twitter [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/VicenteFoxQue?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwtterm%5E1088202192983674880%7Ctwgr%5E%7Ctwcon%5Es1_&ref_url=https%3A%2F%2Fwww.bbc.com%2Fmundo%2Fnoticias-america-latina-46997804 — 26.04.2021.
7. *León M.* ‘No vamos a mover nuestra postura’ sobre Venezuela: AMLO. / M. León // El Financiero. — 29 de enero de 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elfinanciero.com.mx/nacional/no-vamos-a-mover-nuestra-postura-sobre-venezuela-amlo> — 26.04.2021.
8. *Forni F.* La diplomacia de AMLO sorprende a América Latina. / F. Forni // La tercera. 01/12/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latercera.com/mundo/noticia/la-diplomacia-amlo-sorprende-america-latina/481568/> — 26.04.2021.
9. Respalda Mario Delgado participación de México en solución al conflicto de Venezuela mediante “Mecanismo de Montevideo — 8 de febrero de 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://mariocd.mx/respalda-mario-delgado-participacion-de-mexico-en-solucion-al-conflicto-de-venezuela-mediante-mecanismo-de-montevideo/> — 26.04.2021.
10. *Austria A.* ¿Cómo se explica la posición de México frente a la crisis en Venezuela? / A. Austria // France 24. — 29/01/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.france24.com/es/20190129-mexico-doctrina-estrana-da-crisis-venezuela-25.04.2021>.
11. *Rivera M.* ¿Hay fraudes bueno y fraudes malos? El dilema de AMLO frente a Venezuela y EEUU / M. Rivera // PanamPost. — 11 de diciembre de 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://panampost.com/marissa-rivera/2020/12/11/fraudes-amlo-venezuela-eeuu/> — 26.04.2021.
12. *Косевич Е.Ю.* Новые ориентиры внешней политики Мексики / Е.Ю. Косевич // Латинская Америка. 2019. № 9. С. 32.
13. Resolution of OAS Permanent Council Nicaragua Working Group № 1108 (2172/18). — 18/07/2018.
14. Declaración final del XXIV Encuentro del Foro de São Paulo — 15 al 17 de julio de 2018 — La Habana, Cuba. — 23 de julio de 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://>

- forodesaopaulo.org/declaracion-final-del-xxiv-encuentro-del-foro-de-sao-paulo-15-al-17-de-julio-de-2018/ — 30.04.2021.
15. *Urrutia A.* Lázaro Cárdenas fue el consumidor de los ideales de la Revolución: AMLO // La Jornada. — 19/10/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jornada.com.mx/ultimas/politica/2020/10/19/lazaro-cardenas-fue-el-consumador-de-los-ideales-de-la-revolucion-amlo-4709.html> — 30.04.2021.
 16. Mexico will not intervene in Venezuela, Nicaragua crises: incoming minister // Reuters. — 9/07/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mexico-politics-diplomacy-idUSKBN1JZ2BC> (дата обращения: 30.04.2021).
 17. *Castañeda J.* El papel de México en la crisis nicaragüense // The New York Times. — 26/07/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/es/2018/07/26/espanol/opinion/opinion-castaneda-amlo-nicaragua.html> — 30.04.2021.
 18. ¿Quién es María Teresa Mercado? // El Universal. — 30 de diciembre de 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/la-embajadora-maria-teresa-mercado-declarada-no-grata-en-bolivia> — 30.04.2021.
 19. *Castañeda J.* Retroceso exterior de México / J. Castañeda // El País. — 28 de enero de 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/elpais/2019/01/25/opinion/154844175_8_092877.html — 01.05.2021.
 20. *Omlos Sanchez P.* México y Argentina impulsan el eje de la izquierda latinoamericana / P. Sanchez Omlos // El Mundo. — 4 de noviembre de 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elmundo.es/internacional /2019/11/04/5dc_08d5521efa056068b4615.html — 01.05.2021.
 21. *Somoza M.* AMLO y Alberto Fernández encabezarán frente en la región: Maduro // Milenio. — 3 de noviembre de 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.milenio.com/internacional/nicolas-maduro-amlo-alberto-fernandez-encabezan-frente> — 01.05.2021.
 22. Entrevista sobre la visita del presidente electo de Argentina, Alberto Fernández, a México, su encuentro con su par de ese país, Andrés Manuel López Obrador, y lo que se avisa en el futuro de la relación bilateral // L'Ombelico del Mondo. — 6 de noviembre de 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ar.radiocut.fm/audiocut/maximiliano-reyes-zuniga-subsecretario-para-america-latina-y-caribe-del-gob-amlo-mexico/> — 01.05.2021.
 23. *Bignon N.* México e Argentina selam um novo eixo progressista para a América Latina // Socialismo Creativo. — 25 de febrero de 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socialismocriativo.com.br/mexico-e-argentina-selam-um-novo-eixo-progressista-para-a-america-latina/> — 01.05.2021.
 24. *González R.* Con la ausencia de Bolivia y Brasil, México asume la Presidencia pro tempore de la CELAC // El Sol de México. — 8 de enero de 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elsoldemexico.com.mx/mexico/ politica/con-la-ausencia-de-bolivia-y-brasil-mexico-asume-la-presidencia-pro-tempore-de-la-celac-amlo-4676218.html> — 01.05.2021.
 25. *Malamud A.* ¿Será capaz la CELAC de levantarse y andar? / C. Malamud // El Real Instituto Elcano. — 15/01/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.realinstitutoelcano.org/sera-capaz-la-celac-de-levantarse-y-andar/> — 02.05.2021.

26. *Beldyk M.* Marco Enríquez-Ominami: “A la izquierda le falta más imaginación” / M. Beldyk // Perfil. — 10/07/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perfil.com/noticias/actualidad/grupo-de-puebla-entrevista-marco-enriquez-ominami-falta-mas-imaginacion.phtml> — 02.05.2021.
27. *Molina F.R.* El Grupo de Puebla arropa a Alberto Fernández como líder del “giro progresista regional” / F.R. Molina // El País. — 09/11/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/internacional/2019/11/09/argentina/1573313515_842334.html — 02.05.2021.

Бородкин Евгений Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ НА ПРИМЕРЕ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

CULTURAL DIPLOMACY OF THE KINGDOM OF THE NETHERLANDS ON THE EXAMPLE OF ITS APPLICATION IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Аннотация. Нидерландская колониальная империя оставила богатое историческое наследие, следы которого можно найти в самых отдаленных частях света. Поводом для сохранения исторического наследия могут послужить чисто политические соображения, так как оно может являться фундаментом для развития двусторонних политических, экономических и культурных отношений. Историческое наследие может быть использовано для достижения определенных политических целей в качестве инструмента нидерландской культурной дипломатии. В данной работе автор делает попытку выявить инструментарий культурной дипломатии Королевства Нидерландов в Соединенных Штатах Америки и подвергнуть ее анализу.

Ключевые слова: культурная дипломатия, публичная дипломатия, голландское историческое наследие в США, инструменты культурной дипломатии.

Abstract. The Dutch colonial Empire left a rich historical heritage, traces of which can be found in the most remote parts of the world. Purely political considerations can serve as a reason for the preservation of historical heritage, since it can be the foundation for the development of bilateral political, economic and cultural relations. Historical heritage can be used to achieve certain political goals as an instrument of Dutch cultural diplomacy. In this paper, the author makes an attempt to identify the tools of cultural diplomacy of the Kingdom of the Netherlands in the United States of America and to analyze it.

Keywords: cultural diplomacy, public diplomacy, Dutch historical heritage in the USA, tools of cultural diplomacy.

Королевство Нидерландов входит в ряд тех государств, которые активно используют механизмы публичной дипломатии для реализации своих внешнеполитических задач и увеличения своей привлекательности на международной арене. Но существуют понятия, которые характеризуют более узкие сферы применения публичной дипломатии, например «культурная» или

«спортивная» дипломатия. Во избежание дальнейшей путаницы необходимо дать определение феноменам, о которых пойдет речь. Согласно определению, которое дают нам Н.А. Цветкова и Г.О. Ярыгин, «публичная дипломатия» является рамочным термином для проектов в области культуры, образования, информации, используемое в качестве продвижения политических задач государств [1, с. 4]. Из этого можно вывести понятие культурной дипломатии, в рамках которого автор будет рассматривать культурную дипломатию Нидерландов. Можно сказать, что культурная дипломатия — это более узкая форма публичной дипломатии, при которой посредством обмена идеями, информацией, предметами искусства и промысла происходит выполнение политических и экономических задач по укреплению двустороннего сотрудничества. Следует отметить, что культурная дипломатия Нидерландов в США опирается на свое историческое наследие, определение которого звучит как совокупность материальных и духовных ценностей, оставленных голландскими колонистами на бывших подконтрольных территориях Нидерландов в Северной Америке, используемое в дискурсе двух стран для построения положительного образа Нидерландов и придания исторической осмысленности двусторонним связям. Духовные, или, иначе, нематериальные, ценности — это прежде всего традиции и человеческие ценности, применение которых мы можем найти в США. Наличие подобного культурного наследия расценивается правительством Нидерландов как возможность эффективного использования данного аспекта в дипломатических целях.

Также к реализации голландской культурной дипломатии применяется два подхода, которые подробно в своей работе раскрывает нидерландский исследователь В. Зоелен. Зоелен говорит об инструментальном и идеалистическом подходе, которые сочетаются в применении голландской культурной дипломатии [2, р. 24]. Это проявляется в осуществлении культурной дипломатии государственными и негосударственными структурами. Идеалистический подход предполагает работу по реализации культурной дипломатии силами негосударственных организаций, независимых объединений и отдельных заинтересованных личностей в продвижении культуры Нидерландов. Интерпретацию идеалистического подхода можно найти в отечественной литературе. Например, Н.А. Цветкова и Г.О. Ярыгин называют такую дипломатию «общественной», указывая на взаимный диалог двух культур без явного вмешательства государств. А М.М. Лебедева говорит о сложности разграничения понятий публичной и общественной дипломатии [3, с. 9]. Зоелен в своей работе вполне четко разграничивает инструментальный и идеалистический подходы, говоря, что инструментальный подход к культурной дипломатии наиболее широко используется в акаде-

мической литературе. При таком подходе культурная дипломатия рассматривается как государственный инструмент для достижения определенных политических целей. Таким образом, культурная дипломатия соотносится с внешней политикой и, как правило, служит политическим и экономическим целям. В идеалистическом же подходе речь идет о двустороннем культурном обмене знаниями и ценностями, чтобы стимулировать сотрудничество, диалог и взаимную мобильность и устранить непонимание между обществами. Задача государства в данном вопросе состоит в предоставлении возможности обществам самостоятельной рефлексии об общем прошлом и будущем. В этом контексте особенно важен факт наличия общего культурного наследия, который бы послужил основанием для взаимного проникновения культур.

Правительство Нидерландов осуществляет реализацию публичной дипломатии посредством Министерства иностранных дел Королевства, в рамках которого существует Департамент публичной дипломатии, прессы и культуры. Данное ведомство занимается реализацией политики Нидерландов в области публичной дипломатии и связи с мировой общественностью, координируя свою деятельность с Министерством науки и культуры. На территории США департамент стремится продвигать основные ценности Нидерландов посредством разнообразных культурных мероприятий, конференций и сотрудничества между различными структурами. Отдел поддерживает контакты с американскими журналистами и является основным источником информации для голландских корреспондентов в США [4]. Как было сказано ранее, Нидерланды сопрягали два подхода, что нашло отражение в американском направлении культурной дипломатии в США. Стоит отметить, что в силу своей специфики крайне трудно исследовать общественную дипломатию, но все-таки культурная дипломатия Нидерландов остается в основном инструменталистской. С приходом к власти второго правительства Марка Рютте в 2012 г. на пост министра культуры, образования и науки была назначена Йет Бюссемакер, которая подтвердила, что культурная политика на международной арене должна продвигать политические и экономические интересы Нидерландов [5]. Это дополнительно свидетельствует об инструменталистской ориентации культурной дипломатии Нидерландов.

С середины 1990-х гг. начинает складываться новая концепция использования исторического наследия как одного из инструментов культурной дипломатии Нидерландов, которая окончательно сложилась к 2000 г. В то время в Парламенте Нидерландов ставился вопрос об использовании исторического наследия для улучшения двусторонних отношений между Нидерландами и их иностранными партнерами. По предложению члена парламента Эймерта ван Мидделкопа перечень задач в отношении голландского

культурного наследия за границей был включен в меморандум о международной культурной политике (2001) [6]. В дальнейшем фокус культурной политики смещается на использование новых методов коммуникации с обществом для охвата более широкой аудитории [7].

Нидерланды и Соединенные Штаты Америки сближает общая история, что активно используется правительством Нидерландов в рамках культурной дипломатии. В начале XVII в. голландские колонисты начинают заселять территорию северо-востока Северной Америки, где образуются общности, которые оставляют следы своей культуры. По мнению ряда голландских исследователей, например, Ван Миненна и Якобса, остатки культуры Нидерландов проявляются не только в материальных ценностях, но и в общечеловеческих ценностях свободы, религиозной терпимости и равенства всех граждан перед законом. Эти культурные установки были экспортированы голландскими колонистами и на протяжении многих лет культивировались местными жителями Новых Нидерландов [8]. Наличие подобного культурного наследия основывает прочную базу для эффективной реализации культурной дипломатии в регионе. По мнению Кристины Люк и Морага Карселя, историческое наследие способствует установлению взаимопонимания между странами и их обществами, что может способствовать усилению «мягкой силы» государства в двустороннем культурном взаимодействии [2]. Данный аспект часто используется как голландскими, так и американскими политиками в дискурсе двусторонних отношений [9]. Лидеры стран обращают внимание на долгосрочные исторические связи в контексте современного экономического и политического сотрудничества. Это благоприятно влияет на инвестиционный климат, дополнительно стимулируя голландских инвесторов вкладывать свои деньги в проекты на территории США, а американских инвесторов — в проекты на территории Нидерландов. Более того, это является вспомогательным инструментом для получения международной политической поддержки своих взглядов. Это можно выявить по дискурсу политических лидеров США, которые, опираясь на исторические узы между странами, принимают политические решения [10]. Нельзя сказать, что в решении вопросов, в которых фигурирует политическая и экономическая выгода, лидеры США и Нидерландов опираются на общее историческое наследие двух стран, но если они опираются на них в контексте дискурса, то создают позитивный образ, придавая более глубокую осмысленность двусторонним отношениям. Известно, что в современном обществе существует запрос на снижение цинизма в политике. С удовлетворением данных потребностей хорошо справляется публичная дипломатия подобного уровня.

На Соединенные Штаты Америки смещается акцент в международной культурной политике Нидерландов. Ведущее мировое положение США

делает страну привлекательной для голландских деятелей культуры. Ежегодно в США проводится более 2 000 голландских культурных мероприятий, что делает США одними из главных импортеров голландского искусства и культуры за пределами Европы [11]. Традиционно многие голландские культурные проекты в США проходят в Нью-Йорке, за которым следуют более крупные города, такие как Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Чикаго и Майами. Международная культурная политика Нидерландов фокусируется на этих городах, но также стремится к общенациональному подходу, уделяя особое внимание другим городам США с растущими художественными центрами и важными площадками. Это включает, но не ограничивается такими городами, как Атланта, Остин, Кливленд, Даллас, Детройт, Хьюстон, Новый Орлеан, Филадельфия и Питсбург [4].

Начиная с 2009 г. Нидерланды начинают активное продвижение своей культуры в США. В послании министра иностранных дел и министра образования, культуры и науки Нидерландов от 2008 г. говорится о необходимости приложить решительные усилия для продвижения присутствия голландского искусства и культуры за рубежом [12]. В США это нашло отражение в проведении Года Гудзона. Это масштабное мероприятие, проходившее в Нью-Йорке и длившееся в течении года, на котором были представлены выставки, информирующие о американо-нидерландском взаимодействии на протяжении четырехсотлетнего временного отрезка. Правительство Нидерландов выделило 6,2 млн евро на проведение данного мероприятия [13]. Особенность Года Гудзона заключалась в том, что на нем Нидерланды были представлены с трех сторон: экономической, политической и культурной. Экономическая сторона представляла Нидерланды как страну, обладающую большим опытом в области управления водными ресурсами, финансами и устойчивым развитием. Также представлялся тот факт, что Нидерланды были первыми кредиторами Соединенных Штатов. С политической перспективы Нидерланды представлялись как верный союзник, разделяющий общие с США ценности свободы, терпимости и предпринимательского духа. Культурный аспект выставки был более разнообразен и презентовал голландское культурное наследие в США, общие традиции и произведения голландского искусства, например, работы Рембрандта и Ван Гога. Параллельно в Амстердаме в рамках Года Гудзона были устроены «Нью-Йоркские ночи» [14]. Цель Года Гудзона состояла в осведомлении граждан о роли Нидерландов в становлении США, происхождении общих ценностей и помощи в установлении сотрудничества с заинтересованными сторонами [15]. Говоря на языке экономической выгоды, это можно расценить с точки зрения повышения узнаваемости Нидерландов как привлекательного для инвестиций и ведений бизнеса государства.

Год Гудзона — один из самых ярких примеров того, как Нидерланды реализуют свою культурную дипломатию на практике. Помимо больших мероприятий на территории США ежегодно проводятся сотни небольших, которые направлены на распространение голландской культуры. Стимулирование голландского культурного присутствия в Соединенных Штатах осуществляют следующие организации: Генеральное консульство Нидерландов в Нью-Йорке, Фонд Мондриана, «Голландское исполнительское искусство», Голландский фонд литературы, Фонд креативных индустрий Нидерландов, Агентство культурного наследия Нидерландов, Национальный архив Нидерландов, Нидерландский кинофонд. Стоит отметить, что Генеральное консульство Королевства Нидерландов в Нью-Йорке активно реализует голландскую культурную дипломатию. Согласно плану консульства на 2021–2024 гг., поддерживаться будут те проекты, которые соответствуют стратегическим целям Нидерландов в этой области. Цели заключаются в том, чтобы укрепить позиции голландского культурного сектора в США посредством обмена информацией и сотрудничества, а также поддержать двусторонние отношения между Нидерландами и США через голландскую культурную деятельность в США [12]. Кроме Генерального консульства над реализацией международной культурной политики Нидерландов в США работает организация «Голландская культура». Данная организация занимается популяризацией голландской культуры, расширяет рынок и увеличивает качество сети распространения голландской культуры, делает голландское общее культурное наследие в США более открытым для широкой аудитории, поддерживает проекты отдельных голландских художников в США.

В силу того, что COVID-19 привел к введению многочисленных ограничений, в том числе и на проведение культурных мероприятий, интенсивность культурной дипломатии Нидерландов существенно снизилась, но после нормализации эпидемиологической обстановки и снятия ограничений интенсивность событий с элементами голландской культуры неизбежно возобновится, так как США являются одной из самых перспективных площадок для распространения голландской культуры, которое может привести к наращиванию экономических и политических связей между государствами.

Подводя итог, следует сказать, что культурная дипломатия Нидерландов в Соединенных Штатах Америки может послужить прекрасным примером того, как страны используют потенциал культуры и общего исторического наследия. Нидерланды используют богатый инструментарий, в рамки которого входят действия государственных и независимых от государства игроков. Наличие культурного обмена без государственного вмешательства позволяет культурной дипломатии действовать с большей эффективностью. Довольно сложно оценить результаты публичной и культурной дипломатии,

так как они рассчитаны на очень длительную перспективу, но положительный дискурс конструирует образ надежного партнерства и союзничества, истоки которого можно найти в веках. Это позволяет создать благоприятный базис для долгосрочного развития двусторонних отношений.

Библиография

1. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Публичная дипломатия ведущих государств: традиционные и цифровые методы. СПб.: Изд-во «Северная Нева», 2014. 234 с.
2. Zoelen W. van. Instrumenteel of idealistisch? De bijdrage van gedeeld cultureel erfgoed aan de Nederlandse culturele diplomatie in de Verenigde Staten. MS thesis, 2016.
3. Публичная дипломатия: Теория и практика: Коллективная монография / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. 272 с.
4. Dutch International Cultural Policy Framework // government.nl. URL: <https://www.government.nl/topics/international-cultural-cooperation/international-cultural-policy-framework> — 17.10.2021.
5. Beleidsdoorlichting Internationaal Cultuurbeleid (2009–2014). URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rcrt=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwi6xLWchYn2AhUiCRAIHV8kV8QFnoECAUQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.iob-evaluatie.nl%2Fbinaries%2Fioeb-evaluatie%2Fdocumenten%2Fterms-of-references-afgerond%2F2014%2F12%2F11%2F411--terms-of-reference-beleidsdoorlichting-internationaal-cultuurbeleid%2Ftor-bd-icb.pdf&usg=AOvVaw1vqbgQuMQnNw9Zcp2d92fK> — 17.10.2021.
6. De kunst van het Internationaal cultuurbeleid EVALUATIE 1997 — 2000. URL: [http://archief.iob-evaluatie.nl/sites/iob-evaluatie.nl/files/rapport%20\(1\)_0.pdf](http://archief.iob-evaluatie.nl/sites/iob-evaluatie.nl/files/rapport%20(1)_0.pdf) — 17.10.2021.
7. Rijksbegroting 2014 VIII. Onderwijs, Cultuur en Wetenschap. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/binaries/rijksoverheid/documenten/begrotingen/2013/09/17/viii-onderwijs-cultuur-en-wetenschap-rijksbegroting-2014/viii-onderwijs-cultuur-en-wetenschap-rb2014.pdf> — 16.10.2021.
8. Krabbendam H., van Minnen C.A., Scott-Smith G. (ed.). Four Centuries of Dutch-American Relations: 1609–2009. Suny press, 2009. 1190 p.
9. Press Conference with President Obama and Prime Minister Rutte of the Netherlands/ 25.03.2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/25/press-conference-president-obama-and-prime-minister-rutte-netherlands> — 17.10.2021.
10. Message on the Observance of Dutch-American Friendship Year, 1982 // reaganlibrary.gov URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/message-observance-dutch-american-friendship-year-1982> — 17.10.2021.
11. US Cultural Diplomacy and Archaeology: Luke C., Kersel M. Routledge, 2015.
12. Brief van de staatssecretaris van Buitenlandse zaken en de ministers van onderwijs, cultuur en wetenschap en voor ontwikkelingssamenwerking. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-31482-17.html> — 17.10.2021.
13. Stand van Zaken: voorbereiding viering 400 jaar Nederland/New York. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-31700-V-16-b1.pdf> — 17.10.2021.

14. New York Nights in Amsterdam. URL: http://www.henryhudson400.com/hh400_project.php?id=7 — 17.10.2021.
15. Priorities of the Netherlands' international cultural policy // government.nl. URL: <https://www.government.nl/topics/international-cultural-cooperation/international-cultural-policy/priorities-international-cultural-policy> — 17.10.2021.
16. Message on the Observance of Dutch-American Friendship Year, 1982 // reaganlibrary.gov URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/message-observance-dutch-american-friendship-year-1982> — 17.10.2021.

Габриелян Максим Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭВОЛЮЦИЮ БРАЗИЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ Ж. БОЛСОНАРУ)

THE IMPACT OF THE RELIGIOUS TRANSFORMATION ON THE EVOLUTION OF BRAZILIAN DIPLOMACY (ON THE CASE OF THE ADMINISTRATION OF J. BOLSONARO)

Аннотация. В рамках данной работы рассматриваются возможные внешне-политические последствия, вызванные религиозной трансформацией бразильского общества, заключающейся в значительном росте последователей эвангелизма. Данные тенденции можно рассматривать как потенциальный вызов для традиционной бразильской дипломатии, так как победа действующей администрации Ж. Болсонару во многом является следствием данного демографического перехода. Предпринимается попытка рассмотреть эвангелистов как отдельную группу интересов, находящуюся в состоянии конкуренции с дипломатическим классом и стремящуюся сместить понимание стратегической культуры. Ключевое внимание акцентируется на направлениях, рассматриваемыми как приоритетные для текущей администрации, в частности США и Израиль.

Ключевые слова: Бразилия, дипломатия, эвангелизм, консервативная идентичность, США, Израиль.

Abstract. This paper considers the possible consequences for the Brazilian foreign policy caused with the religious transformation. This transformations reflects in significant growth of the evangelicals. These trends may be regarded as a potential challenge for Brazilian diplomatic tradition, as the Bolsonaro's victory was largely a consequence of these changes. An attempt is made to review evangelicals as a interest group that competes with the diplomatic class and seeks for a shift in understanding the strategic culture. Key attention is focused on the areas prior to the current administration, particularly the US and Israel.

Keywords: Brazil, diplomacy, evangelism, conservative identity, US, Israel.

На протяжении последних четырех десятилетий Латиноамериканский регион сталкивается с уникальным демографическим вызовом — рост эвангелических общин при снижении последователей католической церкви [1]. Ряд исследователей выделяют различные причины трансформации, однако

основным фактором выделяется проблема ценностного и политического раскола в латиноамериканских странах, ввиду разочарования части религиозных слоев общества в политике Ватикана и запросе на христианский консерватизм [2]. Таким образом, данный демографический переход имеет прямую взаимосвязь с политическими процессами стран региона.

Бразилия представляет один из наиболее важных примеров данной религиозной трансформации ввиду потенциала на международной арене. На данный момент порядка 25% населения страны (свыше 40 млн человек) принадлежит различным протестантским течениям, преимущественно пятидесятнического или неопятидесятнического толка [2]. Ценностный раскол общества как новый политический вызов наиболее выражен в данной ситуации. Кроме того, за последние 30 лет наблюдается постепенный рост представительства данных деноминаций в бразильской политике [1]. К примеру, ряд политических партий напрямую аффилированы с евангелическими структурами, например, Евангелический парламентский фронт в Конгрессе [1].

Избрание Жаира Болсонару президентом в 2018 г. можно во многом результатом роста влияния евангелистов на политические процессы. Президент был крещен в 2016 г. на реке Иордан пастором из крупнейшей бразильской протестантской церкви «Ассамблея Бога» [1]. Лидеры наиболее влиятельных протестантских общин предоставили информационную поддержку Ж. Болсонару и интерпретировали победу правых сил с точки зрения евангелической религиозной догматики [1]. В новой президентской администрации представители протестантских общин получили ряд министерских должностей и сформировали каналы влияния на принятие решений [3].

Мы можем говорить об оформлении в Бразилии новой группы интересов, способной оказывать влияние на повестку и принятие политических решений. Демографическая трансформация Бразилии создает новые условия и направления во внутренней и внешней политике [2]. Политические последствия возникновения данной силы представляют особой интерес, в том числе в вопросах дипломатии и внешней политики.

Приход новой администрации правых популистов и концепцию политического курса Ж. Болсонару принято рассматривать как вызов бразильской дипломатии [4]. Современная модель дипломатии Бразилии стала результатом трансформации, начавшейся в 1990-х гг. Ключевыми чертами данной модели можно выделить диверсификацию и активизацию дипломатических контактов, прежде всего выражавшуюся в принципе мультилатерализма [5]. Целью страны являлось достижение статусов средней и региональной державы, способной представлять интересы групп стран на международных площадках, а также формулировать международные прин-

ципы и нормы [5]. Помимо данных целей, необходимо выделить принцип деидеологизированности бразильской дипломатии, стремление к посредничеству и медиации и выстраиванию контактов вне политических взглядов [5].

Однако на протяжении всей предвыборной кампании Ж. Болсонару претендовал на ревизию устоявшейся системы [4]. Данный тезис подкреплялся критикой текущей дипломатической модели, привнесением идеологического понимания внешней политики, а также формированием новой модели принятия внешнеполитических решений, предполагающей меньшую представленность бразильских дипломатов [4]. Ф. Гимарайш и И. де Оливейра и Силва определяют данную модель как «консервативную идентичность», суть которой заключается в полном оппонировании идентичности, выдвигаемой бразильскими дипломатами и акценте на границе «свой — чужой» [4].

Во многом идеологическая повестка Ж. Болсонару была результатом роста евангелистов и воздействия их информационных каналов [1]. Поэтому «консервативная идентичность» и оппонирование существующему дипломатическому классу можно рассмотреть как следствие религиозного поворота с прослеживанием конкретных идейных установок и интересов. Задачей данного доклада является определение влияния евангелистов как группы интересов на процесс слома традиционной дипломатической линии Бразилии. Ключевое внимание уделяется привнесению идеологии вместо стандартных практик бразильской дипломатии на примере развития отношений с США и Израилем, как наиболее противоречащих в идейных установках [4].

В качестве методологической основы необходимо выделить неоклассический реализм, так как конкуренцию евангелистов и дипломатов как различных групп элит можно выделить как борьбу за определение стратегической культуры [6]. Кроме того, необходимо отметить ряд работ в рамках неореалистической парадигмы, посвященных анализу лобби в трансформации дипломатического курса. В частности, представляет интерес работа *The Israel lobby and US foreign policy* авторства Дж. Миршаймера и Ст. Уолта [7], где этнорелигиозные группы интересов рассматриваются как один из возможных акторов и критикуются как фактор, «сбивающий» с пути следования национальным интересам [7]. Поэтому в рамках исследования мы можем рассмотреть конкуренцию различных групп интересов как фактор определения дипломатического курса.

Прежде всего необходимо акцентировать внимание на концептуальных различиях в понимании целей бразильской дипломатии, вызванных приходом к власти новой президентской администрации. Важной деталью стало активное использование Ж. Болсонару вопросов внешней политики как

части политической агитации, что не является частью бразильской политической культуры [8]. Кандидат выражал симпатии странам, где у власти находятся правые силы, призывая к углублению и интенсификации отношений с США (при администрации Д. Трампа), Италией, Израилем, Японией и т. д., а также подвергая критике левые режимы [8].

Подробнее внешнеполитические приоритеты новой администрации были обозначены фактом назначения новым главой бразильского МИД Эрнесто Араужу [9]. Данное назначение противоречит дипломатическим традициям Бразилии, так как по меркам Итамарати Э. Араужу являлся дипломатом среднего звена [9]. То есть данное назначение проводилось в обход существующей бюрократической «элиты», формулирующей ключевые цели. О «евангелизации» дипломатии может говорить статья Э. Араужу, обозначающая контуры внешней политики. Новым главой Итамарати была отмечена проблема постмодернистского дискурса как неприемлемого видения устройства общества и политики, а также критика глобализма [9]. Альтернативой глобалистскому проекту предлагается союз национальных государств, придерживающихся консервативной социокультурной политики, поддерживающих другие страны со схожим видением политики [9]. Важное место в данных тезисах отводится акценту на христианстве как культурной основе [9]. С одной стороны, это говорит о замещении ранее установленных принципов дискурсом, имеющим религиозный подтекст. С другой, заявлениями о христианстве без упоминания конкретных направлений Э. Араужу претендует на всеобъемлющий характер, допускающий различные трактовки веры. Во многом это может говорить об учете интересов евангелического меньшинства. Мы можем утверждать, что евангелическое лобби, сформировавшееся за последние десятилетия, оказалось единым с так называемым идеологическим блоком [10] администрации Ж. Болсонару и получило возможности определения стратегической культуры.

Данный фактор можно проследить на излишне частом акценте на необходимости укрепить отношения Бразилии с США и Израилем в ходе предвыборной кампании, что не является свойственным для бразильской внешней политики [9]. США представляют интерес для евангелического движения в связи с заимствованием идей пятидесятничества и неопятидесятничества, а Израиль — в связи с важным местом данной страны в евангелической эсхатологии [1]. Рассматривая возможное влияние религиозной трансформации, необходимо рассмотреть трансформацию отношений на данных направлениях.

Традиционно бразильская дипломатия определяет США как державу, сотрудничество с которой необходимо в рамках продвижения бразильских интересов в международных организациях, однако в отношениях с которой

необходимо достижение «национальной автономии» [11]. Однако видение США заметно было изменено администрацией Ж. Болсонару. Крупнейшие бразильские пятидесятнические церкви имеют значительные связи с евангелическими кругами США, что отразилось на новом образе. Вместо обозначенной ранее парадигмы США представлялись как идеологически близкая держава, с которой необходимо укрепить сотрудничество для достижения общих социокультурных целей [4]. Таким образом, религиозные евангелические мотивы сочетались с общим видением США как источника право-консервативных ценностей для Бразилии.

Данные шаги можно подтвердить стремлением назначить на должность нового посла в США Э. Болсонару — сына президента Бразилии, также принадлежащего к евангелистам [12]. Несмотря на отказ на назначения, новым послом был назначен Н. Форстер, известный своей близостью к «идеологическому блоку» министров, что подтверждает отход от традиционных принципов дипломатии [13]. Данный факт прослеживается в частом апеллировании к концепции религиозной свободы, о которой говорит посол как о факторе близости двух стран [13].

Помимо ряда символических шагов, необходимо отметить такой факт, как создание бразильской секции американского консервативного форума СРАС при поддержке упомянутого ранее Э. Болсонару в 2019 г. [12]. Прежде всего, СРАС является форумом, напрямую связанным с многими американскими евангелическими спикерами. Данным шагом, через правительственные институты евангелическое движение расширяет собственную деятельность и получает новые платформы для продвижения собственной повестки. О данном факте свидетельствует присутствие министра по делам женщин, семьи и прав человека Д. Алвес — наиболее известного евангелического министра в администрации Ж. Болсонару [14].

Тем не менее, несмотря на попытку приоритета на идеологических вопросах, успеха достичь не удалось. Расширение сотрудничества двух стран в рамках новых международных институтов (например, НАТО и принятие Бразилии в ОЭСР) приняло пробуксовывающий характер [4]. Параллельно с этим Ж. Болсонару подвергался критике за излишний популизм в вопросах внешней политики. Поэтому происходившее в отношениях с США можно скорее назвать «конкуренцией» стратегических культур [6] — сохранение попыток реализовывать двусторонние отношения в рамках идеологии либо совершить определенный возврат к установкам предыдущих администраций. Сохранение ряда структурных проблем в отношениях с администрацией Д. Трампа, а также победа Дж. Байдена на президентских выборах 2020 г. способствовали снижению актуальности идеологической повестки

[4]. Как следствие, религиозному лобби не удалось оказать значительное воздействие на отношения двух стран, несмотря на ряд достижений.

Отдельно стоит отметить также пример Израиля, где влияние евангелистов оказало значительное влияние на двусторонние отношения. На протяжении последних двух десятилетий в позиции Бразилии в отношении стран Ближнего Востока доминировал принцип нейтралитета и посредничества [15]. Дипломаты стремились развивать контакты с регионом на основе общей повестки развития и преодоления отсталости, поддержки мирных инициатив в вопросах арабо-израильского конфликта и предоставления посреднических услуг.

Данный подход значительно отличается от повестки, предлагаемой Ж. Болсонару, изначально заявившим о симпатиях Израилю и необходимости направить все региональные каналы дипломатии на исключительное развитие двусторонних отношений [15]. Истоки данной позиции исходят из стремления привлечь евангелический электорат [15]. Ежегодно бразильские протестанты проводят «Марш за Иисуса» [16], где поднимается вопрос поддержки Израиля и немалый акцент уделяется демонстрации и проявлению символики данной страны [16]. Стремясь получить поддержку религиозной общины, новая администрация идет на слом традиционной позиции в отношении стран региона. То есть, апеллируя к неоклассическому реализму, мы можем отметить не только фактор изменений в стратегической культуре, но и активное взаимодействие структур гражданского общества, ввиду большой актуальности израильского направления для евангелистов, чем американское.

Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху присутствовал на инаугурации Ж. Болсонару [17], что демонстрирует очевидный разворот во внешней политике в сторону привлечения консервативного электората. Кроме того, проведение Б. Нетаньяху встреч с главой МИД Э. Араужу, а также П. Гедесом и главой министерства обороны Ф. Азеведу и Силва [17] демонстрировало стремление придать отношениям всеобъемлющий характер. Посещение Ж. Болсонару Израиля в качестве первого зарубежного визита главы государства вписывается в рамки консервативной идентичности и стремления придать новый идеологический нарратив во внешней политике. Кроме того, данный визит демонстрирует схожие паттерны, что и в отношениях с США. Помимо демонстрации идеологического единства стран, Ж. Болсонару выступил с инициативой переноса посольства из Тель-Авива в Иерусалим — одного из ключевых требований евангелистов [15]. Однако данный шаг привел к критике со стороны стран арабского мира и неприятию решения со стороны части бразильской дипломатии, стремящейся к сохранению контактов со всеми ближневосточными государствами [18]. Поэтому бра-

зильское руководство приняло решение лишь о переносе торгового представительства в знак поддержки Израиля [18].

Подобный «откат» от взятого курса, как и в случае с США, свидетельствует об ограниченности возможностей в рамках взаимодействия с идеологически близкими странами. Сохранение популярности традиционных инструментов внешней политики среди дипломатического класса, а также активная критика со стороны политической элиты вынуждает искать более прагматичные подходы со стремлением поиска выгоды при минимальных внешнеполитических издержках. Однако данные шаги ослабляют позиции новой администрации среди ключевого электората — перенос исключительно торгового представительства в Иерусалим привел к снижению рейтингов среди евангелистов [19].

Помимо конфликтной ситуации с переносом посольства, отношения Бразилии с Израилем демонстрируют возможность интенсификации при формально идеологическом обосновании, однако преследуют прагматические цели, отвечающие бразильской стороне. К примеру, в период пожаров в Амазонии 2019 г. Израиль оказал поддержку Бразилии в тушении пожаров [20]. Также, в отличие от смены администрации в США, Ж. Болсонару не изменил позитивного настроя на сотрудничество с новым правительством Н. Беннета. Кроме того, происходит активизация иных каналов дипломатии, к примеру, парламентской. Так, еще в 2018 г., в период предвыборной кампании ЕПФ инициировал специальную сессию Конгресса, приуроченную к 70-летию независимости Израиля [21]. Тем не менее отсутствие качественных изменений в иных сферах демонстрирует смешанные результаты для бразильской стороны и скорее сводится к популистской риторике во внешней политике, нежели конкретным результатам.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что рост евангелистов смог оказать влияние на эволюцию подходов бразильской дипломатии. Тем не менее данная трансформация значительно противоречит существовавшей ранее стратегической культуре и применяемым средствам достижения внешнеполитических задач. Многие «идеологические» составляющие новой внешней политики заимствованы из протестантского дискурса для привлечения поддержки данного избирателя. Тем не менее необходимо отметить ограниченность возможностей данных изменений. Каждый шаг, мотивированный идеологическими соображениями, встречал оппозицию как на международной арене, так и среди уже сформированной системы принятия решений во внешней политике. Также стоит отметить, что евангелистам не удалось сформировать полноценные лоббистские структуры в вопросах внешней политики, опираясь на конкретные персоналии, движения или потенциал парламентской дипломатии. В результате данные шаги позволили несколько

сместить фокус во взаимодействии с Израилем и придать новый характер, в то время как попытка переформатирования отношений с США привела к полной ревизии и возврату к предыдущим формам отношений.

Библиография

1. *Zilla C.* Evangelicals and Politics in Brazil // German Institute for International and Security Affairs Research Paper. 2020. № 1. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020RP01/> — 17.02.22.
2. *Ермольева Э.Г., Кузнецова В.А.* Своеобразие демографических сдвигов. Феномен Бразилии // Латинская Америка. 2021. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44609662> — 17.02.22.
3. *Bolsonaro nombra ministro de Educación a otro pastor evangélico* // Deutsche Welle. 2020. URL: <https://www.dw.com/es/bolsonaro-nombra-ministro-de-educaci%C3%B3n-a-otro-pastor-evang%C3%A9lico/a-54135283> — 17.02.22.
4. *De Sá Guimarães F., De Oliveira E Silva I.D.* Far-right populism and foreign policy identity: Jair Bolsonaro's ultra-conservatism and the new politics of alignment // International Affairs. № 97 (2). URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=893528> — 17.02.22.
5. *Deciancio M.* Regional leadership through global channels: autonomy, diversification and acceptance // EEN Workshop Report. 2012. URL: https://www.academia.edu/download/45099823/GREEN_Deciancio_Final.pdf — 17.02.22.
6. *Ripsman N.M., Taliaferro J.F., Lobell S.E.* Neoclassical Realist Theory of International Relations // Oxford University Press. 2016. URL: <https://www.google.com/books?hl=ru&lr=&id=SODEdAAAQBAJ&oi=fn&pg=PP1&dq=Neoclassical+Realist+Theory+of+International+Relations+&ots=FNH4zh17h7&sig=9shzUI5MamDRywf71WMmpM3OaVQ> — 17.02.22.
7. *Mearsheimer J.J., Walt S.M.* The Israel lobby and US foreign policy // Middle East Policy. 2006. № 13 (3). URL: <https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/51193942/IsraelLobby-with-cover-page-v2.pdf?Expires=1636911074&Signature> — 17.02.22.
8. *Estratégia de política externa de Bolsonaro representa graves riscos para o país* // El País. 2018. URL: https://brasil.elpais.com/brasil/2018/09/10/opinion/1536578069_430072.html — 18.02.22.
9. *Burns N.* Brazil's Foreign Minister Wants to Save the West From Postmodernism // Foreign Affairs. 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/brazil/2019-01-24/brazils-foreign-minister-wants-save-west-postmodernism> — 18.02.22.
10. *Oroño A.* El gabinete Bolsonaro: intereses al interior del Gobierno // Celag. 2019. URL: <https://www.celag.org/el-gabinete-bolsonaro-intereses-interior-gobierno/> — 18.02.22.
11. *Giacalone R.* Latin American foreign policy analysis: external influences and internal circumstances // Foreign Policy Analysis. — 2012. URL: <https://academic.oup.com/fpa/article-abstract/8/4/335/1813541> — 18.02.22.
12. *Sob gritos de 'mitinho', Eduardo Bolsonaro repete gesto de Trump e convoca direita em evento 'importado' dos EUA* // BBC Brasil. 2019. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-50024632> — 19.02.22.

13. *Freitas C.* Candidato à embaixada do Brasil condecorou Olavo de Carvalho // Valor Economico. 2019. URL: <https://valor.globo.com/politica/noticia/2019/10/23/candidato-a-embaxada-do-brasil-condecorou-olavo-de-carvalho.ghtml> — 19.02.22.
14. *Ribeiro G.* What to make of Brazil's Conservative Political Action Conference // The Brazilian Report. 2021. URL: <https://brazilian.report/newsletters/brazil-weekly/2019/10/14/brazil-conservative-political-action-conference-cpac/> — 19.02.22.
15. *Inbari M., Bumin K.M., Byrd M.G.* Why Do Evangelicals Support Israel? // Politics and Religion. 2021. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-religion/article/why-do-evangelicals-support-israel/F8AB8C41F0B019FD8413A30EF218EBE4> — 19.02.22.
16. *Gilban M.* Millions of Brazilians hail Israel during March for Jesus. The Times of Israel. 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/millions-of-brazilians-hail-israel-during-march-for-jesus/> — 20.02.22.
17. Populist leaders to attend Jair Bolsonaro's inauguration in Brazil // Guardian. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/31/jair-bolsonaro-inauguration-brazil-president-brasilia-populist-leaders> — 20.02.22.
18. Bolsonaro visits Western Wall, Palestinians angry at Jerusalem mission // Reuters. 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-israel-brazil-idUSKCN1RD2OW> — 20.02.22.
19. *Smith E.A.* Bolsonaro's Evangelical Support Is Falling. Why? // Americas Quarterly. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/bolsonaros-evangelical-support-is-falling-why/> — 20.02.22.
20. Israel envia grupo de especialistas ao Brasil para combater incêndios na Amazônia // O Globo. 2019. URL: <https://oglobo.globo.com/sociedade/israel-envia-grupo-de-especialistas-ao-brasil-para-combater-incendios-na-amazonia-23924250> — 20.02.22.
21. As evangelicals bid to move embassy, 'Brazil's Trump' says he will if elected // The Times of Israel. 2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/as-countrys-evangelicals-bid-to-move-embassy-brazils-trump-says-he-will/> — 20.02.22.

Гулакова Аглая Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений,
бакалавриат

РОЛЬ ВЕРЫ ДЖО БАЙДЕНА В ДИПЛОМАТИИ США

THE ROLE OF JOE BIDEN'S FAITH IN THE US DIPLOMACY

Аннотация. С избрания Джо Байдена президентом стала проследиваться тенденция увеличения роли религии во внешней политике США. Данный аспект используется в качестве одного из дипломатических методов, направленных на укрепление позиций Америки в мире путем построения более привлекательного образа, заслуживающего доверия со стороны других стран, и восстановления моральной репутации государственной власти для завоевания большей общественной поддержки и успешного претворения в жизнь планов администрации президента. Внедрение такого метода упрощается благодаря репутации Байдена как глубоко верующего человека. Тот факт, что президент исповедует католицизм, сближает политика с Ватиканом, дипломатические отношения с которым он стал активно развивать, и с папой Франциском, в частности, имеющим с Байденом тесные личные связи и общие взгляды на многие проблемы.

Ключевые слова: Байден, США, Ватикан, дипломатия, религия, внешняя политика.

Abstract. Since the election of President Joe Biden, the tendency of the increasing role of religion in the US foreign affairs has begun to grow. This issue is used as one of the diplomatic methods aimed at the strengthening of the America's position in the world through the building of more attractive image, credible by other countries, and the restoring of the government's moral reputation to win broader public support and successfully implement the Administration's plans. The introduction of such method becomes easier due to the reputation of Biden as a deeply religious person. The fact that the President is catholic brings him closer to Vatican, the relations with which he has begun to actively develop, and Pope Francis, in particular, who has close personal ties and common points of view on many issues with Biden.

Key words: Biden, the USA, Vatican, diplomacy, religion, foreign policy.

Еще будучи кандидатом на должность президента США, Джо Байден в плане *The Power of America's Example* изложил свое видение внешней политики страны, направленное на восстановление лидерства на мировой арене. Он объявил, что как президент будет способствовать поддержанию безопасности, процветания и ценностей Соединенных Штатов, предпринимая шаги

для пересмотра дипломатии и существующих союзов, защиты экономического будущего. Байден пообещал, что Америка станет примером для государств мира, сможет сплотить их для решения общих глобальных проблем [1]. Для достижения данной цели политик решил сделать ставку на дипломатию.

Было бы справедливо утверждать, что в таком подходе нет ничего существенно нового — в истории США и многих других государств было немало случаев, когда по дипломатическим каналам удавалось установить и упрочить ведущую роль на мировой арене. Однако пример Джо Байдена можно считать особенным. Политик является вторым президентом-католиком в истории Соединенных Штатов, что накладывает определенный отпечаток как на внутреннюю, так и на внешнюю политику, проводимую им.

Байден — верующий, глубоко набожный человек, носит четки в кармане и ходит на мессу каждое воскресенье. Как утверждает Крис Кунс, сенатор США от штата Делавэр, в нем «глубоко укоренилось чувство справедливости, которому он (Байден) научился у своих родителей, а также у монахинь и священников, которые воспитывали его» [2].

Сам по себе данный факт также не является исключительным. Все президенты США, кроме Джефферсона, считались религиозными. Джимми Картер во время президентской кампании 1976 г. называл себя «рожденным свыше» и откровенно рассказывал о своих религиозных убеждениях на протяжении всего последующего пребывания в Белом доме. Будучи президентом, Картер регулярно ходил в церковь, продолжал преподавать в воскресной школе. Джеймс Гарфилд — единственный президент, который на самом деле был священником. Он продолжал проповедовать и служить в течение многих лет до вступления в должность. Уильям МакКинли, Вудро Вильсон и Джон Куинси Адамс регулярно посещали церковь, молились и читали Библию. Рональд Рейган, Билл Клинтон, Джордж Буш и Барак Обама были среди президентов, использовавших наиболее часто религиозную риторику в своих выступлениях.

В данном случае такая репутация Джо Байдена ярко выделяется в связи с негативной репутацией его предшественника. Большинство действий, предпринятых Дональдом Трампом, касающихся политики страны и частной жизни его самого, осуждались весьма религиозным американским обществом за аморальность. Среди населения широко распространилось мнение о том, что Трамп только притворяется религиозным. Одна только его лента в Твиттере, изобилующая резкими высказываниями и клеветническими выражениями, заставляла усомниться в моральных принципах политика. Тем не менее Трамп все же активно апеллировал к своей религиозности. Он часто использовал в публичных выступлениях упоминания Бога,

Провидения, веры и души, окружил себя лидерами евангелической церкви. Один из наиболее резких его шагов был предпринят 1 июня 2020 г., когда в самый разгар митингов экс-президент сфотографировался с Библией в руке на фоне церкви, однако не добился желаемых результатов, вызвав лишь осуждение общественности и обвинения в использовании символов христианских ценностей в политических целях [3]. Помимо подобных показательных акций Трампа, резкой критике со стороны религиозных лидеров подверглась его политика в отношении иммиграции, в том числе политика разделения семей и кажущееся безразличие к проблеме расизма. Они также осудили его экономическую политику, предложения в области здравоохранения и неуважительные высказывания в отношении женщин и расовых меньшинств [4]. При этом личные религиозные убеждения Трампа не были столь публичными, их твердость и искренность продолжают подвергаться сомнению со стороны граждан. Вера же многими считается признаком приверженности нравственности и высоким нормам и ценностям, что создает яркий контраст между двумя политиками. Согласно социологическим опросам, каждый пятый американец считает «очень важным», чтобы президент имел сильные религиозные убеждения, а 14% населения полагают «очень важным», чтобы президент разделял их собственные религиозные убеждения [5].

Придя к власти, Джо Байден столкнулся со многими сложностями. Во-первых, он пользуется значительно низким уровнем поддержки со стороны граждан (40% взрослого населения США) [6]. Резкая поляризация общества в рамках религиозного аспекта привела к тому, что одна часть американцев, в которую входят граждане, принадлежащие к двум наиболее крупным конфессиям Соединенных Штатов, католики и протестанты, стала сомневаться в истинности веры Байдена, поскольку тот проводит политику предоставления возможности выбора совершать аборт или нет, что противоречит традиционным ценностям данных религий. Вторая же группа, состоящая из менее религиозных людей и атеистов, считает, что политик предпринимает недостаточно радикальные меры. Таким образом, вместе с дискредитацией моральности высшей государственной власти Трампом данная ситуация отражается на доверии населения к политическому курсу Байдена и создает препятствия на пути претворения в жизнь планов президента, в том числе в сфере внешней политики.

Еще одной трудностью оказалось последствие противоречивой политики экс-президента на мировой арене, в частности, выход из Парижского соглашения, из СВПД, решение покинуть ВОЗ, что оказало влияние также на потерю доверия к Соединенным Штатам со стороны других государств. Данные действия администрации Трампа ухудшили отношения США с союзниками и партнерами, необходимыми для продвижения национальных

интересов и решения неотложных проблем, таких как пандемия COVID-19. В отличие от предыдущих кризисов, Соединенные Штаты едва ли приняли участие в глобальном ответе. Такое положение дел подорвало способность США значительным образом влиять на распространение демократии за рубежом, что на протяжении долгого времени входило в число внешнеполитических приоритетов, а решения экс-президента запятнали репутацию Соединенных Штатов как надежного партнера, что привело к ослаблению позиций Америки в рамках существующих союзов и международной системы в целом.

Одним из способов выхода из сложившейся непростой ситуации было выбрано укрепление привлекательного с точки зрения морали образа США, для чего среди прочего пригодилась репутация новоизбранного президента как глубоко верующего человека, которая послужила удобной платформой для достижения упомянутых целей посредством сближения с Ватиканом.

Во-первых, более тесное взаимодействие со Святым Престолом, координация действий двух государств могут поспособствовать формированию более благоприятного общественного мнения о проводимой Байденом политике. Около шести из десяти взрослых американцев (63%) имеют положительное мнение о папе Франциске, которое также разделяет большинство католиков (82%) [7].

Во-вторых, Святой Престол поддерживает официальные дипломатические отношения с 183 странами, является членом или наблюдателем практически всех крупных международных организаций, включая ООН, Совет Европы, Организацию американских государств и Лигу арабских государств, а его влияние распространяется на более чем 1,3 млрд католиков и миллионы приверженцев других конфессий и атеистов по всему миру. Данное государство можно назвать одной из величайших гуманитарных сил. По словам Джона Керри, специального представителя президента США по вопросам климата, несмотря на небольшие размеры Ватикана, его паства огромна в глобальном масштабе, и потому Франциск способен помочь оживить действия стран. Мир с особым уважением относится к папе. У него есть способность влиять на граждан во многих государствах одновременно и заставлять их призывать свои правительства к ответственности [8]. Таким образом, укрепляя связь с Ватиканом, Соединенные Штаты поддерживают свое глобальное присутствие.

Дипломатические отношения между двумя странами имеют богатую историю. С 1797 г. США поддерживали консульские отношения с Ватиканом, а в 1848 г. установили дипломатические отношения с Папой Римским (в качестве главы Папского государства). Однако в 1870 г. территория Ватикана была включена в состав Итальянского королевства, вследствие чего

дипломатические отношения были разорваны. Тем не менее несколько американских президентов все же посещали периодически Ватикан для обсуждения международных, гуманитарных и политических вопросов, в 1984 г. дипломатические отношения между государствами были возобновлены [9]. На протяжении длительного времени отношения между ними были весьма дружескими и остаются такими на сегодняшний день, однако в период президентства Трампа они в значительной степени ухудшились в связи как с резкими расхождениями по вопросам мирового масштаба, так и с осуждением действий друг друга в отношении конкретных стран. Ярким примером подобной критики являются замечания Франциска в отношении решения строительства стены вдоль границы с Мексикой. По его словам, люди, которые думают только о возведении барьеров вместо мостов, «не христиане». Трамп в ответ назвал эти комментарии «позорными», а самого папу — пешкой мексиканского правительства [10].

Есть основания полагать, что приход к власти Байдена может изменить картину к лучшему. Во многом это связано с уже упомянутой приверженностью президента католицизму, что упрощает задачу установления контакта с ключевыми лицами Святого Престола. Кроме того, не последнюю роль играют и близкие личные отношения папы и Байдена, существовавшие задолго до избрания последнего президентом. В 2013 г. политик возглавил делегацию США на интронизации Франциска, а в 2015 г. состоялся визит папы в Вашингтон, в рамках которого Байден сопровождал его на многих мероприятиях. Будущий президент также сам посетил Ватикан в 2016 г., где выступил на конференции по здравоохранению [11]. Кроме того, он не раз в различных интервью отмечал то, как глубоко ценит поддержку, оказанную понтификом в связи со смертью сына политика, и тепло отзывался о Франциске.

Знаковой стала встреча двух лидеров 29 октября 2021 г., продлившаяся вдвое дольше встречи Байдена с Иоанном Павлом II в 1980 г. и втрое дольше встречи Франциска и Трампа в 2017 г. Президент сообщил репортерам, что обсудил с папой многие вопросы, имеющие личное значение для него. Байден подарил особую монету, имеющую большое значение лично для политика: на ней изображен знак 261-й бригады связи, подразделения Национальной гвардии штата Делавэр, капитаном которого служил его покойный сын Бо. Президент объяснил, что такие монеты вручаются «воинам и лидерам», и назвал Франциска «самым значительным борцом за мир, которого он когда-либо встречал» [12].

Оба лидера имеют также схожие взгляды на некоторые аспекты международной политики. Помимо таких вопросов, как борьба с массовым голодом и торговлей людьми, поддержание и продвижение прав человека и свободы вероисповедания, традиционно являющихся приоритетными для

дипломатических отношений между США и Ватиканом, появляются две области, представляющие взаимный интерес для государств, в особенности в связи с личными позициями Байдена и Франциска. Во-первых, в рамках общемировой борьбы с пандемией COVID-19 команда Байдена — Харрис перезагрузит отношения со Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), что является одним из первых обещаний политика после вступления в должность. США также продемонстрировали приверженность развитию многостороннего сотрудничества в рамках разрешения международного кризиса, приняв на совещании Исполнительного комитета ВОЗ решение об усилении Международных медико-санитарных правил (2005 г.), что должно повысить способность мира предотвращать, выявлять и быстро реагировать на вспышки инфекционных заболеваний в будущем. На данный момент Соединенные Штаты «с нетерпением ждут возвращения в состав Исполнительного комитета ВОЗ в мае 2022 г. и начнут стратегический диалог с ВОЗ, чтобы обеспечить полное согласование общих приоритетов». Кроме того, США под руководством президента Байдена обязались передать миру 1,2 млрд доз вакцины — больше, чем любая другая страна. На сегодняшний день они отправили более 400 млн вакцин и продолжают выделять крупные суммы денег на медицинскую, экономическую и гуманитарную помощь партнерам для борьбы с вирусом и его последствиями [13].

Папа, в свою очередь, также часто подчеркивал необходимость глобального сотрудничества в решении мировых кризисов, что обсуждалось на ранее упомянутой встрече понтифика с президентом, в том числе в сфере здравоохранения. Франциск отмечает важность того, «чтобы международное сообщество активизировало свои усилия по сотрудничеству, чтобы все люди имели свободный доступ к вакцинам» [14]. В мае 2021 г. ВОЗ предоставила Святому Престолу статус наблюдателя, что можно считать доказательством признания значимой роли, которую Ватикан играет в гуманитарной сфере и сфере здравоохранения, а в последнее время — в борьбе с пандемией [15].

Во-вторых, прочной платформой для сотрудничества может стать решение экологического вопроса. Проблема ухудшения состояния окружающей среды обсуждалась в рамках всех встреч на высоком уровне с членами администрации Байдена: со спикером Палаты Представителей Нэнси Пелоси, с государственным секретарем Энтони Блинкеном и самим президентом. Достижению согласия по нему в первую очередь способствуют личные взгляды обоих лидеров. На важность проблемы экологии указывали еще Иоанн Павел II и Бенедикт XVI, которого СМИ окрестили «зеленым папой», но именно Франциска можно назвать наиболее ярым сторонником защиты окружающей среды, что отразилось в его энциклике *Laudato Si'*. Папа писал: «Климатические изменения — глобальная проблема, имеющая важные эко-

логические, социальные, экономические, распределительные и политические измерения и представляющая собой один из главнейших актуальных вызовов для человечества» (Пункт 25) [16].

Позиция Франциска полностью согласуется с приверженностью администрации Байдена глобальной солидарности, сокращению выбросов парниковых газов и противостоянию изменению климата. Так, в первый день своего нахождения в должности президента Байден подписал указ, предусматривающий возвращение в число стран — участниц Парижского соглашения по климату. По инициативе политика в апреле 2021 г. был организован саммит лидеров по вопросам климата, на котором Байден объявил о плане по сокращению выбросов парниковых газов в Америке вдвое по сравнению с уровнем 2005 г. к концу десятилетия, что вернет США лидирующую роль в рамках глобальной борьбы с изменением климата [17]. Назначение госсекретаря Джона Керри — бывшего высокопоставленного дипломата и, более того, католика, широко известного в кругах Ватикана, — первым в истории специальным представителем президента по вопросам климата также показывает степень важности экологической проблемы для Америки и является благоприятным для развития сотрудничества между США и Святым Престолом.

Кроме того, Байден предпринимает определенные шаги и внутри государства. Еще до инаугурации от будущего президента поступило предложение о реализации так называемого Build Back Better Plan, предполагающего выделение крупной суммы средств в том числе на экологическую инфраструктуру. В соответствии с ним 555 миллиардов долларов должно пойти на борьбу с крупнейшими в США источниками парниковых газов — в энергетической и транспортной сферах — посредством предоставления различных грантов, налоговых льгот и других мер, направленных на увеличение рабочих мест и развитие технологий в области возобновляемых источников энергии, а также крупных инвестиций в экологичные транспортные средства и общественный транспорт [18]. Белый дом заявил, что в рамках плана будут реализованы «крупнейшие инвестиции в борьбу с изменением климата в истории Америки» [19].

Таким образом, в проведении внешней политики Соединенных Штатов Джо Байден решил сделать акцент на дипломатических каналах. Политик значительно выделяется среди предшественников на посту президента США приверженностью католицизму и образом глубоко верующего человека, что в особенности обращает на себя внимание в связи с негативной репутацией Дональда Трампа. Байдену приходится сталкиваться с такими проблемами, как ослабление позиций государства вследствие потери авторитета на международной арене как надежного партнера и лидера в решении глобальных

проблем, вызванной действиями администрации экс-президента, и низким уровнем поддержки американских граждан, что препятствует претворению в жизнь планов политика. Укрепление привлекательного с точки зрения морали образа Соединенных Штатов может стать одним из способов преодоления данных сложностей, в том числе посредством сближения с Ватиканом, что поспособствует как росту поддержки президента среди населения ввиду его положительного мнения о папе, так и упрочению глобального присутствия США благодаря репутации Святого Престола как одной из величайших гуманитарных сил в мире. Два государства имеют давнюю историю отношений, охладевших во время президентства Трампа. Однако ожидается, что вследствие прихода к власти Байдена, исповедующего католицизм и имеющего тесные личные связи с Франциском, изменится ситуация к лучшему. Поспособствовать этому могут схожие позиции по таким актуальным для современного мира проблемам, как борьба с пандемией COVID-19 и изменением климата, которые в особенности выделяются как в публичных выступлениях, так и в конкретных действиях Байдена и папы.

Тем не менее только лишь твердой личной позиции президента и громких заявлений о стремлении предпринять меры в той или иной сфере может оказаться недостаточно. Байден сталкивается с противодействием принятию плана, подразумевающего существенные меры в экологической сфере, со стороны Конгресса, что не позволило ему в полном объеме взять обязательства на конференции в Глазго, на более значительные результаты которой рассчитывал также папа.

В любом случае данный план администрации Байдена и назначение Керри согласуются с неоднократными призывами Франциска к ведению диалога об окружающей среде в рамках международного сообщества. Возвращение Соединенных Штатов к более активному международному сотрудничеству укрепит отношения с государствами-партнерами, необходимые для реагирования на обострившиеся угрозы в экологической сфере и сфере здравоохранения, а также на другие неизбежно возникающие кризисы. Вера Джо Байдена в данной связи становится немаловажной платформой, на которую президент может опираться для создания более благоприятного с моральной точки зрения образа США в мире и повышения поддержки администрации со стороны американского населения, что поспособствует достижению поставленных внешнеполитических целей.

Библиография

1. The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century. The Official Website of Joe Biden. URL: <https://joebiden.com/americanleadership/> — 27.01.2022.

2. *Asma Khalid*. How Joe Biden's Faith Shapes His Politics. NPR. URL: <https://www.npr.org/2020/09/20/913667325/how-joe-bidens-faith-shapes-his-politics> — 11.02.2022.
3. *Brian Bennett*. President Trump's Big Moment in Front of a Church Shows He Has Missed the Point of the Protests. Time. URL: <https://time.com/5846449/trump-church-protests/> — 10.02.2022.
4. *Bill McCormick S.J.* The Top 3 Reasons Catholics Will Vote for Joe Biden. America Magazine. URL: <https://www.americamagazine.org/politics-society/2020/10/29/catholics-vote-joe-biden-top-reasons-election> — 10.02.2022.
5. *Aleksandra Sandstrom*. Biden is only the second Catholic president, but nearly all have been Christians. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/01/20/biden-only-second-catholic-president-but-nearly-all-have-been-christians-2/> — 02.02.2022.
6. *Jeffrey M. Jones*. Biden Year One Approval Ratings Subpar, Extremely Polarized. Gallup. URL: <https://news.gallup.com/poll/389033/biden-year-one-approval-ratings-subpar-extremely-polarized.aspx> — 14.02.2022.
7. *Claire Gecewicz*. Americans, including Catholics, continue to have favorable views of Pope Francis. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/06/25/americans-including-catholics-continue-to-have-favorable-views-of-pope-francis/> — 29.01.2022.
8. John Kerry: Pope Francis one of greatest voices on climate crisis. Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/world/news/2021-05/pope-francis-meets-with-us-envoy-for-climate-john-kerry.html> — 31.01.2022.
9. U.S. Relations With the Holy See. The Official Website of the U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-the-holy-see/> — 31.01.2022.
10. *Daniel Burke*. The Pope and President: Unpredictable pair finally meet. CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2017/05/23/politics/pope-trump-meeting/index.html> — 11.02.2022.
11. *Christopher White*. Pope Francis congratulates Biden on election win. National Catholic Reporter. URL: <https://www.ncronline.org/news/politics/pope-francis-congratulates-biden-election-win> — 11.02.2022.
12. *Maegan Vazquez, Kevin Liptak*. 'God love ya': Warm relationship between the world's most powerful Catholics on display as Biden and Pope Francis meet. CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2021/10/29/politics/pope-francis-joe-biden-meeting/index.html> — 13.02.2022.
13. FACT SHEET: The Biden Administration's Commitment to Global Health. The White House URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/02/fact-sheet-the-biden-administrations-commitment-to-global-health/> — 08.02.2022.
14. Pope to Ambassadors: Vaccines for all a question of justice. Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2021-12/pope-to-ambassadors-vaccines-for-all-a-question-of-justice.html> — 08.02.2022.
15. *Robin Gomes*. Holy See granted permanent observer status at WHO. Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2021-06/holy-see-granted-who-observer-status-wha74.html> — 10.02.2022.

16. Francis. *Laudato si'*. Vatican City: Vatican Press, 2015. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html — 12.02.2022.
17. *Scott Detrow*. Biden Makes New Pledge For U.S. Greenhouse Gas Emissions: A 50% Cut. NPR. URL: <https://www.npr.org/2021/04/22/988051091/biden-makes-new-pledge-for-u-s-greenhouse-gas-emissions-a-50-cut> — 12.02.2022.
18. *Nina Lakhani*. Why the collapse of Biden's Build Back Better would be a major blow to the climate fight. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/dec/22/joe-biden-build-back-better-climate-crisis-consequences> — 13.02.2022.
19. *Paul Conner, Brooke Singman*. Biden to release 50M barrels of oil from Strategic Petroleum Reserve amid gas price spike. FOXBusiness. URL: <https://www.foxbusiness.com/politics/biden-strategic-petroleum-reserve-release-gas-price-spike> — 10.02.2022.

Давыденко Роман Евгеньевич

Российский университет дружбы народов,
факультет гуманитарных и социальных наук, бакалавриат

«СТРАТЕГИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ» ИЛИ ТАКТИКА «НАВЯЗАННОГО КОНСЕНСУСА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США В XXI В. НА ПРИМЕРЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

“ENGAGEMENT STRATEGY” OR TACTICS OF “IMPOSED
CONSENSUS” IN US FOREIGN POLICY IN THE 21ST CENTURY
ON THE EXAMPLE OF THE COUNTRIES OF THE POST-SOVIET
SPACE AND EASTERN EUROPE

Аннотация. В статье исследуется внешняя политика и дипломатия президентов США в период с 1993 по 2021 г. на постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы, некогда входивших в сферу влияния СССР. Анализируются методы, приемы и стратегии американской внешней политики, используемые для вовлечения в свою орбиту влияния бывших советских республик, а также бывших членов Варшавского блока. Особое внимание уделяется применению Соединенными Штатами стратегии вовлечения как одного из аспектов американской «мягкой силы» в XXI в. Сделан вывод о том, что с момента распада СССР США вовлекли в свою орбиту влияния все страны Варшавского блока, а также Украину, Грузию, Молдову, страны Балтийской ассамблеи и продолжают активную политику вовлечения в других странах Кавказа и Центральной Азии.

Ключевые слова: внешняя политика США, навязанный консенсус, «мягкая сила», продвижение демократии, политика вовлечения, постсоветское пространство.

Abstract. The article examines the foreign policy and diplomacy of the US Presidents in the period from 1993 to 2021 in the post-Soviet space and in the countries of Eastern Europe, which were once part of the sphere of influence of the USSR. The methods, techniques and strategies of American foreign policy used to draw the influence of the former Soviet republics, as well as former members of the Warsaw Bloc into its orbit, are analysed. Particular attention is paid to the use by the United States of the strategy of engagement as one of the aspects of American “soft power” in the 21st century. It is concluded that since the collapse of the USSR, the United States has drawn into its orbit of influence all the countries of the Warsaw Bloc, as well as Ukraine, Georgia, Moldova, the countries of the Baltic Assembly, and

continues an active policy of engagement in other countries of the Caucasus and Central Asia.

Keywords: US foreign policy, imposed consensus, soft power, democracy promotion, engagement politics, post-Soviet space.

С распадом СССР в 1990-х гг. исчез и противовес США на международной арене, представлявший прямую угрозу их национальной безопасности и интересам в мире, что окончательно развязало руки Белому дому в проведении преимущественно наступательной внешней политики. Они приумножили свое влияние в мировой торговле и финансах, в том числе благодаря тому, что вовремя переориентировали свою экономику на требования постиндустриального развития в условиях начавшейся глобализации. Границы американоцентричного мира раздвинулись за счет «освоения» ослабленного постсоветского пространства.

С приходом к власти Б. Клинтона в 1993 г. был взят курс на сближение со странами бывшего Советского Союза, вовлечение их в орбиту влияния США. Следуя этой линии, американская дипломатия освоила новый внешнеполитический метод осуществления национальных интересов, направленный на навязывание «вольным и невольным партнерам» [1, с. 386] своего видения международных отношений и решения мировых проблем. Американские дипломаты втягивали других акторов в такое положение, которое было выгодно самим Штатам, тем самым подчиняя государства своему влиянию. Эта тактика впоследствии получила название «навязанного консенсуса», или ее еще называют «политикой вовлечения».

Американская стратегия «продвижения демократии» касалась стран «новой демократии и рыночной экономики», к которым США относили и Россию. Эта концепция была заложена Б. Клинтонем в новой Стратегии национальной безопасности вовлечения и расширения 1994 г. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement и сохранена в последующих СНБ 1995–1996 гг., в которых США отвели роль глобального лидера, способного обеспечить всемирную стабильность и безопасность. «Глобализация, по мнению А.Д. Богатурова, стимулировала в американской культурно-психологической среде иллюзию подконтрольности глобальных процессов американскому лидерству. Фактически в США считали, что процессы глобализации создают лучшие условия для экспорта американских ценностей, свобод и идеалов и в целом американского образа жизни» [2, с. 119].

Бывшие страны Варшавского договора постепенно попадали под американское влияние. Этому способствовали объявленная в 1994 г. программа сотрудничества НАТО «Партнерство во имя мира», а также созданный в 1997 г. Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП), публичной целью

которых было улучшение взаимоотношений НАТО с Россией и бывшими советскими республиками, а негласной — вовлечение в сферу интересов и влияния Вашингтона стран Закавказья, Восточной Европы и Центральной Азии.

В период с 1993 по 2000 г. под прикрытием экономической помощи, поддержки в политических вопросах США все активнее проникали в регион и пытались усилить самостоятельность стран СНГ от России. Одним из важных элементов их политики на этом этапе являлось создание систем трубопроводов в обход России, таких как ТРАСЕКА по маршруту Европа — Кавказ — Азия и БТД (Баку — Тбилиси — Джейхан). Конечно, все это подавалось как помощь странам ЦА в решении важных проблем, но на самом деле это было шагом США по закреплению своего присутствия в регионе и дистанцированию России от бывших советских республик.

С активизацией внешнеполитической деятельности России на постсоветском пространстве начались интеграционные процессы. В 1991 г. создано СНГ, в 1992 г. — ОДКБ, главной целью которой являлась «защита территориальной целостности и суверенитета государств-членов» [3]. В 2000 г. Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан подписали Договор о создании Евразийского экономического сообщества. Для России было необходимо сохранить свои позиции в регионе, учитывая ее долгосрочные геополитические и экономические цели [4, с. 653–654].

Параллельно с этими событиями задачей США была поддержка в странах СНГ «националистических кругов, выступающих с антироссийскими прозападными позициями» [5, с. 3, 9]. В этой связи их взор был направлен на Украину, Грузию, Азербайджан, Молдову и Узбекистан. 10–11 октября 1997 г. в Страсбурге на встречу глав государств и правительств Совета Европы были приглашены представители Молдовы, Азербайджана, Грузии и Украины, которые по инициативе США подписали соглашение о создании Консультативного форума ГУАМ. Эта «четверка» стран, не считая временно присутствовавшего в их составе Узбекистана до 2005 г., стремилась к независимости от России. Более того, для Европы эти страны были очень важными элементами в создании трубопровода ТРАСЕКА, который в перспективе давал возможность «диверсифицировать поставки углеводородов в страны ЕС, тем самым ослабив его зависимость от поставок из России» [6, с. 87]. Формирование оси Центральная Азия — Кавказ — Украина, которая совпадала с транспортным маршрутом Евроазиатского транспортно-коммуникационного коридора (ЕАТКК), давало возможность интегрировать прикаспийские государства и европейские страны СНГ в сферу влияния Запада.

После «оранжевой революции» на Украине 2004–2005 гг. президент В. Ющенко совместно с президентом Грузии М. Саакашвили активизиро-

вали деятельность ГУАМ. В 2006 г. состоялся первый саммит организации в Киеве, на котором Молдова, Грузия, Украина и Азербайджан заявили о прозападной ориентации и объявили свои территории площадкой для «продвижения американской демократии». Все, что происходило с данными государствами, А.Д. Богатуров назвал следствием американской «стратегии перемальвания» [7, с. 359], которая предназначалась для формирования в регионе сети не особо сильных государств, втянутых в зону ответственности США и готовых к сотрудничеству с Западом. Сколачивание «антироссийского интернационала» [8, с. 15] стало результатом создания в 2005 г. прозападного Содружества демократического выбора, которое включило в себя не только членов ГУАМ, но и страны Балтийской ассамблеи, а также Македонию, Румынию и Словению. Восточная Европа стала «проводником» американской демократии на постсоветском пространстве.

Согласно Дж. Наю, «"мягкая сила" — это способность достичь того, чтобы другие желали того же результата, которого желаешь ты» [9, р. 167]. Главное место тут занимает, конечно, метод убеждения и привлекательность выдвигаемых предложений. То есть «тактика навязанного консенсуса» целиком исходит из понятия «мягкой силы», которая рассматривается здесь с точки зрения дипломатии, культуры, экономики и политической идеологии.

Таким образом, президент Б. Клинтон, максимально выгодно используя слабость России и ее политики в 1990-х гг., заложил такой курс своей внешней политики, который со сменой акцентов и приоритетов при следующих американских президентах прослеживается до настоящего времени. Меняется только риторика в адрес России: например, в СНБ США 2018 г. Россия объявлена «ревизионистской» державой и является основной угрозой безопасности США, а не другом, как это было в 1990-х гг.

С приходом в 2001 г. к власти республиканцев во главе с Джорджем Бушем — младшим (2001–2009 гг.) новая администрация начала проводить еще более решительный американоцентричный курс во внешней политике. Произошла интенсификация процессов демократизации на постсоветском пространстве и в Восточной Европе.

Предполагалось, что если «убирать» неспособных лидеров стран постсоветского пространства и назначать вместо них проамериканских управленцев, то это принесет США нужные результаты. Для этого были использованы все имеющиеся в их распоряжении «вовлекающие ресурсы» в виде масс-медиа, западных НПО, международных наблюдательных структур, таких как БДИПЧ ОБСЕ, ЕС, ПАСЕ, ООН и др., экспертов общественного мнения, способных интерпретировать результаты зарубежных выборов, объявляя их либо легитимными, либо нет. Как пример, в «2003–2005 гг. пять избирательных кампаний закончились массовыми протестами населе-

ния: в трех случаях они привели к неконституционной смене власти (Грузия, Украина, Киргизия) и в двух (Азербайджан, Армения) — к политической дестабилизации. Неслучайно, начиная с выборов в Армении в 2003 г., международные организации по наблюдению за выборами в США и ЕС не признали легитимной и демократичной ни одну выборную кампанию в государствах — членах бывшего СССР [10]. Парламентские выборы в РФ 2021 г. также были раскритикованы США за законы «Об иноагентах», «Об экстремистских организациях» и за проведение выборов в Крыму. Кстати говоря, современные призывы из-за океана о свержении деспотического режима в Беларуси, возникшие после очередной победы А. Лукашенко на выборах в 2020 г., появились еще в 2004 г. после проведения референдума о продлении полномочий действующего президента. Он был признан коллективным Западом нелегитимным и недемократичным.

В СНБ США в 2002 и 2006 гг. («доктрина Буша») было объявлено о дальнейшем «продвижении демократии» более решительными методами. «Доктрина Буша» в своих формулировках балансировала между предотвращением и упреждением и означала как «грубое нарушение принципа государственного суверенитета как основы международного права» [11, с. 314], так и усиление доминирования США в мире. Против этого выступало все мировое сообщество. Ярким примером несогласия с этим курсом является Мюнхенская речь президента РФ В. Путина в 2007 г. Он тогда заявил: «Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна... Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам. Кому это понравится?» [12]

Опасения российского президента насчет чрезмерного усиления влияния США были неслучайными, и современная обстановка в Европе демонстрирует правоту российского лидера. Но альянс все равно продолжал свое расширение на Восток. Более того, на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г. Дж. Буш пытался продавить решение о включении в состав альянса Украины и Грузии. Тогда это не было поддержано, но была согласована «бухарестская формула», которая предполагает вхождение этих двух стран в НАТО. Сейчас отзыв этой «формулы» — одно из ключевых требований России по гарантиям безопасности.

Итак, Восточная Европа в середине 2000-х гг. почти вся оказалась в НАТО, а за счет прибалтийских стран альянс вплотную приблизился к государственной границе России и, судя по заявлениям генсека Йенса Столтенберга, не намерен останавливаться. США, в свою очередь, продолжили

проводить свою политику «продвижения демократии» на постсоветском пространстве. На территории бывших советских республик под лозунгами демократизации и при серьезном финансировании со стороны США: в 2002–2004 гг. оппозиции на Украине было выделено 65 млн долларов, в Киргизии — свыше 70 млн долларов [13, с. 5], произошли в 2003 г. Революция роз в Грузии, в результате которой к власти пришел проамериканский лидер М. Саакашвили, в 2004 г. — Оранжевая революция на Украине, приведшая в президентскую резиденцию также прозападно настроенного В. Ющенко, в 2005 г. — Тюльпановая революция в Киргизии, которая была частью плана по реализации концепции «Большой Центральной Азии», которая предусматривала объединение региональных акторов в независимый от России геополитический блок. В статье не рассматривается роль Запада в дестабилизации ситуации в России за последние годы, но отметим, что посольство США в Москве в январе 2021 г. опубликовало подробный список мест со временем, где пройдут митинги в поддержку известного оппозиционера. МИД РФ посчитал это неприкрытым вмешательством во внутренние дела страны и попыткой «раскачать» ситуацию.

Таким образом, политика свержения неугодных США режимов и лидеров на постсоветском пространстве была одним из ключевых способов проведения американского внешнеполитического курса. Продолжением политики Белого дома по «продвижению демократии» стало создание и финансирование нового проекта, предложенного ЕС в 2008–2009 гг., под названием «Восточное партнерство», по развитию интеграционных связей с шестью странами постсоветского пространства: Украиной, Грузией, Молдовой, Белоруссией, Арменией и Азербайджаном. Глава МИД РФ С. Лавров отметил тогда, что «данная инициатива ЕС направлена на отрыв от России ее ближайших соседей» [14].

С приходом в 2009 г. Б. Обамы, а в 2017 г. Д. Трампа в Белый дом был продолжен курс на укрепление коалиций стран, отверженных универсальным американским ценностям, но уже «не в одностороннем порядке, а с помощью коллективных усилий международного сообщества» [15, с. 57]. Новые администрации стремились усилить финансирование региональных НПО, увеличилось количество культурно-образовательных программ по обмену со странами на постсоветском пространстве, которые оставались одним из приоритетов во внешней политике США. Так, только в 2016 г. общая сумма финансовой помощи и различных грантов, предоставленных Украине, достигли 4,5 млн долларов, Грузии, Беларуси и Молдове — 6 млн, Азербайджану и Армении — чуть более 2 млн долларов [16]. Со стороны ЕС поддержка бывших советских республик перманентно увеличивается: в 2007–2010 гг. — 30 млн евро, в 2011–2013 гг. — 68 млн евро, и в 2014–2017 гг. — 148 млн евро.

В Казахстане посредством НПО, фондов, таких как «Сорос-Казахстан», «Фридом Хаус», «Хьюман Райтс Вотч», налажен постоянный контакт с членами оппозиционных медиа прозападного толка. В Беларуси с 2011 г. на развитие гражданского общества и демократии США выделили более 15 млн долларов [13, с. 22, 25]. Молдове США оказывают ежегодную экономическую помощь в размере 30–32 млн долларов [17, с. 1]. И это не полный перечень стран, в которых Вашингтон пытается построить демократию: в Армении, Туркменистане, Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане Белый дом поддерживает прозападные структуры через Агентство по международному развитию (USAID).

США максимально используют в «политике вовлечения» все средства и методы своей публичной дипломатии, «мягкой силы», начиная от международной агитации и пропаганды в масс-медиа до прямого финансирования «цветных революций» и установления в странах региона «демократических и либеральных» режимов. Например, по программам обмена будущими лидерами FLEX в США уезжают учиться ежегодно до 500 человек из Украины, Грузии, Молдовы, Азербайджана и Армении. Активно продвигается программа ЕС Erasmus+, по которой десятки тысяч студентов из бывших советских республик выезжают учиться в Европу, и многие другие культурные и научно-образовательные проекты США и ЕС.

Американская политика вовлечения, начатая сразу после распада СССР, продолжается до настоящего времени и принесла США за это время большое количество геополитических побед. Яркий пример — политический кризис на Украине 2013–2014 гг., в результате которого президент В. Янукович был вынужден покинуть свой пост. Вместо него к власти пришел сторонник интеграции с Западом П. Порошенко. Представитель Госдепартамента В. Нуланд публично заявила тогда, что «Вашингтон вложил 5 млрд долларов в построение на Украине демократии, соответствующей интересам Америки» [18]. Влияние «американской политики вовлечения» было настолько сильным, что России до сих не удалось вернуть под свое крыло утраченные Украину, Грузию и др. государства-соседи.

После государственного переворота на Украине в 2014 г. русофобская риторика Белого дома и Брюсселя усилилась. Мнимое «вмешательство» России в процесс демократизации своих ближайших соседей стало причиной начала введения санкций, которые продолжают до сих пор, и, видимо, эта практика прочно укоренилась в умах американских конгрессменов, принимающих все новые и новые санкционные пакеты. В том же 2014 г. был принят антироссийский закон «О предотвращении российской агрессии», недвусмысленно дающий понять, кто и в какой сфере влияния находится. В нем было сказано, что Грузия, Украина, Молдова и восточноевропейские

члены НАТО совместно с США будут противостоять российской агрессии. Но все же современная ситуация отличается от всего, что было раньше, тем, что наглость и эгоизм американского истеблишмента, его истерия по поводу недоказанной российской агрессии против Украины достигли своего апогея.

США официально отвергают сферы влияния и заявляют, что эпоха, когда мир был поделен между несколькими странами, ушла. Но на деле все 30 лет с момента распада СССР мы видели, как США и их европейские союзники нарушили все данные ими устные обязательства, стенограммы которых имеются в исторических архивах, о нерасширении НАТО ни на дюйм на восток. Российская Федерация все эти годы шла на уступки, предлагала решать проблемы путем переговоров, просила своих заокеанских коллег не подрывать стабильность и безопасность в мире, когда они выходили из договоров об ограничении систем ПРО в 2001 г., из ДРСМД в 2019 г. и договора по открытому небу в 2020 г. В конце 2021 г. МИД РФ подготовил и передал свои проекты договоров с НАТО и США по обеспечению своей национальной безопасности в условиях чрезмерного усиления присутствия инфраструктуры НАТО на границе с Россией.

Глава МИД РФ С.В. Лавров заявил, что «действия НАТО во главе с США на Украине однозначно показывают, что они рассматривают эту страну как зону своего влияния» [19], и что бы ни заявляло американское высшее руководство о недопустимости деления Европы на сферы влияния, российское правительство видит всю складывающуюся ситуацию комплексно и обмануть Россию или заболтать ее требования у Запада не выйдет. Всем очевидно, что Вашингтон уже зашел слишком далеко, реализовывая свою политику вовлечения и расширения на постсоветском пространстве, настолько далеко, что накачивает оружием и подстрекает Украину к началу активных боевых действий на Донбассе, где проживает уже более 600 тыс. российских граждан [20], а это чревато началом настоящего военного конфликта в Европе.

К большому сожалению, умы американских сенаторов и политиков окутала пелена антироссийской истерии настолько, что даже разумные и обоснованные призывы президента РФ В. Путина о даче юридически обязывающих гарантий России в вопросе обеспечения ее национальной безопасности пытаются заболтать, внося в информационное пространство мировых СМИ и собственных стран по-настоящему лживую информацию, фактически дезинформируя свое население, не показывая им реального положения дел.

Таким образом, очевидно, что с 1990-х гг. геополитическая ситуация в российско-евроазиатском регионе коренным образом изменилась. США объявили этот регион сферой своих интересов и активно продвигают свою повестку в странах, попавших под их влияние. Американская «политика вов-

лечения» за почти 30 лет после распада СССР вытянула из-под «крыла» России Прибалтику, Украину, Грузию, Молдову, страны бывшего Варшавского договора и продолжает «вовлекать» в свою орбиту влияния страны Кавказа и Центральной Азии. России удалось, несмотря на это, создать интеграционное ядро вокруг себя в виде СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕАЭС, ШОС и Союзного государства, сохранив тем самым в своей зоне интересов те страны, которые этого хотели. Вследствие слабости отечественной политики в 1990-х гг. по объективным причинам Россия упустила время и возможности, необходимые для того, чтобы прервать процессы «американизации» в бывших союзных республиках.

Можно резюмировать, что результат недоработки стратегии внешней политики России после 1991 г. и умелого использования США своей политики вовлечения на постсоветском пространстве говорит об успехах Белого дома в цели «продвижения демократии». Складывающаяся ситуация вызывает в Москве тревогу, и в Кремле дают понять, что намерены изменить положение дел. Россия продолжит добиваться от Запада ответов на ее требования о безопасности, которые представляют для нее экзистенциальную значимость. Не подпустить НАТО еще ближе к себе, а еще лучше — заставить изменить границы альянса по состоянию на 1997 г. и установить буферную зону являются важнейшими стратегическими задачами РФ на данный момент.

Библиография

1. Богатуров А.Д. История международных отношений. 1945–2008 // М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 386.
2. Богатуров А.Д. Глобальные аспекты «цивилизационного» влияния США в XXI в. // Мир. эк. и межд. отношения. 2007. № 9. С. 119.
3. Структура ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: <https://odkb-csto.org/structure/>. — 29.10.2021.
4. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка // М.: Экономика, 2007. С. 653–654.
5. Политика США в СНГ // Россия и Америка в XXI веке / Под ред. С.М. Рогова, С.Н. Бабич и др. Выпуск № 3. 2015. С. 3, 9.
6. Белашенко Д.А. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 87.
7. Богатуров А.Д. «Стратегия перемальвания» во внешней политике США // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 359.
8. Хотькова Е.С. Эволюция отношений США со странами Центральной и Восточной Европы // Проблемы национальной стратегии. № 4. 2015. С. 15.
9. Нье J. Soft Power. Foreign Policy. № 80. 1990, p. 167.

10. Фролов В. Демократия: дистанционное управление. № 4. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/demokratiya-distanczionnoe-upravlenie/>. — 04.02.2022.
11. Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект-Пресс, 2017. С. 314.
12. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Мюнхен. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>. — 01.02.2022.
13. Пономарев В.А. Политика США по продвижению демократии на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. Выпуск 7. 2020. С. 5.
14. Лавров рассказал об инициативе ЕС, направленной на отрыв от России соседних стран. Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/688394>. — 04.02.2022.
15. Давыдов А.А. «Продвижение демократии» во внешней политике США в начале XXI в. диссер. на соиск. к. п. н. М., 2019. С. 57.
16. Запад удваивает ресурсы «мягкой силы» на постсоветском пространстве. Евразия. Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/zapad-udvaivaet-usiliya-myagkoj-sily-na-postsovetskom-prostranstve/>. — 05.02.2022.
17. United States Department of States. Office of the Coordinator of U.S. Assistance to Europe and Eurasia. Foreign Assistance Fact Sheet. June, 2014. Moldova, p. 1.
18. Госдеп: США вложили \$5 млрд в «поддержку демократии» на Украине [Электронный ресурс]. РИА новости. URL: <https://ria.ru/20140422/1004886020.html> — 10.02.2022.
19. Лавров о сферах влияния. РИА новости [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/13492371> — 11.02.2022.
20. Более 600 тыс. жителей Донбасса получили паспорта РФ. Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/bole-600-tys-zhiteley-donbassa-poluchili-pasporta-rf> — 11.02.2022.

Демкин Илья Леонидович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, аспирантура

ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ США И ЛИВИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

THE EVOLUTION OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE UNITED STATES AND LIBYA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Аннотация. В работе автора рассматривается хронология изменения дипломатических отношений Соединенных Штатов и Ливии с момента восстановления политического диалога между ними в 2003 г. до устранения М. Каддафи в результате гражданской войны и западной интервенции. Описаны наиболее распространенные дипломатические инструменты (заявления политиков и дипломатов, введение и отмена санкций), которые используются как для развития отношений между государствами, так и для дестабилизации обстановки в стране и ее изоляции от мирового сообщества. Выявлена особенность использования дипломатических методов в период подготовки и проведения силовых операций против неугодных политических режимов для достижения собственных национальных интересов в регионе.

Ключевые слова: американо-ливийские отношения, дипломатия США, дипломатические отношения, «арабская весна».

Abstract. The author examines the chronology of changes in diplomatic relations between the United States and Libya from the restoration of political dialogue between them in 2003 to the removal of Gaddafi as a result of the civil war and Western intervention. The most common diplomatic tools (statements of politicians and diplomats, imposition and removal of sanctions), which are used both to develop relations between states and to destabilize the situation in the country and isolate it from the world community, are described. The article reveals the specifics of the use of diplomatic methods in the preparation and conduct of military operations against unwanted political regimes to achieve their own national interests in the region.

Keywords: U.S.-Libyan relations, U.S. diplomacy, diplomatic relations, Arab Spring.

В начале XXI в. трансформация системы миропорядка от однополярной системы к многополярной привела к росту геополитического противоборства ведущих мировых акторов (РФ, США, ЕС, КНР) за сферы влияния. К этим сферам в том числе относятся регионы, находящиеся далеко от гра-

ниц государств или групп государств, являющихся основными игроками на международной политической арене. В этих условиях арабский регион стал одним из наиболее нестабильных в мире. Страны Арабского Востока в целом и Ливия в частности, обладая значительными запасами углеводородов, традиционно являлись одним из важнейших направлений американской внешней политики [1, с. 6].

Наряду с другими инструментами внешней политики, в современных условиях дипломатия традиционно выступает основным средством достижения целей. Так, дипломатические отношения сыграли исключительно важную роль в американо-ливийском диалоге в начале XXI в. В работе автора рассматривается этап с марта 2003 г. до момента свержения и убийства ливийского лидера М. Каддафи в октябре 2011 г. В рамках работы начало периода обусловлено событиями, предшествующими восстановлению двусторонних дипломатических отношений, его конец — установлением отношений с новым постреволюционным руководством страны. Отметим, что характер дипломатических отношений США и Ливии варьировал от партнерского до враждебного, в зависимости от обстановки в регионе, на мировой арене, а также конкретных политических решений, принимаемых их лидерами.

Первым важным шагом на пути к нормализации отношений с Западом, по мнению автора, следует признать публичное принятие гражданской ответственности Ливией за взрыв американского авиалайнера над Локерби (Шотландия) в декабре 1988 г. Трагедия унесла жизни 270 человек, в причастности к ней обвинили двух граждан Ливии. Триполи разрешил их экстрадицию в апреле 1999 г., после чего предполагаемые преступники были переданы властям Великобритании и предстали перед судом. Один из обвиняемых, Абдельбасет Али Мохаммед аль-Меграхи, получил пожизненное заключение в Шотландии, второй ответчик был оправдан. В марте 2003 г. ливийскими дипломатами была достигнута договоренность с Великобританией о сумме и порядке выплат денежных компенсаций родственникам погибших в катастрофе. Так, 12 сентября 2003 г. представители США не стали препятствовать принятию резолюции Совета Безопасности ООН, приостанавливающей действие международных санкций в отношении Ливии [2]. Этим шагом Вашингтон одновременно поддержал своих союзников в Европе и, со своей стороны, создал предпосылки к восстановлению американо-ливийского диалога.

Декабрь 2003 г. был ознаменован заявлением Муаммара Каддафи о намерении отказаться от разработки оружия массового поражения. Примечательно, что этому событию предшествовал перехват германского судна, которое вошло в Средиземное море после прохождения Суэцкого канала.

На борту находилось оборудование для обогащения урана, предназначенное для Ливии. Инцидент с задержанием груза ставил Ливию в затруднительное положение, ведь страна неоднократно опровергала разработку ОМП. Усугубляло ситуацию и то, что предлогом для начала войны в Ираке в марте 2002 г. послужили именно утверждения о реализации Багдадом программ разработки ОМП. Вероятно, именно возможность повторения такого сценария в Ливии послужила причиной столь внезапного демарша ливийского лидера. В страну была допущена группа американских инспекторов, представлявших МАГАТЭ. Целью инспекции было убедиться в искренности намерений Триполи, путем фиксации конкретных шагов по свертыванию программ на объектах, связанных с разработкой ОМП [3].

Официальная реакция мирового сообщества, и прежде всего Вашингтона, на первые уступки со стороны М. Каддафи была положительной. Так, британский премьер-министр Тони Блэр в интервью ВВС приветствовал решение об отказе Ливии от ОМП и назвал его «историческим и мужественным». Американский президент Джордж Буш, комментируя решение Каддафи, заявил, что «лидеры, которые отказываются от разработки биологического, химического и ядерного оружия и средств их доставки, открывают своим странам путь к улучшению отношений с США и другими странами» [4].

Таким образом, эти шаги ливийского лидера положили начало нормализации американо-ливийских отношений, а также реинтеграции Джамахирии, долгое время находившейся в изоляции, в мировое сообщество. Подтверждением тому служит тот факт, что уже в апреле 2004 г. Белый дом анонсировал частичное снятие санкций, введенных Вашингтоном после разрыва двусторонних отношений в 1981 г. В ответ на этот поощрительный шаг Абдель Рахман Шальгам, на тот момент глава внешнеполитического ведомства Ливии, заявил, что «смягчение режима санкций сняло все препятствия на пути экспорта ливийской нефти в США» [5].

Очевидно, что развитие партнерства между Соединенными Штатами и Ливией было обоюдовыгодным. Прежде всего, это давало возможность американским нефтяным компаниям заключать многомиллиардные контракты на разработку и добычу углеводородов в стране. Джамахирия, в свою очередь, привлекала крупные инвестиции в свою экономику.

Прямые дипломатические отношения между странами были восстановлены вместе с открытием американского бюро по связям в Триполи 28 июня 2004 г. С момента закрытия посольства США в 1981 г. их интересы в стране на протяжении 24 лет представляла Бельгия. А в мае 2006 г. партнеры взаимно повысили уровень дипломатического присутствия до посольств. В том же году Государственный департамент принял решение об отмене при-

знания Ливии государством — спонсором терроризма. Вашингтон последовательно ослаблял экономические санкции в отношении Ливии вплоть до 2008 г. Тогда же, в октябре 2008 г. стороны подписали двустороннее Соглашение о сотрудничестве в области науки и технологий.

В целом события указанного периода позволяют отследить исключительно положительную динамику развития дипломатических отношений Ливии и США в политической, экономической и культурной сферах. Важнейшим условием для этого, по мнению автора, стали отказ М. Каддафи от разработки ОМП, готовность к сотрудничеству в нефтяной отрасли, а также выплата денежных компенсаций жертвам катастроф, в причастности к которым обвиняли Джамахирию.

Приход к власти в США новой администрации во главе с Б. Обамой, а также начало мирового финансово-экономического кризиса обусловили новые тенденции в отношениях двух стран. Так, в августе 2009 г. Государственный департамент выступил с критикой по отношению к выдаче Великобританией ливийского гражданина Абдельбасета Али Мохаммеда аль-Меграхи, отбывавшего наказание по делу о взрыве американского авиалайнера над Локерби в 1988 г. 20 августа 2009 г., в преддверии празднования 40-летия образования Великой Социалистической Ливийской Народной Арабской Джамахирии, ливийской стороной была организована торжественная встреча соотечественника. Примечательным является тот факт, что Каддафи пошел на этот шаг, несмотря на предупреждение американского сенатора Дж. Либермана, посетившего Триполи в составе делегации Государственного департамента неделей ранее. В своем обращении к ливийскому лидеру конгрессмен акцентировал внимание на том, что освобождение аль-Меграхи может осложнить отношения между их странами [6]. Вероятно, американская сторона видела в освобождении ливийца опасный прецедент, не исключая дальнейшие освобождения преступников, отбывающих наказания за массовые убийства и организацию терактов.

Особого внимания заслуживает знаменитая речь Каддафи, которую он произнес 23 сентября 2009 г. с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Ливийский лидер обрушился с критикой в адрес США и всего Запада, обвинив их в развязывании региональных конфликтов на Ближнем Востоке для достижения собственных целей. Он в резкой форме заявил о том, что ООН не способна в полной мере выполнять свою основную функцию, а именно — способствовать поддержанию мира и решать возникающие споры без применения военной силы. Кроме того, полковник демонстративно разорвал Устав Организации Объединенных Наций и более чем на час превысил время выступления, определенное регламентом. Подобная непредсказуемость в поведении и поступках со стороны ливийского лидера, вероятно, уже тогда

ставила под сомнение возможность выстраивания планомерного и прагматичного диалога между США и Ливией в долгосрочной перспективе.

Начало мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. повысило спрос на энергоносители, в первую очередь на нефть. В связи с этим экономические факторы в международных отношениях стали играть еще более важную роль. Торгово-экономические связи во многом определяли архитектуру отношений между экспортерами и импортерами углеводородов. В этих условиях М. Каддафи, занимая в то время должность главы Африканского союза, выступил с предложением о переходе стран Африки на золотой динар в качестве основной валюты. Идея лидера заключалась в том, чтобы уйти от торговли нефтью и другими ресурсами за доллары и евро за счет перехода на динары. Такой шаг позволил бы странам иметь большую независимость от изменчивого курса валют в условиях продолжающегося кризиса. Кроме того, тем самым африканские экспортеры получали возможность принимать участие в образовании цен на энергоносители. Отметим, что национальный банк Ливии в то время находился под полным контролем правительства, что делало его менее зависимым от внешних факторов [7].

Подобная инициатива со стороны Ливии, предполагающая к тому же распространение на весь Африканский континент, со странами которого США имели тесные экономические связи, в корне не устраивала Вашингтон. Торговля за доллары, которые могут быть изготовлены в любых количествах, вполне отвечала интересам Соединенных Штатов. Вероятно, возможность изменения такого порядка послужила одной из основных причин стремительного изменения американского внешнеполитического курса по отношению к Ливии, вследствие чего изменился также характер двусторонних дипломатических отношений [8].

Так, уже в январе 2010 г. Соединенные Штаты наряду с Ираном, Кубой, Сирией и Суданом внесли Джамахирию в список стран, граждане которой должны быть подвергнуты обязательному досмотру в аэропортах при следовании в США. Мера касалась как граждан Ливии, так и лиц, следовавших транзитом через эту страну.

Далее последовали события, оказавшие прямое влияние на ливийский вектор американской внешней политики, которые широко известны как «арабская весна». Спусковым крючком для начала волнений в арабском мире принято считать акт самосожжения тунисца М. Буазизи 17 декабря 2010 г. Протесты вспыхнули в ряде стран региона, не обойдя стороной и Ливию. Восток страны, который традиционно считался менее благополучным по сравнению с западной частью, стал стартовой площадкой для формирования организованной оппозиции правящему режиму и начала протестного движения, переросшего позже в вооруженное выступление с

захватом обширных территорий. За обстановкой в Джамахирии наблюдали ведущие мировые державы, большинство из которых были связаны с ней многомиллионными экономическими контрактами.

Особый интерес вызывают дальнейшие дипломатические шаги США, направленные против легитимной власти. Понимая важность Ливии как сферы влияния, они предпочли поддержать оппозицию, которая после свержения Каддафи при официальной поддержке евроатлантического сообщества могла бы сформировать ядро легитимной политической власти. Очевидно, что такой исход событий соответствовал интересам Соединенных Штатов в регионе.

Так, уже в начальный период выступления ливийских повстанцев Х. Клинтон в одном из своих выступлений заявила о том, что ее страна готова оказывать любую помощь протестующим [9]. США активно выступали за принятие резолюции СБ ООН № 1970, введившей запрет на поставки вооружений в Ливию, а также предусматривающей заморозку зарубежных счетов М. Каддафи и членов его семьи. Изображая М. Каддафи как кровавого диктатора в подконтрольных им американских, европейских и арабских СМИ, США в это время уже разрабатывали проект резолюции Совета Безопасности ООН по установлению бесполетной зоны над Ливией. Одновременно с этим велись переговоры с представителями стран, которые являются постоянными членами Совета, с целью убедить их не использовать свое законное право вето. Так, например, ливийская повестка была затронута в ходе визита вице-президента США Дж. Байдена в Москву 10 марта 2011 г. [10].

Итогом дипломатических устремлений Соединенных Штатов стало принятие Резолюции СБ ООН № 1973 от 17 марта 2011 г., санкционировавшей внешнее военное вмешательство в Ливию [11]. Важно отметить, что именно интервенция послужила причиной скорого падения режима М. Каддафи. Примечательно, что Б. Обама принял решение о проведении военной операции, несмотря на острую критику и протесты ряда сенаторов как от республиканской партии, так и от демократов [12, с. 28].

В результате вмешательства США и их союзников власть над большей частью территории получил Переходный национальный совет. В августе 2012 г. он передал полномочия Всеобщему национальному конгрессу, который был избран на всеобщих парламентских выборах. Однако даже поддержка новых легитимных органов власти мировым, и прежде всего западным, сообществом не привела к стабильности в Ливии. С момента убийства М. Каддафи систематически происходят вооруженные столкновения разных масштабов: от локальных стычек до полномасштабных боевых действий.

Подводя итог, отметим исключительно важную роль американской дипломатии в отношениях с Ливией в течение рассмотренного периода. В

период администрации Дж. Буша — младшего приемлемые для США шаги ливийского лидера поддерживались снятием санкций, развитием дипломатических отношений, подписанием двусторонних соглашений. Однако Соединенные Штаты не упустили возможность использовать деструктивные меры в тот момент, когда были созданы предпосылки для свержения неугодного политического лидера и поддержки нового проамериканского режима.

Библиография

1. *Оганисян Л.Д.* Политика США и ЕС на Арабском Востоке в условиях процессов политической трансформации в странах региона в 2011–2016 гг. (на примере Туниса, Египта и Ливии): Автореф. дис. канд. пол. наук: 2019 / Л.Д. Оганисян. М., 2019. 262 с.
2. *Юрченко В.П.* О снятии с Ливии международных санкций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3011> — 15.02.2022.
3. *Куделев В.В.* Ситуация вокруг Ливии: Барометр показывает переменную [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3129> — 09.02.2022.
4. Сайт BBC [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3336000/3336055.stm — 17.02.2022.
5. *Куделев В.В.* О ситуации вокруг Ливии / март-апрель 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3185> — 11.02.2022.
6. *Куделев В.В.* Ситуация в Ливии: август 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9287> 14.02.2022.
7. Saving the World Economy from Gaddafi // Russia Today. 2011. May 5. URL: <https://www.rt.com/news/economy-oil-gold-libya/> — 20.02.2022.
8. *Емузова Э.А.* «Золотая инициатива» М. Каддафи как вызов новому мировому порядку // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zolotaya-initsiativa-m-kaddafi-kak-vyzov-novomu-mirovomu-poryadku> — 21.02.2022.
9. *Быстров А.А.* Ливия: перспективы военной интервенции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12229> — 14.02.2022.
10. Сайт LENTA.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2011/03/11/biden/> — 16.02.2022.
11. Совет безопасности ООН (СБ ООН). Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 г. (S/RES/1973) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973\(2011\)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1973(2011)&referer=http://www.un.org/en/sc/documents/resolutions/2011.shtml&Lang=R) — 19.02.2022.
12. *Батюк В.И.* Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / В.И. Батюк. М.: Весь Мир, 2017. 328 с.

Заикина Варвара Михайловна

СГУ имени Н.Г. Чернышевского,
Институт истории и международных отношений, бакалавриат

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ООН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

CURRENT US POLICY TOWARDS THE UN AND ITS IMPACT ON INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация. В статье исследуется современная политика США в отношении ООН и ее влияние на существующую систему международных отношений. Автор пытается проследить, как участие США в многосторонних институтах власти в зависимости от того или иного президента и его партийной принадлежности влияет на современный мировой порядок. Делается вывод, что действия американского руководства, особенно при Д. Трампе, не раз препятствовали функционированию структур ООН и ослабляли авторитет самих США. По мнению автора, пока США все еще могут в значительной степени определять правила современной системы международных отношений, им необходимо сотрудничество с ООН.

Ключевые слова: США, ООН, Обама, Трамп, национальные интересы, многосторонняя дипломатия.

Abstract. The article examines the current US policy towards the UN and its impact on the existing system of international relations. The author tries to trace how the participation of the United States in multilateral institutions of power, depending on the particular president and his party affiliation, affects the modern world order. It is concluded that the actions of the American leadership, especially under D. Trump, more than once hindered the functioning of the UN structures and weakened the authority of the United States itself. In the author's opinion, while the United States can still largely determine the rules of the modern system of international relations, they need cooperation with the UN.

Keywords: the USA, the UN, Obama, Trump, national interests, multilateral diplomacy.

Многосторонние институты коллективного управления, к которым относится Организация Объединенных Наций (ООН), являются активными участниками современных мировых процессов. ООН и ее структуры призваны налаживать сотрудничество между государствами, обеспечивать безопасность в мире и играть активную роль в решении международных проблем.

В то же время, несмотря на то что ООН должна быть беспристрастным игроком на международной арене, отдельные государства могут напрямую влиять на ее политику, и США — яркий тому пример. Государство было лидером в создании ООН и сыграло важную роль в формировании многосторонней международной системы в ее нынешнем виде. Роль США в ООН часто вызывает споры и критику. После окончания холодной войны политика США в отношении универсальной организации постоянно менялась — от фактического игнорирования решений ООН до активного участия в ее деятельности.

Если, например, Б. Клинтон планировал активно использовать структуры организации для защиты прав человека, распространения демократии, разрешения конфликтов, что предполагало активное участие США в деятельности ООН и межгосударственном взаимодействии, то уже следующий президент Дж. Буш — младший прибегал к применению односторонних мер. Предполагалось, что именно США должны подталкивать мир в нужном им направлении. Например, события 2001 г., по мнению Дж. Буша — младшего, случились по вине предыдущих американских администраций, которые связали США международными обязательствами и не смогли обеспечить должный уровень национальной безопасности. Безусловно, это не могло не отразиться на мировом имидже ООН.

Можно наблюдать, что США, в зависимости от того, находятся у власти республиканцы или демократы, используют методы достижения внешнеполитических целей, характерные для той или иной партии, что напрямую влияет на мировые процессы. На современном этапе подобные расхождения во внешней политике США, отразившиеся на работе ООН, проявились в периоды пребывания у власти Б. Обамы и Д. Трампа.

Так, ключевой идеей президентства Барака Обамы был тезис «Многосторонность регулирует высокомерие» [1]. Это означало, что американский лидер будет использовать институты многосторонней дипломатии для сохранения существующего либерального порядка, а разделение лидерства с другими странами (в первую очередь, со своими тихоокеанскими партнерами) станет способом сдерживания неконтролируемых порывов Америки. Поэтому во время президентства Б. Обамы США вместе со своими союзниками стремились задавать основные направления развития мировой экономики и продвигать интересы глобализации [2].

Эти цели, которыми демократическая партия руководствуется в своей политике, легче всего осуществить через международные структуры и военно-политические альянсы. По данной причине Б. Обама и его администрация, несмотря на все недостатки ООН, видели в этой организации пользу продвижения своих национальных интересов [3, с. 96]. США часто удава-

лось продвигать свою позицию в ООН по тем вопросам, где им требовалась международная поддержка (например, проблема терроризма, нераспространения ядерного оружия), и таким образом получать наибольшие выгоды от существующего миропорядка.

Показательным является решение Б. Обамы в октябре 2015 г. о направлении в Сирию военных инструкторов, которое не только позволило боевому подразделению США находиться на территории этого государства, но и публично противодействовать операциям российских ВКС, хотя многие исследователи расценили данный шаг как игнорирование Совета Безопасности ООН. При этом стоит отметить, что похожие действия, которые были попытками вольно интерпретировать решения ООН, в 1990-е гг. осуществлял также демократ Б. Клинтон (несмотря в целом на его положительное отношение к ООН как международному институту) — это американские бомбардировки в Боснии или блокада Гаити [4, с. 80].

Долгое время США, особенно в период президентства республиканца Дж. Буша — младшего, подвергались критике за то, что они использовали унилатералистские подходы во внешней политике. Прежде всего, это касается вторжения в Ирак без одобрения ООН и открытого игнорирования роли ООН в санкционировании применения военной силы. В Вашингтоне заявляли о том, что международные институты не должны ограничивать свободу действий США [5, с. 71], поэтому роль ООН нередко обесценивалась.

Приход к власти демократов и администрации 44-го президента Б. Обамы должен был вернуть государству утраченные позиции. Он неоднократно заявлял, что система международных отношений должна основываться на «четких правилах и обязанностях для всех» [6, р. 135]. Это значит, что, если ООН не в состоянии действовать эффективно в условиях гуманитарных кризисов, терпение его администрации не продлится вечно. Призывы к соблюдению правил и восстановлению многосторонности, как описано выше, были направлены на получение максимальной международной поддержки действий США в различных областях. Несмотря на то что американский лидер не отказывался от возможности применения военной силы, как, например, было заявлено в его обращении к Генассамблее ООН в 2013 г. [7], ценности многосторонней дипломатии США во многом были реабилитированы. Одно из доказательств — подписание Парижского соглашения по климату 12 декабря 2015 г.

При этом Б. Обама отрицал, что эти правила, на которых основаны многосторонние институты, являются инструментом американского империализма, — они необходимы, прежде всего, для борьбы с терроризмом и диктаторами [8, р. 357]. В этом вопросе США, как единственной сверхдержаве с

огромными возможностями, отводится ведущая роль в наведении порядка и процветания в мировой системе. Здесь также четко прослеживаются мессианские мотивы, характерные практически для всех американских президентов.

Как представитель демократической партии, Б. Обама возложил на США роль лидера международных отношений, подчиняющегося международному праву. В отличие от республиканцев, пользующихся рыночными механизмами для достижения своих целей, Б. Обама говорил, что «мы с упорством, достойным лучшего применения, отказываемся применять рыночные принципы для решения насущных проблем общества» [8, р. 350]. Военная и экономическая мощь США оставалась значимым фактором мировой политики, но ООН стала одним из инструментов, который мог сдерживать использование этой мощи. Для достижения внешнеполитических целей Б. Обама был вынужден согласовывать свои решения со своими союзниками в рамках ООН, и сам факт этих дискуссий уже говорил об отходе от стратегии односторонности. Такой подход позволил снять с США часть бремени от ведения военных кампаний, например, на Ближнем Востоке.

Таким образом, положение США во время нахождения у власти демократов некоторые исследователи обозначают «панглобализмом» [9, с. 37], где сохранение лидирующего положения государства и распространение своего влияния посредством активного участия в работе международных организаций и усиления процессов глобализации были одними из главных целей его внешней политики.

Приход к власти республиканцев в лице 45-го президента Д. Трампа изменил отношение США к многосторонним институтам коллективного управления. Его лозунг «Америка превыше всего» [10], выдвинутый еще в предвыборной речи, продемонстрировал, что отныне целью американского внешнеполитического курса будет не сохранение лидирующего положения в сложившейся системе миропорядка, а обеспечение собственных национальных интересов государства.

Поэтому был сделан упор на заключение двусторонних деловых отношений и предпринимались попытки выхода из тех многосторонних соглашений, которые, по мнению Д. Трампа, препятствуют свободе действий Вашингтона. ООН, в свою очередь, подверглась серьезной критике из-за неэффективности ее функционирования, а также неподконтрольности интересам США, хотя они являются ее основными спонсорами. При этом президент неоднократно заявлял о намерении сократить финансирование международной организации и необходимости провести реформы.

Прежде всего, его действия по реформированию организации связаны с тем, что США, по мнению президента, несут несправедливое и непропорци-

онально тяжелое бремя финансирования ООН. К примеру, на 2016–2018 гг. ставка взноса Америки, занимающей 1-е место в «десятке» основных плательщиков в регулярный бюджет организации, составила 22% [11]. В связи с этим Трамп уже в 2017 г. был намерен сократить финансирование целого ряда учреждений ООН.

Учитывая данные факторы, мы можем прийти к выводу, что ООН испытывала давление со стороны администрации Д. Трампа. США вышли из ЮНЕСКО, Совета по правам человека, Парижского соглашения 2015 г. (что было достижением администрации Б. Обамы), а в мае 2020 г. Д. Трамп объявил о разрыве отношений с ВОЗ и приостановлении ее финансирования ввиду невыполнения ультиматума США о реформировании данной организации. Эти действия подверглись критике со стороны международного сообщества, которое указало на необходимость объединения усилий во время пандемии коронавируса.

При Д. Трампе США, вероятно, отказались от своей ведущей роли в международном праве и международных институтах. Остается лишь наблюдать, останется ли так называемый консервативный трампизм мощной политической силой, определяющей отношение республиканцев к внешней политике, на долгие годы вперед. Тем не менее политика Д. Трампа отражала усталость значительной части американской общественности от того, что они считали бременем международного участия, а с учетом процессов глобализации, и потери контроля над мировыми процессами [12, р. 35]. Его подход также напоминает изоляционизм и представления об американской традиции исключительности XIX и начала XX в. Отрицая какие-либо механизмы, препятствующие свободе действий, 45-й президент, вероятно, не собирался мириться с тем, что ООН, получающая большие средства из бюджета США, зачастую придерживается нейтральной позиции и остается вне контроля американского влияния.

США также беспокоило усиление роли Китая в мировой экономике, что способствовало обострению американо-китайских торговой и валютной войн. Китай обвинялся в искусственной девальвации курса национальной валюты для расширения экспортной экспансии в интересах китайских производителей. Аналогичные претензии к США предъявлял и Китай. Эти межгосударственные противоречия вылились и в противостояние в структурах ООН. Например, США в лице республиканцев неоднократно пытались сохранить контроль над деятельностью МВФ как специализированного учреждения ООН, используя различные инструменты. Так, при Б. Обаме в 2010–2014 гг. республиканцы в американском Конгрессе затягивали ратификацию 14-го пересмотра квот развивающихся стран в рамках фонда, что осложнило решение проблемы по необходимой реформе МВФ [13, с. 287].

Стоит заметить, что Д. Трамп намеренно избегал обсуждения реформирования Совета Безопасности, так как этот орган выступает, по мнению президента, ключом к обеспечению национальной безопасности США. Д. Трампа вполне устраивало то положение, которое США заняли в данном органе после Второй мировой войны. Включение же в постоянный состав Совета Безопасности таких стран, как, например, Индия, Германия, Япония, и предоставление им права вето препятствовало бы принятию выгодных для США решений. Несмотря на то что расширение состава данного органа всемирной организации не поддерживают не только США, но и Россия и Китай, американский проект реформ всемирной организации был расценен двумя другими державами как попытка перехода к однополярному мироустройству во главе с США, а потому и не был поддержан.

Сегодня мы можем сказать, что Д. Трамп значительно превзошел своих предшественников в отрицании многосторонности, что, очевидно, впервые в современной истории поставило под угрозу существующую модель глобализации и либеральный порядок в целом. Вероятно, это были попытки сделать всемирную организацию инструментом проведения той внешней политики, которая непосредственно отвечала бы интересам США. К тому же вполне возможно, что американский лидер стремился отвлечь внимание от внутривнутриполитических проблем на фоне пандемии коронавируса и улучшить свой имидж на международной арене. Этот сдвиг в глобальной ориентации США имел серьезные последствия для глобального сотрудничества в рамках ООН по многим вопросам — от здравоохранения и изменения климата до прав человека. Но действия Д. Трампа одновременно продемонстрировали неприспособленность структур ООН к меняющимся реалиям и вновь поставили на повестку дня идею о необходимости реформирования многосторонних институтов.

С другой стороны, администрация Д. Трампа не смогла полностью отказаться от участия в работе многосторонних институтов управления, что, вероятно, ожидалось после его предвыборных речей. Бюджетные взносы были сокращены, но ООН продолжает работать. Большой вклад в это внесла Никки Хейли, бывший Постоянный представитель США при ООН, к тому же и сам Генеральный секретарь Гутерриш поставил своим личным приоритетом предотвращение разрыва между США и ООН.

Таким образом, до 2016 г. многосторонняя архитектура рассматривалась Соединенными Штатами как продвижение их власти и геостратегических интересов. С 2017 г. внешняя политика США стала более изменчивой, с большим упором на суверенитет и меньшим упором на альянсы и союзников [14, р. 5]. ООН для Д. Трампа — ограничивающий, а не продвигающий национальные интересы США элемент внешней политики. В его представлении

международная система стала основываться на силе, с конкуренцией между государствами. Нередко взгляды и представления США на происходящую трансформацию мира нарушали принципы и саму суть международной организации, которая должна работать в интересах всех ее государств-членов. Выход США из многосторонних институтов ООН рискует ослабить систему международных отношений, которая сама же вывела Америку в лидеры по установлению правил и предоставила ей важные возможности в регулировании миропорядка. Стремление реализовать свои амбиции в обход ООН также осложняет межгосударственное взаимодействие и может вызвать новые противоречия.

Однако внешняя и многосторонняя политика США также меняется в ответ на долгосрочные внутренние и геополитические сдвиги. Администрация Д. Трампа ускорила, но не создала ощущение, что действующая международная система не всегда отвечает интересам США [15, р. 61]. В то же время геополитический отход США от многосторонности и ООН при администрации Трампа расширял пространство для других держав, особенно Китая. Многие государства — члены ООН отдалились от Вашингтона в сторону Пекина в условиях формирующегося «мира G2» — один полюс (США) постепенно ослаблял свое влияние, а другой (Китай) становился более напористым.

По данным причинам исход президентских выборов 2020 г. имел решающее значение при определении того, является ли этот сдвиг в мировоззрении США при администрации Трампа четырехлетним отклонением от внешней политики США или новой нормой для нее.

В целом подход 46-го президента-демократа Дж. Байдена перекликается с подходом администрации Обамы в отношении ООН и мультилатерализма. На Дж. Байдена, как и в свое время на Б. Обаму, возлагаются ожидания по возрождению американской многосторонности. Предполагается продвижение американских ценностей и интересов в рамках восстановления международного порядка, основанного на правилах. Однако эти правила, ставшие результатом поствоенной архитектуры, еще не адаптированы к появлению новых великих держав (особенно Китая) и новым угрозам (например, климатические изменения и искусственный интеллект). Внутри страны на способность новой администрации быть многосторонним лидером может повлиять продолжающаяся политическая поляризация, и общественность США, как было сказано выше, за многие годы устала от международных обязательств.

Власть США, особенно в период окончания периода однополярности, усиливается при взаимодействии с другими государствами и многосторонними институтами. Так, государственный секретарь США Э. Блинкен в мае

2021 г. заявил: «Наша цель — просто защищать, поддерживать и возрождать основанный на правилах мировой порядок» [16]. Чтобы ответить на вызовы, связанные с появлением новых держав, США нужно будет больше инвестировать в работу в системе ООН, пока они вместе с союзниками все еще могут в значительной степени формировать правила современной системы международных отношений. США по-прежнему нуждаются в ООН, как и ООН по-прежнему нуждается в США как в своем спонсоре и сильном лидере, и эти взаимоотношения, как никогда, становятся фактором, который может повлиять на перестройку современного миропорядка.

Администрация каждого президента США, независимо от того, республиканцы в ней преобладают или демократы, взаимодействует, финансирует и участвует в работе ООН с самого момента основания организации. Даже если Белый дом и в дальнейшем не будет финансировать структуры ООН, то экономия для американского бюджета будет минимальной. Следовательно, это не особо выгодно для налогоплательщиков США, но репутация страны и авторитет президента существенно страдает, как это показало президентство Д. Трампа. Но в том или ином случае, каким бы ни был внешнеполитический вектор США, ООН остается частью американского дипломатического инструментария, так как она может предоставить США легитимные способы убеждения других государств по нужной им повестке.

Библиография

1. 2016 The Obama Doctrine. The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> — 15.02.2022.
2. 2016 President Obama: The TPP would let America, not China, lead the way on global trade. The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpp-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html — 15.02.2022.
3. Приходько О.В., Смирнов П.Е. Президентство Д. Трампа: новизна и преемственность в американской стратегии // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 6 (63). С. 81–109.
4. Белевцева С.Н. Силовое продвижение американской демократии в регионы мира в период первого президентского срока Билла Клинтона // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 3 (47). С. 68–82.
5. Запарий Ю.В. Соединенные Штаты Америки, ООН и проблемы международной безопасности на рубеже веков // Уральский вестник международных исследований. 2005. № 4. С. 68–74.
6. US Presidential Doctrines Handbook — Volume 1 President Barack Obama Doctrine — Strategic Information and Materials Paperback — January 11, 2017, 300 p.
7. 2013 Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. Obamawhitehouse.archives.gov. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the>

press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly — 16.02.2022.

8. *Barack O.* The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream. New York: Crown / Three Rivers Press. 2006, 375 p.
9. *Антонович И.И.* Геополитическая стратегия Дональда Трампа: от панглобализма к националглобализму // *Пространство и Время*. 2017. № 1 (27). С. 34–44.
10. 2017 Donald Trump inauguration speech transcript. POLITICO. URL: <https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907> — 16.02.2022.
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/245 «Шкала взносов для распределения расходов Организации Объединенных Наций» от 23 декабря 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/245> — 17.02.2022.
12. *Charles E. Morrison.* Tradition, Trump, and the Future of US Participation in Multilateralism // *Multilateralism in a Changing World Order*. 2018, pp. 27–39.
13. *Чувахина Л.Г.* Международный валютный фонд как инструмент политики США // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2014. № 4–1. С. 281–289.
14. *Whineray D.* The United States' Current and Future Relationship with the United Nations. New York: United Nations University. 2020, 17 p.
15. *Pauwels E.* The New Geopolitics of Converging Risks: The UN and Prevention in the Era of AI. United Nations University Centre for Policy Research. 2019, 83 p.
16. Secretary Antony J. Blinken Virtual Remarks at the UN Security Council Open Debate on Multilateralism. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-virtual-remarks-at-the-un-security-council-open-debate-on-multilateralism/> — 17.02.2022.

СЕКЦИЯ «ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Агафонов Даниил Иванович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

«СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ»: ПРОБЛЕМЫ И СТАНОВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЕВРОСОЮЗА

“RESILIENCE”: PROBLEMS AND EMERGENCE IN THE FOREIGN POLICY DISCOURSE OF THE EUROPEAN UNION

Аннотация. В рамках данной статьи на основании широкого круга источников будут представлены история появления и становления «стрессоустойчивости» в европейской дипломатии, особенности и принципы ее практического применения и ключевые проблемы, с которыми сталкивается Евросоюз при экстраполяции данной концепции на свою внешнюю политику.

Ключевые слова: «стрессоустойчивость», демократизация, «мягкая сила», нормативная сила, Евросоюз.

Abstract. This article, based on the basis of a wide range of sources, presents the emergence's history of “resilience” in European diplomacy, key features and principles of its practical implementation, the main problems the European Union faces in extrapolating this concept to its foreign policy.

Keywords: “resilience”, democratization, soft power, normative power, the European Union.

Любая функционирующая система рано или поздно сталкивается с кризисами, угрожающими ее существованию. Способность системы отвечать на внешние и внутренние вызовы является базисом ее субъектности, основой ее жизнедеятельности. Неспособность формирования релевантного ответа, невозможность «гибкого» реагирования на экзистенциальные угрозы, как правило, ведут к прекращению функционирования системы, к ее исчезновению. Именно XXI столетие стало временем появления наиболее серьезных

вызовов, периодом возникновения крайне острых противоречий, угрожающих самой идее европейского единства. В подобных условиях реакция и действия Брюсселя становятся краеугольным камнем будущего развития самого результативного проекта наднациональной интеграции в международных отношениях.

Понятие и научный дискурс «стрессоустойчивости»

Категория «стрессоустойчивость», в английском переводе — “resilience”, будучи впервые введенной в дискурс далеко за пределами политических наук, ныне пользуется особой популярностью на страницах научных общественно-политических исследований. Концептуальные рамки стрессоустойчивости впервые были очерчены в статье канадского эколога Кроуфорда Холлинга в 1973 г. Тогда стрессоустойчивость была определена как «мера стойкости систем и их способности поглощать изменения и колебания и при этом сохранять прежние отношения между популяциями или переменными состояниями» [1, с. 136].

Несмотря на то что использование «стрессоустойчивости» уже наблюдалось в экологии, психологии, социальной работе, инженерии и других науках задолго до ее включения в дискурс политических наук, сегодня термин используется для анализа широкого спектра событий и явлений, которые имеют международное политическое значение [2, с. 11–12]. Отличительными чертами стрессоустойчивости в политических науках являются: 1) имманентность; 2) исключительно аналитический (объективный) характер категории без нормативных коннотаций; 3) включенность как вызовов, так и ресурсов их решения в саму систему; 4) многоуровневость системы, взаимодействие или противоречие уровней при реализации стрессоустойчивости [3, с. 8–10]. С постепенным распространением категории по различным наукам происходит встраивание основ и ресурсов стрессоустойчивости в политические практики. Как правило, стрессоустойчивость на уровне государственной политики неизбежно оказывается связана с неолиберальным опытом управления, вторя логике индивидуальной ответственности и атомизации индивидов в обществе [2, с. 35–37]. В условиях все большей эмансипации человека от государства, учитывая повышение роли индивида в дискурсе социально-политического знания, когда использование национальных интересов с целью мобилизации масс более не оправдывает увеличение роли государства и его функций в сознании общественности, стрессоустойчивость находит свое место в управленческой деятельности. Происходит внедрение непрямых методов управления, используется либеральный подход в качестве принципа рационализации контроля и руководства над самоорганизующимися подчиненными [4, с. 25–26].

Появление и эволюция категории «стрессоустойчивость» на уровне Евросоюза

Стрессоустойчивость далеко не всегда была ключевой категорией в стратегии внешней политики ЕС. Базисом, составляющим дискурс внешней политики ЕС, длительное время являлись понятия «гражданской» и «нормативной» силы [5, с. 75–76]. Концептуальные основы первой в парадигме внешнеполитической деятельности ЕЭС были заложены в 1973 г. политическим аналитиком европейской интеграции Франсуа Дюшеном. Его ключевой идеей стала мысль, что Европейское сообщество, не имея военного механизма реализации своих интересов, имеет возможность распространять свое миропонимание и мировоззрение, используя главным образом торгово-экономические инструменты. Параллельно предлагалось делить гражданскую силу на невоенные средства и правовые цели. Идея нормативной силы появилась значительно позже — в самом начале XXI в. — и была связана с именем датского исследователя Иана Маннерса. Концепция делала акцент на ценностях, которые ЕС не только разработал для «собственного пользования», но и был способен распространить. Процесс утверждения этого подхода совпал с периодом включения в рамки внешнеполитической стратегии ЕС все новых и новых ценностных ориентиров, которые составили базис для построения диалога Евросоюза с внешнеполитическими партнерами.

На протяжении 2000-х гг. Европейский Союз стремился активно «культивировать» либеральную демократию в странах ближнего зарубежья. Руководствуясь консенсусом, что либеральные демократии не склонны воевать между собой, лидерами ЕС было принято решение об экспорте «надлежащей» модели управления и демократических ценностей в приграничные государства. Подобные идеи легли в основу Европейской стратегии безопасности (2003) и Европейской политики соседства (2004). Примером неудачного использования концепции демократизации и государственного строительства может служить вмешательство во внутреннюю политику Боснии и Герцеговины [6, р. 1322–1323]. Проект построения либерального процветающего государства, казавшийся в начале XXI в. крайне амбициозным, очень скоро стал рассматриваться как неэффективный и даже нежелательный. При этом причина неудачи кроется не в цели, а в способах ее достижения. Предполагалось, что демократический транзит и интеграция «европейских» институтов управления будут осуществлены в предельно короткие сроки, сопровождаясь внутренним гражданским содействием, направленным на строительство модели эффективного управления и внедрение европейских политических и социально-экономических стандартов. Однако госу-

дарственное реформирование «извне» было встречено как навязывание социально-политических ценностей. Демократизация, исходя из представленных выше наблюдений, подменялась системой бессрочного контроля и надзора, лишая боснийский народ способности к самоуправлению и самоорганизации.

За пределами Восточной Европы — в странах Ближнего Востока — Евросоюз параллельно продолжал политику, направленную на экспансию европейского порядка. «Арабская весна», как полагали в Брюсселе, открыла возможность роста европейского влияния в регионе. Практические задачи ЕС на Ближнем Востоке были детально разработаны в двух документах: «Партнерство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и совместного процветания» [7] и «Новый ответ меняющемуся соседству» [8]. Таким образом, основной целью ЕС стало построение «глубокой демократии» и обеспечение устойчивого развития, экономического процветания. Кроме того, подобная стратегия потребовала пересмотра Европейской политики соседства, ранее нацеленной на взаимодействие исключительно со странами — партнерами Евросоюза. Так или иначе, в скором времени это повлекло за собой ухудшение международного имиджа ЕС, вызвало появление обвинений в «нормативном империализме» [9]. Как оказалось, несмотря на наличие обширных ресурсов, Евросоюз имел крайне ограниченные возможности легитимного строительства демократических институтов в странах-реципиентах. Политике устранения угроз (addressing threats) и укрепления безопасности, закреплённой в Европейской стратегии безопасности в 2003 г., требовались серьезные изменения [10, р. 6–8].

Появление и становление стрессоустойчивости во внешней политике ЕС

Первое появление «стрессоустойчивости» в нормативно-правовых актах европейских институтов относится к 80-м гг. XX в. Изначально категория используется в пределах экономического регулирования и экологической повестки. Постепенно в рамки дискурса стрессоустойчивости входят энергетика и кибербезопасность. В начале XXI столетия «стрессоустойчивость» начинает использоваться в отношениях со странами третьего мира, не выходя за описанные выше границы диалога. Однако уже в 2005 г. внутри ЕС возникают дискуссии о стрессоустойчивости институтов государства и гражданского общества развивающихся стран [2, с. 57–58]. Начинается вхождение категории в политическое поле, однако нормативное оформление стрессоустойчивость еще не получает.

Ко второй декаде нынешнего века Евросоюз сталкивается с серьезными внутренними и внешними проблемами, которые и подтолкнули Брюссель

к формированию новой стратегии внешней политики. В странах еврозоны активное развитие получили идеи евроскептицизма, во многом порожденные финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг. и его последствиями. Серьезный ущерб европейской солидарности нанесли Брексит и миграционный кризис. Параллельно все громче стали звучать упреки в малой результативности, слабой координированности организации, ее неспособности противостоять современным вызовам международной политики. Именно при таких обстоятельствах в сообщении Европейской комиссии (2012) впервые было изложено «политическое» понимание стрессоустойчивости, определяемое как «способность индивида, домохозяйства, сообщества, страны или региона подготовиться, противостоять, адаптироваться и быстро восстанавливаться от стрессов и шоков, не подрывая долгосрочные перспективы своего развития» [11, с. 59]. Годом позже — в 2013-м — Совет ЕС формирует основные принципы стрессоустойчивости. Особое внимание было уделено «долгосрочности» проекта стрессоустойчивости, сотрудничеству с международными организациями, учету национальных и религиозных особенностей стран-реципиентов, работе с гражданским обществом и местными сообществами, уважению гендерного равенства, ответственности национальных правительств за строительство стрессоустойчивости за пределами еврозоны, совместной работе над формированием стрессоустойчивости ЕС и стран-членов с учетом национальной специфики, интеграции стрессоустойчивости во все сферы ЕС с соответствующими странами [12, с. 19]. Категория окончательно была возведена в ранг экзистенциальной важности с принятием Глобальной стратегии Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности (2016), став общим знаменателем всего документа. Резюмировалось, что укрепление стрессоустойчивости Евросоюза может быть достигнуто исключительно с помощью устранения дисбаланса управления внутри ЕС, продвижения европейских принципов и ценностей вовне, содействия формированию стрессоустойчивых обществ, государств и экономик по периметру Союза, укрепления стрессоустойчивости стран третьего мира и т. д. [11, с. 60]. Помимо того, понимание стрессоустойчивости было дополнено совместным заявлением Еврокомиссии и Европейской службы внешних связей (ЕСВС) в 2017 г., в котором отдельно были выделены компоненты стрессоустойчивости — демократия, устойчивое развитие, вера в институты и способность к реформам [2, с. 62]. Стрессоустойчивость стала ядром стратегии безопасности Евросоюза.

Таким образом, воедино были сведены стрессоустойчивость самого ЕС и его внешних партнеров. Категория стала центральной как для дальнейшего развития европейской интеграции, так и для внешнеполитической активности Евросоюза. Иными словами, было признано, что стрессоустойчивость

приграничных стран — степень ее развития и характер стабильности — способна оказывать влияние на стрессоустойчивость как самого Евросоюза, так и стран — членов организации.

В 2019 г. свет увидел отчет о реализации ГСЕС. В нем признавалось, что сложившаяся ситуация в международных отношениях стала куда более непредсказуемой, нежели была три года назад. Большое внимание было уделено освещению многосторонней работы Евросоюза по защите принципов мультилатерализма и укреплению принципов стрессоустойчивости. Формирование международного порядка, основанного на принципах международного права, еще раз было выделено как жизненно важный интерес Евросоюза. Резюмируя, Евросоюз должен представлять собой пример для подражания (“point of reference”) всем тем, кто стремится сохранить, развивать и укреплять принципы, соотносимые с традиционными европейскими ценностями [13, p. 15–25].

С 2016 г. объективно изменилось и поведение Евросоюза на международной арене. Внешняя политика ЕС, как показывает практика, сохранила преемственность, однако стала более прагматичной. Характерным отличием стрессоустойчивости от той же нормативной силы в дискурсе внешней политики Евросоюза является переосмысление релевантности экспансии европейских ценностей, более осторожный подход к национальным особенностям, культуре и традициям государств. Постепенно особое внимание стало уделяться дискуссиям о возможности или невозможности экспорта «европейской идеи» в каждом конкретном кейсе, а также разработке персональных подходов к каждому государству или региону [5, с. 77–79]. Одной из важных особенностей «строительства» стрессоустойчивости является участие индивидов и сообществ, которые должны быть способны стихийно самоорганизовываться и существовать в условиях перманентной непредсказуемости. Иными словами, ЕС инициирует диалог напрямую с гражданским обществом, перекладывает на него ответственность в процессе демократизации и трансформации общества, формально занимая позицию невмешательства, однако при этом обходя национальные правительства при взаимодействии с ним и всячески «подготавливая» социальную базу для изменений.

Таким образом, настоящая внешняя политика ЕС, базис которой был заложен в ГСЕС, одной из основных своих целей ставит формирование стрессоустойчивых, стабильно развивающихся государств по своему периметру.

Проблемы стрессоустойчивости в дискурсе внешней политики ЕС

Нынешний внешнеполитический вектор Евросоюза представляет собой целый набор сложностей и противоречий.

Во-первых, в официальных документах ЕС, артикулирующих категорию «стрессоустойчивость», широко освещаются угрозы и потенциальные опасности, стоящие перед Союзом. Несмотря на то что целью внешней политики организации является внутри- и внешнеполитическая безопасность сообщества, строительство которой осуществляется с помощью укрепления и развития стрессоустойчивости, используемые практики зачастую ведут к прямо противоположному результату. Особый акцент на опасностях, к которым ГСЕС относит терроризм, изменение климата, энергетическую зависимость и гибридные конфликты [14, р. 18–23], приводит к смещению акцентов с развития «гибкости» в управленческой деятельности и самоорганизации элементов системы в сторону вопросов безопасности и борьбы с угрозами — в сторону секьюритизации. Такой подход неминуемо ведет к конструированию образа врага в лице того, кто представляется источником угрозы. На первый план выходит не поиск возможности компромисса и мирного сосуществования, а стремление найти варианты устранения угрозы.

Во-вторых, аналогично и методы формирования стрессоустойчивых обществ за пределами ЕС вовсе не всегда способствуют укреплению безопасности Европейского Союза и благоприятно сказываются на социально-экономическом развитии общества. Определение гражданского общества и в целом граждан суверенного государства в качестве стороны диалога способствует тому, что региональные правительства прибегают к защите своей собственной «идентичностной» принадлежности. Это ведет к резкому отторжению европейских ценностей на политическом уровне, введению различных санкций в адрес агентов стрессоустойчивости внутри государства и, как следствие, влечет за собой ухудшение отношений между государством-реципиентом и Евросоюзом, потенциально перетекающее в острую конфронтацию.

В-третьих, вводя во внешнеполитический дискурс идею об укреплении стрессоустойчивости за пределами Европы, Евросоюз использует исключительно односторонние действия. Брюссель, прикрываясь идеями построения развивающегося общества и стабильного развития, не скрывает, что в процессе формирования стрессоустойчивых институтов определяет себя центром, распространяющим «правильные» ценности на периферию. Исследователей особенно беспокоит идеологизированность концепции, которая, по мнению еврочиновников, обязательно включает в себя «демократию, веру в демократические институты, способность к реформам» [12, с. 20]. Особенно любопытным является парадокс западноевропейской научной дискуссии: в случае Евросоюза стрессоустойчивость позиционируется как качественно новая и положительная норма, а в случае, например, КНР — как интегральная часть системы, позволяющая сохранять целостность и устой-

чивость авторитарного режима [15, с. 81]. Таким образом, наблюдается тревожный феномен, когда стрессоустойчивость конструируется институтами и практиками ЕС в качестве заведомо положительного качества системы, к «европейскому» образу которого нужно стремиться любой ценой. Сохранение подобного европоцентризма невольно ведет к мысли о целенаправленном развитии неокOLONиального курса Евросоюза.

В-четвертых, «стрессоустойчивость» как заимствованная категория пересекает дисциплинарные границы. Особую озабоченность некоторых ученых в области политических наук вызывает аналитическая расплывчатость (*analytical looseness*) стрессоустойчивости, выраженная в противоречивости самой концепции [16, р. 2–3; 17, р. 2]. В какой момент стрессоустойчивость становится заметной: в момент реакции на потрясение или в момент непосредственного противодействия? Против каких видов «потрясений» (*shocks*) проецируется стрессоустойчивость: долгосрочных (голод, нищета, неравенство, дискриминация и т. д.) или неожиданных? Чем является «постустойчивое» (*post resilient*) состояние? Признавая наличие серьезных концептуальных натяжек, М. Ханиш приходит к выводу, что стрессоустойчивость обязательно «многогранна, противоречива и неясна», а ее двусмысленность является необходимым условием для более широкого распространения самой концепции, т. е. для экспансии влияния Евросоюза.

В-пятых, идея о возможности адаптации системы, мысль о том, что развитое стрессоустойчивое общество сможет сосуществовать с какими-либо кризисными явлениями, делает поиск способов устранения рисков системы де-факто ненужным [18, р. 418–422]. Иными словами, фактически остается низведенным стимул поиска решений внутренних проблем. Кроме того, концепция стрессоустойчивости, понимаемая как способность системы и общества адаптироваться и изменяться перед лицом неизбежных кризисов и рисков, игнорирует системные факторы социальной уязвимости и несовершенства, которые аналогичным образом способны привести к возникновению рисков и угроз. Так как фокус внимания оказывается смещен в сторону натурализации кризисного состояния, внимание политиков перетягивается в сторону непосредственно настоящего или потенциального внешнего кризисного события, при этом практически полностью попираются внутренние систематические недостатки и потенциальные угрозы, ставшие обыденностью или настолько укоренившиеся, что вошли в привычку.

Таким образом, ключевой проблемой «стрессоустойчивости» во внешнеполитическом дискурсе ЕС является излишняя нормативность концепции. Широкие рамки использования данной категории аналогично оставляют открытыми вопросы об аналитической точности интеграции этого термина в структуру анализа международной политики. В целом концептуальные

развитие и детализация понятия «стрессоустойчивость» в парадигме науки о международных отношениях еще очень далеки от своего завершения. Именно по этой причине важно тщательно следить за развитием практик и подходов стрессоустойчивости в политических науках, а практическое злоупотребление ею на данном этапе может привести к серьезным последствиям как во внешней, так и во внутренней политике Евросоюза.

Библиография

1. *Гудалов Н.Н., Тулунов Д.С.* Семиотика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразие академических и политических смыслов // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* 2018. № 1 (88). С. 135–147.
2. *Концепция стрессоустойчивости Европейского Союза: артикуляция и ее последствия для России: Коллективная монография / под ред. Т.А. Романовой.* — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 312 с.
3. *Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским Союзом: рабочая тетрадь № 55, 2019 [Электронный ресурс]. URL: РСМД: Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским Союзом (russiancouncil.ru).* — 03.11.21.
4. *Трещенков Е.Ю.* Стрессоустойчивость в современных дискурсах управления // *Власть.* Т. 26. 2018. № 8. С. 24–31.
5. *Романова Т.А., Павлова Е.Б.* От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС // *Международные процессы.* Т. 16. 2018. № 2. С. 73–90.
6. *Bargues P., Morillas P.* From democratization to fostering resilience: EU intervention and the challenge of building institutions, social trust and legitimacy in Bosnia and Herzegovina // *Democratization.* 2021. Vol. 28. P. 1319–1337 — URL: Full article: From democratization to fostering resilience: EU intervention and the challenges of building institutions, social trust, and legitimacy in Bosnia and Herzegovina (tandfonline.com). — 03.11.21.
7. *Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2012 Regional Report: A Partnership for Democracy and Shared Prosperity with the Southern Mediterranean.* Brussels: EC, 2013. — URL: Partnership for Democracy and Shared Prosperity: Report on activities in 2012 (europa.eu).
8. *A New Response to a Changing Neighbourhood.* Brussels: EC, 2011. — URL: A-new-response-to-a-changing-Neighbourhood.pdf (mfa.gov.ge).
9. *Zielonka J.* Europe's new civilizing missions: the EU's normative power discourse // *Journal of political ideologies.* Oxford, 2013. Vol. 18, N 1. P. 35–55.
10. *A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy.* Brussels: EU, 2003. — URL: GEN (internationaldemocracywatch.org). — 04.11.21.
11. *Трещенков Е.Ю.* Стрессоустойчивость (resilience) в дискурсах Европейского Союза и международных организаций // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* Т. 14. 2019. № 1. С. 55–75.

12. *Романова Т.А.* Категория «стрессоустойчивость» в Европейском Союзе // Современная Европа. 2017. № 4 (76). С. 17–28.
13. From Vision to Action: The EU Global Strategy in Practice — Three years on, looking forward. Brussels: EU, 2019. URL: eu_global_strategy_2019.pdf (europa.eu). — 05.11.21.
14. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. Brussels: EU, 2016. — URL: eugs_review_web.pdf (europa.eu). — 05.11.21.
15. *Павлова Е.Б., Мазаник С.В.* «Стрессоустойчивость» в официальной риторике КНР // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 1. С. 77–92.
16. *Hanisch M.* What is Resilience: Ambiguities of a Key Term, Security Policy Working Paper №19/2016. — URL: working_paper_2016_19.pdf (bund.de). — 06.11.21.
17. *Tonra B.* Resilience and EU Foreign Policy: the Promise of Justice // School of Politics & International Relations. Working Paper Series: WP01/2018. — URL: WP01_Tonra_Combined.pdf (ucd.ie). — 06.11.21.
18. *Wagner W., Anholt R.* Resilience as the EU Global Strategy's new leitmotif: pragmatic, problematic or promising // Contemporary Security Policy. Vol. 37. 2016. Issue 3. P. 414–430.

Барабанова Елизавета Максимовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОПЫТ ДИПЛОМАТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL POLITICS: THE CASE OF EUROPEAN UNION'S DIPLOMACY

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка определить возможный минимум и максимум функций прав человека в дипломатии. Для осуществления поставленной цели автором была рассмотрена современная дипломатия прав человека в исполнении Европейского Союза, который, как удалось установить, является наиболее подходящим кейсом для исследования роли прав человека в дипломатии. Изучив три различных по своему свойству инструмента дипломатии прав человека ЕС и осуществив референтное сопоставление их характеристик с концептуальными значениями инструмента, задачи и цели, сформулированными на основе теоретической модели «Анализ цели, задачи, средств», автор делает выводы о том, какими функциями могут обладать права человека в дипломатической деятельности.

Ключевые слова: права человека; дипломатия Европейского Союза; «принципиальный прагматизм»; Европейская политика соседства; принцип политической обусловленности.

Abstract. This article aims at formulating the possible maximum and minimum of human rights functions in diplomacy. To achieve that, the author has scrutinized modern diplomacy of the European Union which, as has been identified, represents the most suitable case for researching the role and place of human rights in diplomacy. Having studied the three different instruments of the EU human rights diplomacy and carried out referential matching of their characteristics with the theoretical concepts of a goal, task, and means, formulated based on the eponymous theoretical model, the author makes conclusions as to what functions may be executed by human rights in the realm of diplomacy.

Keywords: human rights; the diplomacy of the European Union; “principled pragmatism”; European neighbourhood policy; political conditionality.

Введение

Послевоенный период развития международных отношений характеризовался появлением и активным воздействием таких процессов и событий, как холодная война и появление ядерного оружия, наличие реальной угрозы

ядерной войны и уничтожения значительной части планеты, приведших к появлению пацифистского, антиядерного движения; деколонизация, приведшая к необходимости озвучивания и решения социально-экономических проблем в новообразованных развивающихся государствах и их интеграции в мирополитическую систему; ужесточение характера локальных конфликтов, характеризующихся наличием массовых пыток, использованием детского труда, насилием над гражданским населением. Эти и многие другие факторы привели к возрастанию роли социально-гуманитарных вопросов и правозащитной повестки в мировой политике.

Так, проблематика прав человека, их места в мировой политике в целом и внешней политике государств в частности сегодня представляется одной из наиболее важных, актуальных для изучения.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении потенциального максимума и минимума функций прав человека в дипломатической деятельности при исследовании кейса дипломатии прав человека Европейского Союза.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Обосновать выбор дипломатии Европейского Союза в качестве исследуемого кейса:
 - а) подтвердить статус ЕС в качестве актора с единой системой внешнеполитической и дипломатической деятельности;
 - б) подтвердить системообразующее значение прав человека во внутренней и внешней политике ЕС.
2. Рассмотреть три инструмента дипломатии ЕС на предмет выявления в них функций прав человека: принципиальный прагматизм, Европейская политика соседства, принцип политической обусловленности.
3. Провести референтное сопоставление функций прав человека в инструментах дипломатии ЕС с концептуальным значением терминов «цель», «задача», «средство».

Дипломатия прав человека: концептуальное значение термина

Рассмотрение дипломатии прав человека в исполнении Европейского Союза предполагает, прежде всего, выявление концептуального содержания данного термина. Так, для определения и формулирования теоретического содержания феномена дипломатии прав человека, которое будет использоваться в данной работе, нами были проанализированы ключевые философско-теоретические концепции прав человека, представленные как в

фундаментальных трудах западных и восточных философов, так и в международно-правовых документах на региональном и глобальном уровне.

На основе ключевых концептуальных особенностей феномена прав человека и особенностей их практической имплементации на уровне международной политики нами было сформулировано определение дипломатии прав человека, которое раскрывает содержание дипломатической деятельности Европейского Союза, рассматриваемой в настоящей работе.

В узком смысле под дипломатией прав человека может пониматься совокупность переговоров, включающих артикуляцию интересов и заключение соглашений, направленных на продвижение и защиту прав человека на международном уровне.

Дипломатия прав человека в широком смысле — это такая форма дипломатии, в которой права человека и правозащитная повестка могут использоваться в качестве объекта и/или инструмента дипломатического влияния, предложения для установления, налаживания, ухудшения или разрыва двусторонних отношений, а также в качестве задачи, преследуемой в рамках дипломатической деятельности и переговоров.

Права человека — «квинтэссенция» евродипломатии?

Европейский Союз, признанный множеством исследователей в качестве «нормативной силы» [1, р. 235], является одним из наиболее активных акторов мировой политики в области продвижения прав человека.

Безусловно, на становление дипломатии прав человека в качестве приоритетного направления дипломатии ЕС повлияло множество факторов как внутреннего, так и внешнего характера (изменения в международной системе ценностей после окончания холодной войны; прекращение раздела развивающихся государств на «блоковые сферы влияния»; потенциал расширения европейской интеграции после распада Восточного блока; осознание необходимости установления правовых демократических режимов в странах происхождения мигрантов как фактора обеспечения геополитической безопасности и целостности Союза и т. д.).

Более того, эволюция международного контекста и правозащитного дискурса, которая привела к «перетеканию» ключевых теоретико-философских изменений с национального на международный уровень (популяризация и укрепление постпозитивистских теорий международных отношений: постколониальных теорий (ориентализм и др.), возникших на фоне деконструкции колониальной системы и приведших к многочисленным дискуссиям о роли «Запада» в интеграции вновь образованных государств в международные экономические и политические отношения («комплекс колонизатора»); постмарксизм в форме гендерных теорий; понятие «постмодерна», в рамках

которого человечество достигло своего предела в развитии философской мысли; концепции «позитивной свободы» [2, с. 8], которая подразумевает фактически свободу к самостоятельному переосмыслению консервативных социальных норм под воздействием эволюционировавшего общественного дискурса и др.), на современном этапе обусловила закрепление прав человека в качестве «поля гегемонии» [3, р. 78] Европейского Союза.

Нам удалось доказать, что Европейский Союз можно рассматривать в качестве актора с единой внешней политикой и системой дипломатической деятельности, эквивалентного в данном отношении государствам, ввиду нескольких основных причин.

Во-первых, анализ документов прав Европейского Союза позволил выявить, что ЕС обладает четкой нормативно-правовой базой, регулирующей все вопросы, касающиеся внешних сношений и дипломатической деятельности Союза. В частности, правовое регулирование внешней политики и дипломатии ЕС отражено не только в основных документах первичного права ЕС (Маастрихтский договор, подписанный в 1992-м и вступивший в силу в 1993 г.; Амстердамский договор, подписанный в 1997-м и вступивший в силу в 1999 г.; Ниццкий договор, подписанный в 2001-м и вступивший в силу в 2003 г.; Лиссабонский договор, подписанный в 2007-м и вступивший в силу в 2009 г.), но и в некоторых документах вторичного права, регулирующих деятельность дипломатических и внешнеполитических институтов ЕС (из наиболее значимых можно выделить: Решение Совета ЕС от 26 июля 2010 г. об установлении форм организации и функционирования Европейской службы внешнего действия; Справочник о рабочих взаимоотношениях с Европейской службой внешнего действия; «Рабочие договоренности между службами Европейской комиссии и Европейской службой внешнего действия по вопросам внешних сношений»).

Во-вторых, Европейский Союз обладает единой системой внешнеполитических и дипломатических институтов. Так, к основным институтам ЕС, обладающим внешнеполитическими полномочиями, можно отнести: Европейский Совет, Совет Европейского Союза с двумя профильными комитетами (Совет по иностранным делам и Комитет постоянных представителей), Европейскую комиссию и Европейский парламент. Безусловно, основными дипломатическими институтами ЕС являются: Европейская служба внешнего действия и верховный представитель Союза по общей внешней и оборонной политике.

Наконец, нам удалось доказать системообразующее, привилегированное положение прав человека во всех измерениях политики Европейского Союза, для которого права человека являются ключевым элементом внутренней и международной идентичности, фактором расширения и углубле-

ния интеграции, обеспечения собственной геополитической безопасности и поддержания внутренней сплоченности. Подобное положение прав человека в политике ЕС также отражено на правовом уровне.

Так, помимо Хартии фундаментальных прав ЕС, вступившей в силу в 2008 г. и регулирующей внутренний уровень защиты прав человека [4], и многочисленных источников права ЕС, регулирующих отдельные направления правозащитной деятельности, в правовой системе Европейского существенное место занимают также и документы, содержащие доктринальные и нормативные основы международной политики ЕС, направленной на защиту прав человека. К наиболее важным из них относятся: Стратегическая рамка и план действий Европейского Союза в отношении прав человека и демократии (2012), Планы действия ЕС в области прав человека и демократии, первый из которых был принят Комиссией Юнкера (2015–2019), а второй — Комиссией Фон дер Ляйен (2020–2024). Важной составляющей корпуса документов, регулирующих защиту прав во внешней политике ЕС, являются так называемые руководства (руководящие принципы) по внешней политике в области прав человека, которые служат консультативным источником для делегаций Союза и дипломатических миссий государств-членов и могут считаться выражением политических приоритетов ЕС в области внешней политики, несмотря на отсутствие юридически обязывающего статуса [5, p. 81].

Таким образом, представляя собой актора с единой системой внешней политики и дипломатии, основанной, наряду с внутренней политикой, на продвижении идеалов прав и свобод человека, Европейский Союз является наиболее подходящим кейсом для выявления минимума и максимума возможных функций прав человека в дипломатической деятельности, ее стратегиях и тактиках.

Концептуальная модель «Анализ цели, задачи, средств»

В качестве теоретической модели, лежащей в основе определения потенциальных функций прав человека в дипломатии ЕС, нами была взята концептуальная модель «Анализ цели, задачи, средств» [6], которая позволила сформулировать параметры каждого из терминов, в отношении которых проводилось референтное сопоставление рассмотренных инструментов дипломатии прав человека ЕС.

На основании используемой теоретической модели нами были определены следующие характеристики цели, задачи и средства, с которыми проводилось сопоставление:

1. Цель является главенствующим элементом цепи внешнеполитических действий. Таким образом, применительно к внешней поли-

- тике цель будет обозначать определенное состояние международной системы или отдельных ее элементов, определенное положение субъекта (агента) внешнеполитического курса в международной системе, с достижением которого, с точки зрения данного субъекта, будет достигнута предполагаемая конечная конфигурация, не являющаяся условием для каких-либо последующих изменений.
2. Цель является единственным элементом системы, не представляющим собой переменную: в то время как задачи и средства могут изменяться по мере трансформации внешних и внутренних условий, выполнения/невыполнения определенных шагов задач, цель остается неизменной, поскольку именно цель задает модель поведения и тактики, включающие в себя комплекс задач и средств (инструментов).
 3. Ключевыми характеристиками внешнеполитической цели, в нашем понимании, будут являться: главенство в цепи внешнеполитических действий, постоянный характер, отсутствие последующих изменений вслед за реализацией. Основными характеристиками задачи и средства (инструмента) нам представляются следующие: непостоянство, гибкость, изменяемость, промежуточное положение в последовательности внешнеполитических действий, взаимозаменяемость.

Права человека в дипломатии ЕС: роль и функции

Нами было рассмотрено три инструмента дипломатии ЕС: внешнеполитическая установка, представленная «принципиальным прагматизмом»; инструмент негативного политического стимулирования [7] в виде политической обусловленности в соглашениях о свободной торговле; дипломатия прав человека в рамках европейской политики соседства.

1. «Принципиальный прагматизм»

Раздел 2 Глобальной стратегии — 2016 (далее — Стратегия) «Руководящие принципы внешней политики» гласит «Мы [Европейский Союз] будем руководствоваться четкими принципами. Они в равной степени проистекают как из реалистической оценки стратегической обстановки, так и из идеалистического стремления к улучшению мира. <...> Принципиальный прагматизм будет руководить нашими [ЕС] внешними действиями в предстоящие годы» [8]. Из представленного ранее отрывка можно вынести следующее: «принципиальный прагматизм» предполагает расположение внешнеполитических действий ЕС между либерализмом и реализмом, а принятие внешнеполитических решений на стыке интересов и норм, прагматических устремлений и идеалистических ценностей. Таким образом, «принципиаль-

ный прагматизм» фактически сочетает в себе два взаимоисключающих подхода, поскольку одновременное преследование прагматических интересов и отказ пожертвовать ради их достижения частью идеалов в современных условиях возврата к *realpolitik* представляется маловероятным.

Основываясь на изученной информации, мы можем сделать следующий вывод: «принципиальный прагматизм» предполагает, что ЕС будет осуществлять внешнеполитические действия только в случае реальной возможности достижения поставленных задач, т. е. при неизменности ценностной базы в виде идеалов демократии и уважения прав человека будет изменена тактика внешнеполитического вмешательства: ЕС будет осуществлять точечные интервенции для продвижения прав человека при учете структурных ограничений в том или ином государстве/регионе, соотношения выгод и потерь от того или иного внешнеполитического решения. При этом «принципиальный прагматизм» предполагает также и то, что в принятии внешнеполитического решения решающую роль может играть как реалистический анализ текущей данности, так и фундаментальные ценности, провозглашенные Договором о Европейском Союзе: конкретная конфигурация будет зависеть от объективных эндогенных и экзогенных условий в момент принятия решения.

Таким образом, в рамках реализации концепции «принципиального прагматизма» предполагаемое положение прав человека не удовлетворяет основным параметрам такой функции, как цель, которые, как мы выяснили, предполагают верховенство в структуре внешнеполитического действия, неизменность. «Принципиальный прагматизм», в свою очередь, подразумевает возможность использования как ценностей, так и прагматических интересов как главенствующего основания для принятия внешнеполитического решения, что исключает возможность представления прав человека в качестве конечной цели.

2. Политическая обусловленность в торговых соглашениях ЕС с третьими странами

Принцип политической обусловленности [9] фактически представляет собой механизм, позволяющий связать возможность третьих стран заключать торгово-экономические соглашения с Европейским Союзом и защиту прав человека в этих государствах за счет включения во все соглашения о свободной торговле так называемых пунктов о непрременном условии, нарушение которых позволит Европейскому Союзу предпринимать санкционные меры юридического характера, направленные на приостановление действия соглашения или отдельных его положений. Пункт о политической обусловленности, на сегодняшний день имеющий наибольшее значение и встреча-

ющийся в торговых соглашениях ЕС наиболее часто, — пункт об уважении демократических принципов и прав человека [10, р. 5].

Внешне данный инструмент представляется нормативно-ориентированным, однако его практическое применение доказывает достаточно неоднозначное положение прав человека во внешнеторговой дипломатии ЕС.

Критика инструмента политической обусловленности ЕС зачастую осуществляется по трем основным направлениям:

- 1) проблема включения/невключения пункта об уважении демократии и прав человека в соглашение: Европейский Союз заключил несколько сотен секторальных торговых соглашений со странами, известными систематическими нарушениями прав человека (Либерия, Кот-д'Ивуар, Ирак и др.), без включения в эти соглашения пункта о неперемennom условии [11];
- 2) разнящаяся степень разработки этого принципа и сферы его применения в соглашениях с разными государствами («чем сильнее партнер по переговорам, тем больше уступок ЕС готов предоставить» [12, р. 247]);
- 3) вопрос имплементации принципа и осуществления/неосуществления санкционных мер при нарушении пункта различными государствами (применение таких мер осуществляется недостаточно часто, а в случае применения подобные меры отличаются высокой степенью выборочности, непоследовательности и недостаточной глубиной [13].

Таким образом, вследствие осуществленного анализа реализации принципа политической обусловленности мы можем констатировать теоретический приоритет прав человека и фактический приоритет экономических прагматических интересов. Выборочность, непоследовательность и поверхностность применения принципа политической обусловленности в отношении с государствами — нарушителями прав человека в стремлении сохранить экономические и стратегические преимущества вновь позволяют нам утверждать о правах человека в качестве инструмента (средства), задачи, но не цели торговой дипломатии.

3. Европейская политика соседства

Нами было установлено, что Европейская политика соседства с момента ее основания в 2004 до реформирования в 2015 г. характеризовалась непоследовательным (несоответствие документальных основ и практических механизмов реализации правозащитной составляющей ЕПС в Ливане и Иордании [14, р. 88]; отказ от признания законно избранного правительства «ХАМАС» в Палестине в 2006 г. [15, р. 581]; игнорирование социально-поли-

тического кризиса и поддержка статус кво в Йемене по причине его отсутствия в ЕПС и в сфере внешнеполитических приоритетов ЕС [15, р. 583]) характером реализации правозащитной повестки: несмотря на утверждение ее в качестве одного из приоритетов ЕПС, обозначенный период отличался частым пересечением, столкновением нормативной повестки и прагматических интересов, между которыми ЕС нередко отдавал предпочтение последним.

В 2015 г. ЕПС была реформирована. Одним из наиболее существенных изменений нам представляется вынесение защиты общих ценностей за рамки приоритетов сотрудничества [16], что свидетельствует о некоторой переориентации ценностей ЕС в отношениях с государствами ЕПС.

Более того, события 2014 г. при участии России и Украины привели к еще большему осознанию ЕС крайней геополитической значимости стран Восточного партнерства, что, с нашей точки зрения, предопределило основное несоответствие в обновленной политике соседства, которое заключается в существенных отличиях правозащитной риторики ЕС по отношению к странам Южного и Восточного измерения. Дискурс-анализ официальных документов, публичных выступлений и пресс-конференций Европейского Союза, посвященных ЕПС, позволил установить, что политика Европейского Союза в области продвижения общих ценностей по отношению к странам Восточного измерения была значительно более принципиальной и жесткой, нежели по отношению к государствам Южного измерения, многие из которых обладают существенно более низким уровнем развития институтов защиты прав человека [17].

Фактически данный кейс олицетворяет политику «принципиального прагматизма», в рамках которой ЕС лавирует между нормативизмом и прагматизмом в различных соотношениях применительно к различным государствам-партнерам в зависимости от их переговорной силы. Как нам удалось выяснить ранее, это позволяет утверждать о правах человека как об инструменте (средстве), задаче, но не цели правозащитной дипломатии ЕС в рамках Европейской политики соседства.

Выводы

Изучив три различных по своему свойству инструмента дипломатии Европейского Союза на предмет выявления в них функций прав человека, мы пришли к выводу о том, что даже в дипломатии Европейского Союза, признанного «нормативной силой», права человека не являются конечной целью. Нам удалось установить, что права человека действительно могут являться как задачей дипломатической деятельности, так и средством реализации внешнеполитических целей и приоритетов. Однако ввиду непоследо-

вательности и непостоянства в осуществлении дипломатических действий, направленных на продвижение и защиту прав человека на международном уровне, в рамках всех трех изученных инструментов мы не можем утверждать о правах человека как о конечной цели дипломатии, поскольку в соответствии с определением, принятым за основу концептуального содержания термина «цель» в рамках данной работы, ее ключевыми характеристиками являются последовательность, неизменность, главенствующее положение в цепи дипломатических действий. Таким образом, при использовании кейса дипломатии прав человека в исполнении Европейского Союза нам удалось выяснить, что набор потенциальных функций прав человека в дипломатии включает в себя: инструмент (средство), задачу, однако не конечную цель.

Библиография

1. *Manners I.* Normative power Europe: a contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies* Vol. 40, № 2, 2002, p. 235–258.
2. *Берлин И.* Две концепции свободы // *Современный либерализм*. М., 1998. С. 19–43.
3. *Cospito G.* Egemonia/egemonico nei “Quaderni del carcere” (e prima) // *International Gramsci Journal*, Vol. 2, № 1, 2016, p. 49–88.
4. The Charter of Fundamental Rights of the European Union, 2001. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012P/TXT&from=SL#:~:text=Conscious%20of%20its%20spiritual%20and,and%20the%20rule%20of%20law.> — 17.01.22.
5. *Wouters J., Hermez M.* EU guidelines on human rights as a foreign policy instrument: an assessment, in: *Protecting Human Rights in the European Union's External Relations* // *Centre for the law of EU external relations papers*, Vol. 5, 2016, p. 63–83.
6. *Hollnagel E.* A Goals-Means Task Analysis method, in: *Woods D.D. & Hollnagel E.* Mapping cognitive demands in complex problem-solving worlds // *International Journal of Man-Machine Studies*, Vol. 26, 1987, p. 257–275.
7. *Гудалов Н.Н., Трещенков Е.Ю.* Стрессоустойчивость в Европейской политике соседства // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. 2020, с. 163–191.
8. *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy*, 2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf — 17.01.22.
9. *Communication from the Commission on the Inclusion of Respect for Democratic Principles and Human Rights in Agreements Between the Community and Third Countries*, COM (95) 216 Final, 1995. URL: <http://aei.pitt.edu/4097/1/4097.pdf> — 17.01.22.
10. *Di Marco A.* Le clausole di condizionalità politica alla luce degli accordi di associazione. Il recente caso siriano // *Centro di documentazione europea*, № 3, 2011. — 38 p.
11. *Hachez N.* “Essential Elements” Clauses in EU Trade Agreements Making Trade Work in a Way That Helps Human Rights? (Leuven Centre for Global Governance Studies, Working Paper No. 158), 2015.

12. Wood S. Pragmatic power Europe? //Cooperation and Conflict Vol. 46, No. 2, 2011, p. 242–261.
13. Saltnes J. The EU's Human Rights Policy. Unpacking the literature on the EU's implementation of aid conditionality//Arena [Working paper] № 2, 2013.
14. Seeberg P. The EU as a realist actor in normative clothes: EU democracy promotion in Lebanon and the European Neighbourhood Policy // Democratization, Vol. 16, 2009, p. 81–99.
15. The Post-normative Turn in European Union (EU)-Middle East and North Africa (MENA) Relations: An Introduction // European Foreign Affairs Review, Vol. 15, 2010, p. 581–587.
16. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Review of the European Neighbourhood Policy, 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015JC0050&from=en> — 17.01.22.
17. Horký-Hlucháň O., Kratochvíl P. “Nothing Is Imposed in This Policy!”: The Construction and Constriction of the European Neighbourhood //Alternatives: Global, Local, Political, Vol. 39, № 4, 2014, p. 252–270.

Зотова Алина Александровна

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, исторический факультет, бакалавриат

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: АМБИВАЛЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН

CULTURAL DIPLOMACY OF THE EUROPEAN UNION: AN AMBIVALENT PHENOMENON

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурной дипломатии Европейского Союза, в рамках которой особняком стоит идея мультикультурализма. С учетом современных трендов проводится сопоставление культурной дипломатии ЕС на предмет соответствия концепции soft power. Помимо идейной составляющей, автор использует метод case-study и рассматривает программу «Креативная Европа». Делается следующий вывод: при выстраивании диалога ЕС поддерживает разнообразие мнений и представляет «интеграционную» форму дипломатии. Автор приходит к заключению о том, что текущая стратегия Евросоюза в сфере культуры одновременно является частью внутренней и внешней политики ЕС, так как она направлена на создание привлекательного образа на международной арене и преодоление кризиса идентичности внутри объединения.

Ключевые слова: Европейский Союз, культурная дипломатия, мягкая сила, европейская идентичность, глобализация.

Abstract. The article touches the issue of cultural diplomacy of the European Union, where the idea of multiculturalism plays a major role. With the view to modern trends, the cultural diplomacy of the EU is examined on the subject of correlation with the concept of “soft power”. Furthermore, the “Creative Europe” programme is analyzed with the case-study method. The following conclusion is made: while framing a dialogue, the EU supports a diversity of opinions and represents an “integrative” form of diplomacy. There is a proposed hypothesis that the current strategy of the European Union in the field of culture is at the same time part of its domestic and foreign policy, since it is aimed at creating a positive image in the international arena and overcoming the identity crisis within the organization.

Keywords: European Union, cultural diplomacy, soft power, European identity, globalization.

Введение

За последнее время страны и международные организации стали расширять направления своей внешнеполитической деятельности, не ограни-

чиваясь экономическими и политическими союзами. В первую очередь это связано с развитием технологий и, как следствие, предоставлением повсеместного доступа к информации. В этой связи со второй половины XX в. акторы стали все большее внимание уделять созданию и поддержанию положительного имиджа на международной арене. По данной причине неотъемлемой частью политического дискурса стало такое понятие, как культурная дипломатия, которая, как правило, служит целям развития и укрепления диалога с другими странами.

Европейский Союз является уникальным (или, по крайней мере, специфическим) феноменом мирового уровня. Будучи крупным объединением из 27 стран, он представляет собой яркий пример политической и экономической интеграции, вместе с которой имеют место быть процессы взаимопроникновения культур. При всем при этом следует учитывать общемировую тенденцию глобализации, которая оказывает свое влияние на развитие общества.

Взаимодействие ЕС с другими акторами включает в себя различные виды дипломатии, среди которых экономическая, цифровая, публичная, а также другие направления. Однако в данном исследовании освещается именно культурный аспект. Причиной тому является тот факт, что культура влияет на степень и уровень интенсивности сотрудничества на международной арене. В этом смысле, Евросоюз, будучи одним из самых влиятельных игроков, оказывает непосредственное воздействие на формирование принципов, в соответствии с которыми определяется политическая повестка. При всем разнообразии инструментов и механизмов культурной дипломатии, к которым относится индустрия медиа (телевидение, радио, кино, концерты), образование, креативные индустрии (выставки, мода, дизайн), туристический потенциал и культурное наследие, в рамках одной статьи имеет смысл рассмотреть примеры конкретных инициатив. Так, целью данной работы является анализ культурной дипломатии ЕС на примере программы «Культурная Европа» на предмет ее соответствия широко известной концепции soft power.

В исследовании большое внимание уделено концептуально-правовым документам, так как именно они лежат в основе стратегии объединения. Опираясь на метод case-study, автор исследует основные тенденции, присутствующие культурной дипломатии ЕС на текущий момент, которые неразрывно связаны с феноменом глобализации и идеей поликультурализма. В заключение выдвинут тезис о том, что выдвигание отдельных приоритетов на международной арене во многом совпадает с внутренней политикой Евросоюза в сфере культуры, что позволяет создать привлекательный образ и преодолеть кризис идентичности.

Культурная дипломатия и «мягкая сила»: опыт ЕС

Культурная дипломатия представляет собой усилия, направленные на изменение международной обстановки через продвижение одного (или нескольких) духовных элементов жизни общества — моральных установок, веры или искусства [1, р. 5]. В случае Европейского Союза тема культурной дипломатии имеет непреходящую актуальность и требует постоянной ревизии в силу многосоставной сущности объединения. Отличаясь наднациональным устройством, ЕС образует уникальную среду, в которой объединены представители различных этнических идентичностей; именно поэтому культурная дипломатия сообщества по определению не может не эволюционировать [2].

В соответствии с работами Дж. Ная, «мягкая сила» заключается в способности достигать своих целей путем формирования предпочтения других стран в сфере внешней и внутренней политики, культуры и экономики [3, р. 8]. К ее составляющим относятся гуманитарные, образовательные, культурные, миротворческие, научные проекты межгосударственного сотрудничества, которые имеют целью создание позитивного имиджа политических субъектов [4]. Относительно надгосударственных объединений, применительно к ним «мягкую силу» ряд ученых понимает как нематериальный тип власти, неразрывно связанный с использованием гуманитарных ресурсов, а также как «мотивацию, побуждающую к действию». При этом в своей работе Л.Р. Рустамова и Б.Х. Бахриев отмечают, что «мягкая сила», создавая потенциал для действий во внешней политике, может остаться нереализованной, так как ее конвертация в ресурс возможна только при применении дипломатических практик [5, с. 167].

Существует ряд различных подходов к измерению успешности «мягкой силы». Американская исследовательница Нэнси Шоу утверждает, что важную роль здесь имеют три фактора: 1) наличие доступа к информационным каналам, которые позволяют представлять новостную повестку в определенном свете; 2) совпадение культурных ценностей и мировоззренческих представлений с нормами, принятыми в международном сообществе; 3) доверие к внутренне- и внешнеполитическому курсу, проводимому страной [6, р. 5]. На наш взгляд, именно такой подход является одним из самых удачных, так как он позволяет в полной мере оценить деятельность государства во внешней политике.

В этой связи важно провести параллель с идейной составляющей Европейского Союза, в которой четко отмечена идея поликультурализма. В соответствии с Копенгагенской декларацией, создание ЕС производится на основе «общей европейской цивилизации и приверженности общим цен-

ностям и принципам, а также подразумевает сохранение разнообразных культур государств-членов» [7]. Эта концепция отражена и в его девизе, который звучит как «единство в разнообразии». Он подчеркивает комплексный характер объединения и обозначает, что интеграция на экономическом и политическом уровнях не несет угрозы для национальной идентичности государства-члена (или потенциального члена). Помимо прочего, в соответствии с Лиссабонским договором, в политике ЕС в области культуры демонстрируется межгосударственный подход, согласно которому культура остается в сфере компетенции государств-членов при наличии дополнительного контроля со стороны наднациональных органов [8, с. 75]. Соответственно, подразумевается, что страны-участницы имеют право обозначить определенные границы в культурном аспекте и тем самым предпринимается попытка избежать создания «плавильного котла» по аналогии с США. В реальности Евросоюз может оказывать поддержку межнациональным проектам и поощрять сотрудничество между правительствами, некоммерческими организациями, компаниями, региональными властями, университетами, исследовательскими центрами.

Тем не менее особый статус ЕС обуславливает наличие дополнительных трудностей относительно согласованной внешней культурной стратегии. В этом смысле Евросоюзу необходимо координировать деятельность суверенных государств-членов в сфере, которая охватывает два аспекта (внешнюю политику и культуру). С одной стороны, «культура» рассматривается здесь как зона ответственности генеральных директоратов в рамках Европейской комиссии и Европейской службы внешних связей. Поэтому, чтобы говорить о «стратегическом» понимании культуры, необходимо создание отлаженного канала взаимодействия государственных и частных субъектов, а также координацию с подразделениями, охватывающими международные аспекты. Вторая сложность заключается в том, что задача рассуждать о культуре со стратегической точки зрения по-разному понимается на уровне каждого государства. Как правило, возникает вопрос, что есть «стратегия» во внешней политике, который, в свою очередь, приводит к существованию множества подходов в построении культурных связей как с концептуальной, так и организационной стороны вопроса [9, р. 9].

В основном большая часть культурных мероприятий за пределами объединения осуществляется Европейской службой внешнеполитической деятельности и делегациями ЕС. При сопоставлении основных приоритетов в сфере культуры и дипломатической линии возникает следующая закономерность: при построении отношений на международной площадке Европейский Союз ориентируется на выстраивание «структурного диалога», в рамках которого доминирует плюралистический подход [10]. Опираясь на

многокомпонентность своего состава, ЕС поддерживает разнообразие мнений и взглядов и тем самым представляет «интеграционную» форму дипломатии. В этом смысле главной задачей ЕС становится обеспечение синергии в действиях акторов, задействованных в культурной политике, в роли которых выступают культурные ассоциации, правительственные организации, а также само гражданское общество.

«Креативная Европа» и ключевые тенденции

Отражением культурной повестки ЕС стала программа «Креативная Европа», рассчитанная на 2021–2027 гг. Помимо расширенного финансирования, среди особенностей обновленной программы можно выделить акцент на межнациональных разработках и инновациях, повышение мобильности деятелей искусства и экспертов в этой сфере, развитие аудиовизуального аспекта культуры. Помимо этого, программа представляет собой логическое продолжение текущего курса, о чем свидетельствует наличие раздела «Культура и креативность» на сайте Европейской комиссии, который содержит концептуальные документы, отчеты, информацию о прошедших и предстоящих мероприятиях, а также справочные материалы [11]. Важным моментом является то, что «Креативная Европа» поддерживает проекты, созданные как в рамках государств — членов сообщества, так и за его пределами. Открытость программы для участников из зарубежных стран создает эффект синергии в рамках культурной политики: с одной стороны, происходит распространение европейских ценностей, а с другой — расширение концепции этих ценностей за счет предложений «извне» [12, с. 143].

В рамках данного вопроса также стоит упомянуть появление «Лиссабонского манифеста о креативных индустриях», который был представлен депутатом Европарламента (Германия) К. Элером и министром исследований Португалии М. Эйтором. Целью документа является установление сети культурных и творческих инициатив с последующей интеграцией в нее максимального количества исследований — от естественных до гуманитарных наук [13, с. 71]. В этом смысле показательным является стремление создать слаженную систему, которая позволила бы более эффективно осуществлять общую европейскую политику. Несмотря на общепризнанные демократические ценности, правительство проявляет инициативность и участие в творческом развитии общества и пытается выстроить вектор, в соответствии с которым деятельность креативных индустрий должна быть подчинена целям, определенным на наднациональном уровне.

Большое внимание в отмеченных документах отводится региональным связям. С этой точки зрения в современной европейской политике прослеживается акцент на роли городов: в настоящее время происходит развитие

менее населенных районов. В силу смены приоритетов европейского общества отдельные города имеют все возможности стать центрами инноваций. Здесь стоит сказать о том, что понятие «инновация» на сегодняшний день несколько меняет свое значение по сравнению с предыдущим столетием: если раньше оно связывалось непосредственно с научно-техническим прогрессом (и зачастую с наращиванием масштабов эксплуатации природных ресурсов), то в настоящий момент этот термин практически неотделим от концепции «устойчивого развития». Согласно данным Евробарометра, почти каждый второй европеец (49%) считает изменение климата главной проблемой, угрожающей будущему ЕС [14]. Так, в связи с углублением вовлеченности в экологические проблемы происходит смена предпочтений в образе жизни европейских граждан и вследствие этого осуществляются процессы трансформации в плотности заселения территории.

Как утверждают исследователи S. Pérez и M. Sánchez, города, обладающие большой автономностью, имеют возможность проводить свою политику (в некоторой степени отличную от общегосударственной) и тем самым распространять либеральные ценности. Региональные власти также могут способствовать снижению напряженности, так как при работе над критическими вопросами гораздо легче прийти к общему решению на меньшей территории и с меньшим количеством населения. На международном уровне связи между регионами обеспечивают формальные, но в то же время гибкие каналы взаимодействия между политическими лидерами, представителями гражданского общества и другими сообществами. Так, политика Европейского Союза, направленная на выстраивание более тесной коммуникации между городами, может стать одним из перспективных направлений развития, так как сегодня резиденты объединения все чаще подвергают дискуссии вопросы экологии и ценности индивидуальности, что приводит к смене образа жизни в целом [15, р. 76].

Заключение

С точки зрения концепции *soft power* ставка на «единство в разнообразии» может быть достаточно эффективной. Во-первых, подобный подход является довольно гибким конструктом, который позволяет подстраиваться под современные вызовы и, будучи привлекательным своей многополярностью, позволяет задавать тренды развития мирового сообщества. Во-вторых, совпадение курсов на внутренне- и внешнеполитическом контуре создает ощущение выверенной стратегии, что способствует росту доверия власти по вопросам, касающимся экономической и политической сфер. Однако нужно учитывать, что при отсутствии крепкого фундамента в других сферах «мягкая сила» и ее практика в рамках культурной дипломатии не

способны создать привлекательный образ актора. Успех подобной политики будет зависеть от ряда других факторов, среди которых нужно упомянуть историческое наследие «мягкой силы», а также состояние дел в экономической и технологической сферах, включенность в международную повестку и внешнеполитическую значимость [16, р. 95]. Если вопрос исторического наследия «мягкой силы» Евросоюза оставляет место для дискуссии (в силу небольшого периода существования объединения), то благодаря остальным критериям он имеет устойчивое основание для использования широкого арсенала инструментов культурной дипломатии.

С одной стороны, мультикультурный состав Евросоюза является и его преимуществом, так как все большее распространение получает тезис об увеличении темпов процесса гомогенизации культуры. В этом смысле Джозеф Най писал о «коллективной Европе» как о главном конкуренте США в сфере «мягкой силы», делая акцент на наличии ресурсов для ее развития. Согласно ученому, объединенной Европе удалось преодолеть видимые разногласия прошлого и придать союзу образ «острова мира и процветания» [4, с. 168]. Тем не менее существуют некоторые сложности при анализе культурной линии ЕС на предмет соответствия «мягкой силе». Стоит помнить, что изначально эта концепция скорее применима для одного государства, нежели для объединения, где национальные особенности каждого государства по-прежнему ярко выражены. К тому же на настоящий момент единая «европейская культура» все еще остается неким искусственным конструктом и тем самым выступает в качестве ориентира для политических деятелей; по крайней мере подразумевается, что она должна им быть при принятии решений.

Однако последствия глобализации также накладывают свой отпечаток на геополитику: если раньше «родиной» массовых трендов становились или Соединенные Штаты, или отдельные европейские страны, то сегодня все большее влияние обретает Восточная Азия. Сегодня имеет место быть значительное ослабление ориентализма: условный «запад» уже не обязательно ассоциируется с прогрессом, а «восток» больше не является синонимом хаоса и отсталости. В наши дни не только Южная Корея, Тайвань и Япония, но и Китайская Народная Республика успешно соревнуются за статус источника инноваций. Китай, широко поддерживая идеологию глобализма, претендует на исключительную роль в мире, где благодаря информационным технологиям процесс «плавильного котла» обретает неизвестный ранее масштаб и составляет конкуренцию европейской дипломатической линии [17, с. 484].

Таким образом, можно сделать вывод, что культурная дипломатия ЕС отличается амбивалентным характером по причине того, что она направлена

на «экспорт» тех ценностей, которые целенаправленно распространяются в рамках самого сообщества. На современном этапе культурное многообразие гармонично сочетается с применением концепции «мягкой силы», что отражается в документах, стратегиях и программах: Европейский Союз отводит особую роль культуре и языку государств-членов, вместе с тем подчеркивая общность европейского культурного наследия. Подобная политика позволяет реализовывать две цели — создание привлекательного образа на международной арене, а также преодоление кризиса идентичности внутри объединения, который обострился на фоне пандемии [18, с. 5]. При имеющихся задачах сохранения внутреннего единства ЕС транслирует образ успешного наднационального объединения и остается влиятельным игроком на международной арене, который активно интегрирует вопросы прав человека, устойчивого развития и гуманитарной помощи в свою культурную политику.

Библиография

1. *Cull N.J.* Public Diplomacy: Foundations for Global Engagement in the Digital Age. Medford, MA: Polity Press. 2019. P. 5–26.
2. *Цветков И.А.* Новый национализм и борьба за доминирование в глобальном цифровом культурном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 478–487.
3. *Nye J.* Soft Power. The means to success in World Politics. New York, 2004. P. 5–12.
4. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-instrument-politicheskoy-kommunikatsii-i-gumanitarnoy-diplomatii>. — 01.11.2021.
5. *Рустамова Л.Р., Бахриев Б.Х.* Особенности публичной дипломатии Европейского Союза в Центральной Азии // Полития. 2020. № 3. С. 165–180.
6. *Snow N.* Rethinking Public Diplomacy in the 2020s. // Routledge Handbook of Public Diplomacy: Second Edition. Edited by Nancy Snow and Nicholas J. Cull. // Routledge. NY, 2020. P. 3–12.
7. Declaration on European Identity. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1973. 118–122. — URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf. — 02.11.2021.
8. *Сидорова Е.А.* Культурный фактор в отношениях России и Европейского Союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-faktor-v-otnosheniyah-rossii-i-evropeyskogo-soyuza>. — 19.01.2022.
9. *Carta C.* Cultural Diplomacy in Europe: Between the Domestic and International // The European Union in International Affairs. P. 1–19.
10. *Keukeleire S., Thiers R., Arnout J.* Reappraising Diplomacy: Structural Diplomacy and the Case of the European Union // Hague Journal of Diplomacy. No 4. 2009.

11. Culture and creativity // European Commission. The Official Website. — URL: <https://ec.europa.eu/culture/>. — 01.11.2021.
12. Публичная дипломатия зарубежных стран // Под ред. А.Н. Панова, О.В. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 142–149.
13. *Табаринцева-Романова К.М.* Культура и образование ЕС (июнь — август 2021) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 105. С. 68–72.
14. Special Eurobarometer on the Future of Europe // European Commission. The Official Website. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_447 — 27.01.2022.
15. *Sánchez J., Pérez F.* Climate Change Begins at Home: City Diplomacy. In the Age of the Anthropocene. // *Public Diplomacy and the Politics of Uncertainty*. Edited by Paweł Surowiec and Ilan Manor // Palgrave Macmillan, Cham. 2021. P. 57–82.
16. *Nye J.* Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616, No. 1. 2008. P. 94–109.
17. *Цветков И.А.* Новый национализм и борьба за доминирование в глобальном цифровом культурном пространстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 478–487.
18. *Лункин Р.* Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса // *Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 10*. 2020. С. 1–6.

Кинаш Екатерина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, магистратура

GREEN DIGITAL DIPLOMACY: НОВЫЙ ПОДХОД В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕС

GREEN DIGITAL DIPLOMACY: A NEW APPROACH IN THE EU ENVIRONMENTAL DIPLOMACY

Аннотация. В статье на основе имеющихся нормативных документов и статистических данных дается оценка перспектив достижения ЕС целей устойчивого развития и раскрываются основные аспекты нового направления в рамках экологической дипломатии — перехода к «зеленым» технологиям и повышению энергоэффективности. В исследовании сделан вывод о том, что ЕС может достичь поставленных экологических целей только посредством многостороннего сотрудничества со странами с разным уровнем экономического развития и создания глобальной коалиции в области использования передовых «зеленых» технологий.

Ключевые слова: зеленая дипломатия, ЕС, устойчивое развитие, зеленые технологии, цифровая среда.

Abstract. Based on the available regulatory documents and statistical data, the article assesses the prospects for achieving the EU sustainable development goals and reveals the main aspects of a new direction in environmental diplomacy — the transition to “green” technologies and energy efficiency improvement. The article concludes the ability of the EU to achieve its environmental goals only through multilateral cooperation with countries with different levels of economic development, and the creation of a global coalition in the use of advanced “green” technologies.

Keywords: green diplomacy, EU, sustainable development, green technologies, digital environment.

Европейский Союз является глобальным лидером в области экологической политики. Официальная позиция Европейской Комиссии состоит в том, что глобальные климатические проблемы являются одним из важнейших источников нестабильности и угрозой безопасности [1]. Таким образом ЕС использует цели устойчивого развития для продвижения собственных ценностей и интересов во внешней политике, тем самым включая данную повестку в свою дипломатическую деятельность.

Одновременно динамика международного развития бросает вызов деятельности государств-членов в борьбе с изменением климата. На сегодняш-

ний день вопросы защиты окружающей среды все чаще уходят на второй план из-за новых вызовов, стоящих на повестке: экономический спад, миграция, пандемия, проблемы энергетической безопасности. В рамках экологической политики также происходят изменения в подходах к решению климатических проблем и мерах по предотвращению экологической катастрофы. Одним из новых направлений в зеленой дипломатии ЕС становится переход к «зеленым» цифровым технологиям посредством повышения устойчивости и снижения уязвимости стран — членов ЕС и регионов-партнеров.

Актуальность исследования обусловлена еще и тем, что цифровой образ жизни дорого обходится состоянию окружающей среды, а международные акторы не уделяют этому вопросу должного внимания. Выступление Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша «Состояние планеты» в 2020 г. ясно дало понять, что мировая экономика должна трансформироваться, чтобы принять устойчивую модель развития с более чистой инфраструктурой и ресурсами [2]. Следовательно, любой международный участник, стремящийся к глобальному лидерству в области изменения климата, должен не ограничиваться потреблением энергии, выбросами парниковых газов и природными ресурсами, связанными с проектированием, производством и завершением срока службы цифрового сектора. Чтобы быть ответственными цифровыми игроками, государства должны учитывать экологические издержки использования цифровых услуг, основанных на больших объемах данных, и продвигать экологически чистые решения в рамках международного взаимодействия.

При этом Зеленый альянс ЕС и Японии, который был создан в мае 2021 г., не содержит прямых ссылок на экологические проблемы перехода к цифровым технологиям [3]. Партнерство между Европейской комиссией и частно-государственным фондом Breakthrough Energy Catalyst уделяет внимание увеличению инвестиций в важнейшие климатические технологии, но не сектору информационных технологий [4].

Согласно сообщению о многосторонности, «повышение способности ЕС быть глобальным игроком выражается в обеспечении согласованности между внешними действиями Союза и его внутренней политикой» [5]. Это значит, что международное участие ЕС в решении цифровых вопросов должно одновременно учитывать потенциальное воздействие на окружающую среду, в том числе с точки зрения потребления энергии. Цифровой успех внутри ЕС поставит его в выгодное положение для обеспечения интеллектуального лидерства в области перехода к «зеленым» цифровым технологиям, особенно в рамках двусторонних отношений и многосторонних форумов.

Выполнение целей повышения энергоэффективности и устойчивости потребует тесного сотрудничества с развитыми странами-партнерами, в

частности с Китаем, США и Россией. Содействие глобальному переходу на экологически чистые цифровые технологии потребует укрепления дипломатической деятельности ЕС по всему миру, а также в посольствах и торговых представительствах государств-членов.

Несмотря на то что цифровизация традиционно считается одной из мер экологической политики во многих странах мира, киберпространство — это не просто нематериальный набор данных. Все процессы, связанные с получением, хранением, передачей и удалением данных, имеют материальную основу, требующую энергии. При этом если сегодня воздействие цифрового сектора на окружающую среду незначительно, то через несколько лет проблема будет только актуализироваться по мере увеличения числа пользователей, которые подключаются к глобальной сети, и технологий, появляющихся на цифровых ранках. Данный вопрос имеет и ряд положительных аспектов. Одним из них является факт того, что, несмотря на повышение интернет-трафика в период с 2015 по 2021 г. на 419%, потребность в энергии центров обработки данных оставалась на уровне 200 ТВт·ч. Такое достижение стало возможным благодаря повышению эффективности серверов, устройств хранения и инфраструктуры [6].

Термин *green digital diplomacy* относительно новый, его автором является исполнительный директор EUISS П. Павлак. В российской научной среде нет аналогов подобного вида дипломатии, поэтому стоит более подробно рассмотреть меры, которые предполагается предпринять в рамках данной политики. Европейская Комиссия придерживается позиции о том, что сектор информационно-коммуникационных технологий должен пройти «зеленую» трансформацию через повышение энергоэффективности и показателей экономики замкнутого цикла в цифровом секторе [7, 8].

При этом эти действия должны не только совершаться на территории ЕС, тем самым обеспечивая Европе интеллектуальное лидерство в рамках перехода на «зеленые» технологии, но и выходить за его пределы и выражаться во взаимодействии с другими регионами.

Европейский Союз имеет возможности для создания глобальной коалиции, обладающей «зелеными» данными. Шаги, которые необходимо предпринять для достижения вышеуказанной цели, включают следующие меры:

1. Выстраивание партнерства для содействия устойчивым практикам обработки данных посредством повышения энергоэффективности при взаимодействии с другими регионами. Учитывая трансграничный характер климатических проблем, связанных с производством, и поток данных, партнерские отношения будут иметь решающее значение.
2. Повышение значения устойчивости как глобальной ответственности правительств государств и граждан посредством цифровых

решений (одним из примеров являются программы цифровой грамотности).

3. Переход к более передовым практикам в области экологии: стремление к всеохватывающей оценке жизненного цикла экономики данных и политики ЕС в области устойчивого развития, содействие проведению исследований взаимосвязи между устойчивым и цифровым переходом.

Некоторые элементы того, что можно было бы назвать цифровой дипломатией в области экологической политики, уже включены в деятельность ЕС. В рамках европейской Green Deal Европейская Комиссия предложила повысить целевой показатель сокращения выбросов парниковых газов как минимум до 55% к 2030 г. Дальнейшие меры в этой области были изложены в предварительном Соглашении о европейском климатическом праве [9], согласованном в апреле 2021 г. В области торговой политики ЕС настоятельно призывает государства согласовать свои стратегии в сфере поощрения торговли, финансирования, помощи и иностранных инвестиций с их внутренними климатическими обязательствами и договоренностями Парижского соглашения.

Кроме того, Европейская Комиссия заявила о цели «сделать центры хранения и обработки данных и телекоммуникации более энергоэффективными, для того чтобы достичь возможности повторного использования отходов и возобновляемых источников энергии» [7]. Данную цель дополняет Кодекс поведения центров хранения и обработки данных ЕС [10], который является добровольной инициативой, управляемой Объединенным исследовательским центром Еврокомиссии, и служит для улучшения понимания потребностей в энергии, повышения осведомленности и создания рекомендаций по передовым методам в области энергоэффективности. Около 20% европейских центров хранения и обработки данных в настоящее время используют Кодекс, они приняли меры по улучшению экологических показателей своей продукции, установив рамки для производителей, связанных с энергетикой, и предоставив конечным потребителям возможность определять наиболее энергоэффективный продукт. Однако крайне важно, чтобы не только крупные, но и небольшие центры стали климатически нейтральными.

Более того, честный подход к обеспечению энергетической устойчивости должен учитывать цифровое неравенство, проявляющееся в форме чрезмерного потребления цифровых данных в странах с более высоким уровнем дохода. В то время как американец потребляет 140 ГБ данных каждый месяц и владеет 10 устройствами, индиец потребляет в 70 раз меньше данных, как правило, только на одном устройстве [11, р. 61]. В данном направлении ЕС,

возможно, предпримет действия, связанные с механизмом мягкого права — схемы торговли «выбросами данных» или инструменты цифрового мониторинга, — для повышения осведомленности о чрезмерном потреблении и содействия изменению поведения жителей больших мегаполисов.

В дополнение ко всему вышесказанному, стоит упомянуть о формировании в 2020 г. Европейской зеленой цифровой коалиции (The European Green Digital Coalition) — группы компаний, поддерживающих инициативы в рамках экологической и цифровой трансформации. Несмотря на то что к Декларации о зеленой и цифровой трансформации ЕС присоединились только 24 страны ЕС, а также Норвегия и Исландия, коалиция открыта для заинтересованных компаний, которые готовы принять обязательства об устойчивом развитии и приветствуют цели по снижению выбросов парниковых газов и климатической нейтральности. Взамен коалиция готова предоставить ресурсы и персонал для выполнения мер, включенных в Декларацию [12].

В дополнение к основной декларации был разработан и принят ряд других документов в этом направлении: Декларация о Европейских шлюзах данных как ключевом элементе цифрового десятилетия ЕС была подписана 27 странами, которые обязались развивать средства связи между ЕС и его партнерами в развивающихся странах Африки, Азии, Европейского партнерства и Латинской Америки и уделять внимание наземным и подводным кораблям, спутникам связи и сетевым каналам; Декларацию «Зеленая и цифровая трансформация ЕС» подписали 26 европейских государств для ускорения процесса внедрения «зеленых» цифровых технологий в системы охраны окружающей среды [13].

Кроме того, в конце ноября 2021 г. Советом Европейского Союза были одобрены Десять партнерств в ответ на предложение Комиссии ускорить переход к зеленой, климатически нейтральной и цифровой Европе, а также повысить устойчивость и конкурентоспособность европейской промышленности. Среди этих партнерств есть и те, что касаются «зеленой» цифровой трансформации. Например, область ключевых цифровых технологий охватывает электронные компоненты, а также их проектирование, производство и интеграцию в системы и программное обеспечение. Главная цель этого партнерства заключается в поддержке цифровой трансформации в экономическом и социальном секторах.

Внедрение интеллектуальных сетей и услуг для достижения технологического суверенитета также входит в число партнерств. Оно направлено на решение социальных проблем и обеспечение перехода к цифровым и зеленым технологиям, а также на поддержку технологий, которые будут способствовать восстановлению экономики. Это позволит европейским игрокам развивать технологический потенциал систем 6G в качестве основы для

будущих цифровых услуг к 2030 г., а также технологии «зеленого облака», искусственного интеллекта, блокчейна, экологически чистое оборудование, поддержку экологически чистых государственных закупок, «зеленых» технологических стартапов средних и малых предприятий.

Преследуя цели «зеленой» цифровой дипломатии, ЕС должен обратить особое внимание на партнерские отношения с государственными и частными акторами, такими как промышленность, университеты, исследовательские организации, органы государственной службы на местном, региональном и национальном уровне, организации гражданского общества, включая фонды и НПО, которые находятся в центре технологических изменений и обеспечивают их легитимность [14]. Эти акторы также вносят свой вклад в «зеленую» цифровую трансформацию, что особенно просматривается в деятельности крупных технологических компаний, которые больше всего выигрывают от расширения и увеличения числа пользователей сети Интернет. Например, с 2017 г. Google компенсирует 100% своего потребления электроэнергии закупками возобновляемых источников энергии. В 2019 г. Amazon обязалась достичь к 2040 г. нулевого уровня выбросов, включая выбросы от грузоперевозок, использования электроэнергии, создания фирменной продукции, деловых поездок, упаковки, других приобретенных товаров и услуг. Компания Microsoft пообещала уже к 2030 г. стать углеродно-отрицательной и избавиться к 2050 г. от всего CO₂. Этих целей предполагается достичь с помощью технологий улавливания и хранения углерода, исследований и введения налогов на выбросы, а также обязательств, которые будут предъявляться к новым проектам [6].

Партнерство с этими и другими крупными технологическими компаниями может быть особенно ценным, учитывая факт того, что они являются международными игроками и действуют на глобальном уровне. В качестве платформы для такого диалога можно использовать Глобальную технологическую группу (The Global Tech Panel) как неформальный орган, объединяющий лидеров из области технологий, гражданского общества и дипломатии [15].

Европейский Союз взял на себя серьезную задачу стать первым климатически нейтральным пространством к 2050 г. Однако представители ЕС должны осознать весь объем мер, которые необходимо будет предпринять за такой короткий промежуток времени, чтобы оставить за собой лидерство в вопросах экологической политики. В то же время ЕС не является «самым грязным» актором мировой политики в плане выбросов парниковых газов в атмосферу: объем его загрязнений составляет порядка 12%, тогда как Китай, Россия и США являются главными источниками вредных выбросов. Для того чтобы добиться экологической устойчивости в будущем, европейская

дипломатическая деятельность должна вестись во многих регионах мира и захватывать не только энергетический сектор, но и самые неочевидные сферы экономики. Подобный подход объединит цифровые технологии и климат — два ключевых приоритета ЕС — под одной крышей и будет способствовать продвижению «европейского пути», уравнивая поток и широкое использование данных, сохраняя при этом высокие стандарты конфиденциальности, безопасности и этики.

Таким образом, действия по наращиванию потенциала в создании «зеленых» цифровых технологий должны включать повышение эффективности и устойчивости в рамках функционирования институтов и инфраструктуры. При этом распространение технологий нового поколения не должно ограничиваться информационным пространством развитых стран, регионы, испытывающие серьезные последствия в связи с изменением климата, также должны иметь доступ к подобным продуктам ИКТ, развитие которых будет идти параллельно с укреплением социальной устойчивости в этих странах.

Библиография

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. Brussels: European Commission, 11.12.2019. — URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:b828d165-1c22-11ea-8c1f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF — 09.02.2022.
2. State of the Planet: Latest from the Secretary-General. UN Environment Programme. 01.01.2020. — URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/video/state-planet-latest-secretary-general> — 20.02.2022.
3. Towards a Green Alliance to protect our environment, stop climate change and achieve green growth. EU-Japan Summit. 27.05.2021. — URL: https://www.consilium.europa.eu//media/49932/eu-japan-green-alliance-may-2021.pdf?utm_source=dsms-auto&utm_medium=email&utm_campaign=EU-Japan%2BGreen%2BAlliance — 20.02.2022.
4. Commission and Breakthrough Energy Catalyst announce new partnership to support investments in clean technologies for low-carbon industries. Press release. European Commission. 02.06.2021. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_2746 — 20.02.2022.
5. Joint communication — Strengthening the EU's contribution to rules-based multilateralism. JOIN (2021) 3 final. Brussels: European Commission, 17.02.2021. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A52021JC0003&rid=2> — 10.02.2022.
6. Pawlak P., Barbero F. Green digital diplomacy. EUISS. 13.09.2021. — URL: https://www.iss.europa.eu/content/green-digital-diplomacy#_what_is_digital_green_diplomacy_about_ — 09.02.2022.

7. Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Shaping Europe's digital future. Brussels: European Commission, 19.02.2020. — URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf — 10.02.2022.
8. Council conclusions on Climate Diplomacy. Brussels: Council of the European Union, 20.01.2020. — URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5033-2020-INIT/en/pdf> — 10.02.2022.
9. European Climate Law. European Commission — URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/european-green-deal/european-climate-law_en — 10.02.2022.
10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02016R0679-20160504&from=EN> — 10.02.2022.
11. The Shift Project, Lean ICT — Towards digital sobriety. March 2019. P. 90. — URL: https://theshiftproject.org/wp-content/uploads/2019/03/Lean-ICT-Report_The-Shift-Project_2019.pdf — 11.02.2022.
12. EU countries commit to leading the green digital transformation. European Commission, 19.03.2021. — URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/eu-countries-commit-leading-green-digital-transformation> — 10.02.2022.
13. Digital Day 2021: EU countries commit to key digital initiatives for Europe's Digital Decade. Press release. European Commission. 19.03.2021. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1186 — 11.02.2022.
14. Commission welcomes approval of 10 European Partnerships to accelerate the green and digital transition. News. European Commission. 19.10.2021. — URL: https://ec.europa.eu/info/news/commission-welcomes-approval-10-european-partnerships-accelerate-green-and-digital-transition-2021-nov-19_en — 10.02.2022.
15. Global Tech Panel meets in Brussels today for the first time. European Union External Action Service. 06.06.2018. — URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/45997/node/45997_lo — 20.02.2022.

Попов Дмитрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

СОТРУДНИЧЕСТВО НИЖНЕСИЛЕЗСКОГО ВОЕВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

THE COOPERATION OF LOWER SILESIAN VOIVODESHIP OF THE REPUBLIC OF POLAND AND LENINGRAD OBLAST: CURRENT STATE AND WAYS OF DEVELOPMENT

Аннотация. В исследовании рассматривается современное состояние сотрудничества Ленинградской области и Нижнесилезского воеводства Польши, его результаты и возможности по дальнейшему развитию. Автором определено, что на данный момент взаимодействие регионов наибольших успехов достигло в установлении культурно-образовательных контактов, а для развития кооперации в новых условиях необходимо уточнение его нормативно-правовой и институциональной базы, способствование установлению тесных контактов на местном уровне с использованием опыта других побратимских связей, а также адаптация сотрудничества к условиям пандемии COVID-19.

Ключевые слова: парадипломатия, Ленинградская область, Нижнесилезское воеводство, Польша, Россия.

Abstract. The study examines the current state of cooperation between Leningrad Oblast and Lower Silesian Voivodeship of Poland, its results and opportunities for further development. The author determined that at the moment the interaction of the regions has achieved the greatest success in establishing cultural and educational contacts, and for the development of cooperation in the new conditions, it is necessary to clarify its normative and institutional framework, promote the establishment of close contacts at the local level using the experience of other twinning ties, as well as adaptation of cooperation to the conditions of the COVID-19 pandemic.

Keywords: Paradiplomacy, Leningrad Oblast, Lower Silesian Voivodeship, Poland, Russia.

Введение

Внешние связи Ленинградской области как региона пограничного и близкого к такому мегаполису, как Санкт-Петербург, значительно развиты и разнообразны по сравнению с другими российскими субъектами, часто представляются образцовыми. Одним из наиболее успешных примеров

кооперации было принято считать ее связи с польским Нижнесилезским воеводством, которые в 2013 г. были отмечены премией «Шаг навстречу» за «деятельность на благо сближения народов России и Польши» [1].

На наш взгляд, именно сейчас, когда межгосударственные отношения России и Польши находятся в кризисном состоянии [2, с. 173], для сохранения и развития взаимодействия следует обратиться к кооперации на уровне регионов, городов и муниципалитетов, на которые проблемы «высокой политики» могут не оказывать большое влияние. В рамках данной работы мы определяем, действительно ли сотрудничество российского субъекта и польского воеводства может стать основой для нормализации отношений на межгосударственном уровне или, наоборот, оно зависит от системных факторов.

Итак, целью настоящего исследования мы поставили определить основные тенденции развития сотрудничества Ленинградской области РФ и Нижнесилезского воеводства РП в последние два десятилетия. Для ее достижения необходимо, во-первых, рассмотреть направления сотрудничества регионов, заявленные в соглашениях и реализуемые на практике, каким образом они менялись в зависимости от тех или иных факторов, тем самым мы определим влияние на их развитие процессов на межгосударственном уровне. Во-вторых, мы выявляем пути дальнейшего углубления межрегионального сотрудничества при ныне складывающейся системе российско-польских отношений, что определит практическую значимость исследования.

Автор использует сравнительно-аналитический и историко-описательный методы, системный подход и индукцию, качественный контент-анализ документов органов государственной власти и публикаций польских и российских СМИ, которые выступают основными источниками работы. Разработанность проблем парадипломатии на данный момент сравнительно велика. Можно вспомнить, например, статью М. Раша об истоках и причинах международной активности регионов [3], Ю.Г. Акимова о парадипломатии Квебека [4], Т. Лиу о китайской парадипломатии [5] или М. Тагама о ЕС [6], а также ряд работ о внешних связях российских регионов (И.Н. Новикова [7], Н.Ю. Маркушина [8], сборник В.С. Ягья о роли Санкт-Петербурга в мировой политике [9]). Уделяется особое внимание и внешним связям Ленинградской области [10]. Однако изучение межрегионального взаимодействия Польши и России представлено лишь трансграничным сотрудничеством Калининградской области с расположенными рядом польскими воеводствами (статьи Я.А. Ворожейиной [11] и Т. Пальмовского [12]), что не дает возможности увидеть всю картину польско-российских связей на региональном уровне. Так, рассмотрение случая кооперации Ленинградской области и Нижнесилезского воеводства должно внести вклад в исследование парадипломатии,

внешних связей российских субъектов и Ленинградской области, а также российско-польских отношений на современном этапе.

Соглашение о сотрудничестве Ленинградской области и Нижнесилезского воеводства

Итак, соглашение о межрегиональном сотрудничестве Ленинградской области и Нижнесилезского воеводства было подписано 15 августа 2003 г. [13]. Оно рассчитывалось на 5 лет, с возможностью продления на тот же срок при отсутствии возражений сторон, и поскольку оно действует до сих пор, то серьезных противоречий между регионами не выявлялось.

В основе настоящего соглашения лежали российско-польские договоры 1992 г. — «О дружественном и добрососедском сотрудничестве» [14] и «О трансграничном сотрудничестве» [15]. В документах указывалось, что для развития диалога РФ и РП важно установление контактов между региональными и местными властями, для чего создавалась Российско-польская комиссия по межрегиональному сотрудничеству. Но впервые ее заседание прошло в 2010 г., в своей активной деятельности в 2010–2012 гг. она затрагивала внешние связи лишь Калининградской и Псковской областей с северными польскими воеводствами [16], так что для сотрудничества Ленинградской области и Нижней Силезии комиссия не сыграла значительной роли.

Главной частью ленинградско-нижнесилезского соглашения стало перечисление сфер межрегионального взаимодействия: экономика и инвестиции; туризм, спорт и молодежная политика; образование; культура; технологии и СМИ, а также другие сферы по дополнительному согласованию [13]. В сравнении с другими подобными соглашениями оно выделяется, прежде всего, разнообразием сфер кооперации, но они описаны расплывчато, а конкретные формы осуществления не приводятся. Важным дополнением к соглашению стало создание специальной Рабочей группы для обеспечения постоянного взаимодействия, что не предусматривалось многими другими договорами, но ее деятельность остается незаметной.

Реализация ленинградско-нижнесилезского соглашения

В качестве основных реальных достижений за 18 лет сотрудничества можно привести сохранение постоянных контактов между представителями регионов в сфере туризма. В условиях эпидемии COVID-19 в мае 2020 г. удалось провести видеоконференцию, на которой было решено организовать презентации туристических маршрутов Ленинградской области и Нижней Силезии, а после снятия ограничительных мер — информационные туры по гастрономическому и сельскому туризму [17].

Важным направлением сотрудничества с конкретными результатами можно считать культурно-образовательное взаимодействие, что называлось польской стороной основой кооперации [18, s. 180]. В отдельных школах и центрах детского творчества Ленинградской области реализуется программа изучения польского языка и культуры. С 2009 г., после подписания соответствующей Декларации о намерениях между регионами, в школах Ленинградской области проводится конкурс на знание географии, истории и культуры Польши, а в Нижней Силезии — Северо-Запада России [19]. В результате ежегодно несколько десятков учащихся отправляются в регион-партнер, где для них организуется культурная программа и образовательные курсы. В проведении данных мероприятий непосредственно участвовало руководство регионов, направляя к своему партнеру делегации, которые способствовали сохранению прямых контактов и расширению кооперации.

Существует отдельное соглашение о сотрудничестве Законодательного собрания Ленинградской области с Сеймиком Нижнесилезского воеводства. Оно было заключено в 2009 г. в рамках визита руководства польского региона в российский, на котором межпарламентское взаимодействие было названо приоритетной задачей [20]. После этого активизировались обмены парламентскими делегациями, которые перенимали зарубежный опыт в разных сферах, примером чего можно считать закон о сельском туризме Ленинградской области, созданный на основе соответствующего нижнесилезского закона [21].

В сфере экономики контакты между представителями регионов начали устанавливаться только в 2010-х гг., и конкретных удачных примеров этого взаимодействия немного, хотя с 2005 г. действует соглашение о партнерстве между Ленинградской торгово-промышленной палатой и Западной торгово-промышленной палатой Нижней Силезии [19]. Так, шли переговоры о совместном проекте строительства оптового агропродовольственного распределительного центра стоимостью 2,8 млрд рублей [22], но данный проект реализован не был.

Тем не менее ленинградско-нижнесилезские отношения часто приводились в пример при рассмотрении межрегионального сотрудничества Польши и России и парадипломатии в целом, причем кооперация, как отмечалось, была инициирована именно региональными властями. Но при этом в регионах придается различная важность взаимодействию с его зарубежным партнером. Если на официальных сайтах правительства Ленинградской области и российских СМИ часто упоминались отдельные мероприятия, проведенные в рамках сотрудничества с Нижней Силезией [19], то информация с польской стороны ограничивается лишь указанием Ленинградской области как партнерского региона, с которым идет сотрудничество в сфере культуры [23].

Сотрудничество на муниципальном уровне

После начала межрегионального сотрудничества руководства области и воеводства приложили усилия для его развития на муниципальном уровне. Уже в 2004 г. породненными городами стали Ивангород и Каменна-Гура, а в 2013 г. — Тихвин и Олесница [24]. Однако никакие конкретные факты кооперации найти не удается. Каменна-Гура лишь упоминается как один из городов, с которым Ивангород продолжает развивать сотрудничество [25]. При перечислении же городов-побратимов Каменны-Гуры Ивангород детально описан с исторической точки зрения, приводится подробный и конкретный перечень направлений взаимодействия, но реальные примеры кооперации не приводятся [26].

Олесница не включена в список участников международных связей Тихвина, где вся Польша лишь упоминается как страна, с которой «ширится сотрудничество» [27]. Аналогично нет никаких данных о сотрудничестве с Тихвином на сайте польского города, что означает прекращение фактического взаимодействия между партнёрами [28]. Тем не менее, в СМИ как Ленинградской области, так и Нижней Силезии заключение соглашения ярко освещалось, отмечались обмен визитами музыкальных коллективов и участие тихвинских школьников в конкурсах на знание Польши [29]. В целом же, таким образом, совместная деятельность городов-побратимов не привела к значимым результатам.

Текущие трудности в сотрудничестве регионов

Пик кооперации Ленинградской области и Нижней Силезии приходится на начало 2010-х гг., когда отношения между РФ и РП оказались наиболее теплыми, но и при их изменении в худшую сторону полного сворачивания сотрудничества не произошло, хотя отдельные пути взаимодействия перестали использоваться. С 2014 г. прекратились межпарламентские контакты. Отменяются форумы регионов и перекрестный год Польши и России, в программе которого особое место должна была занимать Ленинградская область [30].

Из-за связи регионального сотрудничества с общегосударственным взаимодействием России и Польши [3, р. 80] в краткосрочной перспективе его развитие ограничено. Оно не может реализовываться в политической сфере, в которой между странами противоречия наиболее выражены, а в сфере экономики и культуры также встречает препятствия. В первом случае — из-за отсутствия налаженных в прошлом контактов, а во втором — из-за польско-российских противоречий в интерпретации событий прошлого, хотя в рамках межрегионального взаимодействия они не играют той негативной роли, как на уровне международных отношений. Самый позитивный

сценарий приносит определенные трудности в развитии ленинградско-нижнесилезского сотрудничества, которые не зависят от руководства регионов, и в краткосрочной перспективе возможно развивать кооперацию лишь по линии туризма и образования.

Данное обстоятельство может приводить к переориентации связей Ленинградской области на ее других, более благожелательных партнеров, тем более что отмечается нехватка специалистов со знаниями польского языка, культуры Польши [31]. Другими проблемами взаимодействия можно назвать недостаточную проработанность его нормативно-правовой базы, неравномерность выстроенных контактов, ограниченность связей на местном уровне. К этому следует добавить и общие проблемы внешних связей российских регионов, такие как отсутствие быстрых и понятных результатов сотрудничества, ограниченное финансирование и нехватка времени и внимания со стороны руководства, для которых польское направление оказывается лишь одним из возможных.

Пути развития ленинградско-нижнесилезской кооперации

Тем не менее уже сейчас существуют возможности для совершенствования установленной системы сотрудничества. Во-первых, возможно уточнение его форм конкретными примерами, как это прописано в соглашениях Ленинградской области с другими регионами. Уже в соответствии с принятыми направлениями следует реформировать Рабочую группу для обеспечения постоянного взаимодействия, которая будет курировать определенные форматы сотрудничества и определять их эффективность. Кроме нее можно использовать потенциал Российско-польской комиссии по межрегиональному сотрудничеству, хотя ранее она не была активна и способствовала ограниченному налаживанию связей лишь Калининградской и Псковской областей с польскими воеводствами. Организация ее заседания на территории Ленинградской области может не только стать символом значимости региона в российско-польских межрегиональных связях, но и способствовать проявлению интереса к нему со стороны польских и российских центральных властей.

Успешное сотрудничество Ленинградской области и Нижнесилезского воеводства в области туризма и образования следует развивать и приспосабливать к новой обстановке — проведением онлайн-мероприятий, что уже было опробовано летом 2020 г. [17]. К ним может относиться составление и представление новых туристических маршрутов, распространение знаний о неизвестных достопримечательностях, обращение к их истории при возможности с подчеркиванием их связи с Польшей. В сфере образования онлайн-формат может сделать более частыми контакты образовательных

учреждений при небольших финансовых затратах, превратить ежегодные события в постоянное взаимодействие.

Образовательные обмены могут повлиять и на поиск взаимопонимания между Россией и Польшей в интерпретации исторических событий, что на данный момент предпринимается в академической среде [32]. Оно возможно на уровне регионов, поскольку в сеймике Нижнесилезского воеводства преобладают партии, для которых историческая политика не является главным приоритетом [33], и поэтому их собственные региональные интересы могут отличаться от общенациональных [3, р. 80], хотя, конечно, следует учитывать, что взаимодействие с зарубежными партнерами согласовывается и с польским МИД [11, с. 93]. Организация в Рабочей группе отдельного сектора по сложным вопросам истории послужит началу решения подобных споров сначала на региональном, а затем и государственном уровне.

Для преодоления проблемы нехватки квалифицированного персонала в Ленинградской области возможно распространять интерес к польской культуре в обществе. Это должно привести к повышению спроса на изучение польского языка и Польши, которому должно соответствовать и предложение соответствующих курсов. Ценными в этой сфере являются участники образовательных обменов прошлых лет.

Перечисленные в соглашении разнообразные формы кооперации позволяют активизировать взаимодействие в иных сферах, например в спорте, который меньше всего связан с политической повесткой. Но при этом возможно сочетание спортивных мероприятий с культурными проектами, на примере организованного в 2016 г. «Катынского рейда» байкеров, проходившего на территории Ленинградской области [34].

Для выстраивания взаимодействия между хозяйствующими субъектами регионов могут быть организованы выставки, встречи между предпринимателями при участии Торгово-промышленной палаты Ленинградской области и с использованием площадок Санкт-Петербурга. Также важно повышение информированности компаний из Ленинградской области о возможностях ведения предпринимательской деятельности в Нижнесилезском воеводстве, а польских — о благоприятном инвестиционном климате российского региона. Эту кооперацию также можно связать с культурно-образовательными программами, привлечь к их организации представителей частных компаний, которые затем могут подключиться к делегациям в партнерский регион.

Наконец, следует развивать потенциал взаимоотношений городов-побратимов, стимулировать местные власти к установлению прямых контактов по образцу регионального сотрудничества и успешному побратимскому взаимодействию городов Ленинградской области. Первостепенной задачей является развитие интернет-порталов городов региона, на которых нужно

указывать подробную информацию о польских породненных городах для привлечения к ним внимания со стороны туристов и предпринимателей, об уже установленных связях с ними и их приоритетах.

Заключение

Таким образом, сотрудничество Ленинградской области и Нижнесилезского воеводства, насчитывающее почти 20 лет истории, и на данный момент при определенных трудностях межгосударственных российско-польских отношений сохраняет свою значимость. Регионы продолжают быть заинтересованы во взаимодействии, однако его сферы ограничиваются культурой, образованием и туризмом, которые в меньшей степени связаны с «высокой политикой», но которые не перетекают в тесную экономическую кооперацию, что характерно для более близких к Ленинградской области зарубежных партнеров [10].

В то же время и в контексте культурно-образовательной деятельности наблюдаются проблемы нехватки кадров и возможного влияния исторической памяти на данный региональный уровень. Приходится признать, что общий контекст взаимодействия, характеризуемый минимальным уровнем контактов сторон, не позволяет создавать долговременные структуры и рамки взаимодействия, такие как форумы регионов или деятельность российско-польских комиссий, которые остаются важными для направления российской и польской парадипломатии. Вместе с тем определенные пути дальнейшего развития ленинградско-нижнесилезского сотрудничества можно выделить уже сейчас, однако они будут зависеть не только от политической воли руководства регионов, между которыми напрямую противоречий найти трудно, но и от благорасположенности к межрегиональному сотрудничеству центральных властей России и Польши.

Библиография

1. Obwód leningradzki i Dolny Śląsk wzorem dla innych samorządów // Portal Samorządowy. 03.06.2013. URL: <https://www.portalsamorzadowy.pl/komunikacja-spoleczna/obwod-leningradzki-i-dolny-slask-wzorem-dla-innych-samorzadow,48990.html> — 11.11.20.
2. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг. / Под ред. И.И. Орлика. М.: Институт экономики РАН, 2016. 378 с.
3. Raś M. Dynamics of international activity of sub-state regions // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2021. No. 1. P. 71–81.
4. Акимов Ю.Г. Франко-канадский/квебекский национализм и зарождение квебекской парадипломатии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 2. С. 225–238.

5. *Liu T., Song Y.* Chinese Paradiplomacy: A Theoretical Review // Sage Open. 2020. No. 1. P. 1–14.
6. *Tatham M.* Paradiplomats against the State: Explaining Conflict in State and Substate Interest // Representation in Brussels, Comparative Political Studies. 2013. Vol. 46. P. 63–94.
7. *Новикова И.Н., Попов Д.И.* Внешнеэкономическое сотрудничество Санкт-Петербурга с Данией в XXI веке: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. № 1. С. 41–70.
8. *Маркушина Н.Ю., Харлампьева Н.К.* Северо-Западный федеральный округ. Внешние связи СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. 258 с.
9. Рассвет над Петербургом. Санкт-Петербург в мировом сообществе / под ред. В. С. Ягья. СПб.: Европейский дом, 2005. 272 с.
10. *Новикова И.Н., Попов Д.И.* Внешнеэкономические связи Ленинградской области и Швеции в первое двадцатилетие XXI века: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2020. № 4. С. 66–79.
11. *Ворожеина Я.А.* Калининградская область и северо-восточные воеводства Польши: особенности приграничного сотрудничества // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2017. № 1. С. 91–97.
12. *Пальмовский Т.* Биполярная модель межрегионального сотрудничества «Трехградье (Польша) — Калининград (Россия)» // Регион сотрудничества. 2004. № 1. С. 33–43.
13. Соглашение о межрегиональном сотрудничестве между Правительством Ленинградской области Российской Федерации и Управлением Маршала Нижнесилезского воеводства Республики Польша [Электронный ресурс]. URL: <https://inter.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2019/08/05/Польша.pdf> — 11.11.20.
14. Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901728232> — 11.11.20.
15. Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о трансграничном сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902980> — 11.11.20.
16. Заседание Российско-Польской комиссии по межрегиональному сотрудничеству прошло в Пскове // Псковская лента новостей. 05.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://pln-pskov.ru/society/119449.html> — 11.11.20.
17. Видео-конференц-связь с партнерами из Нижнесилезского воеводства // Комитет по внешним связям Ленинградской области. 21.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://inter.lenobl.ru/ru/news/27325/> — 11.11.20.
18. *Z problematyki regionalnej Dolnego Śląska / Pod red. S. Cioka, K. Janca.* Wrocław, 2012. 215 s.
19. Польша и Ленобласть вместе выставятся в Брюсселе // Regnum. 16.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1416288.html> — 11.11.20.
20. Международная деятельность. Соглашения о сотрудничестве // Законодательное собрание Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lenoblzaks.ru/static/folder/-rus-common-extra-inter-/16079/1> — 11.11.20.

21. Областные депутаты встретились с польскими коллегами // Безформата. Новости ЛенОбласти. 17.06.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenoblast.bezformata.com/listnews/deputati-vstretilis-s-polskimi/875915/> — 11.11.20.
22. Агропродовольственный логистический терминал будет построен в Ленинградской области // Продмаг. 20.02.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://prodmagazin.ru/2013/02/20/agroprodovolstvennyiy-logisticheskiy-terminal-budet-postroen-v-leningradskoy-oblasti/> — 11.11.20.
23. Informacje podstawowe // Dolnośląski Urząd Wojewódzki. URL: <https://www.duw.pl/pl/urzad/informacje-podstawowe/10562,Informacje-podstawowe.html> — 11.11.20.
24. Uchwała NR XXX/247/2013 w sprawie podjęcia współpracy partnerskiej pomiędzy Miastem Oleśnica a Miastem Tichwin. URL: <http://bip.um.olesnica.pl/article/articleview/4281/> — 11.11.20.
25. Отчет о деятельности Администрации МО «Город Ивангород» за 2019 год и задачах на 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ivangorod.ru/otchety/2019/10619> — 11.11.20.
26. Współpraca z zagranicą — Miasta partnerskie // Kamienna Góra. URL: <http://kamiennagora.pl/wspolpraca-z-zagranica-miasta-partnerskie/> — 11.11.20.
27. Международные связи // Тихвинский муниципальный район [Электронный ресурс]. URL: <https://tikhvin.org/region/international/> — 11.11.20.
28. Miasta partnerskie // Urząd Miasta Oleśnicy. URL: <https://www.olesnica.pl/o-miescie/miasta-partnerskie> — 11.11.20.
29. Jest umowa z Tichwinem // Oleśnica Nasze Miasto. 22.05.2013. URL: <https://olesnica.naszemiasto.pl/jest-umowa-z-tichwinem/ar/c3-1865120> — 11.11.20.
30. Мастеров В. Перечеркнутый год // Русский мир. 29.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkiymir.ru/publications/146752/> — 11.11.20.
31. Эксперт: Некоторые трудности мешают развитию российско-польского межрегионального развития // Портал Северо-Запада. 11.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenobl.allnw.ru/news/191854> — 11.11.20.
32. Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2017. 823 с.
33. Województwo Dolnośląskie // Wybory Samorządowe 2018. URL: https://wybory2018.pkw.gov.pl/pl/geografia/020000#general_committee_stat — 11.11.20.
34. Примирение Катыню: в Москве встретились российские и польские байкеры // Федеральное агентство новостей. 01.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://riafan.ru/550999-primirenje-katynyu-v-moskve-vstretilis-rossiiskie-i-polskie-baikery> — 11.11.20.

Сахимов Саим Салаватович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, магистратура

ВНЕШНЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ «ЕВРОПЕЙСКОГО ЗЕЛЕНОГО КУРСА» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И КЛИМАТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

THE EXTERNAL DIMENSION OF THE EUROPEAN GREEN DEAL AS A FACTOR IN TRANSFORMATION OF THE ENERGY AND CLIMATE CHANGE DIPLOMACY OF THE EUROPEAN UNION

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния Европейского Зеленого курса, в частности, его внешнего измерения, на трансформацию современной энергетической и климатической дипломатии ЕС. В работе раскрывается понятие внешнего измерения ЕЗК и подчеркивается неоднозначность его позиционирования Европейским Союзом. Также автор рассматривает концепцию так называемой дипломатии Зеленого курса ЕС и освещает трудности в ее формировании. В заключительной части статьи даны рекомендации по пересмотру приоритетов новой энергетической и климатической дипломатии ЕС и формулируется вывод, что ее успешная реализация будет зависеть от согласованности внутренних и внешних стратегий Союза, а также его способности к гибкому сотрудничеству и адекватной оценке имеющихся ресурсов.

Ключевые слова: Европейский Союз, Европейская комиссия, внешнее измерение Европейского Зеленого курса, энергетическая и климатическая дипломатия Европейского Союза, дипломатия Зеленого курса ЕС.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the influence of the External Dimension of the EU's Green Deal on transformation of the current Energy and Climate Change Diplomacy of the European Union. The paper reveals the concept of the External Dimension of the EGD and highlights the ambiguity of its positioning by the European Union. The author also considers the concept of the Green Deal Diplomacy and highlights the difficulties in its formation. The final part of the article has recommendations on revising the priorities of the EU's Energy and Climate Change Diplomacy and the conclusion is formulated that successful implementation of the Green Deal Diplomacy will depend on the consistency of the EU's internal and external strategies, as well as its ability to cooperate flexibly and adequately assess the available resources.

Keywords: European Union, European Commission, External Dimension of the European Green Deal, EU's Energy and Climate Change Diplomacy, EU Green Deal Diplomacy.

Внешнее измерение Европейского Зеленого курса

Европейский Зеленый курс (ЕЗК) в большей степени рассматривается как внутренняя стратегия декарбонизации Европы к 2050 г., однако одним из элементов ЕЗК, которому уделяется сравнительно меньше внимания, является его внешнее, глобальное измерение: стремление ЕС стать «глобальным лидером» в борьбе с изменением климата посредством совмещения внутреннего энергетического перехода и «усиленной дипломатии Зеленого курса», направленной на то, чтобы «убедить и поддержать других в продвижении более устойчивого развития».

В первоначальном сообщении Комиссии о Европейском Зеленом курсе (2019 г.) внешнее измерение ЕЗК отодвинуто на второй план: в сообщении подробно излагается ряд инициатив, однако минимально описаны приоритеты в рамках всеобъемлющей стратегии [1, р. 20].

В последующих же документах по «Европейскому Зелёному курсу» детальность описания внешнего измерения ЕЗК различается. Например, в сообщении о биоразнообразии (2020 г.) внешнее измерение затрагивается довольно поверхностно: упоминается согласованность политики устойчивого развития, постоянная финансовая поддержка и две инициативы: NaturAfrica (защита дикой природы и ключевых экосистем) и «Глобальная коалиция за биоразнообразие» (повышение осведомленности о защите биоразнообразия) [2, р. 22].

Стратегия «От фермы к вилке» в этом плане более подробна: в ней перечислен ряд приоритетных областей для сотрудничества в целях устойчивого развития с акцентом на том, как размер рынка ЕС дает ему возможность влиять на стандарты пищевой продукции во всем мире [3, р. 2]. Между тем Водородная стратегия ЕС делает сильный акцент на Европейской политике соседства и стремлении Союза влиять на глобальные стандарты и нормы [4, р. 19].

На сегодняшний день наиболее всеобъемлющим документом, раскрывающим внешнее измерение Зеленого курса, является заключение Европейского Совета по климатической и энергетической дипломатии (январь 2021 г.), в котором расписаны текущие обязательства ЕС и содержится призыв к дальнейшим действиям в различных областях. В частности, в документе звучит призыв к третьим странам по дальнейшему продвижению своих климатических амбиций, постановке четких краткосрочных и среднесрочных целей и постепенному отказу от субсидий на ископаемое топливо [5, р. 7]. Документ также подчеркивает приверженность ЕС борьбе с изменением климата посредством увеличения масштабов финансирования и поддержки «зеленых» энергетических переходов в отдельных частях мира. Также многое возлагается на такие многосторонние форумы, как Конференция ООН по изменению климата (COP26). Так или иначе, все эти учредительные документы сосредоточивают внимание на европейских интересах,

что дает повод позиционировать Европейский Зеленый курс как стратегию внутреннего роста Европейского Союза.

При этом исследователи Немецкого института развития (DIE) С. Кох и Н. Кайзер в статье *External Dimensions of the European Green Deal: The Case for an Integrated Approach* утверждают, что на текущий момент Европейский Союз понимает глобальное измерение Зеленого курса сугубо как проекцию своих внутренних стратегий на внешнее сотрудничество в области устойчивого развития [6, р. 2]. В своей работе авторы выделяют три внешних измерения ЕЗК:

- 1) продвижение Зеленого курса ЕС в двустороннем и региональном сотрудничестве;
- 2) обеспечение согласованности и преодоление негативных последствий как во внешнеторговой, так и во внутренней политике;
- 3) продвижение глобального лидерства ЕС на многосторонних форумах.

По их мнению, объединение этих трех измерений с текущей внутренней программой Европейского Зеленого курса в комплексный подход обеспечит Европейскому Союзу лидерство в продвижении «зеленой дипломатии» по сравнению с другими мировыми державами и позволит распространить свое рыночное и нормативное влияние. Так, в двусторонних отношениях Евросоюзу предлагается заключать «сделки» в прямом смысле этого слова, т. е. вместе формулировать повестку сотрудничества, которая учитывала бы интересы партнеров ЕС и одновременно предполагала бы смягчение возможных издержек в ходе их корректировки [6, р. 2].

Исходя из этого, С. Кох и Н. Кайзер выдвигают тезис о том, что позиционирование внешнего измерения ЕЗК не как отражения уже имеющейся внутренней стратегии, но как неотъемлемой части комплексного согласованного подхода, учитывающего интересы стран-партнеров и объективные реалии, позволит Евросоюзу в полной степени достичь поставленных климатических целей на международной арене [6, р. 4].

Формирование дипломатии Зеленого курса ЕС

Как таковая концепция внешнего измерения ЕЗК подразумевает коренное изменение энергетической и климатической дипломатии ЕС и формирование так называемой дипломатии Зеленого курса ЕС, которая будет преследовать следующие цели:

- укрепление позиций ЕС как законодателя норм и стандартов в области энергетического перехода путем продвижения прозрачных механизмов сотрудничества по техническим и регуляторным вопросам;
- расширение экономических возможностей для европейского бизнеса на развитых и развивающихся рынках возобновляемых источников энергии (ВИЭ), низкоуглеродных и цифровых технологий;

- повышение безопасности и стабильности энергоснабжения и энергосистем с учетом ВИЭ;
- поддержка энергетического перехода третьих стран и регионов для достижения целей устойчивого развития;
- привести к успеху многостороннее сотрудничество по климату и энергетике в рамках Парижского климатического соглашения [7, р. 2–3].

Другими словами, дипломатия Зеленого курса ЕС подразумевает активизацию работы между верховным представителем ЕС / исполнительным заместителем председателя Комиссии, самой Комиссией и государствами-членами по «мобилизации всех дипломатических каналов, как двусторонних, так и многосторонних» в рамках форматов ООН, G7, G20, ВТО и т. д. Целью является создание «зеленых союзов» посредством «дипломатических и финансовых инструментов» с целевыми регионами, среди которых упоминаются Африка, Латинская Америка, Карибский и Азиатско-Тихоокеанский регион [8, р. 2]. При этом подчеркивается главенствующая роль ЕС как глобального донора финансирования в области изменения климата.

В опубликованном сообщении верховного представителя ЕС Ж. Борреля (2019 г.) заявляется, что инструментарий дипломатии Зеленого курса ЕС будет включать все имеющиеся в распоряжении средства — «от торговой политики и технической помощи до наращивания потенциала и сотрудничества в целях развития, а также, при необходимости, инструменты кризисного управления» [9]. Также планируется использовать механизм «Инструмента Глобальной Европы» (GEI) по предоставлению грантов, гарантий, льготного кредитования и технической помощи для продвижения сотрудничества и устойчивого развития «опорных» (целевых) стран [6, р. 3].

В свою очередь, институциональная база дипломатии Зеленого курса ЕС еще находится на стадии формирования. Предполагается, что ответственными за реализацию новой дипломатии будут один или несколько генеральных директоров Комиссии (DG Climate Action и/или DG Energy) или тематические структуры Европейской службы внешних связей (EEAS). На высшем же уровне ответственность возьмет на себя либо исполнительный заместитель председателя Комиссии (Executive VP), либо верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности (HR) [8, р. 5].

Препятствия на пути трансформации энергетической и климатической дипломатии ЕС

Все эти предписания так или иначе предполагают глубокую трансформацию текущей энергетической и климатической дипломатии ЕС. Так, энергетической дипломатии ЕС образца 2015 г., традиционно ориентированной на обеспечение доступа к ископаемым видам топлива и усиление многосто-

ронного управления энергетикой, необходимо адаптироваться не только к целям Зеленого курса ЕС, но и к глубоким геоэкономическим и геополитическим сдвигам, которые были вызваны энергетическими переходами по всему миру. В Заключении Европейского Совета по климатической и энергетической дипломатии (2021 г.) преобразование энергетического сектора называется ключевым на пути к достижению климатической нейтральности, а потому энергетическая дипломатия ЕС призвана «ускорить глобальный энергетический переход, обеспечивая при этом доступность, охрану окружающей среды и достижение целей устойчивого развития» [5, р. 9]. В связи с этим энергетическая дипломатия ЕС будет способствовать повышению энергоэффективности, разворачиванию безопасных и устойчивых низкоуглеродных технологий, увеличению использования и системной интеграции — в том числе за счет увеличения межсетевого взаимодействия — возобновляемой энергетики. Подобный резкий поворот к экологической повестке может привести к тому, что энергетическая дипломатия ЕС столкнется с комплексным испытанием баланса между климатом, промышленностью, торговлей, развитием, а также политикой в области энергетики и безопасности — в двух- и многосторонних форматах.

Несмотря на необходимость Европейского Союза адаптироваться к новому направлению, намерение ограничить всю энергетическую и климатическую дипломатию исключительно рамками Зеленого курса ЕС видится нецелесообразным. Еще остается нерешенной внутренняя дилемма амбициозности задач ЕЗК, с одной стороны, и ограниченных политических и финансовых ресурсов Европейского Союза, с другой. Устанавливая приоритеты для новой дипломатии, Союзу необходимо найти баланс между глобальными устремлениями и ограниченными средствами в условиях мирового энергетического кризиса и пандемии COVID-19. Кроме того, нельзя исключать и противоречия: как между дипломатиями ЕС и отдельных государств-членов, так и между различными внутренними и внешними политиками Союза.

Также негативным фактором служит «настойчивость» ЕС в торгово-экономических отношениях с третьими странами, что на практике выглядит как принуждение стран-партнеров (напр. через механизм СВАМ) следовать «зеленой» линии Союза. Примером неоднозначной реакции на внешнее измерение Зеленого курса ЕС стало обещание России обжаловать в ВТО европейский механизм СВАМ, а Бразилия и Индонезия охарактеризовали попытки Евросоюза реализовать свои климатические амбиции через международную торговлю как «новую форму колониализма» [10, р. 5].

К тому же, несмотря на то что внешнему измерению посвящено две с половиной из 22 страниц сообщения Комиссии по Зеленому курсу, раздел

остается размытым по наполнению: отсутствует четкий фокус на различные инструменты, уровни и усилия по внутренней / внешней координации новой дипломатии [1, р. 20–22]. В работе, посвященной «зеленой дипломатии» ЕС, бельгийская исследовательница Ф. Петри утверждает, что без указания конкретных целей и инструментов дипломатия Зеленого курса ЕС рискует превратиться в «бумажного тигра заявленных амбиций» [8, р. 3].

Рекомендации по пересмотру приоритетов энергетической и климатической дипломатии ЕС

Для того чтобы минимизировать перечисленные проблемы, можно дать следующие рекомендации по пересмотру приоритетов дипломатии Зеленого курса ЕС:

1. Дипломатия Зеленого курса ЕС будет более эффективна с ориентиром на гибкое и менее идеологическое взаимодействие со странами-партнерами. Текущая торговая политика ЕС, в которую внедрен механизм СВАМ, воспринимается партнерскими государствами как крайняя форма протекционизма, что отрицательно сказывается на экспорте товаров в ЕС. Сводя все к строгому исключительно «универсальному» подходу, Евросоюз рискует сделать Европейский Зеленый курс угрозой для тех стран, которым необходимо реструктурировать свою экономику в соответствии с новыми правилами и стандартами.

Напротив, гибкое, менее идеологическое и более ориентированное на партнеров взаимодействие позволит новой дипломатии легче заключать надежные «зеленые союзы» со странами и укрепит нормативную силу ЕС на международной арене. В данном контексте речь идет о высоком уровне гибкости в отношении различных программ энергетического перехода, различных подходов к изменению климата, а также общественно-политической ситуации в целевых странах-партнерах. Помимо этого, подразумевается поддержка экономик партнерских стран в адаптации к новым правилам и стандартам ЕС и компенсация возможных издержек.

Также стратегически важно расширение географии внешнего измерения ЕЗК. На данный момент в качестве основного направления дипломатии Зеленого курса ЕС обозначены отношения с традиционными партнерами из числа стран Европейского соседства. При учете глобального характера энергетического перехода этого недостаточно. В этой связи предлагается расширить географию «зеленых союзов» и сделать упор на партнерских отношениях со странами так называемого Афро-Евро-Азиатского эллипса, в частности, с Индией, Алжиром, Египтом, Саудовской Аравией, ОАЭ, Турцией, Россией, Украиной, Казахстаном, Узбекистаном и др. [7, р. 4]. Выбор целевых партнеров намеренно направлен на данные страны, поскольку

здесь выделены, с одной стороны, государства, в которых сотрудничество с ЕС по энергетическим вопросам уже налажено (Индия, Алжир, Египет). С другой стороны, здесь также представлены страны, существующие форматы сотрудничества с которыми могут быть переосмыслены, поскольку некоторые партнерские отношения либо ограничиваются исключительно вопросами безопасности поставок (Россия, Украина) либо в определенной степени недооценены в приоритетах энергетической и климатической дипломатии ЕС (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Казахстан и Узбекистан).

2. При реализации дипломатии Зеленого курса ЕС необходимо учитывать фактор кризисной ситуации и ограниченности ресурсов. Пандемия COVID-19 и мировой энергетический кризис нанесли значительный урон глобальной энергетической системе и европейскому энергетическому сектору. Помимо этого, в среднесрочной перспективе существует опасность нарушения цепочек создания стоимости возобновляемой энергии, истощения инвестиционных потоков в энергетический сектор, изменения в потребительском поведении, а также быстрой и неконтролируемой цифровизации энергетики. Ввиду этих проблем, глобальный энергетический переход становится затруднительным.

Кроме того, Европейскому Союзу следует пересмотреть вопрос согласования между собой задач по достижению климатической нейтральности и социальной политики, для которых на данный момент выделяется общий бюджет «Инструмента Глобальной Европы» (GEI). Важно учитывать фактор давления на данный инструмент и риск его перегрузки.

3. Важно обеспечить достаточный уровень «согласованности» между институтами и различными политиками Европейского Союза, а также министерствами государств-членов в продвижении внешнего измерения ЕЗК. Под «согласованностью» подразумевается систематическое продвижение взаимосоиливающих политических действий между генеральными директоратами Комиссии, Европейской службой внешних связей и другими институтами ЕС, а также между департаментами и министерствами государств-членов для предотвращения того, чтобы их действия не противоречили друг другу. Евросоюз испытывает определенные трудности с продвижением подобной «согласованности»: не существует всеобъемлющей стратегии, что координировала бы Общую торговую политику, ОВПШБ и Политику развития ЕС в ключе внешнего измерения ЕЗК.

5. Новой энергетической и климатической дипломатии ЕС крайне важно выработать определенную черту — так называемое стратегическое терпение, по определению исследователя Немецкого института по международным отношениям и безопасности (SWP) М. Якопо [7, р. 8]. Не отказываясь

от своих стратегических интересов и ценностей, Европейский Союз должен тем не менее учитывать асинхронность развития своей собственной энергетической системы, а также принять во внимание ситуацию на энергетических рынках стран-партнеров.

В целом, успех дипломатии Зеленого курса ЕС будет зависеть от согласованности внутренней и внешней составляющих деятельности Европейского Союза: его энергетической, климатической, торговой, внешней политики и политики безопасности в продвижении внешнего измерения ЕЗК. При этом ключевую роль сыграет готовность ЕС к гибкому «зеленому» партнерству с целевыми странами, а также адекватная оценка Евросоюзом имеющихся ресурсов в условиях энергетического кризиса и восстановления экономики после пандемии.

Библиография

1. Communication on the European Green Deal and Annex/Roadmap. Brussels: European Commission, 2019. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1588580774040&uri=CELEX%3A52019DC0640> — 20.02.22.
2. EU Biodiversity Strategy for 2030. Brussels: European Commission, 2020. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0380> — 20.02.22.
3. A Farm to Fork Strategy. Brussels: European Commission, 2020. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0381> — 20.02.22.
4. A Hydrogen Strategy for a Climate-neutral Europe. Brussels: European Commission, 2020. — URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf — 20.02.22.
5. Council Conclusions on Climate and Energy Diplomacy — Delivering on the External Dimension of the European Green Deal. Brussels: Council of the European Union, 2021. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/48057/st05263-en21.pdf> — 20.02.22.
6. Koch S. The External Dimensions of the European Green Deal: The Case for an Integrated Approach // DIE Briefing Paper. No. 13. 2021. P. 1–4.
7. Jacopo M. et al. Beyond the Green Deal: Upgrading the EU's Energy Diplomacy for a New Era // SWP Comment. No. 31. 2020. P. 1–8.
8. Petri F. Revisiting EU Climate and Energy Diplomacy: A Starting Point for Green Deal Diplomacy? // Egmont European Policy Brief. No. 65. November 2020. P. 1–7.
9. Borrell J. The EU Green Deal — A Global Perspective. Brussels: EEAS, 2019. — URL: https://eeas.europa.eu/topics/environment-and-climate-change/71928/eu-green-deal-%E2%80%93-global-perspective_en — 20.02.22.
10. Grimm S. et al. The Global Dimension of the European Green Deal: The EU as a Green Leader? // DIE-FIIA-KAS Series. March 2021. P. 1–9.
11. Call for Urgent Global Action to Mitigate Climate Crisis — the External Dimension of the European Green Deal. Brussels: EEAS, 2021. — URL: <https://eeas.europa.eu/topics/>

energy-diplomacy/91882/call-urgent-global-action-mitigate-climate-crisis-external-dimension-european-green-deal_en — 20.02.22.

12. *Tänzler D. et al.* EU Climate Change Diplomacy in a Post-Covid-19 World. Strasbourg: European Parliament, 2021. — URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/653643/EXPO_STU\(2021\)653643_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/653643/EXPO_STU(2021)653643_EN.pdf) — 20.02.22.
13. *Teevan C. et al.* The Green Deal in EU Foreign and Development Policy // ECDPM Briefing Note. No. 131. 2021. P. 1–14.

Харин Артем Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, бакалавриат

«ВАКЦИННАЯ ДИПЛОМАТИЯ» ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

“VACCINE DIPLOMACY” OF GERMANY DURING THE COVID 19 PANDEMIC

Аннотация. В данной статье рассматривается «вакцинная дипломатия» Федеративной Республики Германия в период пандемии коронавируса. Исследуется гуманитарная дипломатия Германии и Европейского Союза, основы внешней политики Германии, историческая база стратегии. Делается вывод об их непосредственной связи с той вакцинной политикой, которую сейчас проводит ФРГ. Далее исследуются методы Германии по осуществлению «вакцинной дипломатии», говорится о действиях Германии в международных организациях, в частности в программах ВОЗ — «Ускоритель доступа к инструментам COVID-19 (ACT-A)» и центре COVAX. В конце работы делается вывод об особенностях вакцинной стратегии Германии.

Ключевые слова: Германия, вакцинная дипломатия, гуманитарная политика, ЕС, коронавирус, ACT-A, COVAX.

Abstract. This article discusses the “vaccine diplomacy” of the Federal Republic of Germany during the coronavirus pandemic. The humanitarian diplomacy of Germany and the European Union, the foundations of German foreign policy, the historical basis of the strategy are being studied. It is concluded that they are directly related to the vaccine policy that the FRG is currently pursuing. Further, German methods for implementing “vaccine diplomacy” are examined, German actions in international organizations, in particular in the WHO programs — “Accelerator for access to Covid-19 tools (ACT-A)” and the COVAX center, are discussed. At the end of the work, a conclusion is made about the features of the German vaccine strategy.

Keywords: Germany, vaccine diplomacy, humanitarian policy, EU, coronavirus, ACT-A, COVAX.

В 2020 г. мир столкнулся с новым вызовом — с глобальной пандемией коронавируса. Возникли новые проблемы — острая потребность в медикаментах, масках, медицинском оборудовании, аппаратах искусственной вентиляции легких, а позднее и в вакцинах от коронавируса. Помимо прочего, такая ситуация создала обширное поле для применения новых методов и подходов в дипломатии, в частности актуализировался и получил новые смыслы такой термин, как «вакцинная дипломатия».

В данной статье будет рассмотрена внешнеполитическая вакцинная стратегия важнейшей страны Европейского Союза — Германии в период пандемии. Цель исследования — определить особенности вакцинной стратегии Германии, для достижения этой цели будут проанализированы истоки стратегии, цели и задачи, а также методы и подходы осуществления.

Истоки «вакцинной дипломатии» Германии

Сам термин «вакцинная дипломатия» не нов, он существует почти столько же, сколько сами вакцины. Так, в 1798 г. британский исследователь Эдвард Дженнер изобрел вакцину против коровьего бешенства, которая была успешно внедрена в странах континентальной Европы. А в 1811 г. он даже был избран иностранным членом Института Франции. Стоит отметить, что в этот период шла почти непрерывная война Англии и Франции, однако сам Дженнер по этому поводу замечал, что «науки никогда не воюют» [1]. Кроме того, данный термин употреблялся еще в контексте сотрудничества США и СССР во времена холодной войны, с целью создания вакцины от полиомиелита. Советские вирусологи в сотрудничестве с американским исследователем Альбертом Сабиним разработали «живую» вакцину от полиомиелита, которая улучшила вакцину, разработанную Джонасом Солком в 1954 г. [2]. Стоит отметить, что ранее данный термин означал в первую очередь сотрудничество между несколькими странами в целях разработки вакцины. Сейчас же в данное понятие вкладывается несколько иной смысл. Вакцинная дипломатия — использование вакцин для улучшения дипломатических отношений между странами и влияния на другие страны.

Однако же наибольшую актуальность «вакцинная дипломатия» приобретает в 2020 г. с началом пандемии коронавируса. И в наше время в данное понятие вкладывается иной смысл, под «вакцинной дипломатией» подразумевается давление страны — донора вакцин на страну-реципиента. Именно такие заявления звучат из уст лидеров Германии и Евросоюза. Хайко Маас, глава МИДа ФРГ, заявлял, что Китай и Россия использовали поставки вакцин, чтобы предъявить странам политические требования, и что они всячески политизируют предоставление вакцин, и что их «вакцинная дипломатия» направлена не на спасение жизней, а на усиление собственного влияния [3]. Кроме того, верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель призывал воздерживаться от «вакцинной дипломатии», т. е. от поставок вакцин для реализации политических целей [4]. Похожего негативного мнения о «дипломатии вакцин» придерживается и ряд западных ученых, такая дипломатия прямо противопоставляется гуманитарным усилиям с целью спасения жизней [5]. Однако стоит заметить, что во всех таких заявлениях, помимо критики действий

других, говорится и о том, что есть иные пути обеспечения доступа к вакцинам, и такие пути и реализуют Германия и ЕС [6]. Можно увидеть, что методы и подходы к вакцинной дипломатии России и Китая в дискурсе европейских и немецких политиков, ученых признаются чуждыми и неправильными, значит, стратегия Германии и ЕС основывается на других принципах, имеет другую базу.

Основы вакцинной стратегии Германии следует искать в истории гуманитарной политики ЕС и самой ФРГ как ключевой страны Европейского Союза, основанной на понятии «мягкая сила».

Итак, в середине XX — начале XXI в., после значительной трансформации мировой политической системы из-за Второй мировой войны и развала Советского Союза в изучении международных отношений во многом произошла смена парадигм — от политико-реалистического подхода к подходу более либерально гуманистическому. Такие трансформации затронули и дипломатию, поэтому к концу XX — началу XXI в. сформировалась новая модель дипломатии — гуманитарная дипломатия, основным отличием которой от классической дипломатии являлось фокусирование не на правосубъектности государств и переговорах между ними, а на «максимизации» международной помощи в рамках гуманитарных миссий и программ, и установлении партнерских отношений между странами для достижения гуманитарных целей [7]. Такая модель дипломатии основывалась на либерализме в теории международных отношений, поэтому она быстро нашла свое применение в ЕС, идеологическая основа которого в том числе основывается на либеральных идеях в экономике, культуре и международной политике.

Впервые о необходимости инкорпорировать данную модель в свою внешнюю политику было заявлено в Стратегии европейской безопасности 2004 г., и с тех пор эта идея развивалась, пока в 2016 г. гуманитарная политика как стратегический внешнеполитический нарратив не была закреплена в Глобальной стратегии Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности [8, 9].

Теория гуманитарной дипломатии в сочетании с концепцией «мягкой силы» стала выступать базовой моделью для внешней политики ЕС. И приоритетным направлением такой политики стало оказание гуманитарной помощи наиболее уязвимым странам [10].

Важный аспект проводимой политики — это ее направленность на действия совместно с международными организациями. Партнерами ЕС по оказанию гуманитарной помощи являются более 250 организаций по всему миру — это и учреждения системы ООН, и неправительственные и некоммерческие организации, общества Красного Креста и Красного Полумесяца и многие другие.

Другое важное направление, которое особенно значимо в контексте исследуемой темы — это деятельность ЕС в сфере медицинской дипломатии. ЕС и Германия и до 2020 г. проводили действия по противодействию эпидемиям и болезням, так, в 2015 г. ЕС оказывал посильную помощь в устранении последствий эпидемии Эболы в Африке, выделив более 400 млн евро в том числе на разработку вакцины от этого вируса. Помимо этого, средства выделялись на улучшение общей медицинской инфраструктуры, на наем медперсонала, организацию лабораторий, строительство и оснащение больниц [11]. Германия в свою очередь, помимо действия совместно с ЕС, тоже принимала участие в устранении кризиса, так, правительством ФРГ было выделено 130,9 млн евро на помощь пострадавшим странам, а также был задействован личный персонал бундесвера для развертывания мобильных госпиталей в странах Западной Африки [12].

С другой стороны, не стоит забывать и о корнях данной политики в самой Германии. После Второй мировой войны в немцах укоренилось чувство вины за содеянные ими преступления. Активно оно культивировалось и оккупационными силами, как один из факторов, который будет препятствовать немецкому реваншизму в будущем. Тем не менее это чувство вины до сих пор сохраняется в немцах и значительным образом влияет на их внутреннюю и, что важно, внешнюю политику. Одним из проявлений желания загладить свою вину за совершенное при нацистском режиме как раз-таки и является гуманитарная политика. Германия в целом является одним из крупнейших доноров гуманитарной помощи как в ЕС, так и во всем мире [13].

Также стоит отметить и принцип многостороннего ответа на угрозы, заложенный в основных принципах внешней политики Германии. Внешняя политика Германии с 1949 г. всегда формировалась на многостороннем ответе в рамках международных институтов и структур, в частности в кооперации со структурами ООН. Наиболее важным принципом международного порядка для Германии была и будет оставаться многосторонность. С другой стороны, Германия выступает за обеспечение глобальной справедливости. «Глобальная справедливость — важная предпосылка международного мира и безопасности» [14]. Все это важно для понимания подхода Германии и к решению вопросов вакцинации от коронавируса.

Таким образом, мы можем видеть, что вакцинальная стратегия Германии берет свое начало из практик гуманитарной дипломатии, которая активно используется самой Германией и ЕС и уже укоренилась и показала свою эффективность на многостороннем подходе Германии к решению международных проблем и ответам на мировые угрозы, который закреплен во внешнеполитической стратегии Германии и используется с 1949 г., и желании обеспечить глобальную справедливость как предпосылку к мировой

стабильности и порядку. Понимая истоки, можно перейти к самой стратегии.

Сущность вакцинной стратегии Германии

Сущность вакцинной стратегии Германии отражена в ряде документов, таких как Nationale Impfstrategie COVID-19: Strategie zur weiteren Durchführung und Evaluierung der Impfung gegen SARS-CoV-2 in Deutschland («Национальная стратегия вакцинации против COVID-19: Стратегия непрерывного предоставления и оценки вакцинация против SARS-CoV-2 в Германии») в главе Internationale Koordination und Kooperation («Международная координация и кооперация») от 22 июня 2021 г. [14]. А также в более раннем стратегическом документе Für eine wirksame Internationale Antwort Deutschlands auf Covid-19 («За эффективный международный ответ Германии на COVID-19») который был принят под руководством Федерального министерства иностранных дел Федеральным правительством в июне 2020 г. Министр иностранных дел Хайко Маас тогда сказал, что: «COVID-19 это первый поистине глобальный кризис XXI века. Ни одна страна не справится с этим в одиночку, это вызов для всех нас. Вирус не знает государственных границ и ведомственной ответственности. Нам нужен исчерпывающий ответ на этот грандиозный вызов. Поэтому мы дадим согласованный с действиями федерального правительства и нашей международной стратегией ответ на COVID-19» [15].

В национальной стратегии по борьбе с коронавирусом указывается, что Федеральное правительство Германии придает большое значение сдерживанию пандемии в Германии и во всем мире. В этом вопросе Федеральное правительство будет сотрудничать и координировать свои действия с международными партнерами для выработки наиболее эффективных ответных мер на данную угрозу.

Федеральное правительство будет активно участвовать в различных международных формах сотрудничества на всех уровнях, как между государствами, так и между фондами, организациями гражданского общества и частными лицами. В этом же документе указывается, что федеральное правительство взяло на себя обязанность обеспечить глобальный и справедливый доступ к вакцинам и призывает к многостороннему сотрудничеству для решения этой проблемы.

В первую очередь действия Германии на данном поприще сосредоточены на платформе ускорителя инструментов COVID-19 (ACT-A), которая была инициирована в контексте G20 и запущена ВОЗ в апреле 2020 г., и на связанной с ней платформе COVAX. Платформа ACT-A нацелена на разработку, расширение масштабов и справедливое распределение вакцин, терапевтиче-

ских и диагностических средств против COVID-19. COVAX, который является частью АСТ-А, ставит перед собой цель обеспечить вакцинами 20% населения стран-участниц в 2021 г.

В национальной стратегии от 22 июня 2021 г. можно обратить внимание на то, что большой акцент делается двух моментах, во-первых, на международном ответе пандемии, совместно с Европейским Союзом и ВОЗ. В данном контексте говорится о рабочих группах при ВОЗ, о деятельности в рамках механизмов АСТ-А и COVAX, о деятельности Германии в сети национальных комиссий ЕС по вакцинации, которая «вносит ключевой вклад» в принятие решений, касающихся COVID-19. С другой стороны, отдельно подчеркивается важность сотрудничества с африканскими организациями, с Африканским союзом, с регулируемыми органами африканских стран.

На данный момент Германия является крупнейшим донором данной платформы, на октябрь 2021 г. было выделено 2,2 млрд евро на вакцинацию, диагностику и лекарства от коронавируса. Кроме этого, около 100 млн евро отдельно выделено в специальный фонд, задачей которого ставится обеспечить вакцинацию для людей, которые не могут привиться в своей стране, например, для беженцев.

Помимо денежной помощи, Германия также предоставляет на бесплатной основе и сами вакцины. С конца августа по октябрь 2021 г. Германия выделила около 175 млн доз вакцин для развивающихся стран. Большая часть таких вакцин распределяется через COVAX. До конца 2021 г. планируется выделить еще 100 млн доз и еще 75 млн доз в 2022 г. По состоянию на 3 ноября, 18 438 880 доз было доставлено в 22 страны, из них 7 660 700 на двусторонней основе и 10 778 180 доз в рамках COVAX. Можно видеть, что немецкое правительство в первую очередь действует через международные институты, чем передает вакцины на двусторонней основе. Так, непосредственно передано Германией в страны мира: 1,5 млн доз вакцины в Украину, 200 000 доз — в Намибию, 1,5 млн доз — в Египет, 2,6 млн доз — во Вьетнам, 1,5 млн — в Гану и 347 100 — в Таиланд [16].

Помимо пожертвования вакцин и денежных средств для их закупки, Германия и ЕС поддерживает проекты по производству вакцин на месте, особенно в Африке. Так, выделяется финансовая поддержка для строительства заводов по производству вакцин в ЮАР и Сенегале.

Для целей увеличения поставок и производства вакцин Федеральное правительство совместно с правительством Южно-Африканской Республики взяли на себя сопредседательство в рабочей группе при COVAX по решению данной задачи. Главный упор делается на увеличение производства вакцин, на строительство новых мощностей в Африке и обеспечение таким образом вакцин для 92 беднейших стран мира.

Федеральный министр здравоохранения Йенс Шпан (ХДС) сказал RND: «Вакцинация всего мира отвечает нашим национальным интересам. Потому что эта пандемия действительно закончится только тогда, когда вирус окажется под глобальным контролем». Германия уже активно участвует в финансировании Covax. «Теперь, впервые, мы также будем доставлять вакцины по нашим контрактам в Covax» [17].

Анализируя документ Für Eine Wirksame Internationale Antwort Deutschlands Auf Covid-19, можно прийти к выводу, что основной целью всей политики Германии в данном направлении является справедливое распределение вакцин для скорейшего завершения пандемии коронавируса и обеспечения таким образом стабильности. Особое внимание уделяется, как говорилось выше, Африканскому континенту. Именно там планируется активно развертывать производство вакцин, именно туда направляется наибольшая финансовая помощь. Связано это может быть с несколькими факторами.

Во-первых, пандемия коронавируса нанесла значительный удар по международной торговле. А Германия исторически придает большое значение в своей внешней политике именно торговым связям. Конечно, внешняя торговля также вносит значительный вклад в экономические показатели Германии, помогая ей оставаться на лидирующих местах в мире по уровню жизни населения и объему экономики. Германия более тесно связана с мировой экономикой, чем многие другие страны, и зависит от ее развития [18]. Поэтому Германия прямо заинтересована в возобновлении торговых отношений и развитии внешней торговли.

Другой фактор: Германии очень важно обеспечивать стабильность на Африканском континенте, ведь, обеспечивая стабильность на этом континенте, Германия спасает себя от потоков нелегальных мигрантов. В 2020–2021 гг. Германия в целом проявляет большой интерес к континенту, повышает активность по обеспечению роли гаранта региональной безопасности в Южной Африке, Северной Африке и Сахеле, участвует, тесно сотрудничая с Францией, в операции в Сахеле. Одним из наиболее видимых маркеров повышения интереса к Африке со стороны Германии стало проведение Берлинской конференции по урегулированию ситуации в Ливии. В перспективе стоит ожидать роста активности Германии в Африке во всех направлениях, в том числе и медицинском, что осуществляется с помощью вакцинной дипломатии [19].

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно вакцинной дипломатии Германии в период пандемии коронавируса. Вакцинная стратегия ФРГ основывается на «мягкой силе», на методах и принци-

пах гуманитарной политики, проводимой в жизнь Европейским Союзом и Германией с конца 90-х гг. XX в., а также на концепции «многостороннего ответа», совместных с партнерами и международными институтами действий для преодоления международных вызовов и решения проблем. Пожертвование вакцин и денег Германией осуществляется преимущественно посредством сотрудничества с международными организациями, в первую очередь с ВОЗ, через инструмент доступа к вакцинам АСТ-А и платформу COVAX. В данных действиях Германия также тесно координируется с ЕС. Вакцины и оборудование, лекарства предоставляются бесплатно. Большой акцент в помощи делается на африканских странах, как по причине того, что они оказались в наиболее сложном положении, не имея стабильной системы здравоохранения, так и по причине желания Германия обеспечить в данном регионе стабильность. Это вызвано экономическими интересами Германии и желанием не допустить новых миграционных кризисов, которые могут стать последствием нестабильности. Основной поток мигрантов в таком случае пойдет в Европу, особенно в Германию, кроме того, Германия осуществляет политику последовательного увеличения своего влияния на Африканский континент и, помимо экономических рычагов, использует «вакцинную дипломатию» в данном направлении.

Библиография

1. *Hotez Peter J.* „Vaccine Diplomacy“// Foreign Policy URL:<https://foreignpolicy.com/2009/11/19/vaccine-diplomacy/> — 13.10.21.
2. *Hotez Peter J.* „Russian–United States vaccine science diplomacy: Preserving the legacy.“ PLoS Neglected Tropical Diseases 11 (2017): p. 3.
3. Глава МИД Германии обвинил Россию и Китай в политизации поставок вакцин // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/07/2021/60ee8fa19a79471bfce4af8a> — 13.10.21.
4. Боррель заявил о недопустимости «вакцинной дипломатии» // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/06/2021/60bc90fd9a7947a67537d60e> — 13.10.21.
5. *Su Z., McDonnell D., Li X., Bennett B., Šegalo S., Abbas J., Cheshmehzangi A., Xiang Y-T.* COVID-19 Vaccine Donations — Vaccine Empathy or Vaccine Diplomacy? A Narrative Literature Review. Vaccines. 2021; 9 (9): 1024.
6. Глава МИД Германии обвинил Россию и Китай в политизации поставок вакцин // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/07/2021/60ee8fa19a79471bfce4af8a> — 14.10.21.
7. *Богатырева О.Н., Козыкина Н.В., Табаринцева-Романова К.М.* Гуманитарная дипломатия Европейского Союза в XXI веке // Научный диалог. 2018. № 4.
8. A Human Security Doctrine for Europe. The Barcelona Report of the Study Group on Europe’s Security Capabilities (2004) // London School of Economics and Political

- Science URL: <http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/CSHS/humanSecurity/barcelonaReport.pdf> — 12.10.21.
9. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) URL: http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/regions/files/eugs_review_web_0.pdf — 12.10.21.
 10. *Tsvetkova N.A. Soft Power and Public Diplomacy / N.A. Tsvetkova // Russia and the world: understanding international relations. — Latham, Maryland: Lexington Books, 2017. P. 231–252.*
 11. Report from Christos Stylianides, EU Ebola Coordinator, to the European Council // EC. European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations URL: http://ec.europa.eu/echo/ebola-in-west-africa_en — 14.10.21
 12. Germany Steps Up Ebola Aid Amid Criticism of Slow Response // WSJ URL: <https://www.wsj.com/articles/germany-steps-up-ebola-aid-amid-criticism-of-slow-response-1413-> 14.10.21.
 13. Grundprinzipien deutscher Außenpolitik URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/grundprinzipien/216474#content_5 — 02.11.21.
 14. Nationale Impfstrategie COVID-19 Strategie zur weiteren Durchführung und Evaluierung der Impfung gegen SARS-CoV-2 in Deutschland URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/fileadmin/Dateien/3_Downloads/C/Coronavirus/Impfstoff/Nationale_Impfstrategie_Juni_2021.pdf — 14.10.21.
 15. Globale Gesundheitspolitik URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/gesundheit> — 14.10.21.
 16. Corona gemeinsam und solidarisch bekämpfen: Deutschland spendet Impfstoffe URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/gesundheit/covax/2395748> — 06.11.21.
 17. Deutschland gibt erste Impfdosen an Covax ab URL: <https://www.aerzteblatt.de/nachrichten/126142/Deutschland-gibt-erste-Impfdosen-an-Covax-ab> — 06.11.21.
 18. Aufgaben des Auswärtigen Amtes URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/aussenwirtschaft/-/201412> — 06.11.2021.
 19. *Белов В.Б. Германия. 2020: [монография]. ДИЕ РАН, № 379. М., 2021.*
 20. Access to COVID-19 tools (ACT) accelerator URL: [https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/access-to-covid-19-tools-\(act\)-accelerator-call-to-action-24april2020.pdf](https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/access-to-covid-19-tools-(act)-accelerator-call-to-action-24april2020.pdf) — 05.02.22.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «PUBLIC DIPLOMACY: THE EFFECTIVENESS OF MODELS AND STRATEGIES»

Bokserov Nikita Igorevich

Saint Petersburg State University, School of international relations, Master's

SPORT DIPLOMACY AS PUBLIC DIPLOMACY ELEMENT

СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Abstract. Nowadays sport enjoys widespread popularity, and competitions have become a convenient platform for discussing topical issues and establishing contacts, so the ability of sport to bring peace to the world has become extremely important. Sports diplomacy can act as a factor of integration, serve as an “ambassador of peace”, and contribute to the formation of mutual understanding and cooperation. That is why at the boundary of the XX-XXI centuries a new type of public diplomacy, such as sports diplomacy, is becoming more and more active in the arsenal of many states.

Keywords: Sports, diplomacy, peace, international relations.

Аннотация. Сегодня спорт пользуется широкой популярностью, а соревнования становятся удобной площадкой для обсуждения актуальных вопросов и установления отношений, вследствие чего способность спорта нести мир во всем мире приобретает особое значение. Спортивная дипломатия может выступать как фактор интеграции, выполнять функцию «посла мира», помогать формировать взаимопонимание и сотрудничество. Именно поэтому на рубеже XX–XXI вв. такой новый вид публичной дипломатии, как спортивная дипломатия, все активнее включается в арсенал многих государств.

Ключевые слова: спорт, дипломатия, мир, международные отношения.

Introduction

Diplomacy is a way of interaction between states in which they seek to influence each other's national interests without resorting to military force. The main function of diplomacy is to resolve disputed issues by peaceful means through negotiations and agreements [1]. In the twentieth century public diplomacy, or

so called people-to-people diplomacy, became widespread. Its main distinction reflected a change in the approach of states to the way they influence the population of other countries. Public diplomacy includes aspects of international relations that go beyond its traditional sphere — the diplomacy of public organizations, informal groups and individuals representing various spheres of public life, such as culture, art and sports. The main difference between traditional diplomacy and public diplomacy is that the first one represents the diplomacy of officials, while second one is related to the diplomacy of public organizations. However, traditional diplomacy and public diplomacy share common goals: the peaceful settlement of international disputes and international cooperation. The versatility of the concept of “public” implies different spheres of diplomatic activity. One of these spheres is sports and by extension sports diplomacy, which today is an essential part of public diplomacy [2].

Sports diplomacy represents the official and unofficial activities of states, governments and special foreign policy agencies, aimed at implementing the foreign policy objectives of a state by organizing, conducting and participating in international sporting events [3]. According to American researcher S. Murray, sports diplomacy is the act of diplomacy and representation, carried out by representatives of the sports institutions on behalf of and with the consent of the state. If diplomacy is seen as a means of achieving a state's foreign policy goals, sports diplomacy is one of several tools of such a toolbox [4]. Such type of diplomacy uses the capabilities of athletes, sports officials and sports competitions to create an attractive image of their country to the foreign public. The scope of participants in sports diplomacy is unusually wide: these are states, government agencies in the field of sport, international and national sports associations, athletes, coaches, sports professionals, the media, fan movements and etc [5].

The aim of this paper is to reveal two tracks of the sports diplomacy including its official and unofficial ones. It were these tracks that make the sports diplomacy be one of the most effective elements of public diplomacy. The research is based on the methods of case-study, comparative analysis, and system analysis that allow to understand the phenomenon of the sports diplomacy from the perspectives of international relations system, foreign policy, and specific consequences.

Tracks of Sports Diplomacy: Making High Politics

The activities of sports diplomacy can be divided into two directions, categorized as official and unofficial. The official dimension involves the use of sport competitions as a platform for informal political meetings, discussion of current problems and development of agreements on certain issues. For example, during the 2022 Beijing Olympics, Chinese President Xi Jinping was to hold bilateral meetings with numerous leaders who came to the event — Russia, Kazakhstan,

Saudi Arabia, Argentina, Poland and many others [6]. The unofficial dimension of sports diplomacy concerns the impact on foreign populations. In this case, sport serves as a psychological factor to illustrate the strength, power and success of a particular state. In particular, France sees sport as one of the instruments of international influence, the most important task of which is to improve the image of the country in the international arena, to reinforce the importance of French know-how and to promote the use of the French language [7].

Without a doubt, the main actors in sports diplomacy are the states, since in the absolute vast majority of sports competitions the athletes are representing the countries. Moreover, many states today have special agencies engaged in sports diplomacy, such as the United States, France, Australia and Japan [8]. Nevertheless, international organizations such as the International Olympic Committee (IOC), the International Federation of Football (FIFA) and the World Anti-Doping Agency (WADA) are also undeniable actors. For example, WADA's decision to suspend Russia from all major competitions for four years was perceived by some politicians as an instrument of geopolitical warfare of Western countries [9]. At the same time, sports movements and particular clubs also have a certain influence on global political processes. They can affect public opinion, which in turn pressures the government that directs state policy. For example, today the Barcelona FC is one of the main ambassadors of Catalonia — with the corresponding aspirations of the region's supporters of independence regarding the positioning of the club [10].

Several factors have contributed to the emergence of sports diplomacy in its current state. Firstly, the transformation of the system of international relations has increased the role of nonstate actors — nongovernmental organizations, transnational corporations and personalities. Secondly, sport represents a global phenomenon that affects millions of people around the world in one way or another. Thirdly, the convergence of sports and diplomacy comes from the transformation of states' strategies in the pursuit of foreign policy goals. Fourthly, sports have an incredible ability to bring people together, regardless of their background, education, religious views or economic status. Fifth, nowadays sports and diplomacy are converging in terms of their capacity to represent states [3]. As British historian Eric Hobsbawm once said: "The imaginary community of millions seems more real as a team of eleven named men" [11].

A key element of sports diplomacy through the centuries has been the organization and hosting of the Olympic Games. Already in the time of ancient Greece in 776 BC the first Olympic competitions began to be held. The Olympic Games were the most elite sporting event of their time, and at a time of confrontation between numerous polices served as an excellent venue for negotiations at the highest level. At the same time, the high level of competition made the participants put out all their strength to demonstrate the superiority of their city-states.

One should forget the high humanistic and peaceful spirit that permeated the ancient Olympics. During these games a sacred truce was established between all conflicting sides, which was called the *ékécheiria* — a sacred period that forbade all wars and confrontations. The original purpose of halting hostilities during the Olympics was to make it possible for all athletes to get to and participate in the competitions [12]. While Pierre de Coubertin, the founder of the modern Olympic movement, stated that sport is one of the strongest elements of peace. Coubertin believed passionately that the development of the Olympic sports movement would be an important factor for the establishment of peace between nations and friendship between nations [13].

After a long pause, this tradition of the Olympic Truce was restored in 1993 with the adoption of a UN General Assembly resolution. A resolution of this kind is adopted on the eve of each Olympic Games. According to it, the signatories call on the countries of the world to observe the truce during the period starting one week before the beginning of the Olympics and finishing seven days after the end of the Paralympics[12].

Today, the Olympic Games are an extraordinary and tremendous event that reflects the aspirations of nations for world peace, friendship and harmony. A good example would be the role of the Olympics in reducing tensions on the Korean Peninsula, where occasional sports diplomacy can transform from a humanitarian and symbolic initiative into a more sustainable process of reconciliation. Notably, it was at the opening ceremony of the 2000 Olympics in Sydney when athletes from the two Korean states marched under the Unification flag for the first time. The same happened at the 2004 and 2006 games in Athens and Turin, respectively. While in 2018, Athletes from South Korea and North Korea not only marched together at the opening and closing ceremonies of the 2018 Olympic Games in Pyeongchang, but also had a joint women's hockey team, which included representatives of both states [14].

Despite the commonly adopted principle of “sports beyond politics,” the history of the sport for more than a centuries shows that it has failed to maintain political neutrality in the face of political challenges and the transformation of the global political system. It is fair to say that calling for the separation of sport and politics makes no sense, because competitions such as the Olympics are indistinguishable from world politics. Even if the Olympics are used for political purposes, there is nevertheless no way to undermine the enormous potential of the sports. Moreover, each case of political intervention in sport can be measured differently in terms of its final impact on public relations, world politics, and its effect on public opinion and ultimately its role in the promotion of peace and freedom — something the Olympic Charter declares to be one of the most important goals of Olympism [15].

The most notable politicization of sport and its active involvement in the diplomatic sphere were characteristic of the Cold War period. Swiss researcher Jerome Gygas, author of several works on Cold War sports diplomacy, with reference to archival materials, believes it happened in 1952, when sports began to appear in the materials of the State Department as a tool of conducting foreign policy. Consequently, in the postwar years sport was a powerful instrument of peacekeeping activities and a way of international communication in the context of the Cold War. For example, the Soviet Union was an active organizer of various large-scale competitions and youth sports festivals, where sports events were considered an example of peaceful coexistence of people from different countries and with different political systems. Besides, a widely known case of establishment of diplomatic relations between China and the United States needs to be mentioned also, which went down in history as the “diplomacy of ping-pong”. The series of ping-pong matches of the 1970s has given the impulse to formalize the relations between the countries [16]. Another case took place in 1987, when Pakistani President General Zia ul-Haq attended a test match between India and Pakistan in Jaipur, showing goodwill from his side and achieving a first step towards appeasement between both countries [17].

With the collapse of the block System and the end of the Cold War, sport began to gain a truly global dimension. International interaction in sports as well as the collaboration of sports institutions with various actors in international relations has grown significantly. Today the practice of using sports as a tool of diplomacy is reflected in the creation of programs, documents and institutions that in one way or another coordinate these activities. For example, in the structure of the U.S. Department of State, it has a special Sports Diplomacy Division, which is intended to establish a dialogue by means of sports with young people around the world [18]. Meanwhile, in 2019 the Australian government adopted an ambitious “Sports Diplomacy 2030” strategy. In many ways, the government sees sport as an effective method of promoting national interests and projecting Australia’s values and identity. The Sports Diplomacy Advisory Council (SDAC) was also established by the Australian Government to provide guidance to the Government on the implementation of the Sports Diplomacy 2030 Strategy [19].

However, major international competitions, besides having the positive effect of uniting people around the world, can also have a clear dividing trait. In addition, the mixing of sport and politics tends to be driven by the pursuit of selfish interests of countries that are not beneficial to world peace at all. Historically, the latter has been associated with the act of using sports for political manifestations via boycotting, athlete’s isolation or propaganda. The most famous cases of the first type are those that took place during the Cold War — the U.S. boycott of the 1980 Olympic Games in Moscow and the exact same actions of the USSR in relation

to the 1984 Olympic Games in Los Angeles. The most striking example of sports isolation was the situation in South Africa in the 1960s and 1970s, when its athletes were excluded from any international competition due to the apartheid regime in the country [16].

The latter type may well include the actions of the German Nazis and Italian Fascists, who used international sports competitions to promote the domination of their new political systems and ideologies. In particular, Hitler, who opened the Olympic Games in Berlin in 1936, was aware of the ideological impact they could have on the international community. The German team won this Olympic Games, justifying his idea of the physical superiority of the Aryan race. In addition to national identity, sports have been creating new fault lines in the world. In particular, since 2004, Iran has officially refused to compete with athletes from Israel in certain sports, a development that does not contribute to the promotion of Olympic ideals. Through the picture of global unity, symbolized by the Olympic Games, it is easy to see the desire of each state to emphasize its national identity [20].

At the same time, despite all the positive aspects of sports diplomacy during the Cold War, both camps used sport as a formidable propaganda tool to promote the superiority of their political order. The whole second half of the twentieth century was marked by sports battles between representatives of the socialist camp and the capitalist West, and every victory or failure was more meaningful than a mere sporting result. Victories were presented by both sides as proof of the superiority of their own socio-political systems, while defeats were presented as an accident or the result of machinations being committed by the opponent. A good example was the fierce basketball final between the USSR and the United States at the 1972 Munich Olympics. In a controversial ending, the Soviet basketball team brought the ball into play thrice because of stoppages and timing problems and ultimately pulled out a 51-50 victory. After the contest, the American team lodged an official protest against the referees, that was denied and, as a result, the American players and team officials refused to attend the awards ceremony. To this day, the U.S. does not accept the result of the game as proper [21].

Nevertheless, in most cases, despite all the negative consequences, sports diplomacy very often reduces the degree of confrontation or contributes to the peaceful resolution of sensitive foreign policy issues of states. For example, the Tokyo Olympics of 1964 helped Japan to restore its reputation which was harmed during the war [20]. It has become a country with a developed infrastructure, with an extraordinary economic growth, and with its own unique and distinctive culture, which the whole world has now seen. Tokyo Olympics have first and foremost justified and restored the world community's faith in Japan.

Meanwhile the soccer match between the national teams of Iran and the United States at the 1998 FIFA World Cup was symbolic in terms of diplomatic

relations. There was already a great amount of turmoil prior to the match due to political disputes between the two states. Nevertheless athletes from both countries gave each other gifts and flowers, and were also photographed together before the match. The match was a symbol of the warm-up in Iran-US relations, which eventually led to the two countries playing each other in a friendly match in the United States in 2000 [20].

Similarly, the relationship between Israel and the United Arab Emirates has been strongly influenced by sports events. For example, in late October 2018, the UAE capital Abu Dhabi hosted a Grand Slam judo tournament, in which Israeli athletes officially participated for the first time under their national symbols. After the victory of the Israeli athlete Sagi Muki in one of the categories, the Israeli national anthem was played in the Abu Dhabi stadium for the first time ever [22]. This was an important step towards the signing of a treaty on normalization of relations between the countries in 2020.

Conclusion

These cases demonstrate that sports diplomacy acts as a factor of integration, serves as an “ambassador of peace”, helps to establish friendly relations between different countries and societies. But on the other hand, sports diplomacy is also frequently used for different purposes, far from the achievement of peace in the world. In the context of particular political circumstances, international relationships and diplomatic objectives, sports diplomacy can be used both to resolve problematic issues and to serve as a trigger for conflicts or as an instrument of political pressure. This duality is the defining characteristic of sports as a political tool.

Nevertheless, there has been a noticeable increase of interest in sports diplomacy in contemporary international relations. It is no coincidence at the boundary of the XX-XXI centuries a new type of public diplomacy, such as sports diplomacy, is becoming more and more active in the arsenal of many states. There is a noticeable growth of traditional diplomacy’s attention to the establishment of relations with sports organizations. The emergence of the “new public diplomacy” with its distinctive diversification of diplomatic methods has also influenced the emergence of sports diplomacy as an independent type of diplomatic activity.

Today we can talk about an absolutely new direction of diplomatic activity, which has its own unique means, mechanisms of activity and a special potential to develop dialogue between countries, both at multilateral and bilateral levels. It has acquired a definition in recent years and has become a full-fledged academic term within the framework of an extensive topic of public diplomacy. Today a sport is an important factor in public diplomacy, contributing to the strengthening of society and the formation of an attractive political image in the international arena.

Bibliography

1. Diplomacy, Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/diplomacy> — 19.02.22.
2. Sanders B. Sport as public diplomacy, USC Center on Public Diplomacy. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/sport-public-diplomacy-31.08.2011>.
3. Мартыненко С.Е. Роль спортивной дипломатии в международных отношениях и внешней политике: дисс. ... канд. ист. наук. РУДН, М., 2015.
4. Murray S. Sports-Diplomacy: a hybrid of two halves, Cultural Diplomacy. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/content/pdf/participant-papers/2011-symposium/Sports-Diplomacy-a-hybrid-of-two-halves--Dr-Stuart-Murray.pdf> — 2011.
5. Межкультурная коммуникация в 2 ч. Часть 2: Учебник для академического бакалавриата / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева. М.: Изд-во «Юрайт», 2018. 263 с.
6. Си Цзиньпин проведет встречи с Путиным и другими лидерами, которые прибудут на Олимпиаду, ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13551519> — 28.01.22.
7. Sports Diplomacy, Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/sports-diplomacy/> — 01.07.21.
8. Grassroots Sport Diplomacy, International Sport and Culture Association. URL: [http://isca-web.org/files/Grassroots_Sport_Diplomacy/Grassroots_Sport_Diplomacy_-_Overview_mapping_definitions\[1\].pdf](http://isca-web.org/files/Grassroots_Sport_Diplomacy/Grassroots_Sport_Diplomacy_-_Overview_mapping_definitions[1].pdf) — 2018.
9. Борьба с допингом или политические игры? Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/2019/11/30/the-cube-wada-rusada-doping-new> — 02.12.21.
10. «Барселона»: больше, чем просто великий футбольный клуб, Deutsche Welle. URL: <https://clck.ru/bmfUh> — 22.02.22.
11. The England Euro 2016 team: an imagined community of eleven named people, openDemocracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/opendemocracyuk/england-euro-2016-team-imagined-community-of-eleven-named-people/> — 22.02.12.
12. Olympic truce, International Olympic Committee. URL: <https://olympics.com/ioc/pierre-de-coubertin>. — 2021.
13. Pierre de Coubertin, International Olympic Committee. URL: <https://olympics.com/ioc/olympic-truce> — 2021.
14. North and South Korean Teams to March as One at Olympics, The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/17/world/asia/north-south-korea-olympics.html> — 17.01.22.
15. Olympic Charter, International Olympic Committee. URL: <https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/General/EN-Olympic-Charter.pdf> — 17.07.21.
16. Геополитика спорта и основы спортивной дипломатии. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е издание, переработанное и дополненное / Ю.В. Николаева, Н.М. Боголюбова. М.: ЮРАЙТ, 2021. 282 с.
17. Поможет ли Индии и Пакистану «крикетная дипломатия?» BBC [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2011/03/110328_cricket_diplomacy_pakistan. — 22.02.22.

18. Sports Diplomacy, Bureau of Educational and Cultural Affairs. URL: <https://eca.state.gov/> —19.02.22.
19. Sports Diplomacy 2030, Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/sports-diplomacy-2030.pdf> —2019.
20. Роль политического фактора в трансформации международного спортивного движения, КиберЛенинка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-politicheskogo-faktora-v-transformatsii-mezhdunarodnogo-sportivnogo-dvizheniya> —22.02.22.
21. 50 stunning Olympic moments No 1: USA v USSR, basketball final 1972, The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2011/nov/16/usa-ussr-olympic-basketball-1972> —16.11.21.
22. In first 'Hatikva' anthem played at UAE contest as Israeli judoka wins gold, The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-first-hatikva-anthem-played-at-uae-contest-after-israeli-judoka-wins-gold/> —16.10.21.

Smirnov Egor Vladimirovich

Saint Petersburg State University, School of international relations, Undergraduate

PUBLIC DIPLOMACY IN THE BOSNIAN CONFLICT: INFORMATION, BARGAINING, AND NEGOTIATIONS

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОСНИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ: ИНФОРМАЦИЯ, ТОРГ И ПЕРЕГОВОРЫ

Abstract. In this article, the author analyzes the public speeches of the participants in the negotiation process to resolve the Bosnian conflict in 1993–1994. The aim of the study is to determine the impact of such statements on the negotiation space (ZOPA), that is, how the negotiation field can change if a negotiator makes a statement about the negotiation process itself, about his position, or about the attitude towards another participant. It was the Geneva Conference of 1993–1994 that was chosen for the study because the author defines it as the most successful attempt to resolve the conflict through negotiations. It is concluded that individual statements sent to the public and dedicated to the negotiation process and other participants in the negotiations influenced the negotiation space. The article also provides an analysis of the conflict and reveals the concept of ZOPA.

Keywords: public diplomacy, the Bosnian conflict, the zone of possible agreement, ZOPA, international mediation, the Vance — Owen plan.

Аннотация. В данной статье автор анализирует публичные выступления участников переговорного процесса по разрешению Боснийского конфликта в 1993–1994 гг. Целью исследования является определение влияния таких высказываний на переговорное пространство (ZOPA), то есть как переговорное поле может измениться, если участник переговоров делает то или иное заявление о самом переговорном процессе, о своей позиции или об отношении к другому участнику. Для исследования была выбрана именно Женевская конференция 1993–1994 гг., потому что автор определяет её как наиболее удачную попытку разрешить конфликт переговорным путём. Сделан вывод, что отдельные высказывания, направленные публике и посвящённые переговорному процессу и другим участникам переговоров, повлияли на переговорное пространство. В статье также приводится анализ конфликта и раскрывается концепция ZOPA.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Боснийский конфликт, зона возможного соглашения, ZOPA, международное посредничество, план Вэнса — Оуэна.

This article is aimed at defining how relevant parties to the conflict made attempts via public statements to change the zone of possible agreement in the

Bosnian crisis from 1993 to 1994 during the negotiating process (the International Conference on the Former Yugoslavia (ICFY): the first Geneva conference from January to May 1993, the second Geneva conference from July to September 1993, and the third Geneva conference from December 1993 to February 1994) to convince other parties or to shape one's image.

First, a general view of the conflict structure should be outlined. The considered conflict was limited within the former territory of the Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina in spatial terms and from 1992 (because of self-declared newly independent Bosnia and Herzegovina international recognition) to 1995 (because of the Dayton agreement signing) in temporal terms. Primary actors were the pro-Serbian government (Republika Srpska) with its guerillas and the support from the Federal Republic of Yugoslavia (a secondary warring party), the nationalist Bosnian government with its military forces and the support from the international community, and the belligerent Croatian militias with the support from Croatia (a secondary warring party). Secondary supporting parties that encouraged Bosnians and Croats were the UN Security Council, the European Community, the USA, and Russia. Important third parties were international mediators (David Owen, Cyrus Vance, and Thorvald Stoltenberg) and the UN Protection Force.

Then main issues that form the object of incompatibility should be defined. These are territory, power, cultural independence, religious independence, free use of national language. The most important aspects of the social environment were the issue of the international recognition, European integration, the 1990s as the golden era for humanitarian interventions, religious and linguistic tensions between parties to the conflict, state of economic sanctions against pro-Serbian forces, identification of Serbians with the crimes of the Yugoslav regime, the demise of the Soviet Union and socialist system, dominance of the USA in world politics, a weak position of Russia, liberal democracy is perceived as a state-building concept.

The zone of possible agreement (ZOPA) is a method, which is employed in studying a conflict or in negotiating, to visualize or reveal the "zone" of negotiators' relevant positions concerning the bargaining issue to define common grounds for a deal. It implies the disclosure of a relationship between parties' perceptions regarding the negotiable topic. This zone may reflect two opposite conditions, which limit and anticipate the result. The important notions to mention are a "reservation point" and a "target point". The former is an option of the last resort for a negotiator and the latter is an initial proposal or the best imaginary merit for the party to the negotiations in its perception. It is also important to mention that the "reservation point" may be linked with the concept of Best-Alternative-To-Negotiated-Agreement (BATNA). It implies "no-deal" alternatives for both parties that limit the scale of ZOPA.

The “target point” (or the “aspiration point”) implies an initial proposal or the best imaginary merit for the party to the negotiations in its perception. The field between these two points reflects a “bargaining range” (or range of preferences). The idea is that the scope, wherein parties can reach an agreement, is entitled “positive bargaining zone”. ZOPA is thought to be a synonym for this notion. And if parties’ perceptions of the negotiating issue do not overlap, i.e., the reservation point of one side does not fall within the position of another side, “negative bargaining zone” exists, therefore, a deal cannot be concluded. However, this impasse can be perceived as an opportunity to bargain “a creative agreement, which can satisfy both parties’ underlying interests even when their presumed resistance points are overlooked”, rather than means to an end [1, p. 13].

The concept of Zopa is relevant and many scholars apply it in studying international conflict management. In the biannual magazine “PINPoints” in 2016 the concept of the Zone of the possible agreement was mentioned several times. In the article “Negotiating friendship: Franco-German and Franco-Algerian cases” Valerie Rosoux wrote that Algeria and France faced a negative bargaining zone in 2006 concerning the attitude towards the colonial legacy. It is explained in the sense that politicians were burdened with public opinion in both countries. Rosoux made a comparison when mentioned the Franco-German case because after the Second World War France and Germany found themselves in the positive bargaining zone concerning the mutual perception of the past. This became possible due to “a personal friendship” between the national leader — Charles de Gaulle and Konrad Adenauer, therefore, modern French and Algerian leaders should bring the national interests first [2, p. 18].

Then the concept was mentioned by I. William Zartman in his article “Closure: How negotiations end”. He stated that there are some “identifiable patterns of behaviour in the endgame” [3, p. 38]. These patterns are “dueling, driving, dragging, mixed, and mismatched” [3, p. 38]. Exploring the ZOPA is a behavioural characteristic for the negotiator with a driving pattern. On page 42, he stated that before the end of negotiations the accurate place in the positive bargaining zone may be perceived as a great achievement, despite the other options within this zone, and any attempt to alter the content of the agreement even within this zone may be of great risk. The role of the mediator is “to awaken the parties’ awareness of all the elements... ZOPA... and to keep them on track to the end” [3, p. 43]. Finally, another researcher Mikhail Troitskiy in his article “Hopeful ambiguity” in negotiation closure” stated that the concept of ZOPA is inherent like negotiations because “negotiation can then be seen as the business of mutual signaling and ground-testing by the parties”, and it is the bargaining range (“respective ZOPAs”) to be identified by another party to bring the negotiations closer to the resolution [4, p. 48].

I would like also to raise the important issue that the existence of ZOPA itself (also the fact that it is realized by the parties themselves) does not guarantee the conclusion of an agreement. Robert H. Mnookin in his article "The Israeli-Palestinian Conflict: Is there a Zone of Possible Agreement?" argued that it depends on whether hardball tactics are employed and some barriers exist. Mnookin listed these barriers: "self-serving bias" (overestimation of a "no-deal" alternative), "reactive devaluation" (strong unacceptance of adversary's suggestion), "loss aversion" (strong avoidance of losses), "conflicts behind the table" (the clashes among internal fractions) [5]. These barriers, especially "loss aversion" and "conflicts behind the table", limit and blur the ZOPA in the Israeli-Palestinian Conflict (as Robert H. Mnookin argued), or even sometimes establish the negative bargaining zone [5].

This study is aimed at defining how parties to the conflict employed their opportunity to make public announcements to force their opponents to accept one's position. It can be achieved by influencing opponent public opinion. Another goal of such impact can be to shape its image in the perception of other parties. It can show that thus a party to the conflict intended to shape ZOPA in another way. The study focuses only on public statements (press releases, announcements, declarations, opinions) that were expressed during the negotiation process in a broader sense (with attention to preliminary and conclusive remarks).

To analyze the Bosnian conflict, it is important to mention that it was internationally mediated because it influenced the bargaining range and the zone of possible agreement. International mediation itself is usually aimed at the reconciliation of parties to the conflict. It implies that 1) parties to the conflict express consent to invite a mediator; 2) an impartial mediator analyses parties' positions and interests, objects of incompatibilities provides good services, maintain the negotiations (with defining its procedural matters); 3) and even suggests its proposals to the parties that may be designed for making mutually accepted agreement as for the considered Bosnian case. The functions and opportunities of a mediator depend on the positions of parties to the conflict and their perceptions of its mission. It can be an official representative of a third party that may play a role of neutral mediator or an unofficial individual [6]. International mediation in the conflicts in former Yugoslavia was aimed at reducing the repercussions from its spill-over effects for Europe and easing tensions between hostile parties to make a peaceful resolution to the conflicts. As for the Bosnian case the fact that ICFY was progressing prepared the conflict to be ripe for a unilateral military decision.

As for the Bosnian conflict, there were a lot of attempts to resolve the conflict via international mediation, and an important point here to mention is that these suggestions which were produced with the help of mediators might meet the success and acceptance from primary parties to the conflict. However,

international mediators in Bosnia tackled an intractable problem that the ceasefire was not reached, and the negotiations were conducted in parallel with military actions. Moreover, international mediators lacked influence over the American position, especially after the change of power in Washington in 1993. The interests and goals of mediators differed from the American ones after the inauguration of Bill Clinton. As for conflicts in former Yugoslavia, the application to the position of the USA was compulsory because the USA enjoyed patronage over the Bosnians, and the American position towards the bargaining issue was extremely important, though it was not expressed directly. And in this sense the fact that international mediation existed and it was weak to produce independent and impartial proposals created conditions for primary parties that they should not attach appropriate attention to this instrument of the conflict resolution and any decision that would be introduced could be amended or neglected.

International mediation should be provided as soon as possible because it costs less than a continuation of the armed conflict. This idea is recognized in the UN, despite the criticism of the organization: "Thus, even when disputes turn into armed conflict, the sooner mediation is initiated, the. However, as one envoy notes: "'Too little, too late' has been a major criticism of Security-Council mandates" [7, p. 5]. International mediation may become the tool both for conflict prevention and for conflict resolution. That is why international mediation might be provided at the beginning of the demise of the Yugoslav Union in 1990 when the first democratic multi-party elections in republics were held to reconcile the positions between new governments, provided for the weakness of the federalist administration. Nevertheless, the international mediation for resolving the Bosnian conflict was established via the International Conference on Bosnia and Herzegovina in February 1992 according to the decision of the EC Ministerial Council, provided that the consent from the federal administration and belligerent parties was reached. Then military violence was not waged and for a while, in this sense, it was a potential moment of ripeness of Bosnian conflict.

The attempts of mediation in Bosnia were (1) the international conference on Bosnia and Herzegovina (Jose Cutileiro's Plan) — from February 1992 to May 1992, the EC mediation attempt; (2) the London conference — August 1992, another EC mediation attempt; (3) the Geneva conference — from September 1992 to May 1993, first USA-EC mediation process (David Owen-Cyrus Vance plan); (4) the Geneva conference — from July 1993 to February 1994 — another USA-EC mediation attempt (David Owen and Thorvald Stoltenberg). Cutileiro and Owen-Vance's attempts were constructive because they tried to negotiate their proposals with the conflicting parties. It is also important to mention that they invited representatives of the primary parties, but their patrons. The Conference in London was a failure of diplomacy because it uncompromisingly placed pro-Serbian forces in a situation

without choice, but it did not coincide with their relevant position in the military conflict in Bosnia. However, in terms of the resolution to the conflict, all these attempts were failures because they have not resulted even in a stable ceasefire. In this study, the mediation at the Geneva conference is scrutinized as the most successful during the conflict.

An important risk to mention is that the expansion of the number of parties to the negotiations may cause unpredictable outcomes because it facilitates unstable dynamics of the process of negotiations. In this sense, a mediator needs to select the parties rigorously. Another important limitation is the problem of perception well after the beginning of negotiations. In the Bosnian case, David Owen was stigmatized as a pro-Serbian negotiator in January 1994 by the Bosnian government as he ostensibly favoured the Serbian position in the negotiations. In this sense, the mediator should maintain the distance of impartiality and listen carefully to all sides of the negotiations.

When the first round of negotiations started in January 1993 international mediators David Owen and Cyrus Vance presented parties (primary parties to the conflict) their settlement plan (Vance-Owen plan) that consisted of constitutional principles, maps, and ceasefire agreement. The bargaining range included the acceptance of federation form for a united country, relocation of military forces, and redistribution of land between autonomous provinces on a basis of presented national majority in the region. The resistance points were central government sovereignty of foreign policy and expansion of its territory (Bosnians), actual independence of provinces from centre and maintenance of its territory (Serbs), and establishment of an autonomous province itself (Croatsians).

The presented Vance-Owen plan was rather controversial but somehow acceptable for Serbs and Croatsians. That is why Bosnians tried to shape ZOPA by influencing public opinion to demonstrate that any agreement with Serbs would be perceived as a defeat. A. Izetbegovic, the leader of officially recognized Bosnia and Herzegovina, described the counterpart as “Serbian aggressors” and the civil war as “aggression against my country” [8, p. 362]. This way Izetbegovic made attempts to reveal the Bosnian reservation point that Bosnians are not ready to cooperate with “aggressors”, and co-mediators were bound to bear it in mind and to define negotiations’ ZOPA concerning it.

During the first round, several important public statements were made to shape ZOPA. Cochairs of the mediation process stated that “there is no possibility to establish three territory isolated states” and that a centralized government “will not correspond with their interests after the termination of slaughterous civil war that divided the country at the moment” [8, p. 364]. These statements defined the perception of negotiations’ possible results and influenced ZOPA. It is also important to mention that the co-mediators were supported by the Secretary-

General, emphasizing that “the co-chairmen’s peace package provides the only mechanism available for the re-establishment of peace, with justice and respect for human rights, in Bosnia and Herzegovina... I strongly urge the Security Council to approve the whole peace package and to call upon the Bosnian Serbs to sign the remaining two parts so that attention may be concentrated henceforth on the implementation of the plan” [9, p. 7]. It shaped the ZOPA in a way that, first, co-chairmen enjoyed the international support, second, Bosnians have done enough in the reconciliation process. It demonstrated that Bosnians had a stronger position and it reiterated their confidence that the international community is on their side in the conflict.

Then the new US administration made critical public announcements concerning the plan, shaped the image of Serbs as aggressors, and suggested a military decision of the conflict. The US expressed its support for official Bosnia and affected the self-perception of the Bosnian population. In May 1993 the new administration called Serbs an “aggression of fascist nature” [8, p. 373]. It altered ZOPA in a manner that Bosnians that demanded territorial concessions and failed to get them via the negotiations found themselves in the situation when a military decision became the best alternative to a negotiated result. That is why the resistance point of Bosnians changed from some Serbian concessions to acceptance of all concessions by Serbs.

Cochairs themselves initially abstained from emotional and judging statements for the public to shape ZOPA during the negotiation process. Nevertheless, the situation altered when secondary parties to the conflict expressed their positions for the public concerning the Bosnian issue. It is important to bear in mind both the US influence on Sarajevo and the Yugoslav influence on Republika Srpska. Yugoslavia was perceived in the public as the main conflict-monger due to its irredentist and expansionist plans, which ostensibly occurred. That is why Bosnians successfully employed the image of Serbs as “aggressors”. In September 1992 the Yugoslav leadership expressed its full support for Republika Srpska. D. Cosic, the Yugoslav President, reminded the public that international organizations did not put “appropriate pressure on Croatia and Bosnian-Herzegovinian Muslims as equal participants to interethnic and religious war in Bosnia and Herzegovina” when the official Croatian government did not take its duties to demilitarize several districts in Bosnia, where the Croatian army occurred [8, p. 363].

However, the circumstances altered when the new US administration in 1993 endorsed Bosnians, and the potential of NATO military intervention became quite high. Moreover, Yugoslavia was under international sanctions that limited its capacities to play a somehow independent role. That is why the Yugoslav leadership decided to change its public image and remove the support from Republika Srpska. D. Cosic stated that “whether they (Bosnian Serbs) do not accept it (Geneva Owen

and Vance plan), they do demonstrate to us that military and missile attack of the United States and NATO forces is waiting for them” [8, p. 366]. Comediators Owen and Vance joined the Yugoslav President. Owen stated in public in April 1993 “we should strengthen sanctions against Yugoslavia and whether it is possible to conduct military airstrikes to maintain the balance of power” [8, p. 370]. Vance endorsed him in May when declared that “The time for more decisive measures has yet come to secure peace for Bosnia and Herzegovina and to begin restoration in former Yugoslavia... Nowadays it is highly important to provide the implementation of the plan in word and deed. To achieve it Mr. Karadzic should sign the remaining two documents within the plan. These are preliminary provinces map and the agreement on interim governing” [8, p. 370].

To sum up Owen, Vance, Cosic, Clinton, and Izetbegovic tried to shape ZOPA in a way that Republika Srpska should accept their demands and make concessions. Nevertheless, Bosnian Serbs also made public statements to shape ZOPA to demonstrate their strength and stamina in the conflict. R. Karadzic, the political leader of Bosnian Serbs, stated in January 1993 in response to the potential of a military strike against Republika Srpska that “it is unimaginable that the international community would agree to wage a war because of 20% of territory” [8, p. 367]. R. Mladic, the military leader of Bosnian Serbs, supported him in May 1993 when announced that “we did not accept their presence because we were afraid of international intervention, our people do not frighten a military intervention. The total war is being waged against us” [8, p. 371]. Moreover, the parliament of Bosnian Serbs declared that “soil, transport routes, infrastructure, energy resources, economic developments, mineral resources are unjust shared; non-functional societies are mentioned that are not correspond to the ethnic share of population” [8, p. 369]. Sarajevo responded to them that any agreement with aggressors is unimaginable: “these documents put in doubt the legitimacy of legal and democratic elected administrative institutions and the constitutional order of the Republic of Bosnia and Herzegovina” [8, p. 377].

The Bosnian side to the negotiations expected public support from the USA and they got it when it was vitally important because in summer 1993 Serbs and Croats agreed to the designed negotiated plan and Sarajevo has not had any reasonable suggestion to dismantle the negotiations. The circumstances altered when the Pentagon official representative stated in August 1993 that NATO became prepared for a military strike against Bosnian Serbs whether it would be necessary. That is why Izetbegovic delivered his famous public speech: “I go away to find the truth for Muslims. But I feel like a human that wants to drink but he is sent to find water in a desert... Our people are deserving peace, and it receives the decision that is worse than war” [8, p. 378]. Moreover, Sarajevo employed the tactics that co-mediators were inappropriate and biased, therefore, they could not accept their

considerations. In January 1994 Bosnian officials urged Owen to resign, offending him of endorsing the irredentist plans of Serbs: “he favours Serbia even though it is the main aggressor in the war” [8, p. 381].

Bibliography

1. Yao J., Zhang Z.-X., Liu L.A. When there is No ZOPA: Mental Fatigue, Integrative Complexity, and Creative Agreement in Negotiations / International Association for Conflict Management and Wiley Periodicals LLC. 2020. 21 p.
2. Rosoux V. Negotiating Friendship: Franco-German and Franco-Algerian cases / PINPoints. Processes of International Negotiation. December 2016. 13-20 pp.
3. Zartman I.W. Closure: How Negotiations End / PINPoints. Processes of International Negotiation. December 2016. 38-47 pp.
4. Troitsky M. “Hopeful Ambiguity” in Negotiation Closure / PINPoints. Processes of International Negotiation. December 2016. 47-51 pp.
5. Mnookin Robert H. The Israeli-Palestinian Conflict: Is There a Zone of Possible Agreement (“ZOPA”)? 13 p.
6. Butler M. Chapter 6. Mediation. 117-143 pp.
7. A Manual for UN Mediators: Advice from UN Representatives and Envoys. UNITAR. 2010. 61 p.
8. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский Национальный фонд, 2001. 720 с.
9. Report of the Secretary-General on the activities of the International Conference on the Former Yugoslavia: peace talks on Bosnia and Herzegovina. 26 March 1993. 43 p.

Schegolev Evgenii Andreevich

Saint Petersburg State University, School of international relations, Undergraduate

PUBLIC DIPLOMACY OR INTERFERENCE IN THE INTERNAL AFFAIRS OF ANOTHER STATE?

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ — ИНСТРУМЕНТ СОТРУДНИЧЕСТВА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА?

Abstract. The article discusses the implementation of US public diplomacy in relation to Belarus and China, which is not always perceived by the latter as the development of partnerships. The “red lines” of the transition of US public diplomacy to interference in the internal affairs of the state are determined and the response actions from the governments of Belarus and China are indicated. The possible limits of the implementation of public diplomacy programs in the countries under consideration are studied, conclusions are made about the promising opportunities and negative results of conducting US public diplomacy in China and Belarus.

Keywords: US public diplomacy, domestic interference, Department of State, US Agency for International Development, China, Belarus.

Аннотация. В статье рассматривается реализация публичной дипломатии США в отношении Беларуси и Китая, которая не всегда воспринимается последними как развитие партнерских отношений. Определены «красные линии» перехода публичной дипломатии США во вмешательство во внутренние дела государства и обозначены ответные действия со стороны правительств Беларуси и Китая. Изучены возможные пределы реализации программ публичной дипломатии в рассматриваемых странах, сделаны выводы о перспективных возможностях и отрицательных результатах проведения публичной дипломатии США в КНР и Беларуси.

Ключевые слова: публичная дипломатия США, вмешательство во внутренние дела, Государственный департамент, Агентство США по международному развитию, Китай, Беларусь.

Introduction

In the context of global influence today there are superpowers, in particular the United States, whose foreign policy affects the political processes, both external and internal, of countries located in every part of the world.

An important tool for exercising influence over countries is public diplomacy — a complicated system of institutions and mechanisms whose primary duty is to accompany the foreign policy interests of the state through the creation of an

appealing image of the country, that is, the implementation of the concepts of soft power, smart power and sharp power. Soft power implies the ability to convince others to implement the desired policy on the basis of voluntary participation and sympathy. The counterbalance to soft power is hard power, which is very closely associated with material resources, such as economic potential or military power, and implies coercion.

Smart power is a combination of hard and soft power to form a winning strategy, that is, the combination of “hard” military and economic power with the “soft” power of public diplomacy. Sharp power means a set of information operations of influence and methods of information cyberterrorism, which consists in data manipulation, falsification of various types of content — news, events and information.

The United States is the leader in the implementation of public diplomacy. Using soft, smart and sharp power the United States promote its interests and values. Foreign states often perceive these influences as a form of political interference in their internal affairs. This assertion is the place to be.

US Public Diplomacy in China

The US Embassy in China maintains the Public Affairs Section (PAS) [1], which handles public affairs and media relations and coordinates and supports US cultural and educational activities in China. Also operated by the US Embassy is the Beijing American Center (BAC) [2], a premier resource in China dedicated to bringing precise information about the United States to the Chinese public and sparking interest in learning American culture and values.

Since 2020, the Department of State, through the Public Affairs Section of the US Embassy in China, has been actively engaging the local population in promoting its interests in China by providing grants for the development and organization of various programs and events [3]. The grants are dedicated to different topics, but they have the overall idea — to promote civic engagement, protection of human rights, the rule of law, environmental protection, education and other interaction. Funding amounts of the grants vary from \$20,000 to \$400,000. Potential grant recipients are non-profit organizations, civil society/non-governmental organizations; public and private educational institutions; individuals. In 2022, grants connected to the climate agenda were opened — joint projects on environmental sustainability, biodiversity conservation, and combating climate change.

China questions the direction of these programs. China considers it to be interference in its internal affairs under the pretext of introduction of American culture. In fact, China believes that it spreads negative information that vilifies China. Also, the Chinese government creates barriers to the promotion of public

diplomacy of the US Embassy in China by preventing access to local media, the use of Facebook, Twitter and Youtube. It cancels more than half of the grants offered by the US, restricts the activities of “American spaces” through which the US embassy implements educational and cultural programs.

Twenty-nine “American Cultural Centers” were opened in China in 2010 at Chinese universities. They were made possible through the US grants of \$5.1 million. To date, ten of them have been closed at the request of the Chinese side, funding for the remaining ones has been suspended or terminated. The Chinese government has imposed strict control over the activities of the centers and banned Chinese citizens from using information centers in the US embassies and consulates.

In April 2021, the U.S. Embassy in Beijing announced the opening of its second public exhibition, «Art for the People», featuring U.S. street art. This exhibition is located on the outer walls of the US Embassy, and will subsequently be presented on the Embassy’s official websites and social media accounts. According to Secretary of State Anthony Blinken, “...the exhibition represents the diversity of American society. It also embodies our deep commitment to genuine exchange with the Chinese people.”[4].

The exhibition did not cause a negative attitude from the Chinese government. The Chinese press recommends those who are near the US Embassy in Beijing to come and get acquainted with the exhibition. It is also noted that the exhibition has become very popular among the Chinese public [5].

Also, the US Agency for International Development, within the framework of its powers, provides assistance in solving political problems (improving the standard of living in the Tibetan communities of China, the struggle for the observance of rights and freedoms), cross-border problems, and reducing greenhouse gas emissions [6].

Despite strict censorship and the presence of Chinese values that are different from the American ones, the United States will continue to fight authoritarian regimes by educating the public, promoting openness and transparency on the example of the US society, where everyone can express their opinion and participate in protests. According to the protocol of the US Advisory Commission on Public Diplomacy dated June 17, 2021, working with the Chinese public presents certain difficulties due to the limitations of the activities of American representatives and disinformation on the part of the Chinese side.

Thus, the United States, within the framework of global leadership, considers it its duty to promote American ideas and values throughout the world, including China. From the position of the United States, Chinese society needs outside assistance to build its future on a democratic basis, to have an open independent society and equal opportunities.

On the part of China, such imposition of its principles of life and pressure on the public causes a negative response from the wide range of government authorities. Speaking at a press conference in April 2021, the Chinese foreign minister called on the United States not to interfere in China's internal affairs. The US policy has not yet overcome their misunderstanding of China and has not found the right path in relations with China. The United States must objectively and rationally understand and consider China's development, and respect the path and system that China has chosen for itself.

It is difficult to determine how prepared the Chinese public is to accept American principles and values. Of course, acquaintance with American culture, traditions, communication with peers makes it possible to obtain a unique intercultural experience. Most likely, the younger generation and students, especially those who have studied in the United States, are enthusiastic, but the question of how ready they are to build their lives according to the American model remains unanswered.

US Public Diplomacy in Belarus

U.S.-Belarus relations are complex and ambiguous, as Alexander Lukashenko came to power in what the U.S. saw as a presidential election in Belarus in 1994, that was generally considered to be free and fair, but since that time, he has consolidated authoritarian control of the country through extensive repression and corrupt practices [7]. Despite repeated criticisms of human rights violations, the imposition of US and EU sanctions against Lukashenko, various individuals and legal entities of Belarus, the president continues to pursue its policy based on an authoritarian regime, concentrating power in his hands, obstructing the development of civil society and the work of independent media.

According to the US Department of State, as of August 30, 2021, assistance to Belarus has been provided since 1992 in the amount of more than \$1 billion and has been focused on promoting democratic principles and respect for human rights, including independent media assistance and building the capacity of civil society organizations.

US assistance to Belarus passes through two channels: through the US Embassy in Belarus and through the Agency for International Development (Agency) in Minsk. The embassy provides assistance in the development of cultural and public relations, higher education abroad, and there is also a system of small grants provided to support the development of civil society in Belarus. Potential grant recipients are Belarusian registered non-governmental non-profit organizations. Applications from state, international, political parties or religious organizations are not considered [8].

The Agency started its work in Belarus in 1999. During this time, the Agency has carried out enough programs to help the civil society of Belarus, local entrepreneurs, social protection of the population and people with disabilities.

In 2020, another presidential election was held in Belarus, in which the incumbent President Alexander Lukashenko won with 80% of the vote. At the same time, the UN Special Rapporteur on Belarus reported that systematic violations of human rights continue in the country and those elections were held for show. He said they were neither free nor fair, and opposition candidates were regularly imprisoned and suppressed. Lukashenko severely suppressed the protest movements that arose after the publication of the election results. The United States and the European Union did not recognize Lukashenko as the legitimate president and called for new elections. Belarus defines these statements and the decision to impose sanctions against Lukashenko as interference in internal affairs. The Minister of Foreign Affairs of Belarus made a statement that the protests in Belarus were prepared by external forces, and Minsk is facing this situation for the first time [9]. The situation is such that external and internal forces took advantage of the elections to destabilize the socio-political and economic situation in Belarus.

This was followed by a strong response to the intervention — on October 20, 2021, the government of Belarus informed the United States of the demand to close the public relations department of the US Embassy and the office of the US Agency for International Development in Minsk on November 20 [10]. The Lukashenko government is acting methodically, cracking down on remaining resistance, shutting down NGOs and independent media outlets, and arresting activists and journalists. According to the United States, the Belarusian authorities seek to radically undermine state aid and US public diplomacy activities in Belarus. On December 20, 2021, the Agency's office in Belarus was closed. These actions by Lukashenko leave little room for US public diplomacy in Belarus.

It can be concluded that the active support of the internal opposition of the President of Belarus and outside interference in the form of organizing a protest movement has become the “red line” that the government of Belarus considers it unacceptable to cross. Having left Belarus, the United States lost the mechanism of influencing the Belarusian society through internal sources, which entails difficulties for further planning of its activities in this country.

Conclusion

Belarus and China are located in different parts of the world and they have different history and lifestyles. They develop according to different economic models, but at the same time actively interact. In January 2022, a statement by the Chinese Foreign Ministry speaks of China's support for Belarus on the path of its own development in accordance with national specifics and the inadmissibility of external interference in internal affairs [11].

Against the backdrop of a constantly changing international and regional situation, China and Belarus cooperate both on a bilateral basis and participate

in various international organizations, such as the UN, which is considered an organization that is the core of international law and international order. Both states maintain constant contacts in the field of education, science, culture, tourism, trade, including within the framework of the «One belt, one road» initiative, which reflects the value of Chinese-Belarusian cooperation. China and Belarus believe that they have the right to their own development path that does not meet the requirements of the United States and this does not give the United States the right to interfere in their domestic politics.

Public diplomacy is an integral element of foreign policy. But the question remains how to achieve a balance of relations and mutual understanding between states; how to distinguish between the good intentions of public diplomacy and interference in the internal affairs of the state. The United States, within the framework of global leadership and the world's leading state in promoting democracy and democratic values, considers it necessary to intervene in the internal affairs of other states in order to support civil society in them and fight for the observance of human rights and freedoms, where, in the opinion of the United States, they are violated.

The US government actively uses the tools of public diplomacy to promote its interests: broadcasting, social networks, student and professional exchanges, and American centers. According to the foreign policy strategy [12], the State Department and the Agency for International Development will engage civil society and NGOs, the private sector, to increase the ability of the United States to influence events taking place in various states, provide assistance to human rights defenders and victims of abuse, attract capable populations to education provide the local support and active participation needed to strengthen partnerships at the right time.

In the examples discussed above, it is clear that US public diplomacy has a dual nature. On the one hand, these are contacts between citizens of different states, which are necessary in the modern world, leading to mutual understanding and friendly relations; programs aimed at creating an attractive image of the United States, on the example of which other states can build a free legal society. On the other hand, this is the creation, through its regional representatives and the local population, of conditions for the implementation of plans to take control of the entire world community. Often, the combined use of US soft, smart and sharp power is perceived as pressure, the imposition of its values, which leads to negative consequences for interstate relations.

The closure of the public relations department and the office of the Agency for International Development in the Embassy of Belarus is a negative experience of US public diplomacy. The United States must reconsider its tools for influencing foreign audiences, taking into account the peculiarities of political regimes and political

leaders of states. The methods of public diplomacy should be understandable, respectful and attractive to the addressed side, not be propaganda, and even more so should not cause a feeling of interference in internal affairs. Actions should be open to both state leaders and the public, inviting mutual understanding and building partnerships.

Bibliography

1. Section and offices. U.S. Embassy & Consulates in China. — URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/section-and-offices-beijing/#PAS>. — 22.01.22.
2. Beijing American center. U.S. Embassy & Consulates in China. — URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/education/american-spaces/beijing-american-center/>. — 22.01.22.
3. Public Diplomacy Programming in the People's Republic of China. Federal Grants. — URL: <https://www.federalgrants.com/Public-Diplomacy-Programming-in-the-People-aoposs-Republic-of-China-82385.html>. — 22.01.22.
4. U.S. Embassy Beijing announces “Art for the people” public exhibit. U.S. Embassy & Consulates in China. — URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/u-s-embassy-beijing-announces-art-for-the-people-public-exhibit/>. — 22.01.22.
5. State of the Arts: Public Art with a Purpose Outside the US Embassy. The Beijinger. — URL: <https://www.thebeijinger.com/blog/2021/12/31/state-arts-public-art-purpose-outside-us-embassy>. — 22.01.22.
6. RDMA (Regional Development Mission for Asia). USAID Global Health Supply Chain Program. — URL: <https://www.ghsupplychain.org/country-profile/rdma-regional-development-mission-asia>. — 22.01.22.
7. U.S. Relations with Belarus. U.S. Department of State. — URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-belarus/>. — 22.01.22.
8. U.S. Embassy Small Grants Program. U.S. Embassy in Belarus. — URL: <https://by.usembassy.gov/education-culture/u-s-embassy-small-grants-program/>. — 22.01.22.
9. Belarus Rejects Interference In Internal Affairs. Republic World. — URL: <https://www.republicworld.com/world-news/rest-of-the-world-news/belarus-rejects-interference-in-internal-affairs.html>. — 22.01.22.
10. U.S. Government Operations in Belarus. U.S. Embassy in Belarus. — URL: <https://by.usembassy.gov/u-s-government-operations-in-belarus/>. — 22.01.22.
11. China opposes external forces’ interference in Belarus’ internal affairs. BelTA. — URL: <https://eng.belta.by/politics/view/china-opposes-external-forces-interference-in-belarus-internal-affairs-146838-2022/>. — 22.01.22.
12. Joint Strategic Plan. U.S. Department of State. — URL: <https://www.state.gov/joint-strategic-plan/>. — 22.01.22.
13. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 272 с.
14. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. ... д-р. ист. наук: 07.00.15. СПб, 2015. 552 с.

15. 2020 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting: Focus on FY 2019 Budget Data / Edited by V.S. Walker, S. Baxter, K. Zamary. — Washington, D.C.: U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy, 2020. P. 296.
16. Belarus. Events of 2019. World report 2020. Human Rights Watch. — URL: <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/belarus#>. — 22.01.22.
17. U.S. Relations with Belarus. U.S. Department of State. — URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-belarus/>. — 22.01.22.
18. Statement by USAID administrator Samantha Power. U.S. Government Operations in Belarus. U.S. Embassy in Belarus. — URL: <https://by.usembassy.gov/u-s-government-operations-in-belarus/>. — 22.01.22.
19. U.S.-China Relations and the Need for Continued Public Diplomacy. American Diplomacy. — URL: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2020/08/u-s-china-relations-and-the-need-for-continued-public-diplomacy/>. — 22.01.22.
20. ACPD Official Meeting Minutes: June 17, 2021. U.S. Department of State. — URL: <https://www.state.gov/acpd-official-meeting-minutes-june-17-2021/>. — 22.01.22.
21. Chinese FM: US should not interfere in China's internal affairs. Egypt Today. — URL: <https://www.egypttoday.com/Article/1/101236/Chinese-FM-US-should-not-interfere-in-China-s-internal>. — 22.01.22.

Подписано к публикации 16.06.2022.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,25.
Заказ № 13925

Издательство Скифия-принт.
Адрес: 197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., д. 10
тел.: (812) 982 83 94,
эл. почта: skifa-print@mail.ru